Галина Гончарова
Айшет
Магия разума

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Существует семь стихий магии. Воздух, земля, вода, огонь, жизнь, смерть, разум. Магия жизни делает своего обладателя беззащитным. Магия смерти – взывает к смерти. А магия разума? Магов разума боятся, ненавидят, убивают, потому что перед ними беззащитны все – от нищего до короля. А если так… Магу разума терять нечего. Айшет Ланат есть что терять. И за свою семью она готова бороться со всем миром. А как? У магов разума есть только один способ борьбы. Воззвать к разуму… Первый том завершен. Это – мир Раденора. Примерно 15 лет спустя, после событий описанных в «Ветане». С уважением и улыбкой. Галя и Муз.

- Содержание
  - ○

Содержание

Галина Гончарова

Айшет. Магия разума

Осенний день, теплый и уютный, окутывал землю своим дымчатым шлейфом. Случаются такие дни ранней осенью, а иногда даже и поздней, если повезет. Сейчас осень была ранней – самое начало, природа еще не начала засыпать, но уже оглядывается по сторонам, поводит листьями деревьев, красит их в золотистый цвет, прячет подальше цветы, украшает лес гроздьями рябины и кутает небо грозовыми облаками.

Сегодня солнце льется с небес, как поток золотистого густого меда.

Деревья поводят длинными ветками, ветра сейчас нет, но в лесу никогда не бывает тихо, это словно шепот, который надо уметь услышать. Лес – шепчет.

И сейчас он тоже рассказывает свои сказания. Прикрой глаза, ощути его, растворись в грозной и спокойной силе, которая насчитывает века – и поверь.

И в лесовиков, и в нечисть… нет, в нечисть сейчас верить совсем не хочется. И думать – тоже. И делать что-то, даже рукой шевельнуть, чтобы стряхнуть наглого муравья – лень.

Мне нравится просто лежать на подстеленном плаще, чувствовать рядом тепло сильного мужского тела, и ни о чем не думать. Впитывать этот день каждой частичкой своего тела, и наслаждаться покоем.

Я точно знаю, какого цвета покой.

Он нежно-голубой, дымчатый, спокойный, словно чуточку туманное небо. Он родной, он обволакивает, окутывает, лишает желания думать, и то, что в нем проскакивают золотые искорки любви, делает его еще более притягательным.

Драгоценным.

И я наслаждаюсь каждой минутой, каждым вздохом, каждым драгоценным мгновением.

– Ша-а-а-ни!!! Ша-а-а-анька!

Вопль был совершенно неуместным здесь и сейчас. Он разрывал осеннюю тишину, нарушал спокойствие и возмущал лес. Так считал мой парень, да и я так считала, но братцу было все равно.

– Ша-а-а-анька!!! Опять с Михом лижешься? Все родителям расскажу!!!

А все так хорошо начиналось!

Мне не так часто удается удрать из-под родительского надзора, а уж в деревню меня и вовсе одну не пускают. Отец у меня лесничий, поэтому живем мы на отшибе, практически в лесу, достаточно далеко от дорог, и дружбы с деревенскими не водим.

Плохие они…

То деревья молодые на дрова порубят, то зверя подстрелят…

Барон Райдош, на землях которого мы и живем, браконьеров не одобряет. Отец их ловит, сдает бейлифу, а число их все не уменьшается…

Отец не злой, нет, он лес чует и понимает. Знает, где чьи тропы, знает, кто и где поставил силки, и не станет ловить того, кто действительно добывает пропитание своей семье.

Но гадов, которые отстреливают маток с детенышами, которые устраивают ловчие ямы и ставят арбалеты на звериных тропах, он гоняет нещадно. И поделом!

И молодняк на дрова вырубят, нет бы про сухостой спросить, но молодняк же рядом, а до сухостоя идти надо! И тащить его подальше. А то еще пал пустят, чтобы зверье отстрелить…

Всякое бывало. И бывает.

Конечно, никому из деревенских отец не нравится. Кому ж по нраву человек, который завтра может твоего сына или брата отволочь на суд? У нас же как? Если гады-законники кого поймали, это не он виноват! Он белый и пушистый, а вот они, нехорошие люди, подставили, оговорили, оклеветали…

Лично затащили в лес, сунули в руки арбалет и приказали расстрелять лосиху! И плевать, что у нее детеныш!

Сколько раз мы у себя таких выхаживали! Скольких выпустили в лес…

Нас тоже не любят.

Меня, маму, брата – нам это безразлично. Главное, что мы есть друг у друга, а любят там, не любят – всякому мил не будешь. Главное, чтобы близкие тебя любили, а остальной мир – перебьется.

– Шани? – Мих коснулся моих волос. Я улыбнулась парню. Шани – это сокращенное имя, для родных, для своих. Почему-то Миху нравится именно оно. Я не возражаю.

Неважно, как меня называют, важна интонация. И теплые золотистые лучики любви, которые тянутся от него ко мне.

А полное мое имя – Айшет, Айшет Ланат. Семья у нас небольшая, мой отец – Шем Ланат, мама, Айнара Ланат, и братик, Корс. Отец бродит по лесу, брат когда с ним, а когда и дома, мама и я – мы ведем хозяйство и ждем мужчин.

И все у нас хорошо…

Только вот Мих…

Мы познакомились не так давно, с полгода назад. Я как раз шла к роднику, а он заблудился. Ну и выбрел прямо на меня. И застыл, что тот дорожный столб.

Говорит, никогда ничего красивее не видел.

Влюбился с первого взгляда.

Я… я, наверное, тоже. Никого красивее Миха я не видела. Он высокий, светловолосый, голубоглазый, и руки у него сильные и теплые…

И не надо думать плохого. Ничего между нами не было, я девушка приличная. Да и… неправильно это. Говорят, в городе девушка может хоть с десятком парней переваляться, а потом замуж пойдет, как ни в чем не бывало. Так то в городе.

В деревне свадьба это – ритуал. К нему до свадьбы лет десять готовятся, как приданое себе начинают шить, а потом еще сорок лет после вспоминают, а то и дольше.

В назначенный день родители жениха приезжают к невесте во двор, выкупать ее, потом отец невесты им отдает приданое, и надо, чтобы оно было не меньше выкупа, не то позор… Скажут – ленивая девка, не напряла, не наткала, не нашила…

А народ собирается, поддерживает жениха с невестой шуточками, иногда и до драки доходит раньше, чем до алтаря, да много чего бывало…

Потом жених с невестой едут к холопу Светлого, он в ближайшую деревню два раза в год как раз и наведывается, обвенчать молодых, да детей освятить, потом гулянка начинается, а потом и брачная ночь. Тоже – строго по обычаю.

Стелют постель особым образом, бросают сверху белую простыню, которую невеста специально сама ткет ради такого дня, и наутро показывают всем пятно крови.

Эту простыню жена всю жизнь хранить будет, сильнее нее талисмана нет. Если ребенок заболеет, его обязательно надо в эту простыню завернуть, в ней сила первой крови…

У мамы тоже такая есть.

Корс наконец нашел нас и встал, смешной такой, руки в боки.

Братцу всего семь лет, но ведет он себя, как взрослый. Старается, и выглядит это умилительно. Он и вообще у меня такой… обаяшка, весь в отца.

Темные растрепанные волосы кудрями, яркие зеленые глаза – папины, мои-то карие, попроще, а вот улыбка у него совершенно точно отцовская. Умилительная и плутовская.

– Я долго ждать буду? Шанька, там папа кабана принес, дел по горло…

Я бросила извиняющийся взгляд на Миха.

– Прости. Бежать надо…

Мой парень улыбнулся. Потом притянул меня поближе, поцеловал в щеку…

– Жди через два дня с вестями. С отцом поговорю…

Я поежилась.

– Страшновато как-то…

– Двум смертям не бывать. Не век же нам по кустам прятаться…

Корс солидно кивнул.

– Это верно. Шанька у нас девушка честная, так что хватит врать-то. Женитесь уже!

Гаденыш мелкий! Получишь ты у меня на орехи!

Мих рассмеялся.

– Вот, через два дня и решим. Или сам приду, или сватов зашлю. Шани, согласна?

Я… как описать это состояние?

Какие слова подобрать, чтобы рассказать про ощущение невероятного, безудержного счастья.

Он – мой. Он меня любит. И жениться хочет, и дом у нас будет, как у мамы с папой, такой, что каждый угол там пронизан светом любви. Теплым, ласковым, золотистым…

Мы будем очень счастливы…

Корс солидно кивнул.

– А раз так… Шань, пошли? Время не терпит…

Я кивнула. Повернулась к Миху, коснулась его щеки…

– Я буду ждать.

Я не говорила о своей любви. Но Мих и так все понял. И улыбнулся мне в ответ. Нежно-нежно…

В его голубых глазах не было ничего, кроме любви. Любовь сияла, любовь заливала светом лесную поляну, любовь согревала меня солнечными лучами…

Какая же я счастливая!

* * *

Сколько возни с кабаном?

Ох, много…

Папа его, конечно, разделает, но и нам потрудиться придется. Нарезать мясо на полосы для коптильни, промыть кишки для колбас, нарубить часть мяса, чтобы набить их…

Мы занимаемся мясом, а мужчины – шкурой. Ее тоже надо выделать. И голову сохранить, может, папа ее продаст по осени.

Не все умеют охотиться, но похвалиться трофеями – дело другое, а кабан оказался матерущим. Здоровый секач, клыки в ладонь. Папа был в глаз, чтобы не попортить ни шкуру, ни голову.

И мама смотрит на меня, серьезно, вдумчиво…

– Шани… ты ничего мне рассказать не хочешь?

Я вздрогнула.

Вот как у мамы так получается?

Пара слов, и я уже готова все выложить. И ведь не соврешь, не увильнешь от ответа…

– Мам… а почему мы живем одни?

– Потому что не все твоего папу любят.

– А как мне быть? Мне уже пятнадцать лет, мне замуж пора…

Мамин взгляд стал острым, ярким, впился иголкой.

– И есть за кого? Вижу, есть… кто он, Айшет?

Я прикусила губу. Полгода тайну хранила, рассказывать было страшновато. Но сейчас или через два дня, все равно открываться надо. И я решилась.

– Его зовут Мих Лемерт. Он сын деревенского старосты.

– Лемерт, – пробормотала мама. Подумала пару минут. – Давно вы встречаетесь?

– Мам!

Я только глазами захлопала. Вот, в этом вся мама. Молчит, смотрит, а потом вопрос, как стрела – и кабану в глаз. Или под лопатку – и насмерть.

– Айшет Ланат…

В мамином голосе слышался рокот приближающейся грозы. Мама у меня такая, ее даже отец старается не злить. Она добрая, мягкая, спокойная, но если уж взбеленится…

Вот тут – не подходи.

– Мам, мы уже давно друг друга знаем, почти полгода.

– Он тебя любит?

– Да.

– А ты его?

– Да…

– Где вы познакомились?

– Он заблудился, а я как раз шла за водой…

Я никак не могла понять, что думает мама. Обычно все было ясно – спокойные зеленые тона жизни, или розоватые – любви, красноватое раздражение, золотое тепло…

Сейчас ее словно облако закрывало.

Мама непонятно усмехнулась… с горечью?

– Да, молодость не удержишь…

Я не поняла, о чем мама сейчас говорит, но ответила честно.

– Мих мне предложение сделал…

– Вот как…

Мама подняла руку, потереть лоб, вовремя заметила, что пальцы испачканы в крови, и поспешно опустила ладонь.

– Шани…

И голос такой странный, не радостный, не довольный – наоборот? Словно я что-то плохое сказала или сделала? Почему?

– Мам, если он попросит моей руки – вы согласитесь?

Мама посмотрела серьезно.

– Шани, детка, мы сегодня поговорим обо всем за ужином. Обещаю.

И мало доброго было в ее голосе. Я невольно выставила иголки, словно ежик.

– Но что в этом такого? Мне уже пятнадцать! В деревне в моем возрасте у некоторых и по двое детей бывает! А мы тут сидим с Корсом, в лесу, как два филина, света не видим!

– Зато и свет вас не видит, – непонятно пробормотала мама. – И это к лучшему.

– Мам?

– Пока – помолчи. Поговорим вечером, а сейчас изволь работать.

Обещаний мама не нарушала никогда. Что мне оставалось? Только кивнуть и заняться делом. Грязная, конечно, работа, свиные кишки промывать, но если кто понимает толк в колбасе, с травами, с кусочками поджаренного сала, чуть-чуть подкопченной на угольках…

Я целое кольцо могу съесть. Вкуснотища необыкновенная!

* * *

Почему я еще не замужем, хотя мне уже пятнадцать? На то есть несколько причин, и серьезных. Мама с отцом не слишком общительны. Мы живем в лесу, выбираясь изредка в деревню, и там мама меня строго стережет. И одевает строже.

Платок на голову, темное платье, волосы заплетены в тугую косу, чтобы рыжие вихры не выбивались во все стороны…

Да и берут меня в деревню реже, чем папа туда ездит. Не каждый раз, и не через раз, хотя я просилась. Но родители были против – оба, пришлось смириться. Мы почти ни с кем не общаемся. С людьми разговаривает папа, а меня мама даже в деревенскую лавку не пускает. Приходится в телеге ждать, с братом или отцом.

Да и пришлые они. И папа, и мама – не местные уроженцы.

Они не любят об этом говорить, но у нас с Корсом создалось

впечатление, что родители откуда-то сбежали. И чего-то боятся.

Чего может бояться наш папа, я так и не придумала, хотя версии были одна другой краше. От закона он не спасается, иначе не стал бы лесничим. Это работа такая, что надо быть на виду. Рано или поздно попадешься.

Может, он незаконный сын знатного вельможи?

Или моя мама – дочь аристократа?

Или…?

Гадать можно долго, и безуспешно. Родители не торопятся делиться секретами. Может быть, сегодня вечером мне удастся приподнять завесу тайны над их прошлым? Кто знает?

* * *

За ужином у нас разговоры не ведутся.

Только когда все поели, отложили ложки в сторону, а мы с мамой принесли ягодный взвар, варенье и сушеные яблоки, мама начала разговор.

– Шем, мы с Шани сегодня говорили…

– О чем же?

В глаза отца была тревога, которой я не могла понять. Нет, не могла…

И все же! Тревога вспыхивала вокруг него оранжевыми искрами большого костра, и в такт пульсировал красным мамин страх.

Да что тут происходит?!

Что не так?! Чего я не понимаю?!

Молчание нарушил Корс.

– Шань, ты маме про Миха рассказала?

– Да, – кивнула я.

Братик сиял голубыми и розовыми искрами довольного и счастливого ребенка. У него все было хорошо, он радовался, что больше ничего не надо скрывать. А вот все остальные не радовались, вовсе даже наоборот.

– Что за Мих – уточнил отец недобрым голосом.

– Мих Лемерт, – я за собой вины не чувствовала. – он сын старосты, из деревни. Мы встречаемся…

Отец медленно положил руки на стол. Сжал кулаки.

– И давно?

– Да уж с полгода.

– У меня под носом. Старый я дурак… Корс?

– Да, пап?

Братик за собой тоже вины не чувствовал. А я видела, как

наливаются вокруг отца грозовые тучи, пульсируют, свиваются в глухую черную воронку, готовятся разразиться громом и молниями. И даже предупредить брата не могла. Мама как-то цепко взяла меня за руку и сжала. Крепко, давая понять, что своеволия не потерпит. Мне оставалось лишь молчать.

– Давно ты знаешь?

– О Михе? Месяца три, а что?

Брат уже начал понимать, что все не так просто, что ему сейчас достанется, но пока не понимал – за что? И тут отец врезал кулаком по столу.

– Молчали? Скрывали? Иди к себе, щенок, я с тобой еще поговорю.

– Что не так, пап?

Корса мы обожали, и мальчишка пользовался этим без зазрения совести, но сегодня нашла коса на камень. Не помогла ни умильная гримаска, ни хлопанье ресницами.

– Иди. К себе. Немедленно.

– Пап!

– И на охоту ты со мной еще год не пойдешь, – припечатал отец. – Твоя сестра ведет себя, как распутная девка, а ты ее покрываешь?

– Я не…!

Я аж задохнулась от несправедливости, хотела встать, крикнуть, но мама как-то перехватила мою руку, нажала на точку на кисти…

Больно.

Ай!!!

Мама?

– Сиди и молчи, – приказала мама. Никогда я от нее такого голоса не слышала, даже когда мы с Корсом решили набрать первых ягод и на четыре часа удрали в лес, не предупредив. Даже тогда она так не злилась. А сейчас…

Ничего не понимаю!

– Родителям врешь, скрываешь… Своим – никогда не врут. Запомни это. Нас четверо друг у друга, а ты нам врешь, подличаешь за спиной…

Корс выглядел смущенным.

– Пап….

– Иди к себе. Я с тобой еще поговорю.

Брат вздохнул, вышел из-за стола и отправился в спальню. О сладком он и не заговаривал.

Отец у нас хоть и любящий, а розгу обчистить может, еще как.

А я осталась.

Отец посмотрел на меня.

– Теперь с тобой, Шани. Что это за глупости с Лемертом?

Я выпрямилась, принимая первый в своей жизни бой. Никогда раньше я с родителями не спорила, а сейчас, вот, пришлось. Но я ведь взрослая! Сколько можно диктовать мне свои условия? Сколько можно меня учить? Я своих детей уж год как завести могу, а все на поводке бегаю!

Гнев помог мне бестрепетно глядеть отцу в глаза.

– Пап, я его люблю.

– А он тебя?

– Тоже, – я даже удивилась вопросу.

– Да? А что ж он со мной поговорить не пришел? По-честному? Что ж по кустам прятался? Или надеялся, что ты ему в кустах и отдашься?

– Папа!!! Я бы никогда…

Отец смотрел испытующе.

– Шани, что у вас было?

– Ничего, – я вспомнила, как Мих обнимал меня, тепло его рук, робкие поцелуи…. Но дальше-то мы не заходили! Он даже мне за пазуху руку никогда не запускал. Хотел, да, я видела, но не делал. Уважал мое решение…

– Обнимались, но до серьезного не дошли, – перевела мама.

Я посмотрела на нее, не понимая – откуда мама знает? Я же ничего не сказала! Вообще!

– Мам? Ты…

– Знаю, – отмахнулась мама. – Знаю… нет, Шем. Тут нам повезло.

– Ну, хоть тут.

– Мих меня замуж зовет! По-честному! – возмутилась я.

Отец прищурился.

– Да неужели?

– Сказал, отец сватов пришлет.

Отец с мамой переглянулись. И… я заметила нечто странное. Словно от матери к отцу поток пробежал. Не сильный, но отчетливый. Как будто два озера на миг соединили перемычкой, а потом ее опять не стало.

Так бывает?

Никогда не знала…

– Мам?

Мама вздохнула.

– Айшет Ланат, сейчас ты нам дашь слово.

– Какое, мам?

– Если у парня серьезные намерения, а не просто тебя в стогу повалять… подчеркиваю – если!

Я закивала.

Серьезные, я ведь вижу!

– Мы поговорим с ним, но до семнадцати лет ты замуж не пойдешь.

– Что?!

Я подскочила, задохнулась от возмущения.

Почему так? Да в мои года у девушек уже по ребенку бывает, а у кого и по два! Почему?!

– До. Семнадцати. Лет, – раздельно повторил отец. – И на то есть причины.

– А я не имею права их знать? – Я впервые бунтовала настолько откровенно. – Нет?! Вы мою судьбу решать взялись!!!

– Мы – твои родители.

– Не хозяева же! Рабства у нас нет!

Родители как-то непонятно переглянулись.

– Нет… у нас – нет, – подтвердил отец.

– Айшет, у нас есть серьезные причины, – мама кивнула, подтверждая мое право на знание. – Ты знаешь, что у меня была сестра?

И при чем тут одно к другому?

– Да, ты говорила.

– Она умерла при родах. Я потом говорила с лекарем, он сказал, что женщины в нашем роду раньше семнадцати не созревают. Для нас рожать раньше – смерть. Боюсь, что и для тебя тоже… ты ведь моя дочь. Вспомни, у меня между тобой и Корсом было два мертвых ребенка…

Я помнила. Только верить в это не хотелось, никак не хотелось.

– А вдруг я не в тебя пошла? В папу?

Мама как-то криво улыбнулась.

– Ты так думаешь?

Да, мы похожи. Настолько похожи, что нас за сестер принимают. Иногда, если вместе увидят без платков и любимых мамой покрывал.

Мы с мамой обе одинаково невысокие, рыжеволосые, с выраженной грудью и бедрами, с тонкой талией. Черты лица у нас тоже похожи: высокий лоб, короткий прямой нос, черные брови и ресницы…

Только подбородок у меня папин. Мамин более округлый и с ямочкой а у меня он упрямый, выдвинутый вперед, без слов говорящий о моем вредном характере. И еще глаза. У мамы они серые, словно грозовое небо, а у меня золотисто-карие. Почти золотые.

Я резко выдохнула.

– Мам… то есть я могу умереть?

– А почему мы тебя так прячем? – удивилась мама моему вопросу. – Почему не возим никуда?

– Но…

– В семнадцать и объяснили бы, и разрешили. А сейчас… вот скажи, если ты Миху всю правду про нашу семью расскажешь – он поймет?

Я подумала пару минут, и замотала головой.

– Не, не поймет. В деревне семья должна быть большая.

– И его родителям?

Я представила картину, и схватилась за голову.

– Точно скажут, что я гнилая…

И жизни потом не дадут. Но… как тогда?

– Мы, конечно, сватам пока откажем. До семнадцати, Шани. Если дождется, значит, и правда любит. Но ты-то понимаешь, как мы влипли?

Папа смотрел строго. И я опустила голову, понимая, что всех подвела.

– Я правда, не думала…

– Это мы уже поняли, – мама кивает. – А теперь расскажи, как вы познакомились?

Как?

Я прикрываю глаза, и передо мной появляется лесная поляна.

Я иду с ведрами к ручью. Это привычная ноша, папа сделал для меня небольшие ведра, и я ношу их по десять-двадцать разна дню.

Вот и в этот раз…

Я привычно наклонилась над ручьем, набирая воду в маленьком бочажке, который отец для нас с мамой отделал деревом, и услышала:

– Век бы смотрел!

Ведро я упустила.

И пока мы его вылавливали длинной веткой, пока я ждала, когда схлынет муть… так и разговорились. Так и познакомились.

Мих как раз заплутал, и не мог найти дорогу домой.

Отец недобро рассмеялся.

– Где заплутал? У реки?

– Эммм…

Вот об этом я не подумала. А и правда – как? Река течет с заката на рассвет, деревня стоит у реки, иди сначала по течению ручейка, благо, они в наших краях все в реку впадают, потом вдоль реки…

Не ошибешься и не заплутаешь.

Но…

– Мих мне соврал?

Отец пожал плечами.

– Все возможно.

– Но… я бы поняла, что мне лгут! Я бы увидела!

Мама с папой переглянулись так, что я поняла – я сейчас подтвердила какие-то их опасения. И отец вздохнул.

– Вполне возможно, что Мих не планировал ваше знакомство. Но воспользовался моментом.

– Он же не врал?

– Допустим, с утра он заплутал, потом вышел к ручью, пошел по нему, разобрался уже куда идти… понимаешь, Шани? Есть прямая ложь, которую ты можешь увидеть, есть полуправда, есть недоговорки… вариантов много. Не стоит верить чужим, люди преследуют только свою выгоду.

Я медленно кивнула.

Да, я поняла.

Но ведь потом Мих меня не обманывал! Он меня любит….

– Если ваше знакомство началось со лжи, в нем и дальше добра не будет, – вздохнула мама, привычно отвечая на невысказанный вопрос. – Ради тебя мы не погоним нахала, дадим ему шанс. Но только ради тебя. Посмотрим, что он скажет.

Я расслабилась. Чуть-чуть…

– Пап, мам… Мих – хороший. Вы сами все поймете, честное слово!

Отец покачал головой.

– Посмотрим. Но не раньше семнадцати, Шани. Ты поняла?

Я поняла. Но…. Недолго ведь осталось! Года полтора всего… ну, чуть побольше. Это же можно подождать? Не пять лет, не десять…

Правда?

* * *

С Михом я поговорить так и не смогла.

Корс, получивший от отца крепкую трепку, смотрел волком, мама неусыпно бдила за нами обоими, так что сбегать братик в деревню не мог, да и не побежал бы, а передать записку…

Мих читать не умеет. Кое-как, и то через слово.

Когда на второй день к нам в дом заявился староста Лемерт с супругой, дородной и серьезной Милавой, я как раз полола сорняки.

Хотела, было, разогнуться, пройти в дом, помочь маме, ну и послушать, интересно же… но мама так на меня глянула, что я

прикусила язык.

– Вот только попробуй крутиться поблизости, – предупредила мама. – Уши оборву. И чтобы сорняки, когда я вернусь, выполола, на двух грядках. Не сделаешь – неделю не сядешь. Поняла, Шани?

Мне розгой тоже доставалось, и в реальность угрозы я верила.

Но обидно же!

Вот за что они так со мной?

Мама ушла в дом.

Я сверлила взглядом открытые окна.

Далеко. Нет, не услышу… отсюда – никак не услышу, это если только под самое окно подобраться, тогда можно разобрать. А так – никак.

Я дернула из земли толстый осотовый хвост. Колючий, отожравшийся, налившийся соком. Сорняк поддавался, но плохо. Пришлось обхватить уже двумя руками, и потянуть, медленно и со вкусом.

Обида сверлила, словно жук-точильщик.

Вот почему они так?

Это ведь и меня касается! Меня, в первую очередь! А они… они…

Гады, хоть и родители… ыыыыы…

Слезы сами поползли по щекам. И когда это случилось…

На миг мне показалось, что внутри распрямилось… нечто. Словно прут вырвался из корзиночного плетения… а я и не знала, что внутри меня словно сетка. Хлестнуло, свистнуло, разрываясь, нечто внутри меня, и я… услышала голоса?

Я по-прежнему находилась на грядке, зло смотрела на дом, и – слышала.

– …нынче будет хороший.

Эти слова произнес отец Миха. Наверняка. Я почти видела, как шевелятся розовые губы в окладистой светлой бороде, как он оглаживает ее тяжелой рукой, как смотрит серыми глазами на моего отца.

Мих почти ничего не взял от матери. Да и не понравилась мне свекровка.

Толстая, сразу видно – характер скверный, все вокруг нее окрашено красно-бурыми тонами раздражительности, подозрения, желтые брызги, потеки. Хоть и зовут ее Милавой, да милого в ней мало. Похоже, она еще и болеет. А, неважно.

– Будет. И зверье в этот год сытое, довольное, – согласился отец.

Деревенский этикет. Сразу о деле говорить нельзя, надо сначала про урожай, про соседей, про семью, про здоровье, а

потом уж можно и о важном.

Интересно, сколько еще придется слушать всю эту ерунду? Оказалось, не очень много. Староста Лемерт прокашлялся, приступая к действительно важному для него делу. Сватовству сына.

Старшего, любимого, родного…

– Я вот с чем пришел, Шем. Со мной сын говорил. – Отец молчал. Староста явно чувствовал себя не слишком уверенно, но продолжал свою речь, явно заранее готовился, размышлял, как и что сказать. – Он с дочерью твоей познакомился. Слюбилось у них, теперь, вот за нами дело.

Отец вздохнул. Откуда я знаю, что ему это все не нравится? Откуда?

– Я говорил с Айшет. У них ничего серьезного пока нет, так, детский лепет… И мое слово такое. До семнадцати лет я дочь замуж не выдам.

От свекровки потянуло удовольствием. От старосты – недоумением.

– Почему? Ты, Шем, в наших краях пришлый, но видеть-то должен? У нас в семнадцать девка – перестарок, в пятнадцать самое время для свадеб.

– Вижу, не слепой. А слова своего не поменяю, в моем роду так принято. До семнадцати ни-ни. Даже невест в род мужа отдают только в семнадцать, чтобы раньше не случилось чего. Дело молодое, кровь горячая…

– Странно…

– Сколько людей, столько и обычаев. Я, староста, здесь человек пришлый. Это верно. А только не дурак… ты ведь сыну не мою дочь в жены прочил, так? Чай, и сговор был уже?

От старосты плеснуло растерянностью, а от его жены… радостью? Злостью?

И не понять, все сразу, все вперемешку.

– Был сговор, – признал староста. – С Рианой Респен его сговорили, уж лет шесть как. Респен…

– Мельницу держит, знаю. И родство хорошее, и семья…

– И приданое хорошее, – согласилась старостиха. – А только Мих как больной. Подавай ему Айшет – и все, другие не любы.

– На то у молодых родители есть, чтобы ума им вкладывать, – вкрадчиво произнес отец.

На миг в домике повисло молчание.

От отца тянет раздражением, которое он тщательно скрывает. Мама молчит, но я знаю, сейчас она хоть и суетится вокруг стола, подливает эль в стаканы, подкладывает пироги в тарелку, но успевает переглядываться с отцом. И поддерживает его. Каждым

взглядом, каждым жестом.

Вот так, правильно…

Староста явно испытывает облегчение. Он худшего ждал, а ему дали… надежду? На то, что Мих меня разлюбит? Не понимаю…

Старостиха довольна. Явственно тянет ее довольством, аж сквозь стены… счастлива, толстуха.

– Так ты считаешь, что раньше семнадцати…

– Воля ваша, а раньше дочку не отдам. И сговор заключать не буду, дело молодое, мало ли кто по сердцу придется. А сыну передайте – поймаю, так своей рукой штаны спущу и так всыплю, что не до девок будет. Вчера одну бросил, завтра другую покинет…

Отец говорил не слишком приятные вещи, но от гостей тянуло довольством. Странно так…

– Еще эля? – вмешалась мама. Тихо-тихо…

– А, налей. Хороший у тебя эль, Шем. Откуда берешь?

– Жена варит.

– Хорошая у тебя жена, Шем.

– Я на ней женился, когда Айнаре семнадцать было, – с намеком произнес отец.

Староста опустил руку на стол, мягко, но увесисто, словно приговорив.

– Значит, так и тут порешим. Сколько твоей дочери до семнадцати-то?

– Почти два года.

Неправда! Полтора… ладно, год и восемь месяцев! Папа, почему ты говоришь именно так?! Этими словами, этим голосом, почему ты уже сейчас разлучаешь нас с Михом? Что происходит?!

– Вот и пусть два года ждут, как полагается. Дождутся – их воля. Не дождутся, значит, Светлый так решил, не нам и спорить.

Отец решительно кивнул.

– За дочкой я пригляжу. А вы за сыном присмотрели бы, уважаемые?

Старостиха кивнула не менее решительно.

– Как не присмотреть, Ланат. Как не приглядеть… дело молодое, дурное.

– Вот-вот, лишнюю бы дурь парню и поубавить. Поработал бы, так и времени на беготню по лесам не останется, – намекнул отец.

Дальше я не слушала.

Руки привычно драли сорняки, а слезы текли сами. Обидно было до соплей. За что родители с нами так поступили? Мы им доверились, свои чувства показали, все выложили, а они….

Что с одной стороны, что с другой – почему нам нельзя любить? Радоваться, быть счастливыми? Просто – за что нас так?!

За поцелуем потянулся, а оплеуху получил, так и выходит!

Мы ж не блудить, мы все честь по чести хотим, и Мих меня любит… а отец сейчас впрямую сказал, что нашей свадьбе не быть, и староста с тем согласен, и жена его счастлива! За полтора-то года что угодно сделать можно. И папа ведь не помилует, не согласится ни с чем… почему?

Больно… так больно…

* * *

Мама пришла ко мне, когда гости ушли. Одобрительно кивнула, потом пригляделась ко мне.

– Подслушала?

– И близки к дому не подходила, – буркнула я. – Вон, следы посмотри.

– А чего тогда сопли до подбородка?

– А чего ты удивляешься? – я серьезно обиделась на родителей, и проявлять почтение не собиралась. Да мама его и не ждала. – Зачем вы так сделали?

– Как – так?

– Вам же не хочется почему-то, чтобы я и Мих вместе были. Да?

Мама медленно кивнула.

– Не хочется. И что?

– Почему? Дело ведь не только в твоей сестре, нет, там и что-то еще есть! Чего я еще о себе не знаю?!

Я почти кричала, понимая, что права. Что попала сейчас в точку.

Мама сдвинула брови, покачала головой.

– Тебе это пока рано знать.

– Мама!!!

– И не ори на меня. В семнадцать я тебе все расскажу, а до тех пор – нишкни.

И произнесено это было, словно гранитная плита сверху легла. Мама своего решения не переменит, нет. Оставалось только скрипнуть зубами.

– Хоть с Михом видеться дадите?

– Только если рядом кто-то из старших будет. Мы, или его родители…

Я молча развернулась к грядке.

Можно орать, кричать, топать ногами – это ничего не

поменяет, еще и оплеух получу. Остается только смириться для вида – и ждать.

Мих меня любит, а я его люблю. Мы дождемся друг друга. Обязательно.

* * *

Дуплистое дерево на берегу ручья, в котором мы оставляли друг другу записочки, я проверила вечером, когда пошла за водой.

Рука привычно скользнула в гладкую щель на коре, и коснулась крохотного клочка пергамента.

Смешно, наверное.

Когда у нас с Михом зашел разговор, как нам встречаться, мы два часа головы ломали. А то ж!

У меня хозяйство и братишка, у него своих обязанностей полно, просто так не вырвешься. Заранее предупреждать надо…

Тут-то я и удивилась.

Нас с Корсом мама читать учила, и писать тоже, перья и бумага у нас в доме были чем-то обычным, равно как и купленные у бродячих торговцев книги. И я любила посидеть с томиком перед очагом, переделав всю заданную мамой работу.

А Мих не умел ни читать, ни писать. Вообще…

Буквы знал, примерно половину, кое-как свое имя мог накарябать, тем и ограничился.

Учиться дальше он не хотел, крестьянину это ни к чему. Но дать знать друг о друге… как?

Идея была проста.

Берется клочок пергамента. По нему проводятся угольком – сколько? Ага, сейчас две черточки. Значит на второй день от сегодняшнего.

Когда? Не ждать же целый день?

На одной из черточек жирная точка, ближе к ее концу. Вечером надо исхитриться и сходить за водой. Или за чем-то еще… да мало ли дел по дому?

С одной скотиной возни… хоть коров мы и не держали, но пара-тройка козочек в сарае блеяла, а еще курицы, утки…

Лес – лесом, хозяйство – хозяйством.

Выберусь.

Родители нам видеться, конечно, запретили, ну так что же? Я не бежать с Михом собираюсь и не в стогу валяться, а просто видеться. Ведь больно же!

Почему они с нами так поступают?

Не понимаю, нет, не понимаю, чего рассердился отец. Я слишком мало знаю, а спросить и не у кого. Так-то.

* * *

Мих появился точно в назначенное время.

Усталый, осунувшийся, с запавшими глазами.

– Шани!

Я молча бросилась ему на шею. Прижалась, чувствуя, как окутывает золотистое облако тепла и света, как смывает боль и горечь, как исчезают куда-то усталость и тоска.

Любовь. Что может быть лучше?

Не скоро мы отпустили друг друга.

– Твои к нам свататься приходили, – шепнула я. Почему-то говорить громко не хотелось.

Я знала, что поблизости никого нет, и все же…

– Отец вернулся радостный, что твои отказали, – поделился Мих. – Выпил с дядькой, и разговорился, а я подслушал. Мол, твой батяня человек разумный, понимает, кто и кому пара. Полтора года у них есть, чтобы меня с Ринкой свести, как быка племенного!

Я кивнула.

– Мне сказали, что раньше семнадцати меня не выдадут замуж. И с тобой видеться запретили.

Мих вздохнул.

А потом бросился, как в ледяную воду.

– Шани, давай поженимся?

Я аж воздухом подавилась.

– К-как?

– Вот так! Давай как к нам холоп приедет, так и поженимся? Бросимся ему в ноги, немного денег у меня есть, уж не откажет.

– А если твои родители при этом будут? Нас же мигом… по стойлам разведут.

Мих расправил плечи.

– Я и сам могу избу поставить! Не ребенок уже! И поле распахать, и семью прокормить, а не по нраву кому, так я и в другую деревню переберусь! Наш барон не самодур какой, а работник я хороший!

Я медленно кивнула.

Что ж, и это выход. И ждать долго не придется. Мы не знаем, когда приедет холоп, через месяц или два, но уж всяко до моих семнадцати!

– Родители разозлятся.

– И что с того? Погневаются, да и простят.

– Тогда надо что-то сразу решать с домом. Мих, ты представляешь, как нам будет, если и твои и мои объединятся?

Мих представил, мрачно сопнул носом.

– Да, шума будет. Ты права, Шани. Я с Форсом поговорю, он один живет, старый уже, ни сил нет, ни зрения. Предложу ему – мы поженимся и у него поселимся, он за нами свой век доживет, а мы не на улице окажемся. Хоть сразу, хоть потом….

Я кивнула.

Идея была хорошая, так в деревне делалось, и не раз.

Всякое бывало. И болезнь людей выкашивала, и в город дети подавались, так, что случалось, старики оставались одни. Вот, в таких случаях и разрешал староста подселение молодым семьям.

Свою выгоду получали обе стороны.

За стариками ухаживали, приглядывали и без куска хлеба в старости не оставляли, староста приглядывал. А и то сказать, не зарекайся. Мало ли что у тебя в старости будет?

А молодые получали крышу над головой, и более-менее обработанные поля.

Так и тянулось год за годом.

– Поговори. Если он твоему отцу сразу не расскажет….

Мих сопнул носом еще раз.

– Ладно. Подумаю… уж поверь, без крыши над головой не останемся, найду куда жену привести.

Я и не сомневалась. От Миха тянуло травянистыми тонами уверенности, решительности. Он взрослел на глазах…

Мой…

Надежный, уверенный, спокойный, любимый… мой!

И я со вздохом прильнула к твердому плечу, купаясь в его любви и даря свою в ответ. Как же хорошо…

* * *

Теперь мы встречались на бегу. Урывками, тайно…

Мих обрадовал, что холоп обещался приехать через два месяца. Надо было просто продержаться это время.

Я и держалась.

Недооценила родителей.

Кусочек пергамента лежал на своем обычном месте. Три черточки, на третьей, ближе к началу, точка. Рано утром…

* * *

Утро в лесу.

Какое оно – это утро?

Загадочное.

Приоткроешь дверь, и выскальзываешь в колдовской мир. Серый, паутинный, пока еще полусонный, чуть заметно поблескивающий капельками росы. Туман клубится меж древесных стволов, обвивает их прихотливыми завитками, льнет, словно верный пес к ногам.

Трава еще не шуршит – она мокрая, она упруго пригибается под ногами и кажется почти черной.

До поры.

Пока не проснется солнце.

И как же разительно изменится картина леса!

Роса вспыхивает миллионами, мириадами радужных огней, она повсюду, на деревьях, на траве, на паутине – и туман сам собой исчезает, растворяется, не выдержав столь ослепительной красоты. И каждое дерево, каждый куст сияют бриллиантами, а солнце еще даже не проснулось. Оно только-только выбирается из-за горизонта, недовольно почесывая сосновыми стволами толстенькое брюшко, оно еще примеряется рассияться…

Минута между тьмой и светом, между ночью и утром… недолгий момент, но такой драгоценный!

Рано утром, скользя по росе, и поеживаясь от заползающих под одежду плетей тумана, я спешила к ручью.

Зря.

На берегу, на нашем месте, сидел отец. Пересыпал из горсти в горсть песок, смотрел грустно и укоризненно.

Я сначала застыла на месте, а потом махнула рукой и подошла. Все равно ведь…

Если отец здесь – значит, все им известно. И ему с мамой, и родителям Миха, наверное. Да?

Это я и спросила.

– Нет, только нам.

– А откуда?

– Мама заподозрила, – усмехнулся отец, – она тебя хорошо знает…

То есть?

– Ты просто так никогда не смиришься. Если молчишь – значит, нашла обходной путь, знаю я тебя.

Я фыркнула.

– Знаешь, пап. Кому как не вам и знать?

– Ты ведь не успокоишься. И мальчик твой…

Я развела руками.

– Пап, мы взрослые. Неужели, мы не можем сами решать,

кого любить, с кем жить?

– Решать можно, если знаешь обо всех последствиях своего решения. А ты о них и не догадываешься.

– Так, может, стоит мне рассказать?

– Я подумаю. А теперь – иди домой.

Я даже не шевельнулась, хотя было холодно и неуютно.

– Мы все равно будем вместе.

– Может и так. Но сейчас учти – если поймаю, всю шкуру со спины спущу.

Я удивленно распахнула глаза.

Папа нас почти никогда не бил. Несколько раз, да, но переживал сильнее нас с Корсом. А тут вдруг…

– За что? Просто за встречу с любимым? Папа!

– Шани, ты не знаешь, чем рискуешь.

Не знаю! И кто в этом виноват?

– Так расскажите!

– Иди. Домой.

Я посмотрела на графитовые облака, которые клубились вокруг отца, и поняла, что ничего-то тут не получится. Вот в эту минуту – не получится.

– Мих… придет?

– А вот это не твое дело.

Мне оставалось только скрипнуть зубами, развернуться и отправиться домой.

Чтобы наткнуться дома на мамин взгляд. Грустный, укоризненный…

Не подействовало! Вот ни разу!

Я встретила мамин взгляд, не отводя глаз. И неизвестно, чем бы кончилось наше противостояние, но проснулся, загремел пятками по половицам Корс, и мы одновременно отвернулись.

– Доброе утро.

И улыбка. Широкая, спокойная улыбка счастливого ребенка.

Я и сама недавно так улыбалась. Но…

Почему со мной так поступают? Что происходит?

Внутри зрела, росла гадюка протеста, свивала холодные чешуйчатые кольца. Недалек тот день, когда она зашипит и ужалит.

* * *

Мих появился у нас на пороге через три дня.

Осунувшийся, бледный, серьезный… как же мне хотелось кинуться ему на шею! Сказать, что люблю, что дождусь, что все

будет хорошо… даже этого мне не дали!

Мама была рядом. Покачала головой так, что у меня руки опустились, и сама пошла к парню.

– Опять заблудились? Дорогу показать?

Мих покачал головой.

– Госпожа Ланат, я к вашему мужу. Нет его дома?

– Скоро будет, – мама пожала плечами. Кивнула в сторону колоды под навесом, где у нас дрова хранились, предлагая присесть. – Хотите – ждите.

– Я… можно я пока с Шани поговорю? Пожалуйста?

Мама ненадолго задумалась. Потом кивнула.

– При мне – можно.

– Госпожа Ланат…

– Не испытывай моего терпения, Мих Лемерт. Айшет – моя дочь.

Сказано было увесисто. Мих вздохнул – и покорился.

* * *

Мы не можем ничего. Ни обняться, ни взяться за руки, ни даже сказать то, что накипело в душе.

Под маминым взглядом у меня язык морозом сковало. Но наши глаза не молчали, нет…

- Я люблю тебя.

- Я тебя тоже люблю. Ты подождешь?

- Я обязательно дождусь. Вот увидишь, мы будем вместе! Мы будем счастливы…

Кто сказал? Кто ответил?

Неважно!

Мы смотрим друг на друга, и Мих буквально светится от любви. Но почему мама глядит с такой грустью? Что она видит? Что понимает? ЧТО?!

Вслух мы произносим какие-то глупости, но это напоказ. А по-настоящему говорят наши слова, наши сердца, наши души…

Моя душа поет под его взглядом. И кажется, что за спиной распахиваются громадные белые крылья, и несут меня куда-то ввысь. В небеса…

– Просто картина. Гость явился?

Голос отца издевательски разрезает воздух, словно ножом вспарывает. Мих дергается всем телом, поворачивается к нему.

– Господин Ланат…

Поклон получается неловким. Отец смотрит на это с насмешкой, его забавляет и деревенский увалень, и его

вежливость, такая неуклюжая и неуместная, такая наигранная… откуда я это знаю?! Почему я так думаю?!

– Допустим, я. Так что надо-то?

– Я… – Мих комкает в руках шапку, мнется, а потом выпаливает с неожиданной храбростью. – Господин Ланат, разрешите нам с Шани хотя бы видеться наедине? Пожалуйста…

Отец прищуривается.

– Видеться? Ну, пойдем в дом, поговорим по-мужски.

Я дергаюсь вслед за ними, но мама уверенно разворачивает меня к грядке.

– Тыквами займись. Приду – проверю.

Да что ж это такое?

– И воды в бочку принеси. Ведра я тебе сейчас дам.

Я скрипнула зубами. Она это нарочно?

Я подозреваю, что да.

* * *

Мих ушел от нас спустя два часа.

Подслушать не удалось, мама бдила, аки дракон над сокровищами, отправляя меня то в курятник, то еще за водой, то…

Потом из дома вышел грустный Мих, весь окрашенный темно-фиолетовыми тонами, вслед за ним вышел недовольный отец…

Попрощаться нам дали. Но с таким видом, словно хуже ничего и быть не может.

Мих скрылся в лесу, отец посмотрел на маму, и покачал головой.

– Этот – не уймется.

Мама вспыхнула желто-оранжевым.

Тревога, беспокойство…

Да что такое?!

– Ты уверен?

– Более чем.

– А может…

– Нет, Нари. Мы должны все рассказать детям, иначе будет намного хуже.

Мама покачала головой.

– Шем… хотя бы год. Два…

– Шани уже не ребенок. В чем-то она права – в этом возрасте в деревнях своих нянчат.

– Да! – вставила я.

– И мы детей от всего не убережем, как бы нам этого не хотелось.

Мама вся искрилась оранжевым, темно-красным, серым, черным, я понимала, что она серьезно переживает, расстроена, нервничает, но…

Как найти ответ на вопрос, если нет никаких исходных?

– Ладно, – наконец решилась она – Давай мы поговорим с детьми вечером.

Мы переглянулись с Корсом.

Ну, вечером – это неплохо. По крайней мере не через год, не через два, что-то мы да узнаем. И можно будет объяснить Миху, а не просто запрещать. Я же поняла, что папа его шуганул от дома… Ну почему так? Мы ведь любим друг друга! Это нечестно!

* * *

Вечер нарочно задержался сегодня. День тянулся, как смола, медленно, липко и назойливо, ужин не готовился, и ели родители в три раза медленнее чем обычно.

Мы с Корсом извертелись на стульях.

Наконец папа отодвинул тарелку, и почесал в затылке. Вокруг него клубились серые облака, почти черные, свинцовые, тоскливые, и иногда в них проблескивали зеленоватые молнии. Что-то давило и сильно, папа был не уверен ни в решении, ни в результате, но…

– Мы очень надеялись, что у нас будет хотя бы пара лет, – честно признался он. – Хотя бы пара лет, но вы не оставляете нам выбора. Мы прятали Шани, ждали, что Корс повзрослеет…

– Я давно уже не ребенок! – нахмурился Корс.

Мама покачала головой. Рыжие ее волосы блеснули огнем, не хуже того, что играл в очаге.

– Корс… сказанное сейчас приведет нашу семью на эшафот.

Брат закрыл рот. Я наоборот, его открыла.

Эшафот?

Как?

За что?!

– И все же, этот разговор необходим, – мама запустила тонкие пальцы в волосы. – Мы не можем уйти, но и остаться мы тоже не сможем… так, как сейчас – нет, не сможем…

Отец медленно наклонил голову, подтверждая мамины слова, заставляя нас поверить, что все демонски серьезно.

– Шани, Корс, я вас еще раз предупреждаю. Одно лишнее слово – и нас убьют. Всех. И нас, и вас… понимаете? Это не игра.

Так и будет.

Облако серого страха накрыло стол, заставило похолодеть кровь в жилах, и сердце стукнуло резко-резко, а потом опять забилось, затрепыхалось пойманной птицей. Холод проник в каждый уголок тела и разума, оледенил ноги, заставил сжать пальцы, в тщетной попытке согреться… страх?

Нет. Ужас. Глубинный и неподдающийся рассудку ужас, тот, который заставляет детей с криком просыпаться по ночам и бежать в постель к родителям. Тот, от которого не скрыться взрослым.

И не сбежать. Некуда.

Глядя на меня, побледнел и Корс. Чувствительный к чужому настроению, братик испугался вслед за нами.

– Вижу, поняли. Тогда слушайте, – отец сцепил пальцы, и только я поняла – почему. Они дрожали.

Отец – боялся чего-то так сильно, что не мог сдержать этой дрожи.

Мой самый смелый и сильный папа на свете. Мой самый лучший папа…

– Мы не отсюда. Не из Риолона. Мы – из Тиртана.

Мы с Корсом переглянулись.

Тиртан… да, я знала об этой стране. Но – что с того? Неужели все тиртанские беженцы должны быть убиты? Почему?

– Я служил в охране трея… ладно. Его имя вам ни о чем не скажет, – отец взмахнул рукой. – Что такое гарем – объяснять надо?

Я покачала головой.

Мама рассказывала. Она много о чем рассказывала, учила нас, объясняла, показывала… Только сейчас я задумалась – ведь у нас дома было то, чего нельзя было найти у крестьян.

Книги.

Мама покупала их у разносчиков и в лавках, тонкие и толстые, землеописания и истории о любви, сказания бродячих певцов и Святые списки…

Она легко писала и читала, считала в уме, и мы с Корсом тоже…

А ведь Мих не умеет читать. Я знаю, он сам сказал, когда застал меня с книгой. Я тогда просто не задумалась… почему? Почему я не думала над такими очевидными вещами?

– Я в ту ночь стоял на часах. А Нари пыталась сбежать, – просто объяснил отец. – Я поймал ее, но тревогу не поднял. Заглянул ей в глаза и пропал. Мы сбежали вместе в ту ночь. Сначала – от трея, потом из Тиртана, на корабле контрабандистов, и мы прожили первые несколько лет в

рыбацкой деревне. Там и родилась ты, Шани.

– Я не помню…

– Тебе было года два, когда мы уехали оттуда. Трей Си… он не смирился. Он знал, что Айнара сбежала, догадывался, что мы сбежали вместе, и видимо, смог напасть на след. Мы уехали из деревни, и стали искать новое место. Кочевали по Риолону, потом я узнал о месте лесничего, и решил попробовать. Барону нужен был человек со стороны, который не станет потакать местным, будет держаться за место – я таким и оказался. Мы здесь вот уже двенадцатый год.

– Надеюсь, что наш след потеряли, – мама вздохнула. – Трей… это горькая история. Мне было восемь лет, когда нас с сестрой отдали в его гарем. За неуплату долгов нашим отцом, взяли нас с Айшет.

Я вскинула голову.

– Мама?

– Да. Я назвала тебя в честь моей сестры. Шани, она заменила мне мать. Она вырастила меня. Она была всего на три года старше, но стала для меня самым родным человеком, отдала мне сердце и душу, всю себя вложила. Учила меня, дарила тепло и любовь, только благодаря ей я не сошла с ума – тогда.

– Тогда? – я не хотела задавать этот вопрос, но откуда-то во мне зрела странная уверенность.

Так надо. Здесь и сейчас – надо.

Мама кивнула.

– Да. В гареме трея девочек приводили к нему, когда те бросят первую кровь. Со мной это случилось в двенадцать лет.

Я поежилась.

Да, в деревне бывало всякое, но раньше четырнадцати девочек замуж всяко не отдавали. Не из любви или каких-то глупостей, из расчета. Малолетка не выживет, умрет при родах, напрасный расход получится, вот и все. А в неведомом мне Тиртане, значит, так…

Прикусила губу. И маму, в двенадцать лет, повели как корову, к быку на случку…

Гады!

Твари!!!

– Я чуть с ума тогда не сошла. Сестра была рядом, помогла, поддержала. Айшет всегда была рядом, но ей это не помогло. Она умерла при родах, и тут я не солгала, Шани.

– Но ведь и не договорила?

– Нет, – мама опустила голову. – Меня не просто так взяли в гарем. Не за красоту – у трея были девушки куда как краше моего. За кровь. В нашем роду давным-давно были маги разума.

Я фыркнула и рассмеялась.

Маги разума?

Мам, ну какие маги? Это старые сказки, это смешно! Да, где-то они есть, но их так мало… смех сам по себе застрял у меня в горле. Мама смотрела так, что сомнений не оставалось – она не шутит, ни капельки не шутит.

– Поверь, Шани, это не просто слова. Это – было. Шесть поколений назад, моя пра-прабабка была магом разума. Слабеньким, поэтому никто о ней не знал, но семье хватило.

– На что хватило? – встрял Корс.

– А на все, сынок, – мама смотрела ласково. – Вот представь, что ты можешь прочитать о чем думает человек. Вообще, любой человек. И не только прочитать, но и внушить ему что пожелаешь. Любые мысли, любые чувства, и человек все выполнит. Этому воздействию даже другие маги поддаются. А если делать все аккуратно, никто и не подумает на мага, и не заметит… к примеру, Шани может приказать любому парню в деревне за ней бегать? Нравится?

Я представила себе картину, и замотала головой.

Нет, не нравится. Отвратительно, гадко превращать человека в марионетку на ниточках!

– Прабабка была слабым магом, она внушать ничего не могла, – вздохнула мать. – Только читать. И этого хватило, чтобы прадед разбогател. Сильно…

– А потом?

– Несколько поколений в семье этого дара не было. Хотя девочки рождались похожие, рыжие, – мама развела руками. – Прорыв случился у моей матери.

– Она смогла…

– Мама могла читать мысли и внушать свои. Она была сильным магом – и неосторожным, – с горечью произнесла моя мать. – Отец… он был слабый, глупый, только вот и достоинств, что в матери души не чаял, а она в нем. Это важно, Шани. Маг разума видит все мысли человека насквозь, и понимает, кто его любит, кто не любит… Мих тебя любит?

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Вижу. Он светится так, тепло…

– Но что именно он думает… мыслей ты не слышишь, так?

Я покачала головой.

– Нет, мам.

– Только облака. Только цвета, верно?

– А откуда ты знаешь?

– Сестра рассказывала, а ей мать. Отец попробовал

разбогатеть, но не ко времени. Мать ждала третьего ребенка, мальчика, и отец захотел, чтобы к его рождению были деньги и побольше… одним словом, мать перенапряглась, скинула младенца и умерла. Отца бросили в долговую яму, нас продали трею…

– Он не знал… знал о ваших способностях, да?

– Да, Шани. Знал. И я иногда подозреваю, что именно он стоял за проблемами нашего отца, за смертью матери… в роду трея тоже было нечто подобное, только там не маги разума, там маги земли. Это как спящая кровь, но если она есть с двух сторон – пробудить ее легче. Он хотел ребенка с даром мага, а какого – неважно. Ценны были бы и тот, и другой.

Я замотала головой, не желая верить. Корс успел вперед меня.

– Мам… но это бред какой-то?

– Почему же? Такой ребенок может быть полезен, очень полезен…

– А потом он решит убить трея и бежать. Маг земли-то? Землетрясение устроит и убежит под шумок, алмазов себе накопает… Или маг разума, тогда он внушит трею что-то такое, вроде дать денег, доставить на корабль…

– Малыш, – мама вздохнула печально и протяжно, – поверь мне, контролировать можно любого. Есть блокираторы для магии, есть методы обработки, есть боль, голод, специальные травы, да и силы человеческие не беспредельны. Если маг может только читать, к примеру?

– Он будет знать, как к нему относятся…

– И что толку?

Корс посопел, не желая сдаваться.

– Можно же придумать что-то?

– А зачем? В гареме тепло, уютно, кормят-поят… за его стенами намного хуже. И те, кто в нем рожден, не знают другой жизни. Ее знали мы с сестрой, и нам не нравилось происходящее. Айшет забеременела и умерла при родах. Я же решила, что не останусь в гареме. Случай подвернулся пятнадцать лет назад.

А что у нас тогда случилось?

– Тиртан сильно поссорился с Раденором, – ответила на невысказанный вопрос мама. – Войны не получилось, но его высочество Александр Раденор прошелся вдоль побережья Тиртана, поднимая зомби со всех доступных кладбищ. Сколько погибло тогда… а мне вот повезло сбежать. Началась суматоха, и под шумок я удрала.

– Я как раз нанялся охранять трея, – отец развел руками. – Нари действительно попала ко мне в руки, и отпустить я ее не

смог. Бежали вместе, в той суматохе кого угодно потерять можно было.

– Но вас ищут? – уточнила я.

– Где-то мы промахнулись, – точно отец ответить не мог. – Или когда золото продавали, или когда контрабандистам платили, или… все возможно. Трей искал тщательно, уж поверьте.

Как же мне не хотелось задавать этот вопрос. Но…

– Просто так? Просто искал?

Мама смотрела с искренним сочувствием. Она понимала вопрос, и знала ответ. И я его тоже знала. Уже знала…

– Нет. Меня искали потому, что я была беременна.

* * *

Мир не рухнул.

Не взвился огонь в очаге, не закричала за окном птица, не разразился ураган.

И все же, мой мир дрогнул и изменился.

Я… я дочь насильника? Тиртанца?

Мама медленно опустила голову.

– Шани, я не хотела рассказывать тебе слишком рано. Так получилось… да. Айшет умерла родами, трей сожалел о ней, но не как о человеке. Как о матери возможного чудо-ребенка. Когда я поняла, что уже второй месяц в тягости, у меня хватило ума промолчать. Проверила, как смогла, поняла, что жду ребенка, и решила, что убегу. Лучше уж под забором подохнуть, чем вот так… чтобы тебя отняли сразу после рождения, правильно воспитывать, а меня опять оплодотворили! Не хочу!

– И ты сбежала…

Мама кивнула.

– Была жуткая ночь. Гроза разразилась… говорят, если рядом творится сильная магия, погода портится. Шторм ахнул, волны были выше домов, молнии били… одна ударила в дом трея. Начался пожар, все метались, кричали, я не растерялась. Схватила шкатулку с украшениями, кое-какую одежду потеплее – и бросилась бежать. Пока никто не приглядывал. Наткнулась на Шема…

– Да уж… вылезает это чудо из окна, оглядывается… я должен был схватить ее и доставить обратно. И – не смог.

– Потому что магия? – не удержалась я.

Мама покачала головой.

– Нет, Шани. Мне этого дара не досталось, так, чуть-чуть. Это

же магия разума… я могу почувствовать, как человек ко мне относится, иногда как пробои случаются – с предчувствиями, с вопросами, но и только. Что-то внушить человеку я никогда не смогу.

Я выдохнула.

– Мам, может и я…?

– К сожалению – нет. Ты не помнишь этого… способности у тебя проявились очень рано, малышка. Где-то года в три.

– Нет, не помню…

Мама кивает, и принимается рассказывать.

И перед нашими глазами как вживую, встают зеленый луг с цветами, женщина, которая лежит на одеяле, ей тяжело двигаться, большой живот мешает, и девочка, которая носится вокруг. Смешная, рыженькая, в одной рубашонке и босиком…

- Мам, смотли…

Буквы она еще выговаривает плохо, картавит… на ладошке сидит ящерица. Сидит, вертит головкой, даже не пытается удрать.

- Я сейсяс ее поплосу…

Девочка пристально смотрит на ящерицу, и под взглядом малышки, ящерка начинает прыгать на месте. Потом ложится на спинку, задрав лапки позволяет чесать себе шейку и брюшко, и даже не пытается убежать…

Мать подскакивает на месте.

- Шани?

- Смесная, плавда?

- Да, дочка. Очень. Это ты ее… просишь?

- Да, мам. А сто?

– Ничего, солнышко. Ничего. Отпусти ящерку, Шани, ее дома ждут.

- Холосо…. А кто ее ждет?

- Детки, как ты…

Женщина принимается рассказывать историю про ящерку и ее деток, а сама внимательно вглядывается в девочку.

Неужели…?

И все яснее понимает, что – да. Проклятый дар все же проявился в малышке. Дар не земли, дар разума. Что же делать, что теперь делать?

* * *

– И что вы сделали, мам?

– Я не зря говорила, что в Тиртане придумали способ держать в повиновении таких, как мы. Посмотри на свою левую руку?

Ничего нового я на ней не увидела.

На руке была одежда. Под одеждой, как и всегда… браслет?

– Мой браслет, мам? Да?

– Да, Шани. Не весь, там внутри вставка из камня… когда-то этот браслет был моим ошейником.

– Что?!

– Да. Так в Тиртане контролируют магов. Ошейник и блокиратор – и ты ничего не можешь. Ты не опасен. Правда, для тебя блокировка оказалась слабовата.

– Что?

– Ты часто говорила мне о цветах. О чувствах и их окраске, зайка. Помнишь?

Еще бы мне было не помнить.

– Мам, так это…

– Да, Шани. Это – оно.

Вот уж никогда не подумала бы!

Я знала, что чувства имеют цвет, что можно увидеть, о чем думает человек… но я не думала, что это как-то странно! Темный!

– Мам, но…

– Ты же не общалась с другими детьми, малышка. Ты постоянно была при мне, и жили мы уединенно. Мы боялись.

Мир медленно окрашивается в черные тона. Мои родители. Боялись.

– Меня?

– Нет. ЗА тебя.

Я выдыхаю. Медленно-медленно, словно воздух из меня выходит вперемешку с иголками.

– А…

Мама смотрит ласково и темный жгут, который стиснул мое сердце, постепенно рассеивается. Потоки золотистого света заливают комнату.

– Разве мы можем бояться свою дочку?

– Свою родную девочку, – поддерживает отец.

И я понимаю, что я действительно их дочь. И неважно, кто там был, трей или кто-то еще, а у меня есть самые лучшие в мире мама и папа.

Так-то!

Мама улыбается.

– Поняла?

– Да. Пап, мам… а что теперь?

– А теперь, – отец вздохнул. – Теперь сделай то, чего мы не хотели. Сними браслет.

– ЧТО?!

– Шани, а как еще можно проверить и убедиться? Если бы Мих не был настойчив, если бы ты не шла ему навстречу, мы бы подождали до семнадцати лет, а то и дольше.

– Чем раньше начинает проявляться дар, тем он сильнее, – шепнула мама. – Мы догадывались, что будет тяжело, но… Светлый, как же это не ко времени!

Я уронила голову на стол.

– Может, не надо?

– Надо, Шани. Здесь и сейчас, где все свои, ты снимаешь браслет, потом опять надеваешь его, и говоришь, что почувствовала и увидела. А потом подумай, как ты будешь жить в деревне с этим даром. Просто – как?

Я закатала рукав.

И в первый раз, словно на ядовитую змею, поглядела на простой браслет. Серебряный, простое заручье, обхватывающее руку чуть выше локтя. Незамкнутый.

Неширокий, в два пальца.

– Ошейник…

– Да, Шани. Мы его распилили, когда получилось. Оказалось, что там камень, который вделан в серебро, он блокирует способности. Ну и не стали выкидывать, мало ли что? Как видишь, пригодилось.

Я видела.

И ведь ношу с детства, даже в голову не приходило, что это блокиратор! С чего бы? Мне просто мама его подарила, и я его носила, сначала подвязывала кожаным ремешком, как взрослая, потом доросла до браслета, чтобы он не сваливался…

Я медленно выдохнула – и стянула серебряную полосу с руки.

* * *

Я чувствовала себя, как человек, который упал в ручей головой.

И теперь меня несет, вертит, крутит…

И это – больно!

Нет, не так! Это БОЛЬНО!!!

Три человека. Три взгляда. Три потока мыслей.

Корс.

Самый резвый и быстрый поток, самый резкий и расплывчатый. Мысли скачут во все стороны, и кажется, что ты пытаешься удержаться верхом на диком кабане. Причем не в восторге от этого и ты, и кабан.

- Интересно, Шанька правда мысли читать сможет? Тогда она

про удочку узнает. И про Миха, и про то, как я им муравьев подсунул… а кусачие были, заразы… зато на них хорошо рыбу прикармливать… но если отец узнает, я потом на задницу долго не сяду…

Мамин поток мыслей, более ровный

- Неужели дочь все-таки унаследовала этот дар? Страшно… Бедная моя девочка.

Всплывает в памяти мамы лицо полного мужчины лет сорока, с окладистой черной бородой, с жестокими черными глазами, и я понимаю – это ОН.

Мой настоящий отец.

- Трей Сирант был мразью и подонком, но дар у него в роду был. И если он усилился… Шани? Неужели… Нет!!! ПРОЧЬ!!!

Это похоже на кастрюлю с молоком.

Мысли мамы, до того более-менее упорядоченные, вдруг вскипают. И я просто ничего не могу в них разобрать, столько там всего намешано. Испуг, страх, боль, тоска, лица рыжеволосой девушки и черноволосого мужчины сливаются в дикую мешанину, и я бегу, чтобы не потеряться в ней.

И в отчаянии перевожу взгляд на отца.

Там только одна мысль. И от этого становится спокойнее и уютнее.

- Я так и знал.

Я закрываю лицо руками, но не могу отгородиться от сплошного потока.

Удочка, муравьи, Мих, я сама, опять муравьи и рыбина…

Отчаяние, страх, трей Сирант, Тиртан, картины золотистой песчаной страны, и опять страх, море, и желание бежать…

Холодное спокойствие человека, который понимает, что худшее уже произошло. Теперь надо что-то с этим делать.

Я захлебываюсь в этом потоке, тону в нем, и не знаю, куда деться от льющихся со всех сторон мыслей. И именно отцовская рука надевает на меня браслет, отсекая их. Оставляя только чувства.

Разноцветные, яркие…

Восторг и ужас со стороны Корса, мамино отчаяние, отцовскую решимость принять бой…

– Светлый! Что это такое?

На стол капает красная капля, вторая…

Из носа у меня пошла кровь. Почему? Что случилось?

Мама встает и протягивает мне передник.

– Прижми. И запрокинь голову.

Я так и делаю. Сейчас, остановится кровь, и мы поговорим. Светлый, за что?

За что ты наказал меня таким… даром?

Ну уж – нет! Это не дар, это проклятие!

* * *

Кровь долго не успокаивалась. Но говорить мне это не мешало.

– Почему?

– Что именно? Я же мыслей не читаю, Шани?

Говорит отец, как самый спокойный. Я моргаю глазами, и крепче прижимаю полотенце к носу.

– Пап, почему только сейчас? Почему вы раньше молчали? Почему меня не учили? Почему – так?

Отец смотрел ласково и тепло.

– Солнышко, а как ты себе это представляешь? Шани, ты наша дочь и маг разума – в перспективе? Сильный маг?

Я подумала.

Представила себе эту картину, впечатлилась, подумала еще раз.

– Я бы не рассказала! Никому!

– И не начала бы снимать браслет? Тренироваться? Пробовать свои силы?

– Эммм…

Я задумалась еще раз.

Начала бы?

Нет?

Начала бы… папа прав, полностью и целиком. Я попробовала бы, хоть с животными, хоть с кем, я бы не устояла.

– Если человек делит свое поведение на две половинки, допустим, дома ты вела бы себя, как маг разума, а на людях, как обычный ребенок, ты бы выдала себя, Шани. Рано или поздно, так или иначе… это как хорошие манеры. Аристократ никогда не сможет стать крестьянином – и наоборот. Из крестьянки не сделаешь герцогиню.

Я и не спорила, сдались они мне, что первые, что вторые. Но… неужели мама права?

– Мы – другие. Мы тиртанцы, мы иначе говорим, иначе двигаемся, думаем, мы лет семь кочевали с места на место, привыкая к Риолону. Потом уже осели на баронских землях, и то – сколько раз мы были в деревне?

Мало.

– Мы с кем-то водим дружбу?

– Н-нет… я думала, это потому, что папа – лесник? И от него

браконьерам достается?

– И так тоже. Но ведь лес большой, тут не уследишь, здесь упустишь, всегда есть возможность договориться, подружиться? Понимаешь?

Я понимала. Мих пару раз о чем-то таком говорил, просто мне было неинтересно. Папа ведь знает, как лучше?

– Понимаю.

– Мы живем на отшибе не просто так. Мы стараемся держаться подальше от людей….

– Сколько? Всю жизнь?

Отец вздохнул. Опустил голову, помолчал пару минут…

– Не знаю, Шани. Просто – не знаю. Мы старались уберечь вас. Хорошо ли, плохо, пока Корс был маленьким, мы не имели права рисковать. Или ты бы где-то прокололась, или рядом оказался бы маг, или холоп – кто знает? Бежать и скрываться с двумя детьми на руках? Или вообще жить в лесу? Как ты себе это представляешь?

Я не представляла.

Родители были правы. И когда молчали, и когда пытались отвадить Миха…

По сердцу резануло острой болью.

Такой добрый, любящий, такой уютный и родной… Мих окажется смертельно опасным, я знаю. Я не читала его мысли так, как недавно родительские, но я знаю самого Миха. Я знаю, как он отнесется к тому, что я – маг разума.

Чудовище из старых детских сказок.

Монстр, который подчиняет своей воле и заставляет убивать, или любить… и еще поди, разбери, что хуже? Я помню, я рассказывала ему одну из сказок. Там маг разума подчинял себе людей, заставил купца написать завещание в свою пользу, женился на девушке, которой внушил ответные чувства… там много всего было.

Потом маг попался, его сожгли, а девушка вышла замуж за любимого. Настоящего, а не наколдованного.

Мих тогда сказал – правильно. Я помню. И добавил, что таким тварям самое место на костре. Только вот я – именно такая. Я помню свои ощущения, и знаю теперь, что могла внушать. Управлять, приказывать… наверное, я многое смогу. Если не растеряюсь, конечно. Меня просто вытолкнуло, как пробку из бутылки с забродившим хлебным вином. Но если я начну упражняться?

А я ведь начну, я не смогу теперь удержаться, никак… Мих этого не одобрит. Я уверена. Можно, конечно, попробовать намекнуть… нет, не на себя. А просто – рассказать еще одну

сказку. Я придумаю, какую, я могу… и посмотреть на его чувства.

– А почему я вижу чувства даже в блокираторе?

– Потому что твой дар сильнее, – пожала плечами мама. – Но когда ты с браслетом, он едва работает. Так-то и у обычных людей бывает…

– Кто-то тоже… видит?

– Нет. Просто магия разума самая легкая и самая страшная. Если у человека едва искра скачет, никогда он чужие мысли не прочитает. Но с любым человеком поладить сможет, будет инстинктивно знать, что сказать, как подойти, куда прогнуться…

– Выгодно получается.

– Очень. Но если дар сильный… ты от нас троих свалилась с кровотечением. А если десять человек? Или двадцать?

Я представила себе эту картину, и содрогнулась.

– Мам, я бы с ума сошла!

– И сходили. И такое бывало. Мать говорила, кстати, что дар раскрывается при потрясениях. У нее, вот когда она полюбила, замуж вышла…

– Мам, а она деда не…?

– Не привораживала? Не знаю, Шани. Кто ж скажет теперь?

– А почему ее не разоблачили?

Мама рассмеялась. Весело и легко.

– Шани, милая, это Тиртан. Женщина живет в гареме, и практически оттуда не выходит. Товары приносят торговцы – в дом. Лекарь приходит в дом. Гулять – редко, по саду сколько угодно, а по городу только с отцом, братом или мужем. А уж сколько человек в доме… маме повезло. У них семья была раньше богатая, а потом бедная. Дом большой, а людей мало, семья да пара слуг, она к ним с детства ко всем привыкла, до последней мысли знала. И дар был не сильный поначалу. Приспособилась.

– А потом… я правильно понимаю, она стала сильнее, когда стала женщиной?

– Да, Шани. И говорила, что сила увеличивается с рождением детей. Не знаю, правда или нет.

Я тоже не знала.

Мамина ладонь легла на мои волосы, погладила.

– Давайте остановимся на сегодня? Спать пора… Обещаю, завтра мы еще поговорим. Обдумаем все – и поговорим.

– Мам? Пап? А у меня тоже эти силы могут быть?

Братик молчал почти весь разговор. Но не выдержал.

Мама улыбнулась. Ласково и тепло.

– Нет, сынок. Ты – обычный человек.

– Во-от… Мам, а Шанька может своим даром рыбу на удочку приманить? К примеру? Или рыба слишком умная?

Наверное, это нервное.

Но смеялись мы все. И – до слез.

* * *

Я думала, что долго не усну.

Жизнь – не книга.

Она думала, металась, лоб горел, руки леденели, пальцы дрожали…

Я как легла, так и уснула. И проснулась на рассвете.

Привычно подоила и выпустила коз, покормила кур, выгнала уток…

Такие привычные, домашние дела.

Браслет даже не ощущался на руке, за эти годы я сжилась с ним, он разве что в кожу не врос.

А если снять его? Посмотреть, что у животных с мыслями? Может, я смогу уговорить Тиску не лягаться? А то эта коз-за…

Да, вот об этом папа с мамой и говорили.

Зная – я бы не удержалась. Сейчас – и то хочется. Так и попадаются маги? Да, именно так. Это как с шикарным платьем, показать-то хочется! Хоть и нельзя, а все равно – тянет.

Жутко.

Мама привычно готовила завтрак, отец уже ушел в лес – разговор там, договор, а браконьеры ждать не станут.

Я пришла на кухню, остановилась в дверях и смотрела, смотрела…

Вот моя мама.

Напевает что-то, крутится у очага, вытаскивает лепешки, которые, кстати, печет не так, как в Риолоне принято, я Миха угощала, ему понравилось, но его мама так не делает. Чужая земля, чужой хлеб…

Малышкой она оказалась в гареме, попала на ложе к старому подонку (да, я знаю, что происходит между мужчиной и женщиной, не вконец ведь дура!), потеряла близких, и смогла сбежать.

Встретила моего отца, полюбила.

Сколько же в ней стойкости? Сколько силы?

К горлу подкатил комок. Я сделала шаг, другой – и обняла маму что есть сил.

– Мам…

Меня обхватили теплые руки.

– Ну что ты, родная? Не плачь, не надо….

– Мама, я так вас всех люблю! Так люблю!

– Я тоже люблю тебя, родная. Ты – мое чудо. Если бы не ты, я бы никогда не решилась бежать, не встретила Шема, не была бы счастлива. Это все ты, Шани. Не плачь, малышка. Все у нас будет хорошо…

Куда там!

Я рыдала не в три, а в сорок три ручья, и прошло немало времени, прежде, чем я успокоилась. И только потом…

– Мам, а где Корс?

– Ушел сегодня с папой. Пусть походят по лесу… заодно поймет, что не стоит языком болтать лишний раз.

– Он у нас и так умничка!

Мама покачала головой.

– Ребенок, Шани. Ребенок, как и ты! Как же мы хотели протянуть еще хоть пару лет! Хоть годик бы! Хоть сколько…

– И что бы это изменило?

– То. Садись-ка, режь капусту, а я буду рассказывать.

Я повиновалась. И нож послушно располосовал первый вилок чуть не напополам. У нас тупых ножей не водится, у нас самый лучший папа! Который все делает, чтобы нам с мамой легче было, ему о работе по дому напоминать не надо, у нас все ножи острые, все заклепки на месте, все щели проконопачены… да мало ли дел найдется для отца и мужа?

Я резала и слушала. Мама говорила.

– Шани, детка, дар впервые прорезался у тебя в три года. Три. Года. Мы переезжали с места на место, у меня была неудачная беременность, я как раз недавно скинула ребенка… Обстановка была такая, что отец иногда с ума сходил, не зная, где голову преклонить и как заработать на жизнь. Ты знаешь, что такое маги разума?

– Догадываюсь, – грызя кочерыжку, отозвалась я.

– Маги разума, Шани, это не обязательно самые умные дети. Ты была смышленой, ты рано научилась читать, ты легко осваиваешь науки, но в три года ты была самым обычным ребенком. Только – с даром мага разума. Ты смеешься – и нам хочется смеяться от счастья. Ты плачешь – и сердце в тоске заходится.

Я поежилась.

– И сейчас?

– Сейчас – нет. Блокиратор работает, и сейчас ты не давишь так на окружающих своим даром. А тогда… Мы на тебя его сразу надеть не решились, я же толком ничего не знала. Когда рассказала Шему, что произошло, мы поняли, что надо хватать тебя в охапку и спасаться. Или хотя бы переехать. Жили в пригороде, там народу много, мигом бы неладное заметили. – а я

не снимала блокиратор?

– Нет, – весело улыбнулась мама. – Ты у меня та еще сорока, всегда любила играть с моими украшениями.

И сейчас люблю…

– Я не понимала разницы? Между блокиратором и волей?

– Три года. Что ты могла тогда понять?

На этот вопрос было ответить сложнее всего. Корс в три года был умненьким, я помню. А я?

Мама продолжала рассказывать.

– У нас денег было – крохи. Мы даже постоялые дворы себе не могли позволить. В трущобах жить не хотел Шем, а остановиться рядом с деревней, подработать по мелочи того-сего… так мы и делали пару месяцев, нигде не останавливались надолго, знаешь, когда решились?

– Нет.

– Сила в три года проявилась, но тогда я поняла, что она… через край. Странно, что ты не помнишь. А может, и к лучшему.

– Чего – не помню?

– Нападения.

Нет, не помнила. Ни капельки не помнила.

– Ты потом несколько недель в горячке лежала, а тут и место лесничего подвернулось. Барон эту шайку давно искал…

Мама рассказывает, а у меня перед глазами встает лесная дорога.

* * *

Обычно люди передвигаются по дорогам с караванами.

Так безопаснее. Спокойнее, уютнее, в караване можно купить место на телеге для себя или вещей, кормежку, а охрана там по умолчанию.

Можно ехать в почтовой карете.

Это быстрее, но дороже, намного дороже.

А можно и так, как мать с отцом. Пешком, с серым осликом в поводу. А на ослике навьючены их нехитрые пожитки и поверх мешков сидит рыженькая девочка лет трех, трех с половиной. Сидит, нянчит куклу, смотрит по сторонам, улыбается…

Этот способ самый опасный, но быстрый. А еще – он хорош для тех, кто хочет спрятаться от людей. Караванщиков можно расспросить, а если ты просто идешь по дорогам…

Возможны разные опасности.

К примеру…

Откуда он только взялся, этот мужик с окладистой сивой

бородой? Только что не было, и вот, стоит! Глядит себе нахально, топором помахивает.

– Стоять! Приехали вы, путнички!

Отец оглядывается по сторонам.

А ведь разбойник не один. Рядом с ним вырастают еще двое, и на дереве ветки шевелятся… лучник. Точно.

Будь отец один, он бы дрался.

У него жена и ребенок, он не сможет их прикрыть. И медленно поднимает руки.

– Хорошо. Я оставляю осла, и мы уходим.

Разбойники гогочут.

Лица искажаются похотью, злобой… мама удивительно хорошенькая, даже в мужской одежде, даже с платком на голове. Не скрыть ее такими мелочами.

– Ты уходишь. А бабы твои остаются. Хочешь – осла можешь взять, его и е… вместо баб!

Грубое слово срывается с губ разбойника, мама хватается за руку отца.

Он толкает ее к дочери – держитесь вместе.

Айнара все понимает правильно, прижимается к боку ослика, хватает за руку Айшет.

Девочка поднимает на разбойников глаза.

Спокойные, карие…

– Мам, кто это?

И Айнаре вдруг приходит в голову безумная мысль.

Ящерица… люди… даже если дочь лишится дара – лучше дар потерять, чем жизнь. Весьма мучительным способом.

Шем торгуется с разбойниками.

Они угрожают, он угрожает в ответ, говоря, что тут многие полягут. А женщин ему проще самому убить, чем таким в руки отдать…

Айнара же…

– Малышка, это плохие дяди.

– Очень плохие?

– Да. Как сорок разбойников, помнишь?

– Д-да… – Сказку девочка помнит. – Мам, а у них тоже есть сокровища?

– В лесу. Да, малышка. А еще они хотят нас обидеть.

– Почему?

– Потому что разбойники. Бяки. Шани, ты можешь приказать им?

– Что, мам?

Айнара не успевает ничего сказать.

Торгующиеся стороны не приходят к консенсусу, и в пыль

дороги перед Шемом ударяет стрела.

Мужчина отпрыгивает назад.

– Нари, прочь!!!

Руки сами тянут из ножен кинжал, только навоюешь им – вместо топора? А оружие доставать некогда… хоть задержать!

Шем ничего не успевает сделать.

Девочка спрыгивает с ослика, на котором сидит. Делает два шага.

– Не смейте обижать папу!

Детский крик. Что сделают разбойники?

Да просто рассмеются.

Не в этот раз. Нет, не в этот раз.

Потому что глаза девочки сияют, словно два солнца. Расплавленное золото заливает зрачок, выплескивается в слова. И Шани даже не сомневается, что дяди выполнят ее приказ. Мама же сказала?

– Убирайтесь!!! Плохие, злые, уходите прочь!!!

Кто-то падает с дерева.

Шем оказывается за спиной у дочери, и не попадает под волну сырой неоформленной магии, которая выплескивается из малышки. Детская воля оказывается сильнее взрослой, она гнет и ломает сознания разбойников, она расширяется, охватывая тех, кто попал под приказ… и негодяи разворачиваются. Они и правда собираются уходить.

Только вот Шема это не устраивает. Охранников учат на совесть. Свистят в воздухе ножи.

Один, второй, навзничь оседают два тела – и плевать, что бить в спину неблагородно. Вот про благородство охранникам и не рассказывают!

В два прыжка он оказывается рядом с умирающим, хватает топор…

Шани оседает на материнские руки.

Она свалится в горячке, не приходя в себя. А Шем добьет оглушенных приказом разбойников, а потом схоронит тела в валежнике и пойдет в ближайшую деревню.

Там-то ему и повезет.

В деревне он случайно столкнется с бароном Райдошем. Тот вообще не ездок по полям и селам, но – так получилось. Разбойнички шкодили уже давно, сильно облегчили барону кошелек, вот мужчина и решил приехать, покарать собственнодружинно. Или собственноотрядно.

А тут Шем.

С вопросом, не назначено ли за лихих людей хоть какое вознаграждение?

Барон осмотрел трупы, и поинтересовался, не желает ли мужчина к нему в отряд? Личный?

Шем не желал. Аргументов против было даже два – жена и дочь. Лучше уж подальше от людей бы…

Барон пожал плечами, была бы честь предложена, и предложил Шему место лесничего. А что?

Руки на месте, навыки есть, чего еще надо?

Корс родился уже в домике лесника. И жили они на отшибе, пока Шани не заневестилась.

Девочка пришла в себя примерно через две недели. А браслет Айнара надела на нее, еще когда Шани лежала в бреду. Ребенок воздействовал, хоть и неосознанно, но силенки-то вкладывал немеряно! Пример разбойников был очень показателен.

Шани не перегорела, нет. Но браслет с тех пор не снимала.

Сначала Айнара оправлялась от выкидыша, потом еще раз был ребенок, которого она скинула, потом Корс появился… как-то так и полетели годы.

* * *

Я ничего этого не помнила. Да и не хотела. Ни к чему.

Но….

– Мам, ты хочешь сказать, что выкидыши… из-за меня? Да?

– Нет, – мама покачала головой. – Тут другое. Понимаешь, магам легче рожать от магов. Даже если как у меня – только искорка, все равно. От трея я родила легко и просто. А Шем – обычный человек. Вот и началось… всякое.

– Но ведь Корс…?

– Это была третья попытка. Удачная. Но и роды были тяжелые, и Шем решил больше не пытаться.

– А у меня так же будет?

– С Михом? Безусловно.

– Но ведь твоя сестра умерла? А трей был… с магической кровью?

– Ей было всего четырнадцать лет. Шани, всего четырнадцать. Нельзя так рано ни с мужчиной ложиться, ни рожать, это же понятно!

Я кивнула.

– Мам, я понимаю.

– А ты понимаешь, что вам придется расстаться с Михом?

И это я тоже понимала. Только легче от понимания не было, вот ни на кончик ногтя.

– Иначе – никак нельзя?

– А он примет тебя? Вот такую, мага с силой разума?

– Нет. А даже если он и примет…

– Ты понимаешь?

– Его родители?

– И родители, и деревня, и ты сама, Шани. Главное – ты сама. Ты не сможешь не использовать свой дар, и рано или поздно разрушишь все, что окажется рядом.

– Я такое чудовище?

– Маги разума могут быть страшными, – согласилась мама. – Все эти годы, Шани, я по крупицам собирала знания. Что-то вспомнила, что-то прочитала, дополнила, домыслила… я понимала, что рано или поздно мы столкнемся с этой проблемой, и мне надо будет ее решать. Именно мне.

– Потому что ты моя мать?

– Потому что у меня искра, а у тебя – пламя. Кому, как не мне и рассказывать? Шем мало что знает, а вот я… я даже ему не рассказывала.

Мамины руки привычно управлялись с домашней работой, я помогала, и слушала. А что еще оставалось делать?

– Маги разума, Шани. Маг, который может практически все – и не может ничего. Ты можешь приказать любому. Предать, убить, отдать тебе все имущество… ты – сможешь. Но! Везде есть свои подводные камни, так и здесь. Во-первых, это выброс силы. Если ее мало, тебя не отследят. А если сильный маг колдует, его легко засекает Храм. Я думаю, ты не хочешь всю жизнь молиться во славу Светлого и рожать для его же блага?

Я не хотела. Определенно.

– А храмовникам я приказать не смогу?

– А кто вчера кровавые сопли вытирал? Нас всего лишь трое, Шани, а их будет больше. Намного больше.

– Я просто с непривычки, – было немного даже обидно.

Мама фыркнула.

– Да, еще привычку приобрести осталось. Учти, малявка, самый страшный враг любого мага – толпа. И не таких силачей громадьем одолевали. Многолюдьем. Я тебе потом почитать дам, сама поймешь. На сто человек ты, может, и подействуешь, а на тысячу? Пять тысяч? Когда людей много, они разрушают любые заклинания.

– Думаешь, против меня столько выставят?

– Тут уж, как зарвешься.

Зарваться я могла. Это точно.

– А что во-вторых?

– Человек не один на земле. К примеру, ты приказала барону, чтобы тот женился на тебе.

– Вот еще! Он старый и противный!

– Не суть важно. Приказать ты ему можешь, но у него есть родня, друзья, слуги, крестьяне, в конце концов… и кто-то точно окажется недоволен этой женитьбой. Не один человек, а много… ты на каждого будешь воздействовать?

– Эммм… не знаю.

– Пережжешь себя – и только. Кстати, это третья опасность. На всех людей силенок не хватит.

– Есть и в-четвертых?

– Есть. Самое опасное.

Я помотала головой.

– Куда уж еще?

– А вот туда, малышка. Ты видела, как папа потрошит животных? Ту же свинью?

– Ну да…

– Большое у свиньи сердце?

– Эммм… – я не понимала, к чему ведет мама, но размер показала.

– А кишечник?

Намного больше. И что? О чем вообще идет разговор? О магах – или о свиньях?

Мама откровенно рассмеялась, глядя на мое растерянное лицо, только смех получился вовсе уж невеселым.

– Шани, детка, с людьми тоже так. Маленькое сердце с благородными порывами, и куча кишок с дерьмом. Понимаешь? И если увидишь эти кишки – ты можешь возненавидеть человека. До смерти. Его смерти, кстати говоря, убивать-то ты тоже своим даром можешь.

– Это как?

– Ты еще не догадалась? Просто приказать умереть. Или внушить что-то… к примеру, что человеку стало безумно страшно, или что в комнате пламя, или что наводнение… зависит от ситуации.

– Мам, а тебе не страшно мне о таком рассказывать?

– Ты собираешься меня убить?

Я села мимо стула.

– ЧЕГО?!

– Вот и ответ. Нам ничего не грозит, поэтому я обрисовываю тебе все опасности твоего дара. А кому-то другому… если бы ты не приказала тем разбойникам на дороге, мы бы все умерли. Я, ты, Шем… чьи жизни для меня важнее?

– Уж точно не разбойничьи.

– Вот. Но вернемся к разговору. Ты можешь возненавидеть человека, если узнаешь его до самого нутра.

– А это реально?

Мама пожала плечами.

– Думаю, да. Но магия мудра, я в этом не раз убеждаюсь. Наверняка есть какая-то защита, что-то можно сделать… только я не знаю, что именно.

– А что вообще ты знаешь о магах разума? Приемы, тренировки…

Мама опустила голову.

– Так я и знала, Шани. Так и знала. Ладно! Пообещай, что перед тем, как снять браслет, ты скажешь об этом мне?

– Обещаю, – дала я слово с чистым сердцем. А чего мне врать? Самой страшновато, как подумаю. Жутко даже.

Через несколько минут передо мной на стол опустилась тетрадь. Самая обычная, простая, такими бродячие разносчики торгуют, из старого, сто раз скобленого пергамента…

– Читай. Авось, что и получится.

– Мам, а…

– Меня – не учили. Вообще. Кто бы стал этим заниматься в гареме?

– А твоя сестра?

– Она сама слишком мало знала. Да и как тут учиться – в блокираторах, под постоянным присмотром? Нас же ни на минуту не оставляли, трей боялся.

Я кивнула.

– Мам, я обдумаю все это, ладно? А потом уж поговорим.

– Конечно, детка.

* * *

Вот такой выбор.

Я сижу на берегу реки, опустив руку в воду.

Вода холодная. И небо холодное и серое, и вода серая, и мир тоже серый, и солнце скрылось, и мне тоскливо и тошно. И гадко на душе…

Мих не виноват.

И я не виновата.

Никто не виноват, если уж и проклинать, то Светлого, который сделал мне сомнительный подарок при рождении. Или трея Сиранта.

Вот уж кому я бы с радостью приказала умереть… я правда так думаю?

Это – я?

Пальцы крепко сжимают браслет.

Будь мама добрее, она бы удавила меня еще в колыбели. Или я бы выгорела тогда, в три года, приказав разбойникам уйти…

Не повезло.

А как теперь жить с этим даром? Я не знаю. И река не знает, и лес, и никто не знает…

Нина кого не свалишь, не пожалуешься, не попросишь… надо самой принимать решение. И выбирать тоже самой. И в чем-то мой выбор уже сделан.

Рано или поздно, так или иначе…

Мама умолчала о пятой опасности, но записала ее в тетрадь.

Маги разума рано или поздно всегда поддаются соблазну легких решений. Вот Милава, моя свекровка. Неужели я не попробую повлиять на нее? Если она начнет наушничать сыну, портить мне жизнь, пакостить… не воспользуюсь случаем?

Я себя знаю, надолго моего терпения не хватит.

Это в родном доме мне тепло, хорошо и уютно, а каково в чужом будет? Даже если мы с Михом своим домом заживем, все одно, от людей не отгородишься. И рано или поздно, так или иначе…

Мое терпение лопнет, грань размоется, и я начну пользоваться своим даром.

Сначала по-крупному, потом по мелочам, а потом… где и когда я перейду грань? Когда мои чувства из любви превратятся в холодное равнодушие?

Когда я возненавижу?

И что я сделаю, когда возненавижу?

Серая вода, серые слезы…

Разве я так много хотела от жизни?

Любить, быть любимой, семью и детей. И – все. Этого каждая женщина хочет! И многие получают… почему мне судьба отказала в том уже при рождении?

За что?

ЗА ЧТО!!!?

Я в ярости бью кулаком по воде. Но вода и так холодная, а лицо – мокрое. Смысла в этом жесте никакого. И в моей жизни – тоже.

Может, утопиться? Здесь и сейчас, поставить точку… всем будет легче! Маме с папой не придется бегать, Корс сможет вырасти и выбрать себе девушку в деревне, трей…

Трей Сирант.

Вот кто виноват во всем!

Я прищурилась.

Ну, погоди ж ты, тварь! Доберусь я до тебя!

Рано или поздно, так или иначе… ты хотел мага разума?

Ты его получишь! И подавишься!

Клянусь!

День все еще серый, и жизнь тоже, но после этого обещания на душе становится немного легче. Папе с мамой я не скажу, но когда-нибудь… так или иначе….

Я доберусь до Тиртана. И мы за все поквитаемся!

Надо бы поговорить с Михом. Родители правы, нам надо расстаться, но что сказать? Что придумать?

Пойти, проверить наше дерево? Просто по привычке?

Хм-м…

И что это такое?

Клочок бумаги. Три черточки и точка на одной из них.

Мих будет ждать меня здесь? Через три дня, на нашем месте?

Что ж. Вот и поговорим. Интересно, хватит ли мне этого времени, чтобы придумать какие-то слова? Доводы?

А может, сказать ему про мамину сестру? Про смерть при родах, про мою возможную смерть? Подействует ли? Надо подумать. Надо очень серьезно над этим подумать.

* * *

В этот раз первой на берег пришла я.

Вот честно – о чем говорить с Михом, я по-прежнему не знала, но расстаться с ним собиралась. Родители это поняли, и отпустили меня без споров. А что от них толку? Что они

поменяют?

Мы уже обговорили все это с мамой, потом она поговорила с отцом…

Да. Я расстаюсь и с Михом, и со своей мечтой о счастье, и с любовью…

Больно?

Еще не так заболит, я знаю. Только иначе все равно нельзя. Просто – нельзя.

Мих, Мих…

Родной и любимый, недоступный и такой близкий, только руку протяни – и сожги ее себе по локоть. Нельзя.

Пальцы привычным жестом нащупали браслет.

Серебро давно уже не холодит кожу. Я слишком к нему привыкла, даже не замечаю.

– И кто это у нас такой? Айшет Ланат?

Резкий язвительный голос бьет по ушам, ввинчивается в мозг.

Я поворачиваюсь, и оказываюсь нос к ному с черноволосой девицей. Она выше меня, смуглая, с черными волосами и карими глазами, худая, как жердь, наверное, даже симпатичная. Иногда. Когда не кривит так лицо.

И не смотрит на человека так, словно перед ней кучка навоза. С таким отвращением, гневом, ненавистью… это как озарение. И от нее во все стороны хлещет алый гнев с проблесками черноты. А сейчас еще и ядовитой желтизны зависти. Но ненависти там больше, намного больше, она просто обжигает, как брошенный в лицо горящий уголь.

– Риана Респен?

– Да!

И на моих руках смыкаются цепкие руки.

Я верчу головой.

Двое парней, один постарше, второй помоложе… молодые мужики уже, не парни, лет двадцать пять – двадцать семь. Братья, что ли? Похоже на то…

Те же черные волосы, те же злые глаза и длинные носы. А вот чувства другие. Презрение, злость – не так много, похоть, решимость… это у них на двоих. Им не за что меня ненавидеть, только за сестру. Ее и любят, за нее и мстят. За ее обиду и слезы.

Что им от меня надо? Побить? Изнасиловать? Убить?

Надолго в неведении меня не оставляют. Риана прищуривается.

– Сейчас ты сдохнешь, сука!

– За что? – ответ я предполагаю, но хотелось бы знать точно.

– За Миха!!! Он мой, и всегда был мой! А потом ты приперлась… не будешь зариться на чужое! Вообще не будешь!

Гадина!!!

Риане явно хочется выговориться, она прохаживается по берегу, но недалеко, слишком уж она зла.

– Ненавижу тебя!!! Сразу поняла, что у него другая есть, думала переспит, а он… он сказал, что все кончено, и ушел! Меня на всю деревню опозорил! Все ты, тварь! Хорошо, тетка Милава сказала, где искать…

– Хватит, сестренка. Времени мало, – вмешивается один из парней. – Уходи. А мы ее сейчас придушим, а потом в реку скинем, словно оскользнулась, упала, головой ударилась, да и захлебнулась. Никто и не поймет!

Я хотела умереть?

Я передумала. Больше всего на свете, здесь и сейчас, я хотела ЖИТЬ!!! И меня могут убить, просто потому, что деревенская дура приревновала?

Могут…

Страшно…

Так страшно, как никогда не было. И что-то вспыхивает озарением!

Риана делает шаг назад. Я вскрикиваю, нарочито умоляюще.

– Подожди!

– Что?! Страшно?

Я качаю головой.

– Может, я сама расстанусь с Михом? Скажу ему, что не люблю, верну браслет…

– БРАСЛЕТ?!

В Риолоне носят брачные браслеты. Риана подскакивает ко мне.

– Какой?! Вы что…

Я чуть дергаю плечом, намекая, что показать не могу. Мужики переглядываются, но что страшного в браслете? Что может им сделать девчонка?

Ладно уж, пусть ее… на пару минут!

Риана стаскивает с меня браслет.

– Стерва! Вы что – женаты?! КАК?!

Но я уже почти не слушаю. Потому что накатывает шторм.

* * *

Это как буря, как ураган, только в этот раз я в нем не захлебываюсь.

Уже – нет. Второй раз меня врасплох не застанут!

Волна ненависти, боли, злобы, гнева накатывает на меня, но

навстречу воде я выпускаю свой огонь.

Искра?

Пламя?

Лесной пожар!

И в то же время – нечто вроде тумана.

Как запах, как дыхание, как солнечный свет, я стою в центре, а он расходится от меня волнами. Захлестывает сначала мужчин, которые стоят вплотную, потом саму Риану…

И я знаю, здесь и сейчас – они в моей власти.

Это… пьянит? Пугает? Отвращает?

Нет.

Мама полностью была права, природа магии такова, что маг разума не станет вредить себе. А вот другим – вполне!

– Отпустите мои руки, – ледяным тоном приказываю я.

Хватка на предплечьях исчезает. Мужчины стоят рядом, как две куклы – больше им ничего не приказывали, хотя они готовы на все. И меня это ни капельки не пугает.

У меня нет чувств. Нет ничего, и меня тоже почти нет. Есть ледяное и рассудочное чудовище, которое здесь и сейчас просчитывает варианты действий.

У меня два выхода. Оставить в живых – или убить.

Убить – или оставить в живых? Что лучше?

Сложно принять решение, не зная предыстории, поэтому я маню Риану пальцем.

– Положи браслет на землю. И сделай два шага вперед.

Девушка повинуется так, словно я ее дергаю за ниточки. Кажется, даже пытается сопротивляться. Я смотрю на мужчин.

Нет, с ними все в порядке. Они словно облепиховым вареньем облиты, моя сила пронизала их насквозь, не оставив ничего нетронутого. Они целиком и полностью принадлежат мне. Прикажу убить – убьют. Прикажу умереть – умрут. А что с Рианой?

А тут интереснее.

Она меня так ненавидит, что алые вспышки пробиваются даже сквозь мою силу. Она явно пытается сопротивляться, только силенок не хватает.

Интересно.

Я тоже делаю шаг, кладу руки на виски Риане – и вглядываюсь в ее глаза.

Так – правильно. Я не знаю, о чем спрашивать, и она сможет умолчать о чем-то важном. Ненависти хватит. А вот если просто посмотреть… даже если я возненавижу ее в ответ – какая теперь разница? Вот уж на что мне наплевать…

Я смотрю в карие глаза – и душа Рианы послушно

распахивается передо мной, до самого донышка. До самых гадких и потаенных мыслишек.

И как же она меня ненавидит…

* * *

Я не проглядываю всю ее жизнь, хотя при желании я могу сделать и это. Только последние пару дней.

Разговор с Михом.

Разговор с моей свекровью… мне становится интересно.

Мих…

Я вижу его глазами Рианы, и удивляюсь – насколько мы с ней похожи? Он такой же красивый в ее мыслях, как и в моих. Красивый, сильный, добрый… и растерянный.

– За что ты так со мной? Что я сделала не так?

Мих разводит руками.

– Ри… прости. Я просто люблю Шани.

– Что? Что в ней есть такого, чего нет у меня?

Мих смотрит смущенно, но твердо.

– Риана, тут не угадаешь. Шани… она как солнышко!

И меня захлестывает волна ненависти. Чужой ненависти, Рианиной. Но девушка отлично понимает, если она сейчас выплеснет свои чувства, Мих окажется навсегда потерян…

И закрывает лицо руками, искусно подглядывая из-за пальцев.

– Опозорена… Бедные мои родители!

Слезы катятся сами собой. Злые, гневные… Мих просто не знает, что женщины плачут еще и от ярости.

Мих теряется. Лицо его выражает смущение…

– Ну, что ты, Ри… не надо, ты мне как сестра…

Я не хочу быть твоей сестрой, идиот!

– Вся деревня ведь знает… Мих, не позорь меня, умоляю!

– Ри, я женюсь на Шани. Не на тебе.

Риана отнимает руки от лица.

– Не объявляйте пока о помолвке! Дайте мне время! Пожалуйста!

– Сколько?

– Хотя бы год!

– Для чего?

– Я найду себе парня… Мих, для девушки репутация брошенной…

Мих кивает. Дурачок…

– Ладно. У тебя есть время до приезда холопа.

– А потом?

И на лице парня появляется такая улыбка, что мне-Риане хочется стереть ее кулаком. Или вцепиться когтями.

Негодяи!!! Предатели!!!

Она молчит. И Мих молчит тоже.

Потом Риана всхлипывает.

– Я все понимаю, Мих. Спасибо тебе…

– За что?

– Что позорить не стал.

Риана подается вперед и крепко целует парня.

Моего парня!!!

Что за наглость?

* * *

И второй разговор. Риана и моя несостоявшаяся свекровь сидят друг напротив друга.

– Матушка, что мне делать? Мих ни о чем и слышать не хочет!

– Пара лет у нас есть…

– Нету, матушка. Он мне дал время до приезда холопа…

Милава задумывается на пару минут, а потом приходит к верным выводам. Глазки сверкают злостью.

– Ах он… щенок!

– Если они поженятся, то все. Все кончено…

Милава кивает.

– Да… это плохо. Вот, если бы эта дрянь куда-нибудь делась!

– Куда ж она денется?

– Мало ли… может, ей кто-то бежать предложит?

– Кому она нужна, – зло цедит Риана.

– А вдруг? – продолжает намекать свекровка. – Я знаю, как они с Михом списывались…

И рассказывает про наше дерево, про черточки… Мих рассказал матери?

Зачем?

Дурак!

Просто дурак.

Риана слушает и запоминает. И задумывается.

Тогда-то в ее голове и складывается план. А братья помогут. Только не увозить гадкую соперницу, а просто убить ее. Упала в реку, утонула… бывает! Никто и не заподозрит неладного! И найдут-то не сразу, речка у нас коварная, с омутами, с ямами и илистым дном.

Здесь и сейчас меня хотели убить.

Я отпускаю голову Рианы, и та оседает на землю покорной куклой. Больше она не сопротивляется. Наверное, я причинила ей боль…

Это важно?

Нет.

Важно другое – моя сила скоро иссякнет. Это я понимаю отчетливо. А потому…

Разум работает как никогда четко. Могу ли я стереть всю память у этих людей?

Да. Но оставлю их идиотами. Как чистый лист бумаги. Начнутся поиски, поднимется шум… проще избавиться от них навсегда. Нет человека – нет проблемы.

Начнем с Рианы.

Ты хотела меня убить?

Умри…

Я смотрю в карие глаза.

– Поднимись. Сейчас ты пойдешь к реке, разденешься и нырнешь. На дней найдешь корягу, ухватишься за нее и будешь читать про себя все молитвы, которые знаешь. Пока не дочитаешь – не отпускай корягу.

Риана не сопротивляется. Она сломлена окончательно.

Я смотрю на ее братьев.

На младшего.

– Убей своего брата.

Тот послушно достает нож.

Я смотрю на старшего.

– Защищайся.

И отскакиваю, чтобы не попасть между ними.

Двое мужчин сцепляются в жуткий клубок. Хрипящий, дергающийся…

И тут сила покидает меня. Я бросаюсь к кустам, и меня начинает мучительно выворачивать.

* * *

На поляну я вышла только минут через двадцать, и то – пошатываясь. Сорвала несколько листьев с куста, пожевала, чтобы горечью отбить мерзкий привкус во рту.

Меня шатало и мутило, но надо же забрать браслет?

По счастью, серебряный обруч лежал там же, где оставила его Риана. Я взяла его, медленно надела на руку.

И – вздохнула.

Хорошо, что у мамы была такая полезная вещь, иначе бы я уже сошла с ума. Мне… то, что получилось, мне очень не понравилось. Это была не я. Это было холодное и бессердечное чудовище, которое с легкостью принимает любые решения. Даже самые гадкие. Даже самые кровавые….

Рианы нигде не было. Я даже не сомневалась, что она уже утонула, а тело… Либо оно на дне, либо ее унесло куда-то.

Следов на теле не останется, даже магических. Вода все смывает.

А ее братья…

Старший был мертв. Младший, раненый в живот, доживал последние минуты. Я перехватила его взгляд…

Смесь ненависти, страха, отвращения…

Как хорошо, что я в блокираторе. Даже смотреть на черно-серо-бурую смесь эмоций – и то гадко, а уж читать…

– Вы первые напали! – зло крикнула я. Оправдываюсь?

Да, наверное. Не перед ними, а перед собой. Мне не понравилось то чудовище, которое глядело из моих глаз?

Мне слишком понравилось это чудовище.

Голова кружилась все сильнее и сильнее… надо присесть хотя бы ненадолго. На пару минут. А потом я пойду домой.

* * *

Нашел меня Корс.

Мама спохватилась, что меня долго нет, попросила братика поискать, а Корс проявил смекалку.

Увидел тела на берегу, нашел меня, лежащую практически рядом…

Братик у меня умничка и молодец. Он тут же бросился за мамой, и вдвоем они кое-как, на волокуше, дотащили меня домой. Потом мама отправилась заметать следы, а Корс остался сидеть со мной.

Отец вернулся вечером, я пришла в себя только утром. Тогда и рассказала все родителям.

Скрывать что-то мне и в голову не пришло. Это же мама и папа! Самые мои родные и близкие люди! Кому еще и знать все, как не им?

Я понимала, что меня будут ругать, что поступила плохо…

И не удивилась, когда открыв глаза, увидела над собой грустное мамино лицо.

– Шани, Шани… что же ты наделала, детка?

– Я защищалась.

Говорить было сложно, но я хотела, чтобы мама знала. Я никогда бы первая не нанесла удар.

Меня хотели убить, с меня сняли браслет. Не я, нет… У кошки есть когти, а у меня когтей нет. Я дралась тем, что дала мне судьба.

Но я никогда не применю это против своих родных. Я люблю их!

Мама качала головой. Она все понимала, но… ее тревожило нечто другое?

Что?

– Ты не понимаешь, детка. Ты просто не понимаешь…

С другой стороны подошел отец, сел рядом с матерью, обнял ее. На кровать взобрался Корс.

Мои родные. Мой мир.

На что я пойду ради них?

Странный вопрос. На все.

Папа тоже был непривычно хмур и сосредоточен.

– Шани, ты использовала свою силу?

– Да, пап…

– Расскажи, как это было. Подробно расскажи.

Вспоминать было неприятно. Но – необходимо. И я честно вспоминала все. От слов Рианы до своих ощущений.

Отец достаточно долго сидел молча, потом вздохнул…

– Шани, повтори еще раз, как из тебя выплеснулась сила?

– Как будто кто-то окрасил мир в золотистые тона. И все стало простым, понятным и… холодным.

– Холодным?

– Как будто не совсем я думала. Кто-то другой, более спокойный, жестокий…

– Это неудивительно, – вздохнула мама. – Я знаю, когда применяешь эту силу, все чувства отключаются. Остается только разум. Шани… сестра рассказывала.

– И это так – всегда?

– Ты просто не умеешь себя контролировать. Все выплеснула, вот тебе и плохо стало.

– А сейчас станет еще хуже, – пообещал отец. – Вы с Корсом через два дня уезжаете.

– Папа?!

Отец тряхнул головой.

– Да, Шани. Выбора у нас нет.

– Но почему?!

– Все-то ты продумала. Риана на дне, ее братики друг друга прирезали, только одного не просчитала. Ты выплеснула силу. Сразу нас не найдут, но спустя какое-то время… уж поверь, такой

всплеск никто не пропустит.

Я замотала головой.

– Пап… но кто?

– Храм, к примеру. Хочешь всю оставшуюся жизнь молиться?

Я замотала головой. Нет, не хочу. Но…

– Или хочешь поглядеть в глаза Миху?

А вот этого я не хотела – втрое.

Глядеть в любимые глаза, и знать, что я убийца…

Вины я за собой, кстати, не чувствовала. Оправдываться… да, я пыталась объяснить, что произошло, но не винила себя. Хотя и убила. Почему?

– Потому что эти люди хотели убить тебя. Ты ударила первой – вот и все, – спокойно разъяснила мама. – Или тебе так хотелось умереть?

Мне хотелось жить. Но…

– Так просто?

– Нет, Шани. Не так и не просто. Сколько людей в такой ситуации промедлят, начнут сомневаться, пожалеют негодяев, не найдут в себе сил убить… и рано или поздно умрут. Основной закон – убей врага, пока он не убил тебя.

Я поежилась.

– Они ведь не были врагами?

– Были. И ты сама это понимаешь. Разве нет?

Я понимала.

Более того, я видела их душонки насквозь. Все их мелкие мысли, всю грязь, и не испытывала никаких угрызений совести. Но наверное, так неправильно?

Отец покачал головой в ответ на мой вопрос.

– Что – неправильно, Шани? Что в ответ на зло мы даем подлецу возможность ударить второй раз?

– Ну…

– Ты ее не дала. Ты сберегла свою жизнь, и я хочу, чтобы ты и впредь поступала так же. Но была осторожнее.

Я вспомнила то ледяное чудовище, и поежилась.

– Пап, ты хочешь, чтобы я и дальше использовала свою силу?

Отец пожал плечами.

– Не могу сказать, что буду от этого счастлив. Но волшебник уже вышел из темницы, и обратно его не загонишь. Значит, надо с этим жить, научиться пользоваться…

Пользоваться – этим? Но как?

– У меня было такое ощущение, что пользуюсь не я. Пользуются мной.

– Ты не привыкла к своей силе. Это как ярмарочный силач и воин. Там, где первый будет размахивать дубиной, второму

хватит одного укола кинжалом.

– Но смогу ли я?

– Не знаю, Шани. Не знаю…

Я прикусила губу.

– Куда мне надо уехать?

– Не тебе. Вам с Корсом.

– Почему мне?

– Почему нам?!

Два негодующих вопля слились в один. Родители переглянулись.

– Потому, Шани, что дети – наше уязвимое место, – объяснил отец. – Шантажируя нас Корсом, легко заставить выдать тебя. А еще его можно похитить, убить, пытать…

Я перевела взгляд на братика.

Похитить?

Пытать? Корса?

Да разве такое вообще возможно? Это же… это надо быть даже не человеком, а полной мразью. Хуже гниды!

Отец фыркнул.

– Нет, Шани. Достаточно верить, что мучая Корса, эти люди спасают мир от чудовища. Догадаешься, от кого?

Я медленно кивнула.

Да. От меня. И ведь они будут недалеки от истины.

– Я уверен, что ты позаботишься о брате. А мы отобьемся – и приедем к вам.

А Мих?

Сердце кольнула иголочка боли, но я не позволила ей вырасти до кинжала. Только не сейчас.

– Куда нам надо уехать? И когда?

– Послезавтра. Я знаю, где и когда будет проходить караван, я договорюсь о вас. А куда… Там вас никто искать не будет, точно.

– Где же это?

– А, у всех на виду, – улыбнулся отец. – На самом открытом месте.

* * *

Что полагается делать убийце?

Магу разума?

Ведьме?

Конечно, спрятаться где-нибудь в глуши и не показывать носа.

А как насчет Коренса? Симпатичного городка неподалеку от столицы Риолона? Шумного, веселого, стоящего на торговом пути, а потому вечно кипящего то приезжими, то отъезжающими. Там-то люди друг за другом не следят, за кошельками уследить бы. Согласна, в городе должно быть проще затеряться. Но… как мы там будем жить?

– А вот за это не волнуйся, – отмахнулся отец. – И денег дам, и не просто так отправляю. Есть у меня знакомый…

* * *

Знакомый, да…

Пятнадцать лет назад, когда принц Александр Раденорский громил Тиртан, бежали многие. Под горячую руку его высочество не разбирал, кто прав, кто виноват. Он просто спускал на города своих некротворений, с приказом не трогать женщин и детей. Но мужчинам-то легче от этого не было?

Допустим, мертвяки жену и детей не тронут. А от голода – оно лучше сдохнуть? Они ж пашню пахать не будут, сена не накосят, скотину не обиходят… да и самому умирать неохота.

Вот и бежали тиртанцы.

Бежали семьями, в Риолон, в тот же Раденор, в глубь страны, куда не дотягивался некромант. Бардак творился – страшный.

А на чужбине страшно. Холодно, голодно…

На судне контрабандистов, еще тогда, давно, Шем познакомился с Ташаном.

Молодой мужчина тоже удирал с семьей из Тиртана, правда, перспективы у него были похуже. Детей трое, жена беременная, а денег – кот наплакал. И то – кот был подозрительно довольным и долго плакать не пожелал. Месяц – два, может, и прокормятся. А там…

Что двигало Шемом и Айнарой, когда они отдали часть золота Ташану?

Сострадание?

Да, безусловно, они пожалели бедолагу. Но не только.

Это деньги не имеют примет, а украшения, которые дарят наложницам, именные, приметные, у лучших ювелиров заказанные…

Как украшения – их можно отследить. А переплавить на лом – рука не поднимается. И красиво, и подешевеет вчетверо, кабы не больше. Иная работа дороже золота стоит.

Так что Ташан получил два браслета и тяжелое витое колье.

Был благодарен, кланялся земно, обещал долг отдать. И

отписать, как устроится.

Первое письмо отец получил от знакомого лет десять назад. Что поделать – родители путешествовали, примерялись, искали местечко поглуше, я же не могла свой дар контролировать, значит, растить меня надо вдали от людей. А Ташан не колебался.

Выбрал городок побойчее, и прикупил себе трактир.

Отмыл его, отчистил, и принялся готовить тиртанские блюда. Порядки похожие завел, чтобы по полу в обуви не ходили, чтобы подушки вместо лавок, маленькие столики… и пошло дело!

Да как пошло!

Беженцев из Тиртана было много.

Кто-то подработает, кто-то передохнет пару дней в знакомой обстановке, а риолонцам просто интересно прийти, как в королевский зверинец. Считай, полюбоваться как на ярмарке, на скоморохов.

Денег у Ташана хватило, и долг бы отдал, просто не знал, куда высылать. И так они друг друга на пять лет потеряли, договорились, что весточку, ежели что, оставят в одном трактирчике, в прибрежном городке, но отец туда долго выбраться не мог…

Ташан писал, что все у него хорошо, деньги готов отдать, пусть только старый друг скажет…

Старый друг отписал, что без денег пока перебьется, не нуждается, так что пусть дружище Ташан их в дело вкладывает, раз уж так хорошо получилось. Шем дает добро!

Ташан не упустил своей выгоды.

Сын у него сейчас торговал тканями и ездил по Риолону с караванами, дочерей он удачно выдал замуж, младший сын пока помогал отцу, но скоро тоже оперится, ему караваны водить хочется, вот, Ташан подумывал, чтобы пристроить его в помощники к знакомому караванщику. Покамест за конями в караванах ухаживать, а там – кто знает? Пусть мальчишка к ремеслу приглядится, знакомства заведет, тропки разведает, а там – кто знает?

Вот к нему-то отец и собирался отправить нас с Корсом.

– А вы?

– А мы отправимся в другую сторону, – просто ответил отец. – Будем отводить опасность и от вас, и от себя. Здесь оставаться нельзя.

Я вздохнула.

В теле ощущалась противная слабость. Гадкая такая, гнусная…

– Это все я виновата…

– Нет, Шани. – Отец махнул рукой, отметая мои угрызения

совести. – Это не ты. Это мы с мамой виноваты перед тобой. Легко было надеть на тебя блокиратор, легко не говорить о твоих способностях, просто жить, быть счастливыми… Учить, возиться, опасаться выплеска силы было бы намного сложнее.

– Я же была ребенком.

– Через пару лет, – мама осторожно подбирала слова. – Ты стала бы иной. У магов так, у них короткое детство, долгая юность и длинная зрелость.

– А старость?

– Старых магов не бывает. Сила позволяет отодвинуть старость – до смерти. И маг даже в двести лет будет выглядеть вчетверо моложе.

Я заинтересовалась. Рано, конечно, об этом думать, но приятно ж!

– Я бы повзрослела? Или поумнела?

– Ты бы лучше себя контролировала. Когда девушка роняет кровь, у тебя это произошло около года назад, помнишь?

Я помнила.

Знаю, некоторым женщинам бывает больно, а я даже не поняла, в чем дело. Просто из меня кровь потекла… так странно?

– И что?

– Магия созревает вместе с телом человека. Это как с танцами, которым я тебя учила, понимаешь?

Я понимала. Да, это как танцы. Маленький ребенок их не повторит, разве что упражнения делать, потом, когда тело начинает созревать, когда лучше контролируешь себя – и получается лучше.

– Моя магия окончательно созрела бы годам к семнадцати?

– У мамы, твоей бабушки, так было. Но ты намного сильнее, поэтому мы с отцом точно не знали. Просто подстраховались. Мы бы поговорили с тобой – позднее, объяснили все, и постепенно ты бы смогла взять свою силу под контроль. Не получилось.

И я даже знала – почему. Угораздило меня…

Мих…

– А как мне…

– Уедешь не попрощавшись, – коротко отрезал отец. – Я с ним сам поговорю, по-мужски.

– Папа!

– Ничего страшного, Шани.

Кому – как!

– Шани, детка, – мама взяла меня за руку, вынуждая поглядеть ей в глаза. – Скажи мне, Мих сможет принять твой дар?

Нет. Не сможет.

– Уехать с тобой? Скитаться по чужим краям? Беречь тебя,

как меня – Шем?

И вновь тот же ответ. Не сможет. Это – не его.

Мих создан для этого мира. Для этого леса, этой деревни, этих полей и лугов. Вытащи его в город – и он растеряется. Он… он как камень. С удовольствием проживет здесь свою жизнь, женится… как женился бы на Риане Респен, не попадись ему навстречу я.

И все же…

Осталась бы я с ним – здесь?

Да.

Была бы счастлива?

Да. Если бы ней мой дар. А…

– Пап, мам, а можно избавиться от этого дара?

Родители переглядываются.

– Можно перегореть, – мама не врала никогда, и сейчас врать не станет. – Если слишком сильно выплеснуть дар… я точно не знаю. Вроде бы можно. Только тебя это не спасет.

– Почему?

– А дети?

Я прикусила язык. Действительно, дар уже есть, он никуда не денется, а дети, мои дети, так же могут нести его. И чтобы защитить их – и себя, лучше уж обладать даром, а не выжигать его. что-то подсказывает мне, что желающие использовать меня всегда найдутся. А не меня, так детей…

И так плохо, и этак…

Интересно, а для меня вообще возможно счастье?

Кажется, ответ я уже знаю…

Мама улыбается.

– Счастье, Шани, возможно для всех. Рано или поздно, так или иначе…

Почему-то сейчас меня эти слова не утешают. Но мама ведь счастлива? И бабушка тоже была…

Что ж, буду собираться. Завтра, с утра. А сейчас – поспать бы…

Деревня Большие Щепки.

Когда к старосте в дверь заколотили, Брох Лемерт как раз подносил ко рту кружку с элем.

Рука дернулась, эль полился на штаны.

– Темный в лес!

Сам староста, конечно, дверь открывать не побежал, не по чину. Младший сынок открыл, и увидел на пороге мельника – Дерка Респена.

Встрепанного, запыхавшегося, измученного – и с совершенно

отчаянными глазами. Мужчина буквально вломился в дом, едва не снеся по дороге Милаву, и почти упал на лавку рядом с Брохом.

– Брох! Выручай!!!

Тут уж и староста понял, что дело нешуточное. И впихнул в руки Броху кружку с элем.

– Пей! А то хрипишь, что умирающий!

– Детки мои! Детки пропали.

У Милавы, которая как раз хотела обновить кувшин с элем, руки разжались. Хорошо в них пустой кувшин был, но черепки собирать все одно пришлось.!

Дерк в один глоток осушил кружку, и принялся рассказывать старосте о своей беде.

Это – деревня. Бездельников здесь не водится, равно как и лентяев. И та же Риана с утра до вечера крутилась по дому, то помогая матери с младшими, то со скотиной…

А старшие сыновья помогали на мельнице.

Все было как всегда… вот только утром ни Рианы, ни сыновей – двух старших, Шерка и Борка в доме не оказалось.

Нигде их не было.

Сначала Дерк даже не встревожился. Бывало и такое, мальчишки были дружны, и по бабам, бывало, вдвоем ходили. Приглядели кого, да и пригрелись под боком. Мельник точно знал – случалось такое.

Риана?

Сестрицу они любили, да и Риана старших братьев выделяла, таскалась за ними хвостом, а то и бегать, предупредить могла. Бывало.

Дерк прождал детей до девяти утра – и встревожился уже всерьез. Побежал по деревне, расспрашивать, что и как, но никто не видел его детей. Послал еще одного сына в соседнюю деревеньку, хоть и далеко, поехал по лесным хуторам…

Никто ничего не знал.

К Борху он приехал уже напоследок. Поднимать народ.

Староста задумался.

Только вот не был бы он старостой, если б в своем доме беду не заметил. Милава, которую обычно было из-за стола не выгнать, в этот раз держалась подальше. Гремела чем-то у печи…

– Жена, поди-ка к нам? – ласково окликнул старостиху Борх.

Милава не торопилась. Пришлось еще раз позвать, и только тогда дородная женщина явилась пред светлые мужские очи. Стояла, а руки-то передник теребили… кому как, а Борх сразу понял, что совесть у жены нечиста.

– Что знаешь, мать? Выкладывай , давай…

Не только Борх хорошо знал свою жену. Милава тоже понимала, когда лучше не вилять, а то ведь приложит, так приложит…

– Не знаю я…

– Но?

– Риша ко мне подходила недавно, – честно призналась женщина. – Они ведь с Михом с детства вместе и для нее ударом было…

– Короче! – рыкнул Борх, уже догадываясь.

– Ну, сказала я ей про эту стерву! И что?

Объяснять о какой стерве речь идет, не понадобилось. Мужчины примерно догадывались.

Борх переглянулся с Дерком.

– Ты своих детей лучше знаешь. Могли они… помочь сестре? Разобраться в проблеме?

Дерк схватился за бороду, пропустил ее через кулак, словно оторвать хотел с куском челюсти..

– Ох… могли.

– Тогда… к Шему надо идти.

Мужчины переглянулись. Дело было вечером… до домика лесника идти было даже днем – часа три, а уж ночью – вдвое. Стемнеет скоро…

– Я сам съезжу, – решил Дерк.

Борх вздохнул.

– Сейчас Миху скажу. Втроем поедем.

Все ж мельник в деревне – человек не последний. Не стоит с ним ссориться, а то, может, и породнятся еще? Лесник-то человек неглупый… много воды за два года утекло бы.

И почему это соплячье никогда взрослых не слушает?

Или…

Мих отправился седлать коней, телегу решили не брать, Дерк пошел помогать ему, а Борх таки поймал жену за косу.

– Точно? Учти, что узнаю – месяц не встанешь, стерва!

Милава прищурилась.

– Я что сказала, то и сказала. А взгляды… да, плохой взгляд был у Ришки, так что ж удивляться? Переживает девчонка.

Борх кивнул.

Да… худшие его опасения подтверждались.

Лес, лесник, трое сопляков, которые на его дочь руку подняли… тут можно и концов не найти. Знал староста про разбойников, которых Шем положил в рядок, да и браконьерам от него доставалось. Опасный он человек. А искать все равно придется.

Что еще хуже – лесник, это не просто так себе мужик с

хутора. Это – человек барона.

Личный. Облеченный доверием. И поднять на него руку – это барону прямое оскорбление. За такое и вся деревня пострадать может. Если Рианка с братьями и правда чего натворила…

Закон прост.

Поднял ты руку – ну так и получи. Женихов уводить не запрещено, отродясь девки таким баловались. И за косы друг друга драть – тоже. Побеги Рианка одна с лесничьей дочкой ругаться, ей бы с рук сошло. Но если она братьев попросила…

Тут лесник в своем праве. Мог головы всем троим открутить, и никто слова не скажет.

А Дерк за детей рогом упрется. Опять деревне убыток… вот как поступить?

Что ж это соплячье взрослых-то никогда не слушает?

Староста мечтательно поглядел на хворостину. Может, еще не поздно воспитывать-то? Родных чадушек? Авось, чего и дойдет?

* * *

Я спала.

Вопреки всем рассказам, у меня все было в порядке. Кошмары не снились, мертвецы во сне не приходили. Куда им, бедолажным?

Мама потрясла меня за плечо.

– Шани проснись.

Утро? Уже?

Я перевела взгляд за окно.

Темнота… ночь. Что случилось?

– Староста приехал. С сыном и мельником. Респеном.

Я вздрогнула.

– И? Мам?

– Мы с ними поговорим. А ты… – мама потупила глаза, а потом как в омут бросилась. – Поговори с Михом. Можешь сказать ему, что мы тебя ненадолго в город отсылаем. Но к семнадцати вернешься. Или еще как… сама подумай.

Я посмотрела маме прямо в глаза.

– Спасибо.

Мы обе понимали – не вернусь. Но вот дала нам судьба эту встречу с Михом, и это уже счастье. Я не выброшу его в колодец.

Хоть раз, хоть одна встреча, но пусть у нас будет!

Мама взъерошила мне волосы.

– Про Риану и ее братьев ты ничего не знаешь. Не были, не

приходили. Поняла?

Я кивнула.

Все я поняла. Спасибо, мама…

И принялась спешно одеваться.

– А Корс?

– Спит.

* * *

Кажется, я себя немного переоценила. Ноги пока еще подкашивались. Слабость такая, дурная, словно после болезни. Тошнотная, гадкая…

Но к Миху я слетала птицей. И повисла на шее.

Последний раз.

Впитать в себя тепло, уют, последний раз поглядеть в его глаза, погреться у его любви…

Эгоистично?

И пусть! Я ведь тоже его люблю.

Ночные гости посмотрели неласково, но я уже вылетела во двор.

– Мих!

– Шани!

И это тепло. Золотистое, ласковое, пронизывающее весь мир, и меня в том числе. Не такое, как моя сила. Не холодное, словно янтарь, а теплое, уютное, нежное…

Несколько минут мы просто молчали. Потом я заговорила первой.

– Мих… отец меня к тетке отсылает.

– Что?!

Для парня это стало ударом. Я видела.

Золото продернулось красными нитями боли. Помутнело, дрогнуло стеклом…

– Сказал – на зиму. Чтобы мы чего не натворили…

Мих потупился. И верно, могли натворить.

– Но ты же вернешься?

– Я тебя тоже люблю.

Соврать впрямую я так и не смогла, но Мих понял мои слова по-своему. И привлек меня к себе.

– Шани… жить без тебя не смогу.

Сможешь, родной мой. И я смогу. У нас просто нет выбора.

– Мы еще будем счастливы. Я знаю…

Я не лгала.

У Миха есть шанс стать счастливым – без меня. А у меня…

даже если его нет – это не значит, что я сдамся.

– Отец говорит, что если я тут останусь, мы что-то да утворим.

Мих потупился. Ну… разве нет? Я уже натворила, только не совсем то, о чем думал парень. Он-то мечтал о сеновале, а у меня получилось совсем иное.

Ледяная вода, которая утянула Риану, горячая кровь, которая пролилась на землю…

Да, я виновата. Но не я начала это первой.

– Шани…. Никуда тебя не хочу отпускать.

И прозвучало это, как приговор. Может, и не хочет. Но отпустит, и послушается старших, и… Мих, ах, такой Мих…

Добрый, послушный, ласковый….

Я коснулась его щеки ладонью, вглядываясь в серьезные глаза.

В последний раз.

И вдруг ожгло, словно хворостиной. Зло так и плеснуло по округе, надрывное, черное, с красными прожилками боли…

– Ради этой дряни ты мою дочку оттолкнул?

Тут и догадываться не пришлось. Мельник. Респен.

Я медленно обернулась. Он стоял на крыльце, смотрел на нас, и аж весь плескал по округе злостью и болью. Так и хотелось закрыться, отшатнуться…

Не дождешься!

За его спиной виднелись фигуры родителей. И они ждали…

Я точно знала, это был первый урок. Сумею я сейчас сдержаться? Справлюсь? Разрешу ситуацию, если и не миром, то хоть без применения силы? Значит, меня можно считать взрослой.

Сломаюсь? Попробую воздействовать? Тогда точно все пропало…

Я вскинула голову.

– Я вам не дрянь! А сердцу не прикажешь! Не все на деньги меряется! Ничего, вы еще кого другого своей дочке купите!

Мельник аж зашелся в черноте.

– Ты…

– Я девушка еще! Любая повитуха скажет. А про вашу дочь такое сказать можно?

И…

Я не просто попала в цель. Я задела всех присутствующих.

Побледнел, вздрогнул Мих. Осекся на полуслове мельник. Кхекнул староста.

И потянуло от любимого чем-то таким… вина? Да, желтоватая, мутноватая, как желток от тухлого яйца. Он и

Риана…

Не просто так взъелась девчонка. Они же с детства сговорены, вот и не дотерпели чуток. И все знали, и одобряли, если бы Мих со мной не встретился, может, к зиме и надел бы он Риане браслет.

Что тут скажешь?

Что сделаешь?

Я не знала. И потому доверилась интуиции, которая приказала мне коснуться пальцами руки Миха.

– Все хорошо. Я все понимаю… и не виню тебя.

И вышло так искренне.

Староста Лемерт вновь кхекнул. А мельник шагнул вперед.

– Что, простишь мужика? Да, было у них, так что если Ринка в подоле принесет…

На миг окатило волной ужаса.

Я убила… четверых? И нерожденного ребенка – тоже?

Но потом схлынуло. Нет, не была Риана в тягости, она бы совсем иначе виделась, это точно. Откуда я это знаю?

Не понять. Но я убила троих, не четверых. Хотя меня это и не оправдывает.

– Сучка не захочет, кобель не вскочит, – поговоркой отозвалась я. – Ваша девка, ваш приплод.

– Ребенка без отца оставишь?

– Не я вашу дочь под мужика толкала. Не мне и отвечать.

Уже и никому другому. И – наплевать! Здесь и сейчас я ни о чем не жалела. Уезжаю?

И отлично! Неприятно было и от ситуации, и от Миха, который откровенно прятался за меня, не желая нести ответственность… он любил меня, да! Но кто сказал, что он так же не любил Риану? Когда заваливался с ней на сеновал?

Может, ко мне любовь более духовная, а к ней более телесная, но если так было – значит, и впредь будет. Никто и не сомневается. Служаночка тут, вдовушка там… это же не любовь, правда? Это просто сено помять…

Только вот меня иначе воспитывали.

Мельник посмотрел злыми, ненавидящими глазами, но сказать ничего не сказал. Рядом вырос тенью мой отец.

– Я вашу дочь сегодня не видел. И давно не видел. Шани… думаете, если б они столкнулись, моя дочь цела бы осталась?

От мельника потянуло чем-то… злорадство?

– Нет. Ринка б вашей дочери косы выдрала.

– А раз вы это понимаете, тогда ищите дальше. Нет вашей дочки здесь, и не бывало никогда!

– Шем, – начал староста. Осекся, вздохнул…

Отец все понял без слов.

– Староста, я обещаю, с утра тоже поиски начну. А дочь отправлю к тетке. От греха. Уж прости… одну твой сынок на сеновал до свадьбы потянул, теперь моя на очереди, а когда там та свадьба будет – и вовсе неизвестно? Нет уж.

Мих вспыхнул, хотел, было, что-то сказать, но крепкий подзатыльник от его отца мигом оборвал парня. И правильно… у самой руки зачесались.

Есть в этом что-то гадкое, когда одна для души, а вторая для сеновала…

А ведь я и правда дура.

Знала б я это раньше, могла бы и Риану убедить. И убивать не надо было бы…

А я – убила.

Так проще всего и понятнее всего, но правильно ли?

Я перевела взгляд на родителей, и увидела, что мама покачала головой. Чуть-чуть…

Она была в курсе моих мыслей. Урок?

Да, жестокий урок, за который заплачено чужими жизнями. Я не переживаю, и не стану упрекать себя, они начали первые, но стоит ли того причина?

– Шани…

Мих смотрел так… раньше у меня сердце бы растаяло. И ведь вижу, что любят, но…

– Наверное, прав отец.

Я закрыла лицо руками и скользнула в дом, за надежные спины родителей. Далеко не ушла, остановилась в сенях, понаблюдать.

Теперь и от мельника потянуло удовлетворенным злорадством. И то… Будь Риана жива, он бы мигом ее под Миха подложил. А если дите появится, тут жениться придется, хочешь, не хочешь…

Это деревня. Здесь порядки свои.

И блудливой девке ворота дегтем вымажут, и блудливому мужику вилы в зад засунут. Всякое бывает.

Мих пытался что-то вякнуть, но староста утащил его за собой. Незваные гости ушли, и мы остались одни. Я, папа, мама…

Семья…

Корс спит сейчас и видит десятый сон, но он тоже наш, тоже родной… и это очень правильно.

Мои родные и любимые.

Вот то, о чем мне пыталась сказать мама. Если мужчина не может тебе дать – такого, стоит ли вообще его брать? Это ведь… как яблоко из глины. Может, и красиво, и раскрашено, а все одно

– пустышка.

Отец обнял нас обеих и потянул за собой в дом.

– Пойдемте, девочки. Посидим… тут уж немного до рассвета осталось.

Мы сидели за столом, пили травяной взвар с мятой и медом, грызли маленькие сухарики с солью, и папа рассказывал о чем-то смешном.

И плясал в очаге огонь, и сопел наверху братишка, и тепло наших сердец согревало всю комнату, заливая ее лучами любви.

Я спрашивала, буду ли я счастлива?

Глупая… вот оно – счастье.

* * *

Тревога поднялась рано утром.

Мих не сообразил, где искать Риану, но… все наши ручьи и речушки идут к большой реке, к Соларе. И видимо, или камень сдвинулся, или течение оказалось сильнее, или…

Риану вынесло в Солару.

Тело неудачно застряло и его нашли с утра рыбаки.

В деревне поднялся шум и гам. Рыдали родители Рианы, переживали и сочувствовали кумушки. Но оставались еще и братья.

И тут пришел отец. И привез их на телеге.

Не зря, ох, не зря он оставил тела на ночь, на той поляне. У нас не слишком мирные леса. Есть волки, лисы, есть даже медведи… последних трупы не дождались, а вот волки и лисы их изрядно порвали за ночь. Опознать еще можно было, но понять, кто и кого убил – уже нет.

Староста принялся расспрашивать отца, но что мог сказать лесник?

Решил пройтись вдоль речушки, там и нашел. Обоих.

Вроде как дрались. А может, и нет.

Трава была вытоптана, но поди, разбери там сейчас… где нашел? Да, конечно, может показать. И проводить может, и проводит… бедные родители. Врагу такого не пожелаешь.

Сочувствие было не слишком искренним, но сошло и так.

Деревня бурлила и кипела.

Мы с Корсом собирались.

Мама сама контролировала и проверяла нас, не давая взять ничего лишнего. Недрогнувшей рукой вытряхнула из мешка Корса кучку всяких полезных вещей, вроде палки с резьбой, занятного камушка, корня, изогнутого в виде медведя…

Собрала наши летние и зимние вещи, проверила все еще раз, тщательно уложила обувь…

Загнала меня в мыльню, и мы обе тщательно выкрасили волосы в черный цвет. Получился, скорее, темно-каштановый, но и так было неплохо, все не приметная рыжина.

– Ты у меня и так слишком красивая, – вздохнула мама. – Веснушек бы тебе, да не получится…

Темный цвет мне не слишком шел. Кожа бледная, вот и выглядит не очень. Но у мамы и на это была настойка зеленых плодов ореха-головняка.* Так что стали мы смуглыми. И пузырек отправился мне в сумку. Теперь надо раз в несколько дней выбирать время и протирать лицо, руки, шею… хорошая штука. И водой не смоется слишком легко.

*** – грецкий орех. Не может называться так по причине отсутствия Греции, прим. авт.**

Я видела, как маме плохо от осознания разлуки. Но мать уверенно работала, не поддаваясь унынию, которое окрашивало ее в болотные тона.

Надо.

И этим все сказано.

* * *

На рассвете следующего дня мы вышли из дома.

Отец и мать – отдельно, мы с Корсом отдельно. Все еще семья, но уже не вместе, уже порознь… отец навьючил мешки на двух осликов, которые смирно стояли в конюшне и жевали овес. Осликам тоже придется расстаться – чуть позднее.

Никто из нас не произнес ни слова. Слишком уж больно было…

Мы медленно пошли через лес. Солнце вставало из-за горизонта, окрашивая небо в розоватые тона, протягивая первые лучики через ветви деревьев, золотя паутину и превращая росу в бриллианты. Еще не скоро оно войдет в зенит.

Птицы пели, звонко и чисто, подхватывая и продолжая песни, перекликаясь на разные голоса. Корс прыгал рядом с отцом, я разговаривала с мамой. Вроде и оговорено все уж было раз сто, а все равно мы говорили, повторяли то, что уже прошли, и остановиться не могли. Мы же еще вместе, правда? Пока еще мы вместе…

– Мы постараемся дать о себе знать сразу же, как только будет возможно. До тех пор слушайся Ташана, он человек неплохой.

– Да, мам.

– С парнями лучше не крути. Сама понимаешь – сила у тебя такой природы. Их к тебе может тянуть, даже неосознанно, не будешь поощрять – все пройдет. А начнешь подолом крутить, рано или поздно возникнет… ситуация.

Я опять кивнула. И не удержалась.

– А если…

– В твоем случае – никаких «если» быть не может. Себя погубишь, и брата.

Да, брата. Я отвечаю за Корса. И пока я жива, никто не посмеет причинить ему вред.

Мама потрепала мои волосы, заплетенные в тугие косы.

– Не грусти, Шани. Все будет хорошо. Мы обязательно найдем безопасное место, и опять будем жить семьей.

– А потом… опять?

– Снова. Может, ты еще и замуж выйдешь к нашему приезду.

– Угу… то не смотри на парней, то замуж выйдешь…

– А ты так… не глядя.

Мама подшучивала вполне беззлобно, и я улыбалась в ответ. Ах, как же хорошо идти вот так, по лесу, и ни о чем не думать. Жаль, это ненадолго.

На дорогу мы вышли глубоко за полдень. Шли весь день, почти не останавливаясь, Корс под конец вообще ехал верхом на папе, у меня ныли ноги, но надо – так надо.

И мы были с избытком вознаграждены, когда перед нами открылся большой тракт. Отец удобнее устроился на камушке, достал флягу, сделал пару глотков, передал ее маме.

Я поступила так же и отдала воду братишке.

– Ну, теперь ждем караван.

* * *

Ждать пришлось не слишком долго, каких-то час-полтора, когда они показались на дороге. Впереди – ведущий каравана, пешком, как и полагается, потом фургоны, телеги, люди, вьючные животные…

Отец вышел на середину дороги и подошел к ведущему, не останавливая караван. Мы спешно навьючили все на своего ослика.

Мама крепко прижимала к себе одной рукой меня, второй Корса. И я видела – ей больно. Она подчиняется необходимости, но как же ей сейчас больно и тошно…

– Мое имя Руш Каран, – отец не собирался говорить правду. –

У меня брат в Дилайне, детей, вот, к нему отправляю. В деревне красная сыпь, не хочу, чтобы заболели.

– Мое имя Ленер Райлен, – ведущий каравана улыбнулся. Был он немолод, уж лет пятидесяти, седина посеребрила его голову, но карие глаза смотрели по-прежнему внимательно. И эмоции, которые он испытывал, были далеки от старческого равнодушия.

Любопытство, дружелюбие, уверенность в себе… неплохой человек.

– Детей моих возьмешь?

– Если здоровы.

– Это не сомневайся, – махнул рукой отец. Двое ребят, один ослик… дочка – Шанна и сын Корт.

Сильно наши имена отец не менял чтобы не оговорились ненароком. Но…

Имена другие, внешность тоже другая, может, и сойдет? Если спрятаться надо будет? Мы-то знаем, о ком спрашивать, а враги…

Я даже не сомневалась, что враги будут. Ленер прищурился на нас.

– Шанна Каран и Корт Каран. Ага, вижу… ты, Руш, человек рисковый.

– Да я так…

– Такую красоту без охраны отправлять.

– Шанна сама кому хочешь руки отшибет, – отмахнулся отец. – Вот за этот не волнуйся, подолом у меня дочь не крутит. Если ты еще приглядишь, вовсе хорошо будет.

– Пригляжу. Что у вас за деревня?

– Колючка.

Эта деревня была дальше от нас, но ближе к тракту. Иногда мы и туда ездили… правда сейчас прошли мимо, по лесу, даже не приближаясь, чтобы ненароком не заметили.

Ведущий кивнул.

– Это вам пришлось достаточно далеко пройти?

– Знаю, есть места поближе, но мы жили в лесу, – объяснил отец. – когда началось, я своих схватил в охапку, и в лес, в землянку. Я охотник… так что есть чем заплатить. Шкурками возьмешь – или деньгами лучше?

Ленер задумался.

– Если шкурки есть, я бы поглядел?

Отец кивнул на ближайшую телегу. Все это время мы шли рядом с караваном, никто не собирался останавливаться ради нас. Ленер сделал несколько шагов, отец вытряхнул на свет содержимое мешка… однако!

Выдра. Куница. Белка. И завернуто все это в роскошную волчью шкуру, зимнюю, уютную. Отец сам добывал зверя, сам

меха выделывал…

Райлен оценил.

– До Дилайны по-любому хватит. Тебе с питанием детей – или свое есть?

– Свое есть, но лучше с питанием. С телегой… сам видишь, у меня мальчишка мал еще…

Корс надулся, но ноги-то и впрямь гудели.

Волка Ленер отложил сразу, теперь еще добавил к нему с десяток шкурок.

Отец покачал головой.

– Бери все.

– Тут больше, чем нужно, – честно сказал ведущий.

– Я не просто так, я за пригляд. Чтоб в дороге ничего не случилось, а в Дилайне ты их проводил до дома. Сможешь?

– Либо я, либо помощник… провожу, – согласился Ленер. – По рукам?

Отец протянул ему мешок из-под шкурок.

– Как раз все поместятся. По рукам!

Леннер кивнул на одного из своих помощников, высокого черноволосого мужчину лет тридцати.

– Орас. Орас, ты будешь отвечать за малявок, понял? Если кто руки к девчонке протянет, ноги вырву. И за мальчишкой пригляди…

– Хорошо, – голос у Ораса оказался неожиданно низкий и грубый. – Давайте, малявки, прощайтесь – и на телегу, я вам сейчас местечко найду!

Мама всхлипнула. И крепко-крепко прижала нас к себе.

– Маленькие мои… как же я вас люблю!

Притих даже Корс, который не терпел объятий. Я обняла маму в ответ.

– Мам, все будет хорошо. Мы дождемся, когда вы напишете или пришлете за нами…

Мама поцеловала Корса.

– Береги сестру, малыш. Ты теперь старший мужчина в семье.

Корс приосанился и кивнул. Отец подхватил его на руки и что-то зашептал, а мама притянула меня к себе.

– Ты справишься, Шани, я знаю. Я в тебя верю… береги и себя, и брата. Мы вас обязательно найдем, что бы ни случилось!

– Или мы – вас.

– Вот этого не надо. Никогда нас не ищите… если мы сами не придем, значит что-то не так. Вам лезть не надо, себя погубите…

– Мам?

– Береги себя, малышка. И брата береги. Я вас люблю.

Мама толкнула меня к отцу, который как раз усадил Корса на

телегу. Я ткнулась носом в надежное папино плечо, замерла, впитывая всей сутью исходящее от него ощущение безопасности. Надежное, светло-коричневое, как благородное полированное дерево…

– Папа…

– Ты у меня умничка, Шани. Ты справишься.

– Д-да… – я все же не удержалась, всхлипнула.

Отец погладил меня по волосам.

– Это дорога, малышка. А любая дорога рано или поздно приводит к родному дому.

– Разве?

– А иначе не стоит по ней и идти. Помни это…

– Да, пап…

– Береги мелкого. И себя береги.

Я хлюпнула носом – и заняла свое место в телеге. Орас сноровисто привязывал к ее задку нашего ослика. Корс прижался ко мне покрепче, забился под мышку… я притянула его к себе.

Мы смотрели на родителей, пока караван не ушел слишком далеко. Но и тогда сил повернуться и поглядеть вперед не было.

Орас ехал рядом, но молчал. И это было неплохо.

Зла я от него не чувствовала, ровные синеватые тона. Ты для него всего лишь работа, он к нам ничего не испытывает. Но человек надежный, ответственный… это неплохо.

Караван медленно двигался по направлению к Дилайне. И идти нам туда было еще почти двадцать дней.

* * *

Когда караван скрылся за поворотом, Айнара поглядела на мужа. Шем потер левый глаз.

– Напылили тут…

Женщина сделала вид, что поверила. У нее и самой глаза были на мокром месте. Но выбора не было. Они слишком хорошо знали, чем грозит необдуманный поступок Шани. И готовы были на все, чтобы отвести беду от детей.

– Пойдем, что ли?

Шем приобнял жену за плечи, второй рукой цапнул за повод ослика, и двое направились в лес. Айнара прижалась покрепче к мужу.

– Как в молодости. Когда мы путешествовали по лесу…

– Сегодня мы ее точно вспомним, – Шем храбро шутил, хотя на душе кошки скребли. И даже нагадили, судя по ощущениям. – Ты, я, костер, медвежья шкура… а ослу я завяжу глаза чтобы не

подсматривал.

Айнара улыбнулась.

Вот в такие минуты она и понимала, за что полюбила своего мужа. За эту несгибаемую решимость. Им может быть как угодно плохо, но между ней и миром всегда встанет Шем. Оберегать, защищать, поддерживать, как это и должно настоящему мужчине.

– Ему надо просто найти пару. Купим по дороге?

– Вот еще я ослам личную жизнь не устраивал, – возмутился Шем.

Так, разговаривая и перешучиваясь, Ланаты и ушли в лес. И если бы они видели, что творится сейчас в деревне, они бы еще раз порадовались своей предусмотрительности. А тем временем, в Больших Щепках…

Большие Щепки, Риолон.

В этот раз в дверь к старосте не колотили. Сам вылетел, не дожидаясь повелительного оклика. И было с чего…

Отродясь он столько холопов не видывал!

Одного, двоих – да. Когда имя нарекать приходилось, да молодых связывать. И только-то…

А тут…

Целый отряд, на все верхами, и выглядят так…

Если б не рясы, не символ Храма – точно подумал бы, что какие-то благородные в Щепки нагрянули. Но его сомнения быстро развеял мужчина в белой хламиде, спрыгнувший с коня.

Брох почтительно поклонился.

– Благословите, светлый.

– Да пребудет над тобой рука Его, чадо… Мое имя Лоран, я приближенный милостью Его.

Брох поклонился.

О приближенных он слышал. И вот уж не думал увидеть… они ж по городским храмам, приближенный в деревне – это как барон на ярмарке. Вроде бы и может он там показаться, только неясно – зачем? Поразвлечься? Или… случилось чего?

Но приближенный его томить не стал.

– Скажи мне, чадо, не произошло ли в последние несколько дней у вас в…

– Щепках, господин приближенный.

– У вас в Щепках нечто странное?

Брох активно зачесал голову. Мысли зашевелились, словно вспугнутые тараканы.

– Сложно сказать, светлый. Вроде все, как всегда, разве что у мельника дочь утонула, а сыновей дикие звери порвали.

Приближенный насторожился.

– Утонула? Порвали? Ну-ка, расскажи мне подробнее, как это случилось?

– Как случилось? А шут его знает… девку в реке выловили. Либо, от несчастной любви она туда и сиганула, – честно признался Брох.

– Какой любви?

Вот уж о чем старосте рассказывать не хотелось, да из песни слова не выкинешь.

– У моего сына с ней сговор был, да переметнулся Мих к лесниковой дочке. Вот, видимо, с горя Ринка в воду и кинулась.

– Хм-м… и часто у вас такое бывает?

– Да уж лет тридцать не было, почитай. С тех пор, как плотникова дочь повесилась…

Приближенный задумался.

– А можно на сына твоего поглядеть, чадо?

– Да что ж на него и не поглядеть? Свинарник он убирает, сейчас жена позовет.

Второй раз за несколько дней Милава лишилась кувшина. На этот раз с вином. Несла угостить приехавших, да выронила. И метнулась звать сына, только юбки мелькнули.

Если б Брох сам за сыном сходил, он бы Миху сказал хоть сапоги сменить. А то сопляк так и явился, со всеми ароматами хлева.

Болван!

Приближенный поморщился, но заговорил ласково. И это чуть успокоило Броха. Хотел бы…

Хотели бы храмовники, они бы всю деревню прошли, огнем и мечом. И барон бы им даже слова не сказал. Не та ценность Большие Щепки, чтобы из-за них с Храмом схватиться. Это в Раденоре, говорят, где правит Черный Король, процветают еретики и поклоняются Темному. А в Риолоне Храм это сила!

Приближенный, тем временем ласково расспрашивал мальчишку, как тот познакомился с дочкой лесника…. Ах, Айшет Ланат?

Не риолонцы они? Беженцы из Тиртана?

А храм посещали? Ах, нет храма… ну, к холопу-то ходили?

Это хорошо, что ходили. Все обряды отправляли? Сыну имя нарекали? Это правильно. А давно у Миха такая любовь?

Как познакомился?

Сколько времени встречаются?

Мих отвечал честно, но староста, с высоты прожитых лет, не мог отделаться от странного ощущения. Словно приближенный ищет какой-то подвох, не находит его и злится. Но какой?

Что может быть не так?

Брох этого не понимал. И боялся, как всего непонятного.

Как и одного из спутников Приближенного, который обошел вокруг Миха с какой-то штуковиной, богато украшенной драгоценными камнями, а потом покачал головой.

Приближенный помрачнел.

– А где эти… дочь мельника? И остальные покойники?

– Так уж закопали, – честно признался Брох.

– На кладбище?

– Да, светлый.

– Проводите нас туда.

* * *

На кладбище было неожиданно людно. Мальчишек не устережешь, они и услышат, и примчатся, и кому надо расскажут, так что Респен там был в первых рядах.

Приближенный посмотрел на него, покачал головой, и принялся расспрашивать.

То же самое.

Давно ли его дочь бросили, как дело было…

И тоже обходил вокруг Респена с какой-то блестяшкой, и ничего не находил…

Староста Лемерт просто не знал, что следы ментального воздействия остаются на людях долгое, достаточно долгое время.

Айшет выплеснула силу. Ее заметили. Более-менее локализовали место и принялись искать. Там, где есть люди. Там, где есть на кого воздействовать. Сила ментального мага вырывается на волю не просто так. У огневиков получается вулкан, у воздушников – ураган, а у ментальных магов – воздействие на людей.

Именно воздействие.

Когда Айшет читала чувства, или принимала мысли, это было не так важно, это было естественно, и сил почти не тратилось, вы же не думаете, как именно дышите? А вот когда сила вырвалась…

На что она пошла?

Может, приказали дочке мельника утопиться?

Но тут было гиблое дело. Вода… она все следы смывает, ищи, не ищи, не поймешь. Следов насилия не было? Значит, не били. Но приказать утопиться…

А то у нас мало идиоток, которые от несчастной любви и в петлю, и в колодец… лучше б в бордель пошли. Месяц «разделенной любви» мигом излечит от всех душевных мук.

Нет, с мельничьей дочкой не угадаешь, может, приказали, а

может, и сама.

Ее братья?

Но и тут холопы помрачнели.

Если б сразу…

Посмертно можно поглядеть, было ли воздействие, но опять – недолго. До похорон.

Земля в этом плане ничуть не хуже воды. Работает медленней, но если мертвец хоть сутки в ней провел… да и звери их погрызли. Там от тел-то не так много… нет, не подойдет.

А больше в деревне ни на кого воздействия и не оказывалось. Все чисты.

Сын старосты? Тоже чист. Если там любовь и была, то не наколдованная, а настоящая, это никому не запрещено, хоть магу разума, хоть магу смерти.

Чист и староста, и мельник, и кого ни проверь… да что за маг разума такой? Который ни на кого не воздействует?

Оставалась последняя ниточка.

Лесник.

И приближенный распорядился проводить их к домику лесника. Староста помрачнел, и кивнул Миху, привести лошадей. Сам, лично, господ сопроводит.

Ладно. С сыном.

Все равно увяжется к своей зазнобе, пусть уж на глазах будет, плесом его вперехлест на сеновале.

* * *

Дом лесника встретил гостей распахнутой дверью.

И остывшим очагом.

И следами поспешных сборов.

Борх почесал затылок. Мих метался, пытаясь понять, куда все делись, а староста прислушивался. Храмовники переговаривались, и его настораживали обрывки фраз.

– … не преступление…

– …может, видели чего?

– …не пришли…

– …боялись…

Брох дураком отродясь не был. И получалось так, что Ринку с братьями либо кто-то… убил?!

И убил-то магией, иначе никак, сыновей мельника Брох знал, мальчишки не дураки были и ножами помахать, и кулаками… нет, двое на одного с ними бы даже лесник не справился. Уж бесследно бы точно не прошло.

Магия?

А это вообще смешно. Видел он и лесника, и жену его… не маги они! Клясться Брох не стал бы, но разве ж маги так жить будут? И девка их…

Какой она, к Темному, маг? На Миха точно не воздействовала, иначе бы нашли чего, и в тот вечер, когда Респен детей искал, тоже выглядела вполне обыкновенно. Лесник, конечно, нервничал, ну так и Брох жизни не сильно радовался бы, коли к нему за полночь гости вломятся?

Так что ж получается?

Лесник с семьей сбежал.

А сбежал он после того, как староста попросил его поискать Респенов… ох, неладно.

Может, Шем и нашел чего?

А ведь и верно… мог. Если кто посторонний случился, к примеру, пошла Ринка сопернице волосы драть, да не дошла. Налетела на лихого человека, а тот магом и оказался. Вот и утворил чего недоброго.

А лесник узнал.

Говорят же, что в лесу от лесника тайны нет.

Узнал, и… а вот тут – всякое быть может.

Испугался и удрал.

Потребовал денег за молчание. И тоже удрал.

Был убит со всей семьей. Если этот тип с Респенами справился, что ему один Шем? Мог и убить, а вещи собрать для отвода глаз, почему нет?

Брох подумал, и подозвал Миха.

– Ты погляди по округе, понял?

– Что поглядеть? – конечно, не понял. И этим тут же заинтересовался холоп.

Пришлось Броху выложить свои догадки. Приближенный слушал его внимательно, раздумывал… потом решил поделиться.

– Верно, староста. Мага мы ищем. Мага разума.

Брох чуть с лошади не свалился. Одно дело – догадываться, другое точно знать, что где-то в округе такое чудовище ходит… страшно! Ох, лютое дело!

– Точно? Простите, приближенный…

Приближенный Ариост махнул рукой. Ладно уж, какая тут секретность? И так все ясно, если кто голову для мыслей держит, а не для шапок.

И приближенный принялся расспрашивать уже более откровенно.

Но и тут пользы ему Брох не принес.

Не маги они. Ни лесник, ни семья… может, и правда кто

чужой. А может, лесник его и знал. Если пришлого… Сам Шем из Тиртана, может, и еще оттуда кого занесло? Известно ж, все они там безбожники, Шем, хоть и мужик приличный, а тоже, может… кто его разберет?

Дочка-то?

Да не, непохожа она на мага.

В деревне появлялась нечасто? Ну так оно и понятно, была б у него, Броха, такая, точно не пустил одну гулять. Хоть и прижил староста с супругой малым не десяток детей, а в девичьей красоте разбирался что холостяк. И Айшет ему понравилась.

Красивая, рыжая, яркая, и… при всем… и тут, и там… что посмотреть приятно, что подержаться, сам бы того, Рианка-то против лесничьей дочки не выгребала даже по течению. Это точно.

Сын?

Сынка лесничий частенько с собой брал. И что? Сопляк, шкодник и шалопай, вот и вся картина. Сам ему, было, уши драл… за что? Так за дело! А не надо на заборе похабные писанки рисовать! Зря лесник сынка грамоте научил, конечно, а только дело житейское. Ну, научил… может, оно и пригодится? Хоть в лавке не обсчитают.

Приближенный мрачнел на глазах.

Что оставалось?

Да только обследовать лес на предмет следов. И то…

Если Шем такой хороший лесник, то и следов там не найдешь. Так, забегая чуть вперед, и оказалось.

* * *

Лес прочесывали и вдоль, и поперек, а Приближенный мрачнел все больше и больше. И Мих оказался для него неожиданностью.

– Господин приближенный!

Хорошая штука – вежливость. Она и помогла приближенному Ариосту не рявкнуть во весь голос, а отделаться вежливым:

– Что тебе, дитя Света?

– Господин приближенный, вы сейчас по другим деревням поедете?

– Да, наверное, чадо Света.

– А может, вам провожатый нужен?

Хм-м…

Идея была неплоха. Все эти стежки-дорожки, деревеньки-хуторки, все это мог знать только местный. Что б и не

попользоваться, раз уж сам предлагает?

Но…

– Проводник нужен, чадо. Но сначала поведай мне, что у тебя на уме. Ведь не жажда наживы тебя гонит в путь, верно?

Мих замотал головой.

Брох уже заметил, что отпрыск вытворяет недоброе, но вмешаться в беседу приближенного не смел, и только тягал себя за бороду.

Эх, пороть надо было мальчишку! Пороть! А теперь уж и не получится…

– Я в доме лесника посмотрел. Шани… они сами все ушли. И плаща ее теплого нет, на меху, и зимних сапожек, и всякой справы лесника – тоже, а она не из дешевых. По всему выходит, сами они ушли, второпях так не соберешься, и ежели кто чужой будет – тоже не соберется. Даже книжка исчезла, Шанькина, любимая. Я поглядел. А раз так… вы же искать этого злыдня будете?

– Мага-то? Будем, чадо Света. Будем…

– А там, может, и я чего о Шани узнаю?

Мих покосился на отца, но приближенному и так все было ясно. Староста производил впечатление неглупого мужичка, очень себе на уме, понятно, что Миха сейчас в работу припрягут, что того ишака, а там и оженят, чтобы не думал о кренделях небесных…

А вдруг и правда пригодится?

Приближенный мило улыбнулся, и подозвал к себе старосту. Две минуты переговоров, тоскливое мычание, пара серебрушек – и вот он, Мих Лемерт, сопровождающий приближенного в его поездке. Да, и место покажите, где братьев Распен… то есть Респен нашли.

На поляне действительно оказался чуть повышенный магический фон. И только.

Слишком много времени прошло. Уже не определишь, ни как, ни что, ни откуда… ничего не ясно.

Понятно только, что надо искать. Вот искать приближенный и будет.

Не в одном Тиртане умели контролировать магов разума. Мать не врала Айшет, ни единым словечком не врала. Главное – было найти мага разума, а уж к делу его Храм быстро пристроит.

* * *

На ночлег мы начали обустраиваться за час до темноты.

Остановились телеги, сноровисто принялись распрягать лошадок возчики, распоряжался Ленер, появляясь то в одном, то в другом конце стоянки, и как-то все видя: и костер с сырыми ветками, и прихрамывающую лошадь, и сбитые пальцы у какого-то мужичка, и даже запах крепленного вина не ускользнул от его внимания.

И тут же последовал приказ – вылить и не сметь пить в дороге.

Логично. Дорога – не место для пьянок, в пути за них дорогóй ценой платят. Мало ли что случится…

Нам больше внимания уделял Орас. Пристроил нас к небольшому костру, у которого сидели шестеро человек, две семейные пары и двое детей при них, помог с осликом, потрепал по голове грустного Корса, который так и жался ко мне…

– Не горюй, парень. Расставание тем и хорошо, что за ним будет встреча.

Сейчас нас это не утешало. Но жизнь продолжалась, и надо было как-то налаживать отношения.

Шестеро у костра смотрели на нас спокойно, с легким желтоватым оттенком интереса. Ни злости, ни неприязни… попутчики – и только. Ненадолго, а потому и не столь важно.

Я поклонилась.

– Доброго здоровья, господа, дамы… света в вашу жизнь, тепла в ваш дом. Меня зовут Шанна Каран, это мой брат, Корт Каран.

Сейчас мы с Корсом были больше похожи, оба темноволосые, он загорелый, я смуглая… симпатичной я осталась, но рыжей мне было лучше. Ладно, не стоит привлекать к себе внимание. Потерпим. Да и кому мне головы кружить? Мих далеко, а остальные и даром не нужны.

– Мы едем к дяде, пожить недолго, в селе зараза гуляет, красная сыпь, вот отец и отправил до зимы, потом обратно.

Закон дороги. Хоть немного, но расскажи о себе.

Лучше бы не врать, но здесь у меня выбора нет. Вообще…

Первым взял слово мужчина лет сорока. Невысокий, похожий на гриб-боровичок, с окладистой пегой бородкой, подстриженной квадратом и доброй улыбкой. И жена была ему под стать. Этакая хлопотунья-пестунья, которую годы не согнули, а чуть осадили, придав степенности. Так, немножко…

– Я – Бирк Ракаш, а это моя жена, Рена. Едем к дочери, пожить недолго, с внуками повозиться.

Рена сунула Корсу пирожок, и братишка поблагодарил вежливой фразой. Второй пирожок оказался у меня в руке.

– Не переживайте, детки. Кончится болезнь. Никуда не

денется.

– А мы едем на заработки, – заговорил второй мужчина. – У нас в городке работы нет, меня совершенно не могут оценить по достоинству. За медяки работать приходится. А ведь мои предки не абы кто, они благородных кровей! Моя фамилия Галикст, Ирш Галикст, среди моих предков и аристократы были. Слышали про род Галик? Вот, мы от них и идем! А это моя жена Карна, и дети, Ирш и Орна!

Вот он мне сразу не понравился. Тоже невысокий, с примесью тиртанской крови, о чем явственно говорили черные волосы и смуглая кожа. Жена наоборот, была типичной риолонкой, и больше всего походила на прибитую тряпкой белесую моль. Что окраской, что повадкой.

Дети оказались копиями отца. Правда, отец сидел на месте, а эти не могли успокоиться ни на минуту. Больные, что ль? Есть, говорят, такая болезнь, когда ребенок излишне дерганный. Если мамка переживала, когда его носила, так и будет. И орать станет, и беситься.

Корс хмыкнул рядом при упоминании фамилии Галикст. И я знала, о чем он думает.

Да, Галик. Были такие графы, в позапрошлом веке, кажется. И я даже про них что-то читала. Там то ли муж жену убил, то ли наоборот, а потом оставшийся из супругов поджег замок и зарезался. Кажется, из ревности.

Нет, не вспомнить, дурацкая история.

Смех-то в том, что имя рода дается иногда и по хозяину. Не из рода ты тех самых графов, а просто – мог твой предок навоз у них выгребать, вот и отгадка. Приблудился, подкинули, к примеру, младенца, вот и записали его Галикстом. Вроде и по месту рождения, а может, и погулял кто…

Но что-то я сомневаюсь, что благородная графская кровь риолонцев будет тиртанцами продолжаться. Могли бы и кого поближе подобрать. И поблагороднее.

На этих же за перестрел написано – быдло.

Мы и сами не аристократы, но есть крестьяне, есть горожане, а есть – вот такое… нет, мне эта семейка не нравилась.

И не только мне, кстати. То-то Ракаш глаза закатил, видимо, наслушался уже про Галикстов.

– А чем вы занимаетесь? – вежливо спросила я.

– Резьбой по дереву! И вообще, я из дерева что угодно сделать могу, я и столяр, и плотник… вот!

Предъявленное «вот» впечатляло.

Галикст похлопал по боку сундука, стоящего неподалеку.

Я смолчала, а вот Корс непочтительно хрюкнул.

Вроде бы и подогнаны были дощечки, и отполированы, но здесь щепка, там заусенца, тут заноза, а еще между дощечками при ближайшем рассмотрении обнаружились щели малым не в палец, кое-как законопаченные чем-то вроде смолы. И замок так висел на петлях, что казалось, сейчас они вырвутся из крышки и упадут кому-то на ногу.

Папа о таких хорошо отзывался. Называл детьми кальмаров, потому как и руки и ноги – все из задницы растет.

– А он к заднице не липнет?

Корс ляпнул ладонью о сундучок, желая проверить свое предположение, и тут же взвыл, затряс ладонью.

– Шань, а у нас иголка далеко? Кажется, я занозу поймал.

– А вот не будешь лезть к чужому имуществу, – наставительно погрозила я пальцем.

Не подействовало.

Пришлось вытаскивать занозу, оттирать изляпанную смолой ладонь, и все это под злым взглядом плотника графского происхождения. Так и тянуло от него дурной краснотой, с коричневыми прожилками – это не настоящая подсердечная злоба, как у той же Рианы, это совсем другое, хоть и схоже на вид.

Просто дурак. А дуракам неуютно рядом с теми, кто это понимает.

А жена у него и правда серая, все ей безразлично. Такое тоже бывает, оказывается. Только зачем – такое? Серые чувства, серая жизнь…

Я подумала, что за время путешествия опыта наберусь, на людей посмотрю, и принялась помогать с ужином. Раскладывать ложки и миски, резать хлеб, лук, сало тоненькими ломтиками.

Отец его не любил и не признавал, но зимой лучше ничего и не придумаешь. Кладешь на хлеб кусочек сала, сверху посыпаешь лучком, и никаких королевских креветок не надо. А если еще с мороза придешь, или с собой хлебушек в лес возьмешь, достанешь, потом только пальцы оближешь.

Вкусно.

Ирш косился на меня неприязненно. Корс закусил кусок хлеба с салом, и я подвинула братику чашку с кашей.

– Кушай.

А то знаю я братца. Вкусняшки мы слопаем, а на остальное уже ни аппетита, ни живота не хватит.

Пшенка с мясом, хоть и была непривычной, но вкусной. Корс орудовал ложкой так, что за ушами трещало. Ирш неприязненно косился на меня.

А когда Корс предложил его сыну:

– Попробуй! Вкусно! – и показал сало на хлебе, Ирш вообще

сморщил нос.

– Не приучайте моего сына к плебейской еде.

У меня слов не нашлось. Я промолчала, а Корс посмотрел на дяденьку, как на дурака, и захлопал глазами.

– Как скажете, дяденька.

Галикст кивнул. Мол, как он скажет, так и будет.

И не заметил, раздуваясь от важности, как Корс подсунул хлеб с салом и луком его сыну. Пробуй, давай, пока батя не видит!

Тоже верно. Не стоит впрямую бороться с дураками, их больше, на всех сил не хватит. Значит, и тратить их незачем.

* * *

Орас подсел к нашему костру минут через двадцать.

– Как дела, Шанна?

– Спасибо, все хорошо.

– Не обижает никто?

– Нет, что вы, – я улыбалась.

– Еда нравится?

– Очень вкусно, спасибо. Мама чуть иначе готовит, но так тоже хорошо.

Орас пожал плечами.

– Может, если захочешь – поварам поможешь. Но это уж ты сама решай, неволить не станем.

Я улыбнулась, не торопясь ни соглашаться, ни отказываться. Посмотрим, что там за повара. Но плохим от мужчины не тянуло.

Зеленоватые тона спокойствия, теплые солнечные – дружелюбия.

– Да уж, поварам помогать надо, – Ирш кривился так, что я испугалась – вдруг ему в кашу хину добавили? – отвратительная каша, и готовят плохо… небось, сами вы такое не едите!

Орас закатил глаза, но ответил вежливо.

– В дороге все едят одно и то же. Для всех готовят вместе и одинаково. Не верите – пройдите к нашему костру, убедитесь.

Ирш презрительно фыркнул, но развивать тему не стал, видимо, она повторялась из раза в раз. Орас посидел еще пару минут и откланялся.

А мы пошли мыть посуду.

Рена ловко полоскала тарелки, свесившись с берега, я подавала их, забирала обратно и вытирала полотенцем. Потом сложим в ларь на телеге.

Попутно мы разговаривали.

– Правильно, что ты с Иршем не вяжешься. Пустой мужичонка, как есть, гнилой и бестолковый.

Я кивнула.

Это я уже поняла. И глупый, и бесталаный, и вообще, плесень-человечишка. Но терпеть придется.

– Постоянно он чем-то недоволен, постоянно ему кто-то не угодил…. Теперь, может, и вы. Уж на что у меня муж золотой, и то не выдерживает иногда.

Я вздохнула.

– Не век с ним вековать. Потерпим.

– Да уж. Как еще его супруга терпит? Чисто мученица…

Я пожала плечами.

– Ушла бы…

– Да разве двоих детей прокормить легко?

– Зачем-то ж она их рожала?

Рена необидно рассмеялась.

– Это в юности жить легко. А вот влюбишься, замуж выйдешь, дети пойдут… посмотрим, как тогда петь придется.

Я промолчала.

Одно я уже знаю точно – если б меня за такого, как Ирш выдали, в брачную ночь ему бы и конец пришел. Я мокрицам не подруга, и поганцам не жена, с ними я в кровать не лягу, лучше буду спать одна, как пелось в одной трактирной песенке.

А Карна… а чего ее жалеть? Видела, небось, что за сокровище поймала?

* * *

Место для ночевки нам отвели на телеге. Мы постелили спальники, которые нам с собой положил отец, укрылись одеялами, и затихли.

Лагерь жил своей жизнью.

Непривычной, неуютной…

То животные орали, то люди, то шумел кто-то, то ходил мимо, то Ирш, которому досталось место рядом с телегой, так храпеть принялся, что жуть брала…

Корс подлез ко мне поближе.

Я крепко обняла брата и притянула к себе.

– Давай ко мне?

Два спальника легко расстегивались и соединялись в один, надо было только пуговицы в другие петли всунуть. Несколько минут мы повозились, а потом Корс затих у меня под боком. Всхлипнул носом.

– Шань…

– Солнышко мое, – я погладила брата по вихрам. – Все будет хорошо.

– Правда?

– Обещаю.

– Просто… непривычно.

– Просто потерпи чуток. И родители вернутся, или нас к себе вызовут, и все будет хорошо, и жить мы будем лучше прежнего… хочешь, сказку расскажу?

– Расскажи, – согласился брат.

Такой маленький.

Такой потерянный… ничего, у него есть я, а я младшего не брошу.

Я вздохнула.

Мы лежали рядом, и наши цвета перемешивались. Грустный, тревожно-оранжевый у Корса, зеленоватый с голубыми прожилками спокойствия у меня, я подумала пару минут, а потом попробовала закутать мелкого в свои цвета, как в одеяло.

И зашептала глупую сказку про волшебного коня, который носил на себе короля-чародея…

Корс постепенно успокаивался, а я смотрела. И видела, как утихают тревожные вспышки… братец пригрелся, успокоился и уснул.

Интересно, это мое умение? Или как?

Не знаю…

Я уснула еще не скоро.

* * *

Сыночка староста-таки отловил, когда Мих собирался.

Понятное дело, не просто ж так ехать? Хоть пару рубах на смену взять, плащ теплый…

Милава причитала, провожая сокровище, а Брох кивнул жене, чтобы та сама собирала дитятку мешок, взял сыночка за ухо и вывел в сени.

– Ты что творишь, ушлепок?

– Что тебе не так? – сбросил отцовскую руку Мих. – Что не по душе опять?

– Ты зачем с храмовниками прешься? Медом тебе там намазано?

– Я сказал уже. О Шани узнать.

– Тебе ж Шем ясно сказал – к тетке ее отправит!

– А сам он куда делся? И жена его?

– Может, все вместе решили съездить, дочку отвезти. Наше какое дело?

– Так сказали бы… – не сдавался сын.

Брох махнул рукой. Ага, как же. Не отчитались перед сопляком. Да, сынок, вернешься ты – заплачет твоя задница. Факт.

– Что ты там, по деревням, узнаешь?

Мих вдруг стал серьезным. Словно повзрослел в одночасье лет на десять.

– Ринку-то и правда кто-то убил, бать. И братьев ее…

– Может, еще и несчастный случай.

– Нет. Я подслушал, храмовники уверены, что это умысел. У них в храме при… про… разные штуки есть, чтобы определять мага, его силу и направление. Я так понял, был бы маг слабый, ничего б не произошло. А так – колдовал кто-то, у нас тут колдовал. И если маг разума…

– И что?

– Пусть лучше проедут по деревням, да спугнут эту тварь. Храмовники-то поищут да уедут, а нам тут жить.

Брох только головой покачал.

– Я смотрю, тебя, дурака, не удержать.

– Прости, бать. Надо… а то потом все пожалеем.

Ну, жалеть тут никто и ничего не собирался. Но Броху вдруг подумалось, что и из этой ситуации выгоду свою поиметь можно.

Ведь как представить?

А просто.

Шлялся по округе какой-то маг, семью лесника увел, может, убил, Респенов убил, храмовники его искать поехали, а Мих – их провожать. Так он Милаве и расскажет.

А уж жена постарается, вся деревня знать будет. Чего он не скажет, супруга сама додумает да наплетет. Дня не пройдет, все уже будут знать, что захожий маг еще и над лесником надругался извращенным образом. А что, дом-то на отшибе, кричи, не кричи – не услышат.

Деревня – это место, где все и всё знают. Обо всех. Не только знают, а еще и помнят, и припомнят при случае. Это в городе народа много, там и гулять можно, и блудить, и неузнанным останется, а в деревне такое не пройдет, все видно будет.

Обратная сторона медали тоже есть.

Нормальные люди в деревне не гадят, где живут, поэтому внешне там тишь да гладь. И случись что, языки втрое заработают, год сплетню перемывать будут и спустя десять лет попомнят. А то и внукам.

Так что Миха рядом не будет, оно и неплохо? Сплетни на

деревне, это, считай, на всю жизнь. Две девки Миху и нравились за всю жизнь, Ринка да Шанька. И что? И где они?

Одна девка пропала, вторая утонула, а парня скоро женить понадобится. Кто за него пойдет, с такой-то славой?

Шанька?

Что-то Брох сомневался, что вернется сюда рыжуха. Отец ее явно намекнул, и леснику такой зять не надобен, и старосте – невестка. Вот и ни к чему…

Не то, чтобы Брох и сильно против был, лесник тоже папаша неплохой, ничем не хуже мельника, между нами говоря, ему больше спокойствие в деревне нужно было. Вышла б Шанька за Миха – буча пошла бы на всю деревню. Никогда б Ринка не смирилась, пакостила бы, с Респеном бы старосту поссорила…

Да и не вышла бы… слишком уж девка хороша для их деревни. Староста это явно понимал.

А еще Шем – тиртанец. Свои обычаи, законы, порядки, говорят, даже вера не в Светлого Очищающего, а в кого-то непонятного. Нет, не прижилась бы заморская роза в их палисадничке. Сколько не бейся, а все при первых заморозках загнется.

Нет, ни к чему. Ушла – и ладно.

А Мих с храмовниками покатается, сплетни переживет потихоньку, а там и вернется домой. И оженим к лету, и невестку сами подберем.

Деревня ж…

Свои законы, обычаи, правила. Не сможешь ты их понять, так и не приживешься. Брох понимал, и ему хотелось найти для сына хорошую жену.

Заморские пташки конечно, дело красивое. А нам бы курочку, чтобы и яички, и цыплят, и далеко не улетала.

Так что староста махнул рукой и отпустил сына.

Пусть едет. А мы пока подходящую невесту подберем, это не вдругорядь делается, это прикинуть надо, с женой посоветоваться. Вот вечером и займутся.

Сядут рядком на завалинке, на закат посмотрят, поговорят. А там, глядишь, и срастется чего. Хоть и дура его Милава, да муж ей умный достался.

И довольный собой, Брох отправился провожать сына.

* * *

Айнаре было грустно.

Как-то там ее дети? Ее малыши…

И все равно, сколько им лет! Для матери дети и в сорок детьми останутся. И даже в восемьдесят лет!

Шем старался успокоить женщину по мере сил.

– Нари, подожди, мы доберемся до моря.

– А потом что?

– Потом только один выход. Раденор.

Женщина поежилась.

Ох, не хотелось ей туда, совершенно не хотелось. Там король-некромант, там, говорят, маги расхаживают, и огнем жгут всех, кто им не угодил, там…

Муж словно прочитал ее мысли.

– И ты маг, и Шани маг. Выбора у нас нет, больше мы нигде не устроимся. У Шани сила будет только расти, рано или поздно ее найдут. И – Храм.

– Или еще похуже, – согласилась Айнара.

Маг разума – искушение для любого, у кого разум есть. Использовать такого в своих целях – милое дело. Только вот вопрос – у кого и сколько ума?

Рано или поздно такие одаренные попадались. И попадали на кол. Ии на костер. Или – в зависимости от состава преступления, как говорят дознаватели.

В Раденоре-то если магам почет, надо пользоваться.

– А Храм?

– А нам не все равно? – махнул рукой Шем.

Лет пятнадцать назад в Раденоре действительно случилось нечто такое, отчего все страны до сих пор котлом бурлили.

Его величество Эрик Раденор официально обвинил Храм в покушении на свою жизнь и предоставил доказательства. Заявил, что часть храмовной верхушки просто-напросто продала души Темному искушающему, и потому они отделяются от еретиков и безбожников. И образуют в стране Храм Истинного Светлого.

«Еретики» взвыли в ответ. Кому ж такое понравится?

Его величество Эрик Раденор привычно (кто ж за три сотни лет да не привыкнет?) наплевал на весь вой с высокой колокольни и дипломатическими нотами. В коих четко объяснил, что ему мнение еретиков и подлецов безразлично. Если для их сомнительных делишек требуются покушения на законного короля – к Темному в зад такие делишки и их авторов.

Народ, выслушав эти инсви… инси… короче, все это, оглашенное послами его величества Эрика, на площадях, принялся чесать загривки.

Вроде и Храм.

А с другой стороны… не все ли Светлому равно?

В небе-то дверок не открывалось, никто оттуда не вылезал и волю свою не объявлял. А храмовники пусть сами разбираются. Ясно ж что умный человек сначала огород прополет, воды натаскает, пол подметет, пожрать приготовит… уже и вечер? А воевать за идеалы Света когда?

Некогда.

Вот и ладненько, вот и ни к чему.

Если уж Светлый самолично волю свою изъявит, тогда возьмемся за топоры. А до той поры – у вас понимаешь, дележки и пилежки, а у нас куда как попроще. Нам кушать надо, да каждый день, а не раз в год. А для этого – работать.

Так простой люд и поступал.

А уж после того, как принц Александр Раденор показал зубы, пройдясь вдоль берегов Тиртана…

Зомби – это аргумент. Если кому хочется, чтобы его армия зомбяков сожрала за убеждения… знаешь, человече, ты лучше пойди, да и сам утопись. Молча и быстренько.

Так оно спокойнее всем будет.

Храмовники были недовольны, и попытались перекрыть все сообщение с наглым государством, но коса нашла не просто на камень – она врезалась со всей дури в скалу.

Его величество вежливо объявил, что если кто будет притеснять его подданных. Или обижать. Или какое непотребство чинить…

Вы, господа, думайте.

Мы люди мирные, спокойные, но территориями прирастем. Так уж и быть.

И даже спасибо скажем тем, кто в этом виноват. Веревок у нас много, мыла хватает… на цветочное расщедримся.

Торговал Раденор много, государство было отвратительно богатым, импортировало множество интересных и полезных вещей, да и продуктов немало, в тот же Тиртан, в котором почитай, ничего и не росло толком…

Санкции против гнусного некроманта и еретиков подохли, не родившись.

Мелкие притеснения остались, но именно что мелкие, а умный человек с такими легко разберется.

Вот, в такое государство и собрались бежать Шем и Айнара. А там уж устроиться, выписать к себе детей, и зажить всей семьей,

спокойно и ладно.

Айнара своего не упустила в тот давний день удирая из гарема. А Шем старался не трогать «золотой запас» без крайней необходимости. Вот и пригодится сейчас.

И доплывем, и домик купим, и детей выпишем.

Почему не все вместе?

Искать будут четверых. И… если родителей схватят, так они про детей промолчат. А если детей, они ничего и не знают. И выручить друг друга смогут.

С тем Ланаты и направлялись в порт.

Лишь бы не перехватили.

* * *

Я достаточно быстро втянулась в дорожную жизнь.

Распорядок был простой, главное не мешкать и о судьбах мира не рассуждать, тогда все и ладно будет.

Подъем на рассвете. Час на умыться-оправиться, а повара тем временем завтрак приготовят. У меня обычно уходило десять минут на себя, потом я помогала поварам, потом уже, когда начинали завтракать, будила Корса.

Умывала его, одевала, кормила, братик у меня – совенок. Может встать на рассвете, но потом весь день глазенками хлопать будет. Его лучше поднимать попозже. Я, вот, жаворонок, а ему бы поспать, а потом полуночничать, и чем дольше, тем лучше. Папа смеялся, что сын весь в него, Шема вечно первого на караул ставили. Как раз он постоит, остальные выспаться успеют.

Я поднимала братика, ели мы уже потом, когда караван тронется, сидя на телеге. Так тоже можно, если оплачено. Папа заплатил более, чем достаточно.

После завтрака Корс шел играть с друзьями, которые появились у него на второй же день, а я мыла посуду, если попадется какой родник или речушка, убирала все, и – начинала заниматься.

Если я правильно поняла мамины слова и наставления…

Кузнецы есть разные. Есть тот, кто только подковы и кует. А есть и другие, которые плетут настоящее кружево, хоть из железа, хоть из золота.

Я тогда, у ручья, жахнула молотом со всей дури по чушке. Вот брызги и разлетелись во все стороны. А можно бы иголочкой уколоть, никто и не заметил бы.

Но чтобы колоть – надо знать, куда и как. А на ком мне это изучать?

Да только на окружающих людях. Желательно на тех, кто мне не нравится.

Пешком мы шли до обеденного привала, в это время я и тренировалась. Чаще всего моими жертвами становились Галиксты.

Слишком уж удачные типы попались.

Ирш Галикст так достал всех своими придирками, что появись на дороге некромант и прикажи отдать ему жертву – уверена, люди бы выбрали ее мгновенно и единогласно. Может, поделив первое место с его сыночком.

Дети…

Я искренне считала, что все такие, как Корс, милые, добрые и вообще – лапушки. Зря.

Заблуждение рассеялось, когда Ирш притащил откуда-то подбитого камнем вороненка и предложил сначала выбрать ему перья, посмотреть, как будет выглядеть ощипанный ворон, а потом свернуть шею.

Как я ему шею не свернула?

Гадкий мальчишка. Из тех, что везде лезут, орут, пакостят – не ради выгоды. Просто им это нравится. Подловатый и трусоватый, начинающий при малейшей опасности прятаться за плечом у отца. Ирш-старший тут же принимался верещать, что это происки врагов, что все ходят извести древнейший и благороднейший род Галикст…

Убила бы.

Вороненок, кстати, стал первым камушком.

Когда Ирш подбежал к нам с Корсом, и предложил брату так поступить, Корс аж шарахнулся. А гадкий мальчишка не успокаивался.

– Корт, ты чего? Струсил, да? Зассал? Ха, так я и знал, маменькин сыночек! Сестрин братик!

Корт засопел. Я поняла, что сейчас они подерутся, начнется шум, гам…

Нам не стоит привлекать внимания. А мерзкий Ирш потом будет пакостить…

Я прищурилась на сопляка.

На цветные переливы вокруг него.

Желтый, зеленый, оранжевый, красно-бурый, грязно-серый, все вперемешку. Что это означает?

А, все просто.

Мальчишка развлекается за чужой счет. Предвкушение чужой боли и унижения, превосходство над Корсом, немного злости, зависти… да, парень-то болен?

Может, перерастет потом? А пока в ауре черные кляксы. Не от

причиненной кому-то смерти, нет. Просто он нездоров. А почему? Как?

Не мое это дело, я маг разума, а не жизни.

Я шагнула чуть вперед, окутывая его… чем-то это походило на флер.

Не духи, не концентрированный запах, который вырывается из драгоценного флакона, когда его откроешь, а скорее, память о запахе.

Это не та сила, которая может кого-то заинтересовать, просто чуток убежденности.

– Дай мне птичку. Ты же не хочешь никому сделать больно, паренек ты неплохой, просто тебе любопытно.

Янтарные тона высветляли красно-бурые, сглаживали серые…

Ирш сделал шаг ко мне, потом второй.

– Умничка. В мире столько интересного, к примеру, можно пробежаться во-он до того дерева?

Дерево я намеренно выбрала подальше, чтобы бежать до него было минут десять. Ничего, не отстанет. Если дурная голова не дает ногам покоя, значит, надо занимать ноги работой. И побольше, и почаще.

Красные тона вспыхнули.

– Далеко…

– А может, научишься, – мурлыкнула я, забирая птичку. – Гонцом станешь, работа почетная, уважаемая, все не камни таскать?

В ладонях часто-часто билось птичье сердце.

Ирш приосанился – и рванул с места к дереву. Да так, что только пыль столбом поднялась.

Корс посмотрел на меня со странным выражением.

– Шань?

– Братик, давай посмотрим, что с вороненком?

Корсу было не привыкать лечить разных лесных тварей.

В четыре руки мы разобрались быстро. Вороненок был просто молодой и глупый, вот и попался под камень. Переломов нет, есть испуг, ушиб, его надо просто куда-то пристроить, чтобы хищники не добрались, и поесть оставить. И справится.

На птичку сил вообще не надо было.

Сердечко стучало все спокойнее, черные глазки-бусинки светились умом и доверием. Кто сказал, что ворон – глупая птица?

Может, просто попался глупый хозяин? А у этого птенца разум точно был. Птица понимала, что ей ничего не грозит, что надо просто отлежаться в укромном месте, что будет вода и пища, что сразу встать на крыло не получится – через денек, а от

мальчишек с камнями надо держаться подальше. Корс тем временем проверял крыло, прощупывая его через слой перьев.

Кости были не сломаны, а ушиб – пройдет.

Ирш все еще бегал.

Я протянула брату птичку, отломила большой кусок хлеба.

– Устроишь его поудобнее?

– Конечно.

– Он все понял, спокойно посидит денек-другой, теперь надо безопасное место найти.

И я, и Корс такие места отлично знали. Не первый раз…

Подранков вообще у себя оставлять опасно. Привыкнут к человеку, подумают, что он им зла не желает, а как объяснить тому же лисенку, что его шкуру потом захотят на шапку? Лучше пусть считает всех людей врагами и стережется лишний раз.

Поэтому мы быстро выпускали зверье в лес.

Корс сгреб все и умчался. Караван двигается очень медленно, успеет и птенца пристроить, и нас догнать, но я все равно следила глазами за братишкой. Мало ли?

Возница, который все это время молча, но одобрительно наблюдал за нашей работой, покачал головой.

– Ишь, ловко ты как со скотиной?

– Так батя – лесник, чего такого? – состроила невинную моську я.

– И то верно.

– Знаете, господин, сколько мы подранков лечили? Выхаживали, вываживали, в лес отпускали? Люди ж как? Поставят силки, да некрепко, зверь и сам уйдет, и силок утащит, мясо иногда до кожи рассекалось. Или стрельнут в белый свет, как в окошечко?

– Дурачье…

– Не то слово, – согласилась я. – Подранки, они ж не забывают. Волки помнят, кабаны помнят… лоси – те глупее, но и они – могут. И потом нападают. На тех же девок, что по ягоды пошли, на бабок, на малявок.

Возница покивал головой.

– Это верно. Дурные эти Галикстры, между нами говоря.

Я была полностью согласна.

– Взгальные. И неудельные.

– Вот-вот, именно оно. Слышь… Шанна?

– Можно Шани, господин…?

– Трош. Дядька Трош, так можешь и называть. Ты во всей скотине понимаешь, или только в лесной?

Я улыбнулась.

– В лесной, конечно, побольше. Но и домашнюю поглядеть

могу. Случилось чего?

– Есть такое. Конь у Ленера дурит. Подрядились его доставить, а скотина дорогая, породистая…

– Что с ним не так, дядька Трош?

– Жрет-пьет нормально. Но идем мы, все нормально, а потом коняга вдруг начинает свечить, задом лупасить, да вроде и ни с чего! И понять никто не может? Болит чего? Испугался? Пес его знает…

Я задумалась.

Всякое, конечно, бывает. Но конь – тоже зверюга неглупая. Так в чем же дело?

– А здоровье?

– Есть у нас лекарь, куда ж без него! И по скотине может, и по людям. Но – говорит, что конь здоров, а что с ним не так – не понимает. Хоть убивай.

Оставалось только пожать плечами.

– Тогда смотреть надо. Наблюдать.

– Это я могу с Ленером перемолвиться словечком. Если вечером – нормально?

Я пожала плечами.

– Хотя бы.

* * *

До вечера мы с Корсом успели поиграть в фишки*, подремать в телеге и даже выслушать нотацию от Ирша. Ее вообще весь караван выслушал.

*** – аналог – нарды, прим. авт.**

И как это Галикст-старший пропустил сыновние бега?

Сын мало того, что набегался до каменных ног, которые переставлять – и то тяжко было, так еще и заявил отцу – может, я гонцом стану?

И услышал.

Сын введет себя недостойно.

Сын позорит славное имя Галикстов.

Сын…

Список претензий был так велик, что умотавшийся мальчишка начал на полуслове клевать носом, а потом глаза его остекленели, и Ирш-младший свалился на дно телеги, к Карне. Но так и не проснулся при этом.

Карна по-моему, была очень довольна. Спящим и тихим она сына точно любила больше.

Дядька Трош свое слово сдержал.

После ужина к нам подошел Лерен Райлен.

– Вечер добрый, господа. Приятного аппетита. Шанна, Корт, как у вас дела. Не обижают вас?

Смотрел он при этом не на Ракашей. Бирк и Рена вообще оказались отличными попутчиками, тихими, спокойными, шли и шли себе, за руки держались, беседовали о чем-то своем.

На Галикстов.

Ирш надулся, но высказать претензии не успел, я покачала головой.

– Благодарю вас, господин Райлен, все хорошо.

– Мне дядька Трош сказал, что ты в скотине чуток разбираешься? – взял коня за рога Ленер.

– Так… немного, по лесному зверью.

– Наше зверье посмотришь?

Отказываться не стоило.

– Сейчас, господин?

– Да. Опять эта тварь бесилась!

Я вздохнула и поднялась.

– Можно мне с вами?

Для Корса это было интересным приключением. Ленер не стал возражать.

Вместо этого протянул руку.

– Только рядом со мной. Скотина непредсказуемая, так что меня слушаться. Договорились?

– Слово, – кивнул Корс, гордый доверием.

– А…

Ирш-младший открыл рот – и тут же закрыл его. Отец смотрел на сына с доброй улыбкой голодного волка. Только ляпни. Вот только открой рот! Ну-ка, попросись?

Рот закрылся, плечи опустились.

Было ли мне жалко парня?

Нет. Слишком уж он дурной и шальной, еще утворит чего, не со злобы, так по глупости. А вот коня – жалко.

* * *

Конь был великолепен! Здоровущий черный жеребец, глянцевый, словно смола, с короткой гривой, которая торчала жесткой щеткой, и изящно выгнутой шеей.

– Какой он красивый, – шепнула я. – А как зовут?

– Неоригинально. Демоном, – хмыкнул Ленер. – Ему подходит.

Конь прянул ушами, Корс похлопал по карманам. Нашлась

горбушка.

– Можно…?

Ленер махнул рукой.

– Ладно. Давай, действуй.

Корс медленно сделал шаг, второй, протянул на ладони горбушку.

Конь наклонил голову и медленно, осторожно взял ее. Я следила за эмоциями.

И верно – Демон.

Умный, хищный, сильный, отлично выезженный. Знает, что такое дети, хорошо к ним относится. При виде Корса у него убавилось алых пятен, зато прибавилось голубых, золотистых – конь явно привык к детям. И хорошим.

Он любил этих детей.

– Если не секрет, кому его везут?

– Не секрет, чего уж там. В Эластру везем. Есть там такой маркиз Рошар, бо-ольшой любитель породистых зверей.

Я кивнула.

Конь успокаивался, преобладали голубоватые, зеленоватые тона, золотистые искорки удовольствия, Корс привычно потрепал его по гриве, безошибочно нашел, где почесать, где погладить…

– Может, расчесать его? Ишь, репьев нахватал?

– На то к нему человек приставлен специальный, – хмыкнул Ленер. – Прости, парень, пока не разберемся, из-за чего конь чудит, я тебя слишком близко не подпущу. Дернется еще ненароком.

Я кивнула.

– Вроде бы не болен? И не злой, я же вижу, и детей он любит…

Сомневаться в моих словах было сложно.

Постепенно людей прибавлялось, подходил то один возчик, то второй, Корс продолжал гладить жеребца и оба были довольны, как вдруг…

Если бы я не привыкла вглядываться в переливы цвета – никогда бы не заметила.

Но вдруг…

– Корт, детка, – тихо позвала я.

– Да, Шань?

– Отойди в сторону. Немедленно.

Брат сделал шаг, второй, третий – и вовремя.

Потому что коню, совершенно неожиданно для всех, опять встал на свечку. Ударил задом, раз, другой, третий, опять встал на свечку…

Вокруг него просто полыхало облако кроваво-красной

ненависти.

Почему?

Кто-то бросился успокаивать лошадь, но – бесполезно. Конь ярился еще больше. Корс прижался ко мне, весь дрожа. Не с испуга, просто уж очень неожиданно получилось.

– Шани…

Я погладила его по встрепанным темным волосам.

– Все хорошо, малыш. Я тебя в обиду не дала, и дальше не дам, сейчас разберемся, почему такое произошло, все будет в порядке…

Я шептала какую-то успокаивающую чушь, закутывая Корса в собственное спокойствие, как в плащ. Разум напряженно работал.

Почему взбесился конь?

Что произошло?

Откуда взялась такая бешеная, яростная вспышка гнева? Искреннего, алого, чистого?

Мы просто стояли, почти не двигались, ничего странного или страшного не делали, подходили люди, их становилось больше, конь реагировал спокойно, он хорошо выезжен, но потом, в какой-то миг…

Кто-то подошел. Не тот, не такой, опасный? Или кого-то напоминающий?

Коня кое-как успокаивали. Я не лезла, не так я хорошо владею своим даром. Это не вороненок, это здоровущая зверюга, у которой Корс под брюхом пройдет, не сгибаясь. Двинет копытом – и разъясняй потом Светлому, чего тебе надобно было.

Я повернулась к Ленеру, который тоже не мешался своим людям.

– За ним один человек ухаживает?

– Один к нему специально приставлен. А так… все помогаем. В дороге бездельников нет.

– И идет он со всеми, господин?

– Сейчас уже нет. Шани, ты что-то поняла?

Я оглядела стоящих и глядящих на бесплатное представление людей.

– Не то, чтобы сильно, господин. Но хочу кое-что попробовать, если разрешение дадите.

– Дам, – кивнул Ленер. – Я бы не понял, что он сейчас беситься начнет, а ты брата заранее предупредила. Как?

– Как и с дикими животными. Они тоже не предупреждают, они сразу кусаются. А мы не первый год отцу помогает, – развела я руками. – Что вы хотите? Научилась.

– Хорошее умение.

– Фехтовальщики тоже за секунду до удара отстраняются.

Если хорошие, – парировала я. – И мастер знает чуть ли не до замаха, куда пойдет удар.

С этим Ленер был согласен.

– Так что ты хочешь сделать?

– Люди. Он среагировал так на кого-то из людей… или… или на запах!

Я поймала то неуловимое, что царапало и тянуло.

Ветер! Конечно же, ветер, который дул нам в спину, а коню в морду.

– Просто пусть те, кто собрался, пойдут рядом с конем. С наветренной стороны? Не вплотную, а так, чтобы он не достал, но видел и чувствовал. Можно, господин?

Ленер пожал плечами.

– Давай попробуем. Может, и так оно…

Так и поступили.

Конь постепенно успокоился, и теперь уж я не сплоховала. Отдала брата Ленеру, и прижалась к конскому боку. Пока спокойствие действовало.

Конь медленно приходил в себя.

– Шанна, ты уверена?

Голос Ленера был напряженным.

– А как я еще замечу? По стуку сердца буду разбираться, по реакции, – вздохнула я.

Я знала, что не рискую. Но Ленер не знал.

– Выдрать бы тебя.

– Могу уйти.

Коня ему было тоже жалко. Ленер махнул рукой.

– Убьешься – выпорю. Так, что путешествовать будешь задом кверху.

Я кивнула.

И принялась наблюдать.

Караванщики проходили мимо коня.

Один, второй, третий, все спокойно, четвертый, конь расслабляется, пятый, шестой…. И вдруг! Конь напрягается, даже невзирая на мои старания, я едва удерживаю его разум, чтобы он не взбесился вновь, животному это вредно. И ищу причину.

Человек, да.

И – запах, я угадала. Он уже совсем выветрившийся, почти не ощущается, но конь намного чувствительнее. Я знаю этот запах! Я его точно знаю… откуда?

И тут же память подкидывает воспоминание.

Отец дарит маме не букет, а связку скромных сухих веточек. Но пахнут они…

Лаванда!

Что связано у коня с этим запахом? Что за воспоминание?

Тянусь к нему, пытаюсь успокоить, и вижу – когда-то, жеребенком, его ударили хлыстом. Просто так. Женщина, от которой пало лавандой.

Конь не забыл.

Такой давний страх, такой гадкий, из детства. Корс боялся черную рогатую гадюку, а конь испугался лаванду.

Об этом я и сказала. И удостоилась недоверчивых взглядов.

– Лаванда? – удивился Ленер. – Откуда?

Ответом ему стал смущенный хмык. А потом еще один. И еще…

Мужчина прищурился.

– Так… Шанна, сможешь побыть с конем? Чтобы никто лавандовый к нему не подходил?

Я кивнула, забыв о вежливости. А Ленер взмахом руки позвал за собой троих мужчин.

– Пойдем, поговорим…

* * *

Окончание истории я узнала через полчаса.

Мне его рассказал сам Ленер, а заодно и гостинчик принес. Мешочек жареных орехов, дорогих, кедровых.

Трое умников решили подзаработать на лавандовом масле. Дорогущая штука, аж жуть, оно по капле идет что в благовония, что в мыла, крема, масла для тела, и стоит чуть не на вес золота. Оно бы и не страшно, поставили на телегу пяток лишних бутылок, но…

Со всего, что перевозят – Ленеру идет доход. Процент.

Платить умникам не хотелось, решили попробовать так провезти. Замаскировали…

Видимо, какую-то из бутылок закрыли неплотно. Их же одеждой перекладывали, чтобы не разбились. А подтекало не сильно, может, просто приоткрылось, или снаружи испачкалось, масло концентрированное должно было и капли хватить, так-то запах не различишь, а конь почуял.

Человек ничего не чувствовал, а я просто в тот момент почти слилась с сознанием коня, вот и получилось как получилось. И запах я узнала, и причину. А Ленер ее и найти-то не мог.

И люди разные, и рубахи, и цвета одежды, да и запах уж очень слабый, и не так часто конь его чуял. Но – хватило.

Пока доискались бы, что, да как, мог бы конь и покалечиться.

А еще за лавандовое масло налог другой. Это как за золото,

за предметы роскоши, за него тоже берут дороже. А эти балбесы решили его провезти контрабандой.

И сами нарвались бы, и Ленера подставили… вердикт был ясен. В ближайшем городе – без выходного пособия, на улицу.

– Мало ли у кого какие обстоятельства? – намекнула я.

Ленер покачал головой.

– Шанна, я не сволочь. И о своих людях все стараюсь узнать. Семьи там от голода не плачут и услуги лекаря им срочно не требуются. Просто есть честный, но долгий заработок, а есть быстрый и незаконный. Мне это не нужно.

Ленер немного кривил душой, но не тогда, когда говорил о своих людях.

Сам он тоже перевозит контрабанду, точно. Злило его то, что не поделились, не позвали в долю, а раз так – свободны. И проваливайте на все четыре стороны.

Я бросила в рот орешек. Вкусно, надо Корсу оставить.

– Я все понимаю, господин. Об этом не надо говорить, верно?

– Вы умничка, Шанна. Лучше промолчать об этом случае.

– Я никому не скажу.

– Договорились. А ваши способности, это какая магия?

Ленер пристально наблюдал за мной. И если бы я не ожидала чего-то подобного… глупо же ждать, что ведущий каравана будет передо мной отчитываться. Если пригласил, значит, ему что-то надо.

Что именно?

Да все то же. Не мои прелести, а мои способности. В дороге таким цены нет, но раскрываться я не собиралась. Так, чуток.

– Я особенно ничего не умею. Мама говорит, такое у многих есть.

– Такое – что?

– Да почти ничего. Вижу, когда кто-то рядом лжет. Или сильно нервничает… почему – не вижу. Может, там любовь, может, ненависть, просто человек напрягается, вот и все.

Ленер задумчиво кивнул.

– У вас в роду магов не было?

– Может, и были, кто ж скажет? – вздохнула я. – Тиртан, сами понимаете, там такое не одобряют.

– Магов нигде кроме Раденора не одобряют.

– То-то и оно. Вроде как магов в нашем роду не было, а вот умельцы, – я выделила голосом это слово, – были.

И не солгала.

Магов – не было. Были магини. Или магички – в любом случае мужчин-магов не было.

– Вот оно как…

– Многого я не сделаю. Но вот так, посмотреть и увидеть…

Ленер кивнул.

– Это очень много, Шанна. Спасибо вам за помощь.

– Не за что.

С тем я и вернулась к костру. Все уже спали, и я полезла в телегу к Корсу. Обняла братишку, притянула поближе к себе.

Брат, не просыпаясь, подкатился под бочок, прижался, вдохнул мой запах и успокоился. Тяжко ему. Это днем он весь из себя беззаботный, а ночью выходят наружу тоска, страх боль разлуки. И вспыхивают алыми тонами.

Я потерлась щекой о темную макушку.

Все хорошо, братик. Прогоним мы злые мысли. Сейчас я тебя обниму, вот так, и твой сон станет прозрачно-голубым, нежным, уютным…

Интересно, а по чужим снам я ходить смогу?

Сон – это ведь тоже мысль? Или лучше не рисковать? Нет, не надо. Только не в дороге, мало ли что приключиться может? Хватит мне уже одного несчастного случая с Рианой.

С тем я и уснула.

И снилось мне что-то очень хорошее.

* * *

Дорога вилась прихотливой серой лентой.

То скользила между холмов, то пылила рядом с рекой, то ныряла под сень деревьев, то палила солнцем так, что у меня обгорел и облупился нос.

Корс был доволен и счастлив. Ему было интересно все – от большого жука до невиданного ранее цветка, от рассказов возчиков до беготни с новыми приятелями. Ему даже нравилась немудрящая работа, к которой всех мальчишек приставил Ленер. Хвороста набрать, коней покормить, стоянку помочь обустроить.

Ничего тяжелого мальчишкам не поручали, но к вечеру они просто с ног падали. Даже те, кто постоянно ехал в каретах – и те уставали.

Мы с Корсом старались не злоупотреблять добротой ведущего. Орас приглядывал за нами, не давая никому в обиду. Пару раз от него уже досталось Карне Галикст, которая вздумала меня воспитывать. Я бы ей тоже ответила, но не успела. Мужчина оказался рядом и цыкнул, что смотреть надо за своими сорванцами, а не за чужими дочерями. Или вы, госпожа Галикст невесту приглядываете? Так не извольте переживать, с этой у вашего сына ничего не сладится.

Карна обиделась и замолчала на целых два дня.

Если честно, я перестала удивляться тому, что кто-то вышел замуж за Галикста уже на четвертый день пути. Муж и жена были достойны друг друга. Поразительное сочетание спеси, лени и глупости. Никогда раньше такого не видела.

Зато ими легко было управлять.

Для этого не требовалось ни читать мысли, ни внушать свои. Надо было вызвать определенную эмоцию у себя: радость, грусть, злость, раздражение, а потом приблизиться на достаточное расстояние к человеку.

Радость я могла проецировать с пяти шагов, лично проверила на Рене.

Злость – с трех. Раздражение тоже. С чем это связано, неясно, может быть, радость мне вызывать проще? Тоску я тоже могла проецировать шагов с шести….

Вполне возможно, что те эмоции, которые мне проще было испытывать самой, и внушать получалось легче. Пока еще было недостаточно материала, но я исследовала дальше. Было интересно, но я старалась не увлекаться. Ленер наблюдал за мной, наблюдали и его люди, и это логично. Кто ж поверит на слово?

Кто знает, может я бы и дотерпела до Дилайны, но…

* * *

Обычно караваны останавливаются на ночлег в чистом поле. Много телег, карет, животных, людей – не все постоялые дворы примут такую ораву. Да и условия должны быть для всех разные. И для благородных, и для простонародья. Никогда граф не займет покои, в которых ночевал кто-то вроде нас с Корсом. Да у нас и денег не хватит…

В этот раз постоялый двор был действительно огромным. Хватило в нем места всем, нашлась комнатка и для нас с Корсом.

Я подумала немного, и решила принять горячую ванну. Не просто пойти в общую мыльню, это не то, а именно заказать ванну в номер. Это было чуть дороже, но того стоило.

В дороге мы купались в речках, но это не то, совсем не то. А вот наполнить горячей водой бадью, капнуть туда немного полынной настойки для запаха, и полежать, наслаждаясь терпкой горечью…

Мне всегда нравилась именно полынь, и мы с мамой рвали ее, делали вытяжку… пахло – чудесно. А кому не нравится, не мои проблемы.

Конечно, ждать пришлось долго, почти до ночи, в караване были люди и знатнее меня. Я успела и поужинать, и почитать с Корсом, и решила немного прогуляться.

Недалеко. Просто подышать воздухом.

Привыкли мы с братом засыпать на свежем воздухе, под звездами, или под навесом, если идет дождь, и маленькая комнатка показалась душной.

Корс решил идти со мной.

Мы осматривали двор, хозяйственные постройки, прогулялись к скотному двору, полюбовались на коней, и не смогли справиться с искушением.

Сеновал, устроенный над конюшней.

Знаете, как здорово валяться в свежем сене?

Как оно пахнет, какое мягкое, душистое… мы немножко, честное слово. Не удержались ни я, ни Корс. И полезли на второй этаж по приставной лестнице.

Раскинулись, наслаждаясь запахом травы.

Отец на зиму тоже запасал сено, и когда его стаскивали, оно так же пахло, и мы не выдерживали, приходили в нем поваляться. Папа не ругался. Ему тоже нравилось, по-моему.

В Тиртане ведь такого нет, и сено там не косят, как в Риолоне, там другие места, другие травы, запахи, а здесь… дорвались.

Надо только потом вымыться как следует, и голову вымыть, а то колоться будет.

Мы уже собирались слезать, когда я почувствовала чужого человека. Схватила брата за руку, сжала.

– Замри!

Я бы так не нервничала, но человек был злым.

Чернота давила, окутывала его, проблескивала багровыми всполохами злобы… кого он так ненавидит? За что?

Кони тоже почувствовали его, заметались, захрипели, особенно тот самый жеребец. Мужчина зло выругался, ударил кулаком в стену. А потом достал из кармана небольшой мешочек и принялся что-то сыпать в корыто с зерном.

Мы с Корсом переглянулись.

Мужчина еще раз огляделся и вышел вон.

И столько ненависти от него шло… меня опять затрясло.

Корс схватил меня за руки, но молчал. Я тоже закрывала рот, чтобы не издать ни звука. Первый раз такое вижу. Даже Риана, хотя… да! Похоже, очень похоже!

Она так же ненавидела.

Пять минут.

Тишина. Он ушел.

– К Ленеру. Скорее, – шепнула я.

– Ты думаешь…? – братик не договорил, и так все было ясно.

– Уверена.

Я даже не сомневалась, что в зерне, которое достанется завтра коням, будет какой-то яд. Или еще что-то гадкое, чтобы они захворали среди поля. Чтобы мы… задержались в дороге?

Да.

Я была в этом больше чем уверена, осталось рассказать все Ленеру.

* * *

Первым мы наткнулись на Ораса.

Мужчина шел из общей мыльни. Сначала, по заведенному обычаю, купались женщины, потом уже мужчины. Женщинам же всегда больше времени требуется, пусти их мыться под вечер, так до полуночи не выгонишь, а на следующий день и не поднимешь. А с мужчинами проще. Вымылись – и готово.

Корс буквально врезался в него.

– Дядя Орас, а где дядя Ленер?

После того происшествия с конем, к нам относились чуточку теплее, и разрешали обращаться именно так.

Мужчина пожал плечами.

– У себя должен быть. А что?

– Все очень серьезно, – тихо сказала я. – Мне надо с ним сейчас поговорить. Немедленно.

Орас внимательно поглядел мне в глаза, кивнул – и пошел вперед. Видимо, выглядела я очень убедительно.

Ленер действительно был у себя в номере. И ничем кроме отдыха заниматься не хотел.

Во всяком случае, сначала в дверь полетел сапог, судя по звуку, потом проклятие, и только потом на пороге объявился Ленер. В одном полотенце, обвязанном вокруг пояса. Злой и раздраженный, и учитывая смятую постель за его спиной и девушку в ней – основания у мужчины были.

– Какого… – начал он на подъеме, потом заметил за спиной Ораса меня и Корса и смущенно кашлянул. – Шанна?

Дверь была невежливо захлопнута перед нашим носом. Через пять минут Ленер вышел в коридор в кое-как застегнутой рубахе и штанах, на ходу приглаживая растрепанные волосы.

Он весь переливался желтыми и оранжевыми всполохами раздражения, но не злился. Просто не понимал, что происходит. Орас покачал головой.

– Пошли ко мне? На пару минут.

– Зачем?

– Ленер, это важно. Правда.

Мужчина поглядел на лицо Ораса, на меня, и решительно махнул рукой.

– Идем.

* * *

Орас плотно прикрыл дверь своего номера, встал рядом с ней и кивнул мне.

– Шанна?

Я кашлянула.

Я надеялась, что Орас все расскажет сам, а тут вот…

– Я не знаю… мы с братом гуляли. Решили поваляться на сеновале, как дома.

Ленер покачал головой.

Вообще, правильно, это дома нас четверо, а тут постоялый двор, если каждый на сеновал полезет, что там от сена останется? Но мы не удержались.

– Пока мы были в конюшне, туда зашел мужчина. Высыпал что-то в ларь с зерном – и вышел вон. Нас он не заметил.

Ленер прищурился.

– Ларь с зерном, говоришь?

Я кивнула.

– Если оттуда будут давать зерно коням…

Ленер прикусил губу. Подумал пару минут и кивнул Орасу.

– Пошли. Ребята, вы пока останетесь тут, поняли?

Мы поняли.

* * *

Орас вернулся через два часа, злой, как медведь-шатун.

– Тис, – коротко бросил он.

Мы с Корсом ахнули.

Тис… такая дрянь!

Так-то это красивый кустарник, круглый год зеленый, но его листья ядовиты для лошадей. Три часа, край – до пяти часов, и смерть.

И доза-то нужна маленькая, горсти хватит.

– Тис? – шепнул брат.

Уговорить его поспать у меня так и не вышло. Ни в какую не

соглашался, хотя я клялась что разбужу, как только будут новости.

– Да. Кто-то порубил листву и подмешал к зерну. Конюхи б спросонок и не заметили.

Это да, коней кормили еще затемно. Насыпали бы зерна, они бы поели, мы бы успели и выехать, и достаточно далек отъехать – доза так не такая большая, а потом у нас бы начали болеть и умирать кони. И куда?

И как?

Легкая мишень, вот кем бы мы стали.

Меня затрясло, будто от холода. Орас покачал головой, посмотрел неодобрительно, и уселся рядом с нами. Притянул к себе одной рукой меня, второй Корса.

– Успокаивайтесь, дети. Мы с Ленером все проверили, все теперь будет в порядке. Трош и еще человек пять будут ночевать рядом с конями, на мешках с зерном.

Мы, не сговариваясь, выдохнули.

Может, и правда повезет?

Постепенно мы отогрелись, нас перестало трясти, и Орас понял, что можно продолжать разговор.

– Шани, что это был за человек? Ты его узнаешь? – мягко спросил Орас.

Я пожала плечами.

Вот ведь проблема! Узнать я его могу, только не в лицо. По ауре.

По сполохам цветов, вокруг него.

Это как рисунок. Понимаете, вот есть портрет человека, и он всегда одинаков. Можно смотреть на него сквозь голубую, алую, зеленую, даже черную ткань, будет меняться окраска, но не сами черты. Какой-то базовый набор останется. Со временем у человека меняется лицо, на нем остаются разные следы, от шрамов, до оспин и морщин, но именно что со временем. Если я увижу этого человека, я его узнаю.

Но – не в лицо.

Только вот не скажешь об этом прямо… а как тогда?

– На нем был плащ, и капюшон наброшен, – вспомнил Корс прежде, чем я успела его заткнуть. – в лицо мы его вряд ли узнаем.

– Если только в спину, по походке, – я развела руками. – Мы тихо сидели, как мыши.

Орас понимающе кивнул.

Хоть и гоняли конюхи всех с сеновала, но парочки там уединяться умудрялись. Орас явно решил, что мы потому и замерли. Чтобы нас не согнали вниз с криками и с позором. Что

ж, версия не хуже других.

– Вот оно что… ладно, мы с Ленером поговорим. Шанна, спасибо тебе.

Я развела руками.

– Да я и для себя старалась, вроде бы.

Орас усмехнулся.

– Ты девушка умная, все понимаешь.

– Нам до Дилайны идти вместе, – согласилась я.

– Вот. Случись что, и нас положат, и вас не пожалеют. А потому смотрите с братиком в оба. Вы друзья наблюдательные, и удача вас, авось, да не оставит. И мы с Ленером поглядывать будем. Во что был одет тот тип?

Минут двадцать мы вспоминали наперебой с Корсом, как был одет мужчина, как двигался, Корс пробовал имитировать походку, движения, но получалось не очень.

Потом в номер пришел злой, словно шершень, Ленер Райлен. Но злость его была направлена на кого-то другого.

* * *

– Шанна? Корт? Спасибо, ребята.

Мы переглянулись, и за нас ответил Орас..

– Ленер, я расспросил ребят. Они этого типа толком и не разглядели. Только походку, движения…

– Плохо. Опознать не смогут.

– Если только увидят в движении.

Ленер выдохнул и упал в кресло. Налил себе вина из кувшина, залпом осушил стакан, потер руками лицо, словно убирая с него какую-то паутину.

– Хоть так… народ я на уши поставил, от коней не отойдут, но завтра-то как быть?

Нам это тоже было интересно.

Если кто-то что-то задумал, вряд ли его остановят разные мелочи. Разоблачили?

Так мы других исполнителей найдем, и еще что-нибудь придумаем. А что? И как?

А у меня брат. И до Дилайны мы так можем просто не доехать. Я помолчала пару минут – и решилась.

– Господин Райлен…

– Просто Ленер, Шани. Чего уж там, мы все сегодня тебе жизнь задолжали.

– Я вам говорила, что могу чуять…

И Ленер, и Орас – оба глядели на меня с одинаково

заинтересованным выражением. Но молчали.

– Если человек лжет, я учую. А у этого типа, кто бы он ни был, не может не быть сообщников здесь, да и в караване. Надо просто спросить…

Мужчины переглянулись.

– Шани, ты понимаешь, что потом за тобой охота начнется? – уточнил Ленер. – Вот сразу, как за ворота выйдем. А то и раньше?

– Плащ. Сапоги мужские из-под него. И молчать буду, просто пальцем покажу, – вслух подумала я.

Ленер потер лоб.

– А что? Так может, чего и полу́чится?

Они переглянулись с Орасом, и принялись планировать акцию. Я горестно вздохнула.

Эх, прощай моя ванна.

* * *

С ванной я попрощалась рано.

Узнав о моих горестях, Ленер утащил меня в свой номер, выгнал из постели ту самую служаночку, сунул ей пару монет и приказал принести горячей воды. И ванну для девушки. ЖИВО!

Девка одарила меня злым взглядом, но пообещала, что сейчас все будет.

– Пока я все организую, пока разберусь, ты искупаться успеешь, – пояснил Ленер. – И сегодня вы с Корсом у меня ночуете. Под моей охраной, поняла?

Я невольно вспыхнула.

Да, Ленер мне в отцы годится, но… все равно нехорошо.

– Ты же не одна, а с братом, – без всякой магии прочитал мои мысли мужчина. – Поклясться могу, что пальцем до тебя не дотронусь.

Я вздохнула.

Это-то полбеды, я знала, что не вызываю у мужчины такого интереса. Но как злые языки заткнуть?

– Узлом завяжу, – пообещал Орас. – Пусть только попробуют вякнуть, твари…

Я вслух говорила? Не понимаю…

Ленер и Орас переглянулись, и расхохотались.

– Нет. Просто у тебя личико выразительное, на нем все написано, – признался Орас. И опять покатился со смеху. Глядя на них, прыснул и Корс. И получил подушкой по голове.

Нахал мелкий! Еще он смеяться надо мной будет, паршивец!

Тычком в бок братик не ограничился бы, но Ленер мигом

построил нас в две шеренги.

– Шанна, сиди, жди ванну. Орас, побудешь под дверью, заодно и за Кортом приглядишь. А я пойду, поговорю со стариной Варушем.

И исчез за дверью.

– Кто такой Варуш? – спросила я.

– Хозяин постоялого двора. У них с Ленером хорошая дружба.

Ну, в последнем я и не сомневалась. Иначе мы бы здесь не останавливались. Теперь только ждать.

И ванну, и все остальное.

* * *

Полынь я добавлять не стала. Хотелось, но ни к чему. Запах сильный, приметный… а вот после того, как все сделаем – можно. С утра, например.

Так и сделаем.

И полежать в ванной мне почти не удалось. Минут пятнадцать, и в дверь постучали. Пришлось спешно смывать грязь и одеваться.

– Можно!

Вошедший Ленер положил передо мной мужские сапоги, в голенища которых у меня могли две ноги влезть, штаны и куртку, плащ и платок.

– Давай, помогу одеться.

Я не стала спорить.

Но увидеть себя не хотела бы.

«Мужчина» получился очень сомнительный. Не слишком высокий и достаточно щуплый. В сапоги пришлось напихать тряпок, и то я едва не пропахала носом несколько раз.

– Ты будешь просто сидеть в комнате, за столом. Туда будут заходить люди, проходить мимо и выходить. Если ты узнаешь этого типа, подашь мне знак, – наставлял меня Ленер.

Я кивнула.

– Говорить не обязательно. Переставишь подсвечник на столе, поняла?

Я кивнула еще раз.

Было страшновато. Но выбора все равно нет.

– А если я буду сомневаться?

– Орас будет рядом с тобой. Тех, в ком будешь сомневаться, отделим. И потом расспросим, тщательно, с расстановкой.

Ленер недобро ухмыльнулся.

– Завтра мы никуда не поедем?

– Посмотрим. Пока не стоит загадывать. Если никого не найдешь, выедем с рассветом. Если найдешь – послушаем, что нам скажут. Тогда и решать будем.

Это было логично.

Караваны были источником дохода для Короны, а потому их оберегали. Лучше всего дело обстояло, по слухам, в том же Раденоре, где за пропавший караван отвечали все виновные.

Выезжали люди, маги, находили разбойников и эстетично развешивали вдоль дороги. В назидание и для просушки.

В Риолоне, в Тиртане, да много где еще, было сложнее. Магов-то не было.

Но если что-то случалось с караваном, стражники из ближайшего города начинали патрулировать местность. С владельца земель брали крупный штраф в пользу пострадавших. Да много еще санкций было, все и не перечислить. Так что нападения случались редко.

Но метко.

Если что-то, Ленер вполне мог переждать несколько дней на постоялом дворе. И даже вызвать сопровождение. Отписать владельцу земель, попросить отряд…

Долго, муторно, зато безопасно.

Но для этого нужны доказательства.

Значит, надо их попробовать добыть. Я в себе не сомневалась, если тот человек еще не ушел, я его опознаю. Никуда он не денется, вот! На что-то же мне даны мои способности? Пусть пользу приносят!

И, заглядывая в свою душу, попробовать себя в деле мне хотелось ничуть не меньше, чем помочь Ленеру. Да, это и моя безопасность, но…

Интересно!

Это как получить в руки новую книжку – и не читать! Не удержишься ведь! Хоть по страничке, а начнешь листать!

* * *

Большая комната, стол, достаточно далеко от двери, я сижу за ним, рядом со мной Орас. Ленер снаружи. Корс ждет в комнате у Ораса, хотя бы за брата я могу быть спокойна. Он мне клятвенно обещал, ни ногой оттуда.

В комнату заходит первый человек.

Я вглядываюсь в него, Орас в меня. Не знаю, что видит он, а я просто разглядываю мужчину, который поворачивается спиной, высыпает в поставленное корыто мешочек с зерном, и выходит.

Не тот. Однозначно не тот.

Ни страха, ни гнева… любопытство и равнодушие. Зеленоватые, голубоватые тона, проблески фиолетового, немного серой усталости, капелька интереса…

Этот человек за собой вины не знает.

Люди идут и идут.

Первый десяток, второй….

Накрывает меня на двадцать шестом человеке, я считала зачем-то.

Он входит, и весь полыхает от гнева. Да так, что даже ауру считать сложно. Поди, разгляди истинное лицо человека, если он в гневе?

Он делает все что надо, и вроде бы не тот, но чего он так злится и боится?

Я переставляю подсвечник.

Орас кивает двоим слугам, которые стоят у двери, и первый мужчина отправляется в кладовку.

Вскоре ему составляет компанию второй. Потом третий.

Но как мне кажется, именно четвертый – тот самый.

Остановиться? Сказать, что вроде бы – все? Нет, не стоит. Я честно проглядываю еще человек сорок, и отбираю еще двоих, полыхающих злобой и страхом. Всего шестеро.

Неплохой улов.

Наконец, люди заканчиваются, и к нам заходит Ленер.

– Как вы тут?

Он переглядывается с Орасом, тот кивает.

– Улов есть. Осталось расспросить. Ты что скажешь?

Я откашлялась. Водички бы сейчас. Горло от волнения пересохло.

– А можно говорить?

– Да. Слуги – мои доверенные, Орасу я тоже верю. Так что слушаю.

Я потерла лицо руками.

Мне кажется, четвертый. Но и насчет остальных я не уверена. Какие-то они… мне неуютно было. Как с конем тогда, понимаете?

Ленер подумал пару минут, и кивнул.

– Пожалуй. Орас, ты проводи девочку, а я пока займусь.

– А мне поприсутствовать нельзя? Хотя бы за ширмой? – попросила я. – Пожалуйста…

Просилась я не просто так. Это – опыт. А он для меня ценнее золота и самоцветов. Где я еще увижу? Где смогу попробовать прочитать человека? Я ради такого даже браслет сниму… ненадолго. Или не сниму, лучше не сниму, но попробовать-то надо?

Мужчины переглянулись.

– Шанна, это будет грязно, – честно сказал Ленер. – Это зрелище не для юной девушки.

– Ты не выдержишь, – согласился с ним Орас.

Я глубоко вздохнула. Выдохнула.

– Я ведь сказала, я чую, когда врут. Что вы не увидите, я замечу. Услышу…

– Твой отец мне голову бы оторвал, – пробормотал Ленер. Но спорить ему и самому не хотелось. Слишком многое стояло на карте. Его жизнь и его караван – разве мало?

Тут на все наплюешь, в том числе и на переживания девчонки, которая сама в гущу событий просится. Как не попользоваться?

И я это прекрасно видела и понимала.

Бесценен – опыт.

* * *

Первого мужчину втащили в комнату и устроили на табурете. Ленер прохаживался рядом.

– Поговорим, Шенс?

– Господин Райлен, да ничего я не знаю.

– Врешь.

– Не виноват я ни в чем!

И так уверенно, так спокойно, не видела бы я все переливы багровой гнили вокруг него, так и сама бы поверила. Вот и Орас смотрит, сомневаясь. Я качнула головой.

– И снова врешь, – Ленер покачал головой. – а ведь мы уже года три как вместе работаем. Зачем ты меня убить хотел?

Аура ослабла до бледно-розового.

Удивление было настолько сильным, что погасило и злобу, и страх. Я хотела шепнуть Орасу, что это не так, но Ленер и сам догадался.

– Хотя нет. Убивать ты не хотел. А чего хотел? Чтобы твоему маленькому дельцу не мешали?

Уже ближе.

Как детская игра, «горячо-холодно». Не выдержав, я попробовала проникнуть глубже.

Что такое разум человека?

Первый слой – эмоции. Это то, что видно, что хлещет во все стороны, яркое, броское, заметное всем. Как одежда.

Второй слой – тело. Собственно, кожа. Неоформленные мысли, которые лежат на самой поверхности. До них несложно

докопаться. Не надо лезть вглубь, надо просто «поймать».

Опасно это тем, что можешь провалиться глубже. Или выдать себя.

Но сейчас мое лицо закрыто, и капюшоном, и ширмой, в обиду меня не дадут, так что же?

И я «потянулась» вперед. Медленно, словно дотрагиваясь до человека одним пальцем. Не хватать, а потыкать.

Ответ оказался на поверхности. Всего лишь имя, но я наклонилась к Орасу.

– Пусть господин Ленер спросит про конкурентов?

Орас посмотрел на меня, хмыкнул, и направился к Ленеру. Шепнул пару слов – и допрос пошел намного живее.

Я оказалась права.

Дело действительно было в давнем сопернике, некоем Матисе Ародо. И Ародо, и Райлен водили караваны, но у Ленера репутация была лучше, люди к нему обращались чаще и заказы…

Да. Последней каплей стал тот самый жеребец для маркиза Рошара. Мало того, что выгодный заказ, так еще и Ленер должен был подняться в достаточно серьезные круги. Маркиз мог оказать протекцию, а Райлен знал, когда лучше брать деньгами, а когда связями.

После него Матис решил, что врага надо уничтожать самым решительным образом, и пошел в атаку. Нанял двоих, вот этого мужчину и второго, из отобранной мной шестерки, и хорошо оплатил подлость.

Мужчины должны были отравить коня. Вот сволочи!

И поди, разберись тут, повезло или не повезло, с лавандой-то?

Из-за дурацкого поведения жеребца, за ним бдили в шесть глаз, и незаметно подсыпать яд не представлялось возможным.

Почему такие эмоции?

Как я понимаю, люди – существа странные. Им всегда легче уничтожать того, кого ненавидишь. Как делать пакость человеку, к которому хорошо относишься? А тут – накрути себя, наверти, убеди, что конкретно этот тип – враг народа в целом и тебя в частности, и всяко легче будет. Ты уже не пакость делаешь, а борешься со злом.

Приговор Ленера был просто и суров.

Пинка под копчик обоим – и расчет. Можно еще по подзатыльнику.

Двое отсеялись.

Третий оказался обычным вором. Так, по мелочи, но неприятно. Воровал он не у своих, а на постоялых дворах, у чужаков. Воровал в последний момент, чтобы караван ушел, и он

вместе с ним. А там поди, поищи ветра в поле?

Здесь он украсть еще ничего не успел, но подумал, что прихватили на горячем. И вознегодовал.

Еще двое оказались тоже контрабандистами. Только везли они нечто куда как худшее, чем лавандовое масло.

Дурман-трава.

Та еще пакость, официально запрещенная в королевствах. Наверное, везде, кроме того же Тиртана. Там ее используют, а вот здесь…

Страшная гадость, папа рассказывал.

Человек, который начинает ее курить или жевать, быстро уходит в мир грез. И выцарапать его оттуда не получается. Потом он умирает.

Но это еще не все беды.

Человек, принявший эту траву, становится невменяемым. Неизвестно, что ему кажется, но под дурманом он может убить даже родного сына. Для него нет никого, ничего, это хуже животного. Ради этой травы он пойдет на все. Солжет, украдет, убьет…

Лекари – и те ее не используют. Слишком опасно.

Но всегда находятся и дураки, и негодяи. Вот, и нашлись двое в караване.

Ленер только губы сжал.

Если трех балбесов, которые перевозили лавандовое масло, он просто выгонял на улицу, то этих…

Сдать подонков страже. И пусть их вешают. На здоровье.

Оставался последний человек. Тот самый, на которого я изначально и подумала. Ленер специально пустил его последним. Сделал перерыв, присел, выпил вина.

– Да, Шанна. Так у меня и людей не хватит, нанимать придется.

Я развела руками. Я-то в чем виновата? Что он у себя под носом подлецов не углядел? Его же караван, его и проблемы.

– Придется в ближайшем городе остановиться, новых людей нанять. Посмотришь на них?

Я кивнула.

– А…

– Заплачу́, не обижу. Вам с братом деньги лишними не будут.

– Да я не о том, – призналась я. – А какой ближайший город?

– Астор. Там и городок-то небольшой, одно название, лет двадцать назад вообще деревня стояла. Потом, вот разрослись.

– Почему?

– А, там рядом уголь нашли, копать начали. Шахтерский городок, но рабочих там найти можно. Из тех, кто уехать хочет,

кому киркой махать не под силу, ну и на дороге сэкономить. Мы там груз берем, кстати.

Я кивнула.

– Я посмотрю.

– А как ты догадалась? Про конкурента? – поинтересовался Орас.

– Этот человек… как его…

– Шенс, – поджал губы Ленер. Кажется, тема была неприятной.

– Шенс не реагировал на вопросы. Не нервничал. Дело было в чем-то другом. А если не контрабанда, не воровство, не личная месть, значит – выгода. Кто может заплатить? Только враги и завистники.

Орас кивнул.

– Молодцы у тебя родители, Шанна. Хорошую дочь вырастили.

Что бы этой дочери тихо не сидеть?

Увы, мысль была хотя и умной, но мало осуществимой. А и ладно!

Сильно я не раскрываюсь, а опасность грозит и мне, в том числе. И Корсу. Его ведь тоже не пощадят, случись что. Я… смогу ли я отбиться?

Не знаю. Но повторять то, что случилось с Рианой мне не хотелось бы. Очень уж неприятно. Так что защищаемся до того, как враг поднимет свой клинок.

Ленер допил вино и встал.

– Ну что, давайте допрашивать нашего последнего героя-отравителя.

* * *

Когда последнего мужчину ввели в комнату, мне даже страшно стало.

Темнота вокруг него искрила, вспыхивала, трепетала, вытягивала голодные щупальца. И при взгляде на Ленера полыхала алым.

Это что-то личное.

Риана Респен меня так же ненавидела.

Но как такое можно не замечать?

Как можно ехать бок о бок, разговаривать с человеком – и ничего не видеть? Вообще ничего?

Скрывал?

А можно ли скрыть такое?

Если только ради мести, если уговорить себя подождать, но… не сходится, нет! Для такой ненависти нужны более личные причины. Ленер должен знать этого человека. Или – нет?

Не понимаю…

– Что тебе предложили, Арок?

Ленер не стал разводить церемонии.

Мужчина, которого называли Ароком, фыркнул.

– Ничего.

И ведь не врет?

– Тогда зачем ты хотел отравить лошадей?

– Не твое собачье дело!

Арок прибавил еще кое-что, погрубее. Ленер пнул табурет, на котором тот сидел, и мужчина растянулся на полу.

– Еще раз спрашиваю, пока – словами.

– И что ты мне сделаешь, мразь?

Риана. Да, что-то похожее…

Я шепнула пару слов Орасу. Тот поднялся, подошел к Ленеру.

– Я что – твою сестру обрюхатил? Или мамашу? Чего ты взъелся-то?

Я видела, чернота шевелится, чернота плещется, еще чуть-чуть надави – и прорвется, брызнет во все стороны ядовитым гноем, словно нарыв, расплескается по комнате…

Ленер это тоже понял.

– Нет, твою сестру я бы точно… не стал, она, небось, на каракатицу похожа, а я рыбу не очень люблю. Да если бы и любил – ты спасибо скажи, что я вам породу улучшил, уродище!

И – прорывает.

– Ты… – как можно прошипеть слово без единой шипящей, я не понимаю, но мужчина шипит. – Ты… помнишшшшь Асенну Иллен?

Вокруг Райлена вспыхивает облако вины.

Помнит. Кто бы это не была, он помнит, и он знает, что виноват. Но…

– Это она тебя послала?

– Она умерла! В родах умерла, сукин ты сын! И ребенок твой тоже умер!

Ленер делает шаг назад.

– Я не знал.

– А что бы это изменило? Что?!

Я не удержалась. Но сейчас все лежало на поверхности, только прикоснись. И я не смогла отказать себе. Когда знаешь имя, искать проще.

Асенна Иллен.

Где проще всего находить любовниц?

Ленеру – в караване. Асенна Иллен казалась именно такой. Удобной и безотказной. А что девушка ехала к жениху, вот к этому самому Ароку, никого не остановило. Ни его, ни ее.

У мужчины всегда есть возможность предложить.

У женщины есть возможность отказать.

Есть исключения, но не в данном случае. Ленеру понравилась девушка, ему вообще нравились такие, тихие и светловолосые, и он предложил. Асенна не отказалась.

Может, она надеялась, что история будет иметь продолжение? Не знаю. Ленер был женат, давно и счастливо, и менять свою жену на Асенну не собирался. И отдавать ей роль походно-полевой жены, возя с собой по всем дорогам – тоже.

Доставил до места, подарил брошку и попрощался.

Про беременность он не знал, серьезно связь не воспринимал.

А вот жених – этот мужчина, который сейчас лежит на полу связанным, сильно обиделся. И на измену, и – он любил свою невесту. Но Асенна ушла, и что ему оставалось?

Найти виноватого.

Ленер оглянулся на меня.

– Орас…

Наверное, он хотел сказать, что меня надо увести из комнаты. Но не успел, я постучала по столу кончиками пальцев.

Был еще один вопрос, с которым мы не разобрались до конца. Гаденькие тайны Ленера – это его дело, а караван – общее. Я ведь тоже с ним еду, мне совершенно неохота вляпаться ни за что. Просто так, потому что рядом шла.

У меня брат!

– Кто его нанял?

Мужчины переглянулись. А вот аура вокруг негодяя вспыхнула цветами паники. Тревожно-алыми, словно зарницы молний вдалеке. Я оказалась права.

– Нанял?

А вот это совсем другой расклад. Личная месть – это понятно и даже как-то правильно. А если за нее кто-то платит, хотелось бы знать имя столь щедрого господина.

– Не скажу, – ощерился Арок. – Ничего я тебе не скажу, понял? Хоть ты шкуру с меня сдери – не скажу!

– И сдеру, – убедительно пообещал Ленер. – А ты что скажешь? – взгляд на меня.

Я покачала головой.

Нет, такое я… смогу! Да смогу я и прочитать, и узнать, и…

С одной стороны на чаше весов моя тайна. Раскрыть которую смерти подобно. С другой стороны – да ничего такого! Ленер и правда начнет драть шкуру с этого мстителя, тот все расскажет

рано или поздно, и все прояснится. Рано или поздно все будет известно, скорее, рано, чем поздно.

Я выбираю между вредом для себя – и вредом для человека, который шел на дело с открытыми глазами. Что он – не подумал, чем может закончиться?

Вранье. Все он знал, или догадывался. Образ мертвого Ленера я видела в его мыслях абсолютно четко. И кстати, еще одно лицо…

– Мне кажется, что это – женщина.

– Тварь! – взвыл мужчина на полу. Выгнулся так, что веревка впилась в шею, перехватила дыхание. – Ненавижу!!!

Ленер кивнул.

– Иди-ка ты отсюда? Сейчас мы с Орасом разберемся, а ты поспи, отдохни. Завтра мы точно никуда не идем, задержимся на денек.

Я кивнула.

Да уж куда после такого? Разобраться бы, да грязь разгрести.

* * *

На следующий день люди были взбудоражены, строили самые разные предположения… Ленер успокоил всех. Вышел, сообщил, что несколько человек в караване торговали дурман-травой. Вот сдадим их в стражу, тогда и дальше поедем.

Почему сами не повезем?

А вдруг у них сообщники, которые поспешат отбить своих дружков? В дороге-то? Налетят, не отмахаемся, лучше уж подождать немного, тем более, что эти расходы он возьмет на себя. Задержка по его вине, ему и отвечать.

Люди повозмущались, но согласились.

Я знала правду, и я же рассказала ее Корсу.

Не такой уж счастливый брак оказался у Ленера. Жених несчастной Асенны оказался неглуп, и для начала решил отомстить Ленеру тем же способом – разрушить его брак. А супруга у Райлена мало того, что богатая, так еще и очень вспыльчивая.

Благодаря ее деньгам Ленер и начал водить караваны, это ведь не так просто начать.

Женщина обиделась. Видимо, раньше она просто подозревала, а теперь подозрения переросли в уверенность, вот и договорились два несчастья. Арок убил бы. Жена убивать мужа не хотела, только проучить и прочно посадить на цепь. Для этого она решила отравить всех коней. Тис – пакость ядовитая, а в дороге

спасти никого не удалось бы.

Это громадный убыток, долги, Ленеру пришлось бы навеки распроститься с дорогой. Это от жены. А вот Ароку было мало такой простой мести. Ему нужна была смерть врага, лучше – тяжелая и мучительная, поэтому от него была подарком шайка разбойников, которая напала бы на нас той же ночью. Теперь-то не нападут.

На постоялом дворе мы задержались на три дня. Пока не прибыл отряд стражников из Астора. Забрать негодяев, проводить нас до города, чтобы беды не случилось, еще раз проверить окрестности – дело нужное. Город-то шахтерский, там никому беспорядки не нужны.

А еще не так давно шахтеры раскопали нечто интересное, и хотели это что-то отправить в столицу. То ли чья-то могила, то ли еще что?

Ленер и сам не знал, просто пообещал перевезти груз.

И вновь поплыла под ногами серая лента дороги.

* * *

Вот в Асторе все и случилось.

До Дилайны еще два города. И все чаще с интересом поглядывал Ленер. Я подозревала, что он предложит мне какую-нибудь сделку. А что?

Мой дар очень выгоден в караване. Кого-то расспросить, что-то узнать… только сейчас я поняла мудрость изречения: «знающий – владеет миром». Только здесь.

Но связываться с Ленером мне не хотелось.

Я понимаю, что люди не слишком чистоплотны. И это я не о мытье, а о мыслях. В любом человеке проблескивали искры злости, жадности, негодования, даже Ракаши мне иногда не нравились. И Бирк, бывало, смотрел на Рену, словно на осеннюю муху, и Рена иногда вспыхивала яростью. А уж про Галикстов я вообще молчу – редкая пакость. Если говорить о доверии – я никому не могла бы здесь доверять, Ленеру в том числе.

Неприятное у меня ощущение осталось от того дня.

И от того допроса тоже. Арок ненавидел, а Ленер себя даже виноватым не чувствовал. Так, на пару минут, а потом сбросил все это с плеч, словно пылинку стряхнул.

Это ведь его поступок поставил всех нас под удар. Его поведение, его решение. Его – распущенность?

Наверное, можно и так сказать. Я не могла определиться до конца. Правильно мама говорила, что в жизни все сложно, и

судить, рядить, рубить сплеча – нельзя. Никогда нельзя.

Что можно решить здесь и сейчас? Где справедливость?

С одной стороны, Ленер ничего такого не сделал. Он предложил, девушка не отказалась. Все было по доброй воле, по взаимному согласию и без насилия.

С другой – он женатый человек, который не хранит верность своим обетам, и девушка об этом знала. Разве порядочно они оба поступили?

С третьей – у них был ребенок. И девушка умерла, рожая его. А Ленер об этом даже не знал, просто потому, что не хотел знать. Ну и какую сторону надо увидеть? Человек – словно драгоценный камень, и ты не отделишь ни одну из его граней от остальных.

При этом Ленер хороший караванщик, да и человек, вроде бы, неплохой. Только мне он не нравится. Распрощаемся мы с ним – и правильно. Быстрее бы до места добраться.

* * *

– Шани!

Корс выглядел искренне встревоженным.

– Что случилось?

– Шани, у нас проблемы.

– Какие?

Корс замялся.

– Тут такое дело. Я от Ирша прятался, понимаешь?

Понимаю. От Галикстов я и сама готова была хоть куда спрятаться. Надоели они – хуже собачьего бреха. И одно и то же, одно и то же… Из разговора в разговор, из фразы в фразу.

Какие они благородные, какое кругом быдло, как их никто не понимает, не любит и не уважает. Хуже мошки, право слово. Ту хоть убить можно.

Ирш-младший тоже недалеко ушел от родителей. И Корсу его забавы были решительно не по нраву.

– И что Галикст сказал?

– Не он… Шань, а ты можешь посмотреть, что там было?

Я помотала головой.

– Корс, ты что? Я же не умею!

– А говорила – получилось?

– Это такое, которое наверху, – не слишком понятно объяснила я. – Вглубь я не лезла!

– И ко мне не лезь, не надо. Я попробую вспомнить, но так я все равно чего-то могу не сказать, а если все получится, ты сама послушаешь.

– А если не получится?

– Да все у тебя получится, – брат рукой махнул. – Мама говорила, ты не просто талант, ты чудо.

Мне она ничего такого не говорила, так что я продолжала сомневаться.

– А если заметят?

Корс фыркнул и показал кивком головы на небольшую рощицу.

– Скажи, живот прихватило. А я к тебе прибегу. Вон к той осинке.

Я кивнула.

Вернулась к костру, и уже через десять минут принялась жаловаться, что живот болит. А потом и ушла в темноту.

Корс уже ждал меня, сидя в развилке приметной раздвоенной осинки.

– Наконец-то.

– Как смогла, так и пришла, – огрызнулась я на братца.

Очень взрослый и серьезный мужчина спрыгнул с дерева, сунулся мне головой под мышку, на пару минут замер, впитывая в себя уверенность и спокойствие. Несколько минут мы молчали. Мне было страшно узнать, Корсу рассказать, но выбора не было.

Сейчас я что-то узнаю – и мир рухнет, разлетится цветными обломками витража. Что-то плохое, иначе Корс не стал бы так переживать.

– Шань, ты попробуй, посмотри. А если чего не поймешь, я потом перескажу? – предложил еще раз братик. И я решила попробовать.

Я буду очень осторожна, честное слово. И если что-то пойдет не так, сразу уйду. И глубоко не полезу. Сейчас я уже понимаю, как и что надо делать.

Это сродни ходьбе. Сначала робкие первые шаги, потом бег, потом и прыжки… я пока на уровне шагов, но ходить надо. Только очень-очень осторожно, чтобы ни себя не покалечить, ни других.

Я положила пальцы на виски Корса, заглянула в зеленые глаза братика – и провалилась в его воспоминания.

* * *

Как же надоел этот придурок, Галикст! Чтоб его Темный сожрал, паразита! Играть с ним неинтересно, вечно он то жульничает, то обижается…

- Корт!

Легок на помине, гад!

Корс огляделся, а потом вороватым движением нырнул под телегу. Там и повис, прицепившись к оси.

Долго так не провисишь, но с полчаса можно, а там и Галикст куда-нибудь свалит. Тем более, телегой правил Орас, а его Ирш недолюбливал. Наверное, за то, что крепко получил по шее, когда попытался засунуть коню острый перец под хвост.

Влетело тогда Галиксту так, что и без перца на задницу два дня присесть не мог, стоя кашу жрал и на брюхе спал. И поделом.

Несколько минут Корс висел спокойно, потом послышался перестук копыт, телега чуть прогнулась. Ленер Райлен.

Почему Корс не вылез?

Он и сам не смог бы ответить. Но – не захотелось. Ни вылезать, ни объявляться, ни здороваться.

- Что хорошего скажешь? – лениво спросил Ленер.

- Все тихо. А у тебя что?

- Да тоже спокойно. Хорошо нам девчонка народ почистила, ничего не скажешь. Всю пену сдула.

- Думаешь, она что-то умеет?

Молчание. Корс затаил дыхание, чтобы его не услышали.

А под телегой пыльно, грязно, чихнуть жутко хочется и руки ноют, но здесь и сейчас лучше помолчать. Корс чувствует это так же отчетливо, как и боль в мышцах.

Надо молчать.

Надо слушать.

- Что-то. Спорить готов, у девчонки в роду маг разума затесался.

- Она вроде бы не такая?

- Нет. Иначе поняла бы, где ей врут. А так она видит и чувствует через раз. Я ей не сказал про Дасси.

- Что твоя жена рогата уж десять лет как?

- Да много чего не сказал. И про Аську, ведь сама, идиотка, на меня вешалась… а я сразу говорил, переспим и разойдемся, и дети мне от тебя не нужны, своих хватает.

- И это ей не понравилось.

- Пошла она… сдохла – туда и дорога. Не пожалею. А девчонка этого не поняла.

- Значит, не солгала. Если чего и знает, и умеет, то немного.

- И того хватит.

- Для чего?

- Для хорошего куша. Думаешь, Дасси мне не будет пакостить?

- Будет, – хмыкнул Орас. – Она ж у тебя наполовину тиртанка, они там все ревнивые и мстительные.

- Вот-вот. И папаша ее не лучше, даром, что риолонец.

- И что ты предлагаешь?

– У меня выбора нет.

Орас помолчал с минуту, а потом вполне уверенно сказал страшные слова.

- Предложишь девчонку Храму.

- Естественно. За мамашу потенциальных магов разума, они денег не пожалеют.

- И того, что ценнее денег.

- Да. Развести меня с Дасси – невелик труд, при желании. И у холопов будет это желание!

- А еще нужно, чтобы приданое осталось при тебе. И Дасси не пакостила.

- Да, – смешок. – А Храме могут и это сделать. У меня теща тиртанка, надавят, пригрозят, и будет семейка вести себя тише тихого.

- Слушай… – Орас колебался, но потом все же предложил. – А если тебе просто взять с собой Шанну? Думаю, с ней можно будет договориться. И навредить никто не сможет, и человек она не склочный, и дорога ей нравится?

Ленер раздумывал недолго.

– Не хочу я зависеть от женщин. Не хочу, Орас. Шанна чудесная девушка, но с бабами слишком сложно. Проще с храмом договориться.

- Смотри, дело твое. И где…?

- Как раз в Лермине. Храм там есть, чего еще надо? Хотя в Асторе тоже Храм есть, надо будет туда сходить, может? Разницы-то никакой, ь а устеречь девчонку проще будет.

- Боишься, заподозрит?

- Опасаюсь. Кто ее знает, на что она способна? Вроде бы разобрался, а вдруг? Бабы, твари непредсказуемые.

- Не жалко тебе девчонку? Храм ведь ее закабалит, не вырвется.

Еще один противный смешок.

- Бабье дело такое. Молиться и рожать, рожать и молиться. Какая им разница, где это делать?

Корс чувствует злость, и крепче сжимает пальцы.

Вот твари!

И почему он еще маленький? Дать бы этому гаду Ленеру в нос, да побольнее! Сволочь! Гнида!!!

А руки болят.

По счастью, разговор не продолжается, Ленера зовут, и он слезает с телеги, опять садится на лошадь.

- Приглядывай за девчонкой, это наше будущее.

- Не учи отца любиться, – весело отзывается Орас.

Твари!

* * *

Я кое-как вынырнула из мыслей брата.

Сцена была такой яркой, что у меня даже руки заболели.

– Шани?

Я потрясла головой.

– Корс, ты как?

– Голова чуток побаливает. А так – нормально.

Значит, я стала осторожнее, чему-то научилась. Это хорошо. Но Корс и сам был не против, добровольное согласие и помощь в таких делах много значат. Что легче – стену сломать или в ворота войти? А еще он мой брат и мог что-то унаследовать от мамы. Так что – не полноценная это попытка.

Вряд ли я смогу так с Ленером. Ох, вряд ли.

А что тогда?

Ответ прост.

Бежать.

Уже в Асторе, бежать не раздумывая. А вот куда?

В Дилайну?

Ага, там и адрес есть. Ленер ведь в курсе. Приезжайте, господа из Храма, берите беглянку. Но что же делать? Что делать?

Бежать некуда.

Проверку в Храме я не пройду, даже не сомневаюсь.

Ленер – гнида. Но даже если убить его, мне это ничуть не поможет. Орас знает, кто может еще знать – неизвестно. А и допроси я Ленера, что – всех убивать? Я не умею. И почему я не некромант? Не маг воды? Не маг жизни?

Сейчас бы наслала чуму на весь караван… хотя люди-то в чем виноваты? В том, что Ленер гад, а я неосторожная дура?

Я могла бы ему приказать, но – какая разница? Я уже выдала себя с Рианой, выдам и здесь. И куда бежать?

А Корс?

Что мне сделать? Как защитить брата?

И родители нас будут искать?

И…

Я схватилась за голову.

Темный!

Корс смотрел серьезно.

– Шань, все плохо?

Я не стала скрывать правду.

– Да.

– И что делать будем?

– Не знаю, малыш. Не знаю.

– А…

– Дай мне подумать. Пожалуйста, дай мне подумать…

* * *

Ночью Корс уснул, а я лежала и смотрела в небо.

Да, все действительно плохо. Я выдала себя и подставила брата. А если бы не выдала, мы погибли бы вместе с Корсом. Ленер развел врагов, а мы оказались крайними.

Если бы он был чуть порядочнее…

Ага, если бы, да кабы, да во рту росли грибы, то какой бы интерес нам за ними бегать в лес?

Работать надо с тем, что имеется, как говорил папа, палкой выгоняя из леса очередного браконьера.

В любом случае – плохо нам придется, если мы попадем в Храм.

С другой стороны…

Ленер нас выдаст. Но что, если мы сможем от него удрать? Он же не сразу побежит в Храм?

Нет. Сначала надо устроиться, отдохнуть, а уж на следующее утро – несомненно. У нас будет вечер и ночь, может, часть утра. Что сделает Ленер, поняв, что мы исчезли?

Бросится искать.

Подумает, что мы сбежали, и кинется в погоню. То есть – надо найти место, чтобы спрятаться. А как? И где? Это шахтерский городок, здесь одни мужики, то приезжают, то уезжают, и семьи с собой не везут. Ну, еще шлюхи есть, но обычные женщины стараются здесь не селиться.

Где добыча, там и пьянка, а где вино, там и насилие. Так уж повелось.

Но даже без вина – что, мужики мне не обрадуются?

Еще как. Все и по кругу. И не стоит питать иллюзий, попользуют – и пришибут. Или я мечтать о смерти буду.

Голова шла кругом.

Нет, надо делить задачу на части. Как мама – курицу.

Первое, что нам надо сделать, это сбежать от Ленера. На это у нас будет вечер и ночь.

Второе – найти либо место, чтобы переждать поиски, либо попутчиков, чтобы уехать. Вот с этим проблема. Я не знаю Астор.

Я никого и ничего не знаю. И даром своим воспользоваться не смогу, это город, там есть Храм. Меня сразу же обнаружат.

Опять плохо.

Так что же делать?

Я вертелась, наверное, часа три, но потом усталость взяла свое, и я провалилась в сон.

* * *

В Астор мы въехали ближе к обеду.

Шахтерский городок – место достаточно неустроенное, все же без женщин мужчины быстро дичают. Вот и тут…

Одна улица, по обе стороны от нее стоят дома, какие поменьше, какие побольше, есть и вполне приличные постройки, и бараки, но все неуютное. Ни палисадников, ни цветов, ни даже зелени – все вырубили и вытоптали. Зато угольной пыли много. На домах, на улице, на копытах коней, на людях…

Улица, на ней два постоялых двора, в одном конце дом градоправителя, в другом – храм. Вот и весь Астор. Кабаки за городом, закон такой. Есть у шахтеров обыкновение плясать так, чтобы каблуки дымились, иногда и кабаки подпаливают. А кому ж надо город отстраивать после неосторожной искры? Так что кабаки – за городом. Кому надо, те дойдут.

Мы направились на постоялый двор «Зеленая пчела».

А напротив – «Золотая пчела».

Зеленая для всех подряд, здесь шумно, весело, здесь гвалт стоит на половину улицы.

Золотая – для благородной публики. Все чинно, тихо, спокойно. Сейчас там кто-то остановился, во дворе стоит аж три кареты с гербами.

Интересно, кого могло принести? Да и гербы одинаковые, просто цвета разные. Один яркий, ало-голубой, а два других просто голубые, с тоненькой алой полоской. Явно знатный господин – и приживалы.

Что им понадобилось в шахтерском городке?

Светлый их знает. У меня своих проблем хватает. Этим вечером мы с Корсом должны куда-то уйти, если не хотим попасть в Храм.

Куда?

Не знаю. Буду думать…

А пока есть возможность, воспользуемся любезностью Ленера, искупаемся и поужинаем.

* * *

Райлен снял для нас с Корсом хороший номер. Мы вымылись, поели, переглянулись и подошли к окну.

На улице шел дождь.

И был он – гадким.

Гнусным, холодным, пакостным и тоскливым. Я бы скорее уши себе дала отрезать, чем вышла под такую мерзость.

Обычный дождь – уютный. Он шебаршит по крыше, он ласково нашептывает об увиденном, ведь каждая капелька воды прошла через множество приключений, прежде, чем излиться на нас, он ласкает и баюкает.

А этот…

Больше всего он был похож на шипение клубка свернувшихся змей.

Уже опасных, уже ядовитых – и готовых напасть. Сссскоро, ужшшше очень сссскоро.

Я поежилась.

– Корс… ты ничего не чувствуешь?

– Нет. А должен?

– Не знаю.

Мне было гадко еще с обеда. Я бегом побежала бы от Астора подальше, но кто меня спросит? Хотя это-то понятно. Еще бы я не побежала…

В то же время…

– Не знаю. Понимаешь, мне и под дождь выходить не хочется, и оставаться не хочется, и ощущение такое…

Корс покачал головой.

– Нет. Ничего не чую. Это, наверное, из-за Ленера.

В дверь постучали. Орас заглянул, не дожидаясь ответа.

– Как вы, устроились?

– Спасибо, все хорошо, – вежливо улыбнулась я. И безнадежно увидела в окутывающем его облаке синие цвета решимости.

Ленер оказался предусмотрителен. К нам приставили охрану. Ораса, наверняка, но и еще кого-то.

– Может, принести еще чего? Шанна? Корт?

– Мне как-то неуютно, – решила признаться я. – Такое ощущение… гадкое.

Даже если бы Корс ничего не подслушал, все равно я бы все поняла по вспышкам виноватой желтизны в ауре Ораса.

Сволочи!

И совесть грызет, и плевать на совесть, когда на кону деньги.

Ненавижу!

Ярость полыхнула алым, на миг закрыв глаза пеленой. И показалось мне – или нет? Что-то холодное вошло в город. Неуютное, гадкое, тяжелое… что это?

Не понимаю, нет, не понимаю…

Мы кое-как выставили Ораса, и я уселась возле окна.

– Корс, говори, что хочешь, но я под этот дождь не пойду.

– Почему, Шань?

– Не знаю. Но лучше в Храм, чем туда.

И я была больше, чем уверенна в своих словах. В Храм, к Темному на именины, в Тиртан в гарем – но не туда! Не на улицу.

– Серьезно?

Брат так вытаращился на меня, что раки позавидовали бы.

– Более чем. Что-то очень плохое происходит – там, за окном.

Корс пожал плечами. Он не чувствовал ничего, но решил довериться.

– Допустим. И что тогда делать?

– Ждать. Нам – только ждать.

И я была полностью уверена в своей правоте.

* * *

– АААААААААААААААА!!!

Крик разорвал ночь.

Жуткий, почти безумный…

Мы с Корсом вскинулись одновременно.

– Корс?

Братик перепрыгнул ко мне на кровать, влез под одеяло, прижался.

– Шани, что это?

– Не знаю. Давай оденемся на всякий случай.

Рассвет еще не наступил, но небо уже осветлилось. Скоро из-за горизонта выглянет краешек солнца.

Но что случилось?

Кто кричал?

Я натянула дорожную одежду, быстро собрала вещи, те, которые выложила.

В дверь постучали.

– Шанна? Корт?

На пороге стоял Ленер, и вид у него был… не очень. Глаза полубезумные, шальные.

– Что случилось? – искренне испугалась я.

– Все плохо. Скажи, ты что умеешь? Только чувствовать?

– Да.

– А лечить?

И с такой надеждой это было спрошено, с таком искренностью…

Я замотала головой.

– Нет. И в голову не приходило. Да что случилось?!

Ленер повернул ко мне голову так, чтобы я видела его уши. И

я ахнула, отшатнулась, закрывая собой Корса, и понимая, что ничего не поможет.

На мочке уха Ленера виднелись очень характерные прыщи.

Сероватые, наполненные гадкой даже на вид жидкостью.

– Это…

– Да. Это – чума.*

*** – я не сильно преувеличиваю. Чума переносилась дождями и ветром, в том числе, бывали случаи, когда над городом вечером выпадал дождь, а утром появлялись первые заболевшие. Чума была бичом средних веков. Прим. авт.**

* * *

Первым из нас троих очнулся Корт.

– Это точно чума?

Ленер мрачно кивнул.

– Да. Я уже болен. Вы, думаю, заболеете чуть позднее.

Я даже не сомневалась. Если эта дрянь приходит куда-то, избавления не будет никому. Пощады – тоже.

Мужчины, женщины, дети… меня замутило.

Эта болезнь бушевала и в Тиртане, мама говорила, умер каждый третий.

Начинается именно так – с гадкого вида прыщей на ушах. Потом прыщи начинают чесаться, лопаться, набухают жилы в паху или подмышках, и через некоторое время – от половины суток до двух дней появляются бубоны. А потом – смерть.

Или выздоровление.

Только вот второе намного реже.

Город. Астор, пусть и не полноценный город, но все же? Сколько здесь мужчин? Сколько кормильцев своих семей? Сколько детей осиротеет? Сколько людей заплачет?

Что я могу сделать?

Да ничего. Только умереть вместе со всеми.

А Корс? Его за что?

Я зло поглядела на Ленера.

– Да чтоб ты сдох в муках! – Если мы все обречены, то можно и не скрываться. Плевать на все! Я резко сдернула с руки браслет, открываясь своему дару до последней капли. – Это ведь ты хотел сюда заехать! Отдать меня Храму и получить награду, так? И теперь думаешь, как бы спастись… не будет тебе этого! Не дождешься!

Мысли Ленера хлынули потоком, словно мутный последождевой ручей. И песок страха, и грязь жадности, и вода

мыслей – все вперемешку.

Ленер не лгал.

Он действительно был болен. А сюда пришел именно с этой мыслью.

Нельзя ли льзя? Отдать меня Храму и выторговать исцеление? Пригрозить мне, Корсу, и получить лекарство от меня? Или еще что?

А вот – никак.

Я его вылечить не могла, а Храм…

А чего теперь таиться? Чума все спишет! Получай, мразь! Пусть тебе это станет последним уроком в жизни!

– Ты сдохнешь, как только попробуешь побеседовать с любым служителем Храма. Первый холоп, первый слуга – и ты труп, – я впечатывала приказ в его разум всей своей силой. – Ты никому обо мне не расскажешь. И о моем брате – тоже! Тварь! Мало тебе было?

Глаза Ленера закатились, из ушей потекла кровь.

На пол он, к сожалению, не упал. Медленно опустился, теряя сознание, царапая ногтями доски пола, срывая сами ногти и в кровь раздирая пальцы.

– Достукался, – Орас появился на пороге вслед за Ленером. – Со мной тоже так поступишь?

– Я и с ним-то не хотела бы, – честно призналась я.

Сила играла и пела в моей крови. Мир казался кристально прозрачным, равно как и мысли окружающих. Я сейчас могла вскрыть разум Ленера, как орех, и узнать все. Вплоть до его первого крика.

Но делать мне этого решительно не хотелось.

Я могла так же изучить и разум Ораса. Но мне хватило и того, что я увидела. Орас был всего лишь вторым, всего лишь ведомым. Недостаточно сильным для сопротивления, покорно следующим за выбранным хозяином.

Пес.

А что хозяин недостойный… так и собаки не выбирают. Они просто служат.

И я сложила оружие.

– Если бы я могла, я бы помогла. Но я не могу, моя сила другой природы.

Орас кивнул.

– Я понимаю. А что ты можешь – вот в это время?

– Разве что утешать людей. Не давать сойти с ума, – я подумала пару минут. – Только не знаю, на сколько меня хватит.

– Это не поможет. Успокоишь десяток – придет сотня. Понимая, что им грозит смерть… люди обезумеют, и мне сложно

их винить. Эта пакость уже появилась у десятков… да, и у меня тоже.

– Сколько здесь живет людей?

– Это маленький городок. Тысячи три – четыре. Может, меньше.

Я поежилась.

– Вчера мне было плохо. Когда пошел дождь, меня всю затрясло, но я думала, это из-за Райлена.

Орас вздохнул.

Коснулся своего уха, на котором набухали такие же язвочки.

– Он сегодня хотел сходить в Храм. Теперь не пойдет.

– Вот уж о чем я не жалею, – злобно фыркнула я. Ага, как мы мило раскаиваемся, получив наотмашь по морде! А если б не получили?

Орас покачал головой.

– Знаешь, оставайтесь с братом здесь? Пока… вы пока не больны?

– Вроде нет.

– Я пока себя нормально чувствую, сейчас принесу вам еду. Закройтесь, может, и повезет?

Я в этом сильно сомневалась. Но… чем Темный не шутит?

– Зачем тебе это делать?

Орас хмыкнул.

– Считай, грех с души спишу. Я ведь о его планах знал. И одобрял…

Я не стала спорить.

Хочется ему так сделать? Пусть делает!

И ему легче, и у нас на один шанс больше будет.

Орас ухватил Ленера под мышки и потащил из номера. Я крепко обняла брата.

Корс, милый… как же мы попали! Что же теперь будет? Что будет?

* * *

Болезнь – это безумие.

Это я поняла в первый же день.

Что делают люди, понимая, что обречены? Да пускаются во все тяжкие!

Они мстят, напиваются, прелюбодействуют, они мгновенно становятся скотами! И позволяют себе все то, что сдерживали раньше.

А чего терять-то? Пара часов осталась!

Внизу тоже были слышны шум, гам, крики… там дрались. Потом начали подниматься наверх.

Время близилось к обеду.

– Корс, – тихо приказала я брату. – Когда к нам вломятся, я попробую расчистить нам путь. Ты идешь за мной и не отстаешь ни на шаг.

– Шани, а куда мы пойдем?

Я поглядела в окно.

– А хотя бы в «Золотую пчелу».

– Шани?

– Это двор для чистой публики. Там наверняка есть запоры, есть оружие, есть, кому нас защитить. Там есть кто-то знатный, хотя неясно, что он там делает.

– А нас будут защищать?

Вот это был самый сложный момент. Будут ли?

Смогу ли я?

А, мне терять нечего! Я и не с таким справлюсь! Я брата не брошу.

– Здесь и сейчас всем будет наплевать на меня. Хоть я полгорода накрой своей силой. Понимаешь? Если там знатный господин – с одним человеком я справлюсь, и подчиню, и сломаю, и делать он будет, что нам нужно! Из города уберемся, а дальше – наплевать!

Корс кивнул.

– Ну да. Храм, вон, звонит в колокола.

Ага, ничего лучше, чем устроить молитвенное шествие, они не придумали. Болезнь передается от человека к человеку, соберитесь вместе – и станете еще опаснее. Заболеют даже те, кто мог остаться здоровым. И будьте уверены, Светлый Возвышающий ни одному человеку не поможет. Не было ни единого отзыва с его стороны, так-то!

Молись над больным, не молись, а толку не будет. В этом я отцу верила.

В Тиртане используют другой метод борьбы с болезнью. Обриться налысо, сжечь всю одежду и волосы и париться в мыльне. Долго.

Тех, кто заболел, это не излечит. Но у остальных будут шансы.

Как поступят здесь?

Нет, в Риолоне так не делают. Край – запереться и ни к кому не лезть. Только вот сейчас это не поможет.

На лестнице раздавался шум. Все ближе, все громче…

Я схватила дорожный мешок, надела лямки на плечи. Корс сделал то же самое.

– Держись за мной. И держи меня за руку, только вперед не лезь. Я пока еще не могу силу рассчитывать, попадешь под воздействие.

Корс кивнул, сжимая мою руку. Пальчики брата были холодными и липкими. Ему тоже было страшно.

Десять секунд.

Опуститься на колени, крепко обнять брата.

– Я не позволю тебя обидеть. Слово!

Пять секунд. Встать с колен, повернуться лицом к двери.

Две секунды.

Снять браслет.

И самостоятельно распахнуть ногой дверь.

Вперед, Айшет Ланат! Только вперед! Ты – справишься, ты обязана.

И сила, выплескиваясь, заполняет коридор, гостиницу, весь двор…

* * *

Куда-то пропадают эмоции, уходит испуг, мир становится пронзительно ясным и четким. И такими же становятся мои мысли. Словно я смотрю на происходящее через толстую пластину льда. И стена, и холод одновременно.

Я не хочу никого убивать. Не собираюсь наносить вред людям, я вообще не хочу на них воздействовать. Что-то изменять, что-то говорить… к чему?

Когда человек в истерике, он тебя все равно не услышит. Спорить с безумцем бесполезно. Просто дайте мне пройти.

Как убрать человека со своего пути, ничего ему не объясняя? Я ведь не могу драться, мне остается только одно.

Усыпить.

Тебе больно, тебе страшно, тебе не хочется умирать, такой беды не может случиться именно с тобой…

Нет, не может.

Это все сон, только сон. Ты спишь и кажется тебе, что ты заболел, что заперт в городе, из которого нет выхода, это просто кошмар приснился, не думай о нем, а я спою тебе, и сон будет хорошим, и мои губы сами собой произносят детскую колыбельную, которую мне пела мама. Сейчас ее слышат все, кто оказался в шлейфе моей силы.

На порог приходит вечер, детям спать пора.
Спи, моя малышка Шани, сладко до утра

Спи, и пусть тебе приснятся лишь цветные сны,
Спи, как семечко в долине, спит и ждет весны…

Я тихо мурлычу и иду вперед.

И словно подкошенные валятся на пол люди.

Я точно знаю, сколько их, я, словно морское чудовище из папиных сказок, распустила щупальца во все стороны, ловчую сеть, в которой запутываются люди, и шепчу им.

Шепчет дождик за окном, шепчет в небе ветер
Спи, родная, засыпай, встанешь на рассвете…

Мягко опускается на пол Орас.

Ирш Галикст царапает себя ножом, зажатым в руке. Кровь медленно течет на пол, но ранка небольшая. Не надо хвататься за оружие, раз не умеешь с ним обращаться.

Карна с дочерью на руках закрывают глаза, сворачиваются клубочками на кровати. Я не вижу их, и в то же время знаю, что они неподалеку, в комнате. Чувствую. У них те же язвочки, и мне безумно жалко женщину, жалко ребенка

Завтра новый день начнется, солнце в небе улыбнется
Ветерок к щеке твоей нежно прикоснется…

Все спят.

Корс крепко держится за мою руку, но молчит. Он понимает, одно слово здесь и сейчас – и я собьюсь. Я ничего не смогу сделать. Это – смерть. И брат молчит, сжимая мою руку так, что хрустят кости. Ему страшно. Мне – нет.

Я не испытываю страха, я всего лишь сон, всего лишь – песня. И моя сила летит по постоялому двору, укутывая всех теплым одеялом.

Я ничего не делаю, я просто шепчу людям, что все происходящее им только снится. А чтобы проснуться и позабыть этот ужас – надо уснуть. Закрыть глаза и уснуть, прямо там где стоишь. И скоро проснешься. И все будет хорошо.

Это помогает.

Люди спят, а я медленно иду через улицу.

Обычно шлейф несут за спиной, а у меня наоборот. Покрывало сна стелется передо мной, окутывает улицу, убаюкивает людей…

Мне не тяжело, мне не больно и не страшно.

Когда люди сопротивляются, когда надо ломать их волю, все намного тяжелее дается. А здесь и сейчас они сами хотят обо всем забыть. Не верить, не думать, переложить свои беды на чужие плечи – на мои, хотя бы на мои. И поверить, что это лишь сон.

Страшный сон.

Люди помогают мне сами. И – засыпают, один за другим.

Я перехожу дорогу и касаюсь ворот «Золотой пчелы».

Почему – сюда?

Ответ прост.

Мне нужно жилье, мне нужна еда и одежда, мне нужен кто-то, кто увезет нас с Корсом. В «Зеленой пчеле» Ленер, который сделает все, чтобы нам помешать, значит, надо поискать кого-то другого. В другом постоялом дворе, к примеру. Это первое.

И второе – здесь остановился кто-то знатный, я видела кареты из окна. Я смогу воздействовать на человека своим даром, я знаю, здесь и сейчас мне плевать на все!

Я воспользуюсь своим даром, чтобы нас увезли из Астора. Потом уйду, заставлю нас забыть, потом извинюсь и сотру все воспоминания. Мне ведь не нужны деньги, мне ничего не нужно, я просто хочу уехать отсюда вместе с братом.

Здесь и сейчас от меня зависит Корс. И я его не подведу.

Можно добраться до Дилайны, оставить письмо родителям, подстраховаться, чтобы оно досталось только им… я еще придумаю, как это сделать. Но пока – пусть нас увезут.

Как слуг, как любовников, как родственников, главное уехать из Астора, а там уж разберемся. Это простонародье можно и помурыжить, а знатных господ задерживать не станут. К ним другое отношение, другое обращение, другой подход. Мне того и надо.

И я не ошибаюсь.

Во дворе стоят три кареты.

Одна из них украшена намного сильнее. Вся раззолоченная, аж глазам больно, дверца приоткрыта, виднеется кремовая бархатная обивка сидений.

Наверняка, безумно дорогая.

Герб на дверце мне незнаком. Я могу сказать о другом – это графская карета. Сосновые ветви – граф.

Были бы дубовые в орнаменте герба – барон, а рябина – герцог. Почему так повелось?

Не знаю. В геральдике я не разбираюсь, разве что слово мне известно. Не было в нашей деревне геральдической коллегии.

Сам герб мне, впрочем, нравится.

На черном фоне белый птичий росчерк. Над птицей – злая зеленая звезда. Так и не понять, то ли птица летит к ней, то ли от

нее, сама птица тоже не прорисована. Что это такое?

Чайка? Орел? Сокол?

Неизвестно.

Белая птица в черной ночи, под зеленой безумной звездой. И сосновые ветви, окаймляющие гербовой щит.

Итак – граф.

Сила все еще внутри меня. Она клокочет, она бурлит, требует выхода, и последним усилием я выплескиваю ее на здание постоялого двора.

Хватает только на первый этаж.

Ноги подкашиваются, если бы не Корс, я бы так и ляпнулась задом в пыль, но братик начинает пихать меня так, словно я навозный шарик, а он – жук-навозник.

– Шани! Держись!

Это помогает.

Постепенно я прихожу в себя. Вытираю со лба пот, прикидываю, на что я еще способна, и выходит, что на многое. Тогда, с Рианой я сильнее выложилась. Я получаю новый урок. Если человек желает поддаться воздействию, все проходит намного легче.

А еще я никого не убивала. Я просто усыпила людей, но живы они останутся.

Может быть, кто-то из них не проснется, но это не по моей вине. Я просто приказала им спать, а что там, как там, где они уснут…

Мне безразлично.

Те, кто заболел, уже обречены. Пока еще держимся мы с Корсом, но почему? Одно предположение у меня есть, но оно звучит жутко. Страшно оно звучит. Приговором. Мне откровенно не хочется в него верить, не желаю даже думать об этом.

А думается.

Я не почувствовала бы ничего вчера, будь болезнь обычной.

Но если она была магической природы…

А мы с Корсом несем в себе кровь магов. Может ли это стать заслоном?

Активную, неактивную, неважно. Но достаточно сильную. А может, и у Корса она активна, просто мы пока не поняли, в чем это выражается?

Мысли совершенно не мешают мне дойти до двери, на которой золотом нарисована пчела, и потянуть за ручку.

Золото везде.

На дверных ручках, на лепнине потолка, на кайме штор… общее впечатление – пышная безвкусица.

И на полу, вповалку, где застиг их сон, свернулись люди.

Самые обычные, кто-то помоложе, кто-то постарше… у двоих – ливреи. В тех же цветах, что и герб на карете.

Черно-белый. Черного больше, белого меньше, чуть-чуть серебра, выглядит достаточно мрачно, да и Темный с ними.

Пусть спят.

А я поднимаюсь на второй этаж.

В «Зеленой пчеле» лестница переходит в длинный коридор со множеством дверей, на которых нарисованы номера комнат, здесь не так.

Я поднимаюсь и оказываюсь в небольшой квадратной комнате. Из нее – четыре двери.

Всего четыре номера?

Да, похоже. Но для благородной публики и намного дороже. Я вымотана так, что не могу определить, где находятся люди. Впрочем, моего дара и не требуется.

Не заперта только дверь с цифрой «1». Остальные все закрыты.

А первую дверь я толкаю, и она поддается без всякого скрипа.

– Кто? – слышится голос из дальней комнаты. Слабый, болезненный, даже не видя человека можно сказать, что ему плохо.

Я смотрю на Корса. Нет, брата я здесь не оставлю. Ни за что! Корс идет со мной!

Медленно, держась за руки, мы идем по коридорчику, быстро проходим его, гостиная, в убранство которой я даже не вглядываюсь, комната служанки – и спальня.

Красивая, уютная, отделанная в розоватых и бежевых тонах. Большая кровать под балдахином, резной столик с золоченными ножками…

В кровати лежит женщина. Подушки скрывают ее, видно только пряди волос, разбросанных по покрывалу. Яркие, словно огненные блики.

– Кто здесь?

Голос ей повинуется плохо. Я подхожу ближе, вглядываюсь в тонкое лицо.

– Шанна Каран, госпожа.

Женщина прищуривается.

Ей явно больно, из-под век катятся слезы. Болезнь не пощадила ее. Язвы расползлись уже на лицо, уродуя щеки, превращая рот в чудовищную маску.

– Где моя служанка? Мерта здесь?

– Не знаю, госпожа. Я ее не видела. Комната служанки пуста.

Женщина злобно ухмыляется.

– Значит, все же она. Вот дрянь…

Корс дергает меня за руку.

– Шань… посмотри на нее.

Смотрю. Больной человек, который доживает последние часы. И что?

– Вы похожи.

Мы?

Вот ведь бред!

Вглядываюсь в женщину. И понимаю, что Корс – прав?

Со стороны мы можем показаться сестрами. У нас разный оттенок волос, у меня темный огонь, у нее скорее красное дерево, на несколько тонов темнее, но мы обе рыжие, у нее глаза темно-карие, у меня золотисто-карие, она старше – но и только. Мы действительно схожи.

Надеюсь, графиня, а я уже не сомневалась в этом, не слышала Корса. Нет, кажется, и впрямь не слышит.

Потеряла сознание?

Бредит…

– Зря, все зря… подонок…

И что тут сделаешь?

Я шла в надежде получить помощь. От этой женщины я ее не получу, скорее, ей понадобится помощь и защита… а ведь верно? Ей нужна служанка? Ей нужно помочь?

Вот и отлично.

Надо напоить несчастную, обтереть холодной водой, и вообще – здесь безопаснее. Здесь и останемся. А внушить слугам, что я и есть та самая, как там ее… Мерта?

Это я смогу. Только чуток восстановлюсь – и запросто.

Мой план нравится Корсу. Он уже залез с ногами в кресло и жует яблоко из вазы с фруктами. Пусть грызет, ему полезно. И я яблочко съем. Спелое, красное…

Хорошо быть графиней.

* * *

Уже через пару часов я готова была взять свои слова обратно.

Болезнь не пощадила женщину. Наоборот, она пожирала красавицу с такой силой, что становилось даже страшно.

Язвы расползались по лицу графини, по рукам, по груди, причиняя чудовищную боль. По счастью, в комнате нашлась настойка дурмана, которую я и спаивала несчастной по капле. А еще ежечасно щупала уши, что у себя, что у Корса. Язвочек не было.

Когда я в шестой раз ощупала уши у брата, тот взбунтовался.

– Шанька, прекрати! Сколько можно?

– Сколько нужно, – отрезала я.

Люди внизу пока еще спали. Хорошо я их накрыла, увесисто. Может, и сутки проспят, да и Темный с ними. Воды я и сама могу принести, какая-никакая пища есть, а остальное – перебьемся. Ворота мы закрыли, да и не ломился никто сюда. Всем хватило «Зеленой пчелы», ну и улицы с уснувшими.

И было этих всех не так много.

Болезнь развивалась стремительно. Если с утра ты еще мог буянить, то к вечеру вряд ли удержался бы на ногах. Слабость, тошнота, боли, язвы…

– Странно это. Все болеют, а я нормально. И ты.

Я покачала головой.

– Ничего странного. Мы с тобой худо ли, бедно, но маги. Вот и не заболели.

Корс задумался.

Братик у меня далеко не дурак, хоть и не часто это показывает.

– Я – не маг. Думаешь, просто пока кровь не проявилась?

– Ты же слышал мамин рассказ. Женщины были магами. А мужчин и не было, но у ее сестры дар был, у нее самой дар был… может, и у тебя есть. Вот, как мамин. Она ведь живет нормально среди людей, не жалуется.

– А ты сейчас?

– И я не жалуюсь.

– Ты пока походишь без браслета?

Сила постепенно накапливалась, но браслет я решила не надевать. На улице опять кто-то шумел, случись что – может не оказаться времени, чтобы его снять. Пара секунд может стоить нам с братом жизни или смерти. Всего лишь пара секунд.

– Да. Тебя это волнует?

– Нет, мне интересно, – честно сознался братик. – А меня ты не слышишь? Или – ее?

Я подумала пару минут. Прислушалась к своим ощущениям.

Люди на постоялом дворе спали. Это ощущалось, как шум. Вот, как в лесу. Шумят деревья – да и пусть шумят, что ж такого страшного? Кому придет в голову вслушиваться в шум каждого отдельного дерева?

Можно так поступить. Но можно и просто воспринимать все, как необременительный фон. Так у меня и ощущалось.

Сам Корс… продолжая сравнение – где-то в лесу пела птица.

Можно прислушиваться. Можно не прислушиваться, ваше право. Но птица все равно не мешает, поет себе – и пусть поет. А графиня…

Это как если в том же лесу кто-то то ли крикнул, то ли нет… дурман заглушил ее разум, ее чувства, я просто ничего не слышала. Она блуждала слишком далеко.

Если я прислушаюсь специально, может, что-то и пойму, и услышу. Но я не собираюсь этого делать. Лучше самой восстановиться – мало ли что ждет впереди?

Это я Корсу и объяснила.

Братик подумал пару минут.

– Это хорошо. А если людей будет много?

– Не знаю. Смотреть надо.

– Посмотрим, – рассудило это малолетнее чудовище, угрызая еще одно яблоко. – Шань, ты думаешь, это магическая чума?

Отвечать не хотелось. Но…

Корс должен знать все.

Вот, родители от меня все скрывали – доигрались до трех убитых, и нас, вот, невесть где. И что еще будет впереди? Неизвестность, одна неизвестность и неопределенность.

А знала б я все с самого начала, может и иначе дело повернулось бы?

Сложно судить. Очень сложно.

– Думаю – да. Мне вчера было плохо не просто так. И дождь этот…

Корс почесал нос.

– Ну, ежели так поразмышлять, кому он нужен – тот Астор?

Никому.

Шахтеры, уголь… что-то ценное в угле добывают?

Нет. Разве что древности какие попадутся, но это тоже сомнительно. Могут попасться, могут не попасться. Как повезет.

Что Ленер хотел отсюда забирать?

Да что угодно. От бумаг до посылок и до обоза с углем. Но вряд ли это что-то важное, ничего такого в его разуме не читалось. Ни заботы, ни хлопоты. Рутина. Те же письма в семьи.

– А что может быть в нем нужно?

– Или – кто?

Мы с братом поглядели на кровать. Иного предположения у нас не было.

Что графиня делает в этом Светлым забытом Асторе? Зачем приехала?

Неизвестно. Но необычно. И этот дождь, и болезнь, которая у нее так быстро проявилась и съедает ее… не попадем ли мы еще хуже, оставшись с ней рядом?

Не знаю. И ответить на этот вопрос я сейчас не смогу. Не копаться же в ее вещах? Это и вовсе гадко. А в мыслях и не получится.

Ладно, будем решать проблемы поочередно.

Так я Корсу и сказала.

– Деваться нам все равно некуда, а удрать успеем, если что. Здесь хоть сейчас безопасно.

Брат кивнул.

И потащил из вазы еще и кисть дорогущего винограда. Потом усовестился и протянул мне примерно четверть.

– Шань, будешь?

Поросенок.

– Ешь всю. Я не хочу.

Отказываться братик, понятное дело, не стал.

В городе постепенно стихал шум. Но выйти и посмотреть, что происходит, меня не тянуло.

* * *

Дело уже близилось к вечеру, когда графиня пришла в себя.

Открыла глаза, вгляделась в мое лицо, пристально, серьезно, вспоминая свой бред.

– Я помню тебя. Шанна, да?

– Да, ваше сиятельство.

– На столике шкатулка. Там мои документы, завещание, все… возьми их.

Я медленно протянула руки, сняла неожиданно тяжелую шкатулку и поставила на стол.

– Передай эти бумаги моему кузену. Ты грамотна?

– Да, ваше сиятельство.

– Там, на конверте есть и имя, и адрес. Он будет щедр.

– Хорошо, ваше сиятельство.

Графиня медленно закрыла глаза. Кажется, она собиралась умирать.

Я просто растерялась. Никто у меня на руках не умирал, не считая животных. И тут Корс толкнул меня под руку.

– Шань, попробуй прочитать ее память.

– Зачем?

– А если это опасно? К ее кузену… вдруг нас там в тюрьму бросят, например?

Корс изъяснялся непонятно, но я ухватила суть. Мы ничего не знаем о графине, ничего не знаем о ее кузене, вообще ничего. Какие там отношения, что нас может ждать…

Мы ничего не знаем, а незнание хуже преступления.

А вот прочитать память графини… опасно?

Да и пусть! С Рианой я это делала, хотя и поверхностно,

проделаю еще раз! Ради брата я и не с таким справлюсь. Пока она еще жива. И вообще – если человек умирает, ему все равно. И не узнает никто.

Я пересела на кровать, поближе к графине.

– Корс, отсядь подальше. Чтобы не перекрылось.

– Хорошо. Шань, поторопись.

Действительно, женщина доживала последние минуты. Это было видно. Покрылось пепельным налетом лицо, выцвели губы, заострился нос…

Я выдохнула, положила пальцы на виски графине – и попробовала пройти в чужую память. Совсем, как с Рианой.

Только не учла, что Риана мне сопротивлялась. А графиня была вся – открытая книга.

Навстречу моему разуму хлынул мощный поток воспоминаний. Если бы я попробовала противиться, меня бы просто уничтожило. Стерло в порошок.

Это как река в половодье. Бурная, бешеная, яростная, сопротивляться ей невозможно. Только оседлать. Только плыть вместе с ней.

И я распахнула сознание, впитывая в себя реку чужих мыслей.

* * *

Ее звали Шайна.

Шайна Элизабет Истарская. Графиня Истарская.

И нельзя сказать, что судьба ее была счастливой и безоблачной.

Я вижу всю ее жизнь, словно читаю громадную книгу. И книга эта – жестокая сказка.

Девочка воспитывается без родителей, в имении у деда. Впрочем, старику тоже нет до нее дела, и малолетняя Шайна растет, словно сорняк. Играет с мальчишками на конюшне, кидает ножички, ругается… все меняется, когда дед умирает.

Оказывается, у ее отца был брат. Этакая «паршивая овца». Запаршивевшая настолько, что дед вычеркнул подонка из завещания и добивался изгнания из рода. Не добился.

То ли не успел, то ли у сыночка тоже нашлись покровители – теперь уж и не скажешь. Но девчонка поступает под опеку дядюшки, впрочем, выраженную достаточно просто.

В монастырь, на воспитание.

И тянутся серые унылые годы. Тоскливые и пыльные.

Молитвы, бдения, молитвы. Серые платья, серые стены, серые лица…

Интриги – и те серые. Грязные какие-то… Шайна старалась держаться от них подальше, из врожденного чувства гадливости.

А потом пришел ОН.

Он был братом одной из воспитанниц, высоким, красивым, светловолосым… стоит ли удивляться, что юная Шайна влюбляется со всей пылкостью молодости?

А еще – бедным, словно церковная крыса.

Конечно, на любовь Шайны мужчина ответил взаимностью, и уговорил девушку сбежать из монастыря. Обвенчаться, и даже написать дядюшке. Мол, так и так, еду вступать в наследство.

В ответ пришла копия завещания.

Дед распорядился так. До двадцати пяти лет никаких денег на руки, разве что содержание. Управление пока в его руках, контроль…

Хочешь, дорогая племянница, так приезжай и контролируй. Все в твоих руках.

Шайна никуда не поехала, не настолько она была глупа. Она отлично понимала, что ей не справиться с дядей на его территории.

Так и вижу…

Стиснутые кулачки, гневные глаза, сжатое побелевшими пальцами письмо – ах, стиснуть бы так же шею негодяя!

Она подождет.

Муж все понял правильно. Денег до двадцати пяти лет не предвидится. Жену тоже могут убить, впрочем, если у них появится ребенок – наследником Истара будет маленький. Муж искренне старался.

Не учел он другого. Дядюшка у юной графини тоже дураком не был. И однажды…

Графиня, у нас на дорогах столько разбойников…

Стражник отводит глаза в сторону. Он все понимает.

А Шайне плохо.

Она падает на тело своего мужа… меньше полугода замужем, и вот уже вдова…

Слезы льются и льются…

Мужа нет.

Ребенка у них тоже не получилось.

А она…

Шайна собирается ко двору. Падать в ноги королю, просить о милости.

Графство Истарское.

Оно расположено на границе с Миролом, земля там бедная, каменистая, но какие там каменоломни! Испокон веков славится истарский мрамор, истарский кварцит…

Графы богаты. Были богаты, что уж сейчас осталось для законной наследницы – неизвестно. Но это ведь можно и узнать.

Если Шайна попадет ко двору, если она кинется королю в ноги… кто сказал, что короли не любят денег? Очень любят.

Риолон небогат, особенно после того, как лет триста назад у него из бока выхватили изрядный кусок. Спасибо еще, что все королевство не сожрали, нашелся решительный человек, объединил земли…

Как дядя узнает, что Шайна отправляется ко двору? Женщина грешила на служанку. Родственникам мужа, вроде как, и ни к чему? Наоборот, они рады были, когда Ленни на ней женился.

Боль опять полосует ножом сердце.

Ленни, смерть я принесла тебе. А хотела – счастье.

В столицу ведет множество дорог. Почему Астор?

Случайно.

Сломалась ось у кареты, вот Шайна и приказала остановиться, починить. И задержались-то на пару дней, а оказалось, что на всю оставшуюся жизнь. Всей жизни только пара дней…

Светлый, только восемнадцать лет, полгода счастья, и столько боли…

Прими эту светлую душу, боже.

* * *

– Шани!!! ШАНИ!!!

Брат звал меня, вырывая из омута отчаяния, боли, смерти…

Тряс, дергал за волосы, я с трудом разлепила глаза.

– Корс?

Голос был тише мышиного. Это – я?

Брат перевел дух.

– Слава Светлому… жива?

– Вроде да…

С каждым словом я чувствовала себя все увереннее, все сильнее. Я лежала на полу. Корс стащил меня с кровати, а графиня лежала на кровати и выглядела полностью мертвой.

– Я испугался, – рассказывал брат. На щеках у него виднелись подозрительные полоски, но это ведь не слезы? Конечно, нет, мужчины не плачут. – Ты держала ее за виски, смотрела глаза в глаза, а потом стала совсем как она, начала падать, я подхватил, чтобы ты на нее не упала, стащил на ковер, а ты не дышишь.

– Совсем?

– Да, Шань. Я тебя тряс, водой поливал… ты минут пять в

себя не приходила.

Я вздохнула. Ясность мысли возвращалась. И с ней возвращалось и нечто другое.

– Корс, мы идиоты.

– Да? – не поверил братик.

– Да. Ладно ты, а я б подумала? Она ж умирала, меня едва за ней не затянуло…

Корс с размаху хлопнул себя по лбу.

– Точно! А ты… как?

– Не умерла.

– Хоть не зря ты попробовала влезть?

Дети соображают быстро. Корс понял, что я не умерла и не умру, что все обошлось, и его заинтересовало, не зря ли мы рисковали. Может, и правильно.

– Не зря. – Я попробовала вспомнить, что узнала от графини… – Да, ты знаешь, не зря.

– Отвезем документы?

Я прищурилась.

Наверное там, на грани жизни и смерти, где погибала Шайна, рыдая от отчаяния, ко мне пришла мысль. И я не хотела от нее отказываться.

– Нет, Корс. У меня есть идея поинтереснее.

– Это какая?

– А такая. Ее зовут Шайна. Шанна – Шайна.

Корс соображал быстро.

– Шань… ты чего? Ты правда хочешь… ну, того? Вместо нее?

– Да, – отрезала я. – вот смотри, бежать нам некуда. Жить негде. Денег нет. К отцовскому знакомому и не сунешься – Ленер и Храм, Темный бы их побрал на пару!

Корс помрачнел.

– Это да.

– И куда мы? Побираться? Милостыньку просить? Подать-то мне подадут, да Храм нас найдет куда как раньше. А здесь у нас есть хороший шанс выбраться из города, уехать подальше, например, в ту же столицу, Шайна туда ехала.

– А потом?

Корс явно загорелся азартом. И то… приключение! Переодевание, графская карета, титул, столица, интересно же! И путешествовать не пешком, а под гербами.

– А потом и удрать можно будет. Когда нам это будет выгодно, с деньгами и драгоценностями.

Братишка хмыкнул.

– Воровать будем?

– Может быть.

Я даже и не сомневалась.

Если это понадобится, чтобы выбраться, я убью, украду, солгу… у меня есть родители, есть брат, почему я должна думать о ком-то другом? И не воровать, а восстановить справедливость, если так. Кого я обворую? Дядюшку Шайны? Да по нему виселица плачет горючими слезами, если он чуму устроил. А я просто… получу оплату за уход! Я же ухаживала за его больной племянницей? Вот и пусть платит!

Много?

Надо было раньше оговаривать сумму!

– Это плохо, мама говорила.

Я пожала плечами.

– Корс, ее никто не знает. Шайна прожила большую часть жизни в монастыре. С родными она уж лет десять не встречалась, муж умер, ее подруга живет на границе, и сейчас беременна третьим ребенком. В столицу она не собирается. Денег у Шайны толком и не было.

– Почему?

– Потому что все подгреб ее дядя. Спихнул племянницу в монастырь и уселся на наследстве. Фактически – обобрал сироту.

Корс наморщил нос.

– Сволочь какой.

– Какая.

– И какая – тоже. Шань, а как ты это видишь?

Я устроилась поудобнее, облокотилась о кровать. Прядь волос цвета красного дерева скользнула вниз, погладила, и мне показалось – благословляя. Почему волосы выглядят такими живыми – у мертвых? Разве так должно быть?

– Сложно, братик. Но выход найти можно. Как видишь, мы похожи. Я чуть повыше, она постарше. Я посветлее, она потемнее. Но в основном – рыжие волосы, карие глаза. Это в документах.

Корс охотно кивнул.

– И можно твою гриву чуток подтемнить.

– Хватить просто смыть краску, – махнула я рукой. – Хорошо, мама меня покрасила, искать будут темненькую. Я – графиня, ты при мне, пажом.

– Сойдет. А слуги?

– Служанка сбежала, – медленно протянула я. Перед глазами, словно живое, встало рябое круглое лицо. Перед смертью Шайна не сомневалась – Мерта виновна в происходящем. – Графиня считала, что у той был какой-то амулет, или артефакт, чтобы вот это вызвать. Я знаю, бывали такие заклинания. У некромантов, например.

Корс пожал плечами.

– Надо об этом еще подумать. Тело куда денем?

– Скажем, что это была служанка и отдадим для похорон. Здесь многих хоронить будут, на такое внушение моих сил хватит. А может, и того не потребуется.

– Думаешь, нас не засекли?

Я покачала головой.

– Не уверена. В Асторе есть Храм, но подозреваю, им не до нас. До Лемарны дней пять пути, расстояние большое.

– А дома? Там ведь тебя почуяли?

– Здесь я никого не убивала. Если я правильно помню мамины объяснения, сила была ярко выражена потому, что я ее впервые призвала, впервые высвободила. Если помнишь, тогда я просто упала. А сейчас – нормально.

– Правда?

– Уж насколько получается.

Корс хмыкнул.

– И храм был не так далеко от дома…

Я подумала пару минут.

От храма до Щепок – два дня пути. Здесь – пять. Плюс горы. Плюс эпидемия и смерти. Плюс эпидемия наведенная.

Могли и не почувствовать. Надо быть осторожнее, но – могло и пронести. Скоро узнаем.

– А что делать со слугами?

Корс задал правильный вопрос.

А и правда?

Уволить и нанять новых? Взять под контроль этих? Или просто их убить?

Кстати, а что с ними вообще такое?

Надо бы спуститься вниз, посмотреть, найти что-то съестное, нагреть воды, смыть краску…

– Шань, а ты можешь изменять воспоминания?

Я удивленно посмотрела на братика.

– Ну… вы похожи с этой теткой. Если пока слуги спят, попробовать поменять им что-то в памяти? Ее лицо на твое, например?

Я обдумала этот вопрос. И крепко чмокнула братца в кончик носа.

– Умняшка ты моя! Зеленоглазенькая.

– Руки! – вырвался самостоятельный мужчина. – Пошли, посмотрим, что там?

* * *

Внизу было тихо-тихо.

Люди лежали вповалку и спали. Хорошо я их приложила, не пожалела сил, от души постаралась.

А они точно спят. Ворочаются, дышат, сопят… скоро начнут умирать?

Что я читала об этой болезни? Про язвочки на ушах?

Да, было такое.

Серая смерть, начинается с язвочек на ушах, потом они расползаются на все тело, человек либо сходит с ума от боли, либо умирает. От боли же.

Такого, чтобы кто-то пережил болезнь… бывало, но редко. К примеру, один на сотню. Или даже на две-три сотни человек.

С графиней так и произошло. Криком она не кричала, потому что я ей обезболивающее спаивала. А эти – что?

Переворачиваю одного из слуг, вглядываюсь в лицо, и округляя глаза. Рядом ругается Корс, да такими словами, которые приличные дети знать не должны. Но мне не до воспитания.

Язвы, которые должны были уже расползтись, не увеличились. Вообще.

Уши – да, там язвы остались, но вроде как-то и побледнели? А лицо, тело… нет там ничего! Что происходит?

Этот же вопрос задает и братец, глядя на меня. А что я ему должна ответить?

Не знаю!

И поэтому машу рукой в сторону кухни. Нечего размышлять, надо дело делать.

Смыть краску с волос, перекусить, а там уж, с новыми силами и за дела.

* * *

Вода на кухне была, осталось лишь нагреть. И как следует вымыть голову с раствором, который дала мама.

Волосы буквально дыбом встали, получился рыжий одуванчик. Обычно они белые стоят, пушистенькие, а я вот, рыжая. Ладно, сейчас в косу их заплету и улежатся.

Смотрюсь в зеркало.

Серьезное бледное лицо, усталые глаза, рыжая коса.

Теперь надо запомнить это лицо. И вложить его в память слуг.

Я совершенно не ощущаю никаких неудобств, перелистывая воспоминания Шайны. Душа ушла, ушли эмоции, чувства, осталась лишь память. Так можно проглядывать книжку с

цветными картинками – красиво, но разве стоит принимать их близко к сердцу?

Нет, не стоит.

Да и цветных картинок там было мало.

Жизнь с дедом – смутная.

Жизнь в монастыре – серая.

Оставались несколько месяцев счастья с мужем, и то…

Это Шайна его любила. А он ее?

Если бы я увидела мужа Шайны вблизи, я бы сказала точнее. А так… на картинках все видно. И снисходительное выражение на любимом лице, и какой-то не такой взгляд – Шайна видела, но не понимала, что там было опыта?

Я не видела такого раньше, но осознавала каким-то десятым чувством. Что-то подсказывало мне, что Шайну в этом браке не любили. Использовали для получения наследства.

Когда Ленер женился на ней, сначала все семейство, включая его сестричку, обрадовалось.

Деньги будут!

Когда поняли, что денег не будет, отношения начали охлаждаться. Нет, не сильно, мало ли что в жизни случится, но достаточно.

Потом Ленера убили.

Новые родственники задумались, что делать с Шайной, но та решила сама. Ехать в столицу, искать справедливости. Что ж… их это устроило.

Пусть едет.

Добьется справедливости – попросим денег.

Не добьется, так ее саму добьют, все меньше расходов. Содержание вдовы ложится на плечи семьи мужа, если тот не оставил никакого наследства.

Наследства не было, Ленер был небогат, и основной капитал в семье принадлежал свекрови Шайны. Решение вдовы об отъезде все восприняли с облегчением, и даже оплатили ей кое-что.

К примеру – две кареты.

Одна, самая роскошная, была подарена Шайне любящим мужем, еще до свадьбы. Потом он на такие роскошные подарки не тратился, но то – потом. Еще две кареты были наемными, на них разве что герб изобразили. Это услуга дешевая, наемные кареты регулярно перекрашивают под нового клиента.

В одной карете сама Шайна, в другой слуги, в третьей – багаж. Так и путешествуют благородные дамы. Это не мы, простонародные.

А вот слуги – наемные. Все, кроме служанки, Мерта у Шайны работала еще до свадьбы. Я видела ее в памяти девушки. Этакая

«булочка», светловолосая, курносая, с глазками-изюминками, удивительно добродушная…

На взгляд Шайны.

А что на самом деле?

Вот и недостаток магии разума. Я могу знать только то, что знала Шайна. А что думают другие люди – неясно.

Впрочем, меня все устраивает.

У женщины три кучера, служанка и лакей. Мало, конечно, но Шайна практически нищая, денег – то, что в кошеле. На дорогу еще хватит, на проживание в столице уже нет, выход только один, падать королю в ноги. Если еще допустят.

Но Светлый с ним, с королем, мне важнее, что все кучера наемные, им до клиентов дела нет.

Мерта сбежала.

Остается лакей. Вот ему и надо чуток подправить воспоминания. А это уже намного лучше, чем править все и сразу.

Возвращаюсь в зал. Сажусь рядом с мужчиной в ливрее слуги. Трогаю лоб, руку, лоб холодный, пульс ровный, сердце бьется хорошо – выживет? Подозреваю, что да.

И ныряю в его воспоминания.

Графиня сильно мне помогла, очень сильно.

Траурный наряд дамы из высшего света – черное глухое платье, черная вуаль на волосах. Фигуры толком не видно, волосы – рыжие, на руках перчатки, глаза карие, но под темной вуалью, которая опускается на лоб, и мои покажутся темнее. Остаются черты лица.

Но и тут…

Шайна была в горе. Ей было не до разговоров, и приказы она отдавала служанке, а та уж передавала их лакею. Допускать кого-то к себе поближе?

Вот еще не хватало!

Расклад вполне устраивал и лакея, которого звали Иршат Аспен, и саму Шайну. Иршат получает бесплатный проезд до столицы, в которой он собирался устроиться получше, небольшую сумму денег, а Шайна получала дешевую прислугу.

Присматриваться друг к другу?

Иршат мечтал о большем. Шайне было наплевать на прислугу.

Для меня все складывалось как нельзя лучше. Я быстро проглядывала воспоминания Иршата о хозяйке. Но…

Стоило шепнуть «графиня», «госпожа», «хозяйка», «Шайна», как в сознании парня начинали крутиться образы чего-то такого… поджатые тонкие губы, бледное лицо, черная тряпка на голове, рыжие волосы… все.

Вглядываться в хозяйку? Запоминать ее лицо?

Да сдалась она лакею! До столицы добраться бы…

На всякий случай я чуть подправила его воспоминания, сделав их… нет, не размытыми, а просто – отодвинув подальше. И ничего удивительного в этом нет, когда переживаешь эпидемию и готовишься умереть, не до всякой ерунды вроде хозяйки. Поневоле все становится неважным.

А мне того и надо было.

Как объяснить присутствие Корса?

А просто.

Мерта куда-то делась, мальчишка будет мне прислуживать. Подай, принеси, пока сойдет, не до хорошего, а в столице найму другую служанку. Здесь все равно никого не найдешь, кроме продажных девок, а с такими графине Истарской общаться просто невместно.

Фу – и все этим сказано.

Мальчишка дешев, платить ему не надо, из городка заберу, в столицу доставлю… к родственникам, например. А что поедет со мной в карете – тут кто-то будет обсуждать приказ госпожи?

Как интересно…

Я выпадаю в реальность, и откидываюсь спиной на лавку. Так и сижу на полу, думаю…

Ехать ли мне в столицу?

Вот ведь вопрос.

С одной стороны – больше мне пока ехать некуда. Нам.

Ленер знает адрес в Дилайне, знает, к кому нас надо было отвезти. Я приказала ему не выдавать нас Храму, но…

А что – кроме храма маг разума никому не пригодится? К примеру, бандитам? Заставить меня что-то делать несложно, у меня брат есть. А про бандитов разговора не было. И про какого-нибудь аристократа, и про друзей, которым тоже можно рассказать «по секрету».

Лишний мне урок – думай, что приказывать. Оговаривать надо все. Сказала бы «никому», было бы никому.

Но ведь остался Орас, который тоже что-то понял. И люди из каравана.

Нет, в Дилайну нам нельзя. В другом городе нас могут не найти родители, но можно сделать иначе.

Поехать в столицу через Дилайну. Там зайти к папиному другу, сделать ему внушение, и уехать в столицу.

Вопрос – что делать в столице?

К королевскому двору идти? У короля справедливости искать?

Никогда!

Это все равно, что самой башкой на плаху лечь, еще и топор у палача затребовать, чтобы бедняга не перетруждался. В глуши Храмов мало, мага разума определить сложнее, в столице они на каждом шагу, а я себя выдам рано или поздно. Это в романе принцесса может переодеться в мужчину, или принц в нищего, слуга в рыцаря и никто ничего не заподозрит.

В жизни так не бывает.

Монастырское воспитание аристократки – и деревенское воспитание дочки лесника, это даже не две разницы. Это две противоположности.

Раз я сглажу шероховатости магией, два, а потом что?

Попадусь.

Нет, никакого мне короля, и никакого двора, и… и вообще – почему бы не уплыть куда-нибудь? Столица, потом порт, и прощай, Риолон, я буду тебя помнить.

Это возможно. Но на какие деньги?

Ответ услужливо дает память Шайны Элизабет. Деньги ведь есть! Просто они у дяди.

Деньги, семейные драгоценности… мне все это не принадлежит, но и ему – тоже? И у меня большое подозрение в адрес дядюшки. Наверняка этот негодяй хотел убить Шайну. И мужа ее убил.

Графиня не сомневалась.

Тогда – как действуем?

Просто. Мы с Корсом едем в столицу. Там я отпускаю сопровождающих, а сама навещаю «дядюшку». Если он невиновен – извинюсь и уйду. Он и не вспомнит ничего.

Если виновен, я лишу его самого ценного. Нет, не того самого, а денег. Денег, ради которых он пошел на преступление. Но это я еще продумаю.

Это я и объявляю Корсу.

Братик чешет нос.

– Шань, тогда надо тебя упаковать, и завтра выехать с рассветом. Если об эпидемии узнают и перекроют дороги, мы тут надолго застрянем.

– Мы не больны.

– И что?

Тоже верно. Я уже говорила Корсу что он умничка? И золотко. И…

– Шань, пусти немедленно! Хватит этих ваших соплей! Я взрослый уже!

Свободный и независимый мужчина фыркнул и отправился проверять комнату. Надо же начинать собираться?

* * *

Возились мы до полуночи, даже чуть больше. И спать легли измотанными.

Проверили номер, собрали чернющие платья и отнесли в карету, оставили только одно, на завтра. Заодно убедились, что виновата действительно служанка.

Может быть, я плохо о ней думаю, и она сейчас умирает, или лежит больная, или ее кто-то убил, украл, посадил под замок… все возможно. Но денег – нет.

Вообще, ни монетки, эта зараза выгребла все подчистую.

Знала, что возвращаться не придется, и что спрашивать с нее некому будет. Какие еще нужны доказательства?

Если встречу – удавлю стерву. За Шайну, за всех остальных, кто умер, и еще умрет. Болезнь – штука гадкая.

Если она магическая, и заклинание отменилось после смерти Шайны, это никоим образом не спасет тех, кто уже заболел. Не будет новых больных, и только.

Или – будут.

Я ведь не знаю, что это за чума, какое заклинание или проклятие активировали, чего добивались…

У меня в голове только мысли Шайны. Ее память, ее знания, и меня это ничуть не пугает. Даже не занимает сильно. Я знаю, что это не опасно.

Это не душа, это просто книжка.

А вот мыслей ее дяди я не знаю.

Может, стоит выяснить?

Главное, чтобы не заболели мы с Корсом. Я наверное, не самый лучший человек, но все остальные меня не слишком волнуют. У меня есть родители, есть братик, есть я сама. Остальные пусть выпутываются, как хотят. Будет возможность – помогу, нет – пройду мимо. Я не обязана что-то для кого-то делать, потому что никто ничего не сделал для меня. Точка.

Для Ленера, вот сделала. Интересно, все Ленеры – сволочи? Ладно, обойдемся без проверок.

Главное сейчас, как только люди Шайны будут в порядке… мои люди будут в порядке, погрузиться в кареты и уехать. Тихо, мирно, не прощаясь, значительно опередив караван Ленера.

Так что – собираемся.

Деньги?

Мне было стыдно. Но…

Деньги я взяла из кошельков спящих. Просто шла по залу, доставала кошелек, вытряхивала себе на ладонь пару монет, остальное оставляла владельцу. Это не воровство, это дележка. А

что в мою пользу… будем считать, что они мне заплатили за наведенный сон. Им сейчас не больно, не страшно, они не ждут смерти, не мучаются, и даже если кто-то умрет, он умрет во сне. Тихо.

Стоит это пары монет?

Думаю, да.

Вещи – собраны. Деньги есть.

Что еще надо сделать?

Самое противное. Я не хочу спать в одном номере с трупом. И оставлять его не хочу. И…

Вот что можно сделать с телом? На улицу вытащить? Или на ледник? Но вопросы пойдут. Рыжая есть рыжая…

Решение подсказал Корс.

– Шань, если ты переоденешься в ее платье, то может, она за тебя сойдет?

Умничка у меня брат. Я уже говорила? И еще раз повторюсь, весь в меня!

Каково это – переодевать тело?

Гадко.

Хорошо хоть окоченение прошло. Но все остальное… бррррр….

Если кто не в курсе, после смерти у человека, король там, нищий, расслабляются все мышцы, и тело опорожняется. Что с графиней и произошло.

Я думала обмыть ее, но потом решила не усердствовать. Так оно нагляднее будет.

Шанна Каран оказалась магом разума, выплеснула свою силу, и умерла, истощенная. Корт Каран просто сбежал. Испугался, знал что-то, попал под удар – кто ж теперь скажет? Ищите, ловите, разбирайтесь.

Язвы?

А кто сказал, что у меня их не было? К нам с Корсом никто не заходил, я вполне могла заболеть, а безумный больной маг это страшно. Очень страшно.

Кое-как я переодела графиню в свои вещи, расчесала ей волосы, вздохнула.

Не было у тебя настоящего счастья, Шайна Элизабет. И жизни толком не было. И не получилось ничего…

Не ты первая, не ты последняя, но за тебя очень больно и обидно.

Обязательно заеду в столицу, переведаюсь с твоим дядюшкой. Благо, он сейчас именно там. Самое подходящее место, чтобы деньги тратить. А ты ехала к нему в зубы, вот и сожрали, и косточки не хрупнули.

Ничего, я приеду и разберусь. Хотя бы ненадолго заеду. Это я тебе твердо обещаю.

И на миг мне показалось…

Знаете, так бывает.

Кто-то и что-то скажет при тебе, и ты понимаешь – правда. Кто-то сделает – правильно. Подсознательное, нутряное понимание справедливости, которое есть у всех людей, и с которым они активно борются. Уж больно оно жить мешает, это понимание.

Сначала поймешь, потом совесть послушаешь, а потом и вообще помогать людям начнешь. Жуть!

Мое решение было совершенно правильным. И Шайна, там, где была сейчас ее душа, это одобрила.

Держись, дядя.

Дальше было самое неприятное.

Я завернула Шайну в простыни и одеяла, и потащила сверток вниз по лестнице.

Одна.

Сама.

Не Корса же просить, он маленький, надорвется еще, расти не будет. А я справлюсь. Правда, волоком придется и отдыхать, ну так что ж! Переживу.

По лестнице я труп попросту стащила за ноги. И по улице так же тащила. Вот и «Зеленая пчела».

Царство сна.

Я даже не стала разбираться, кто тут жив, кто умер. Мне все равно! Пусть выживут, я не против, мне главное, чтобы мне никто не мешался. Разве что Ораса можно посмотреть… жив и дышит. И язвы бледнеют, выцветают.

С каким трудом я затаскивала Шайну в свою комнату и укладывала поперек порога – это не рассказывать надо. Это просто на стиснутых зубах, на сжатых кулаках, и я едва не улеглась вместе с ней. Ненадолго, на пару минут.

А потом принялась выстраивать сцену.

Раскутала одеяла, уложила покойницу в нужную позу, по счастью, одеяла и простыня сохранили тело в целости. Оно – или она? – нигде не побилось, не покарябалось и выглядело вполне прилично. Только запылилось, волосы растрепались и платье перекосилось.

Я все поправила и усадила Шайну к стене.

Шанна Каран, маг разума, вышла из своей комнаты на шум.

Она ударила силой, но не рассчитала и умерла. Сделала пару шагов, привалилась к стенке, сползла по ней – и умерла.

Что с ее братом – доискивайтесь сами.

Вещи пришлось оставить.

Почти все. Вот вещи Корса я забрала, а вещи Шанны надо оставить, и ослика тоже. Мы его с собой взять не сможем.

Забрать я могу не платья, а самое личное. Книгу, шкатулку с дешевенькими побрякушками, которые мог взять и Корс. Остальное пусть лежит в номере.

Прости, Шайна, ты не слишком на меня похожа, но смерть меняет человека. Сильно меняет.

Может и сойти. Время мы точно выиграем, а нам это важнее всего.

Я вернулась с вещами в «Золотую пчелу». Корс протянул мне складень – хлеб, кусок говядины и соленый огурец сверху, и я вгрызлась в него от всей души.

Вещи собраны. Замена осуществлена. Остались люди, которые вповалку спят на полу и выздоравливают.

Что-то подсказывает мне, что будить их раньше времени не стоит. Я пришла около полудня, может, чуть позднее, вот, к полудню и проснутся. А пока и мы поспим.

Труп я вытащила, испакощенный простыни и одеяла кинула в стирку, новое белье взяла из другой комнаты. Остальное и так сойдет.

Мы с Корсом устраиваемся в одной кровати, прижимаемся друг к другу покрепче – и засыпаем.

* * *

Приближенный Ариост был решительно недоволен жизнью.

Маг разума?

Всплеск был, а мага-то и нет! Ни в одной деревне!

Мих старался на совесть, приближенный за эти дни объехал столько деревень, что мозоли на попе нажил, мальчишка показывал даже лесные хутора на два-три дома.

Но нигде, нигде не было того самого мага разума. Ни малейшего проявления.

И лесник с семьей просто испарились. Словно капелька воды на раскаленной сковороде.

Впрочем, умный человек всегда два и два сложит.

Считайте сами?

Была вспышка магии разума – пропал лесник – ни одного мага не обнаружили. Связаны ли между собой эти события?

Приближенный не знал, но на всякий случай разослал вестников.

Шем, Айнара, Айшет, Корс Ланаты. Мужчины темные, бабы

рыжие. Этакие… фигуристые.

Особенно приближенный ни на что не рассчитывал, но вдруг? Не закинешь невод, и рыбку не поймаешь, дело житейское.

Следов убийства тоже не было.

Хотя маг разума…

Эти твари способны на многое.

Они внушат что угодно и кому угодно, заставят поверить, что черное это белое, убьют, не моргнув глазом… это вообще чудовища.

Лично приближенный ни одного мага разума не видел, но в архивах Храма были записи. С какой-то магией Храм готов был мириться, с какой-то – нет. К примеру, стихии, или жизнь – это же хорошая магия?

Безусловно!

Но некромантия, богомерзкая и отвратительная не должна быть доступна людям. Разум же… бррр…

Когда понимаешь, что есть люди, способные в любую секунду убить тебя… им надо просто сказать: «умри», а остальное ты все сделаешь сам. И не только убить.

Солгать, украсть, предать, все, что угодно.

Это не просто жутко. Это хуже боли, пыток, смерти…

Эти твари должны быть или уничтожены, или поставлены на службу Храму. И никак иначе!

И все же?

Маг разума из семьи лесника – или он пришел откуда-то и убил Ланатов?

Неопределенность, сплошная неопределенность.

Ладно. Еще дней пять покатаемся по округе, и надо ехать обратно в Храм. Заместители не дремлют, зазеваешься – мигом на себя управление перетянут, а там и Приближенными станут. Те еще твари божии…

Но если мага нет в округе, куда он делся?

Приближенный задумывался над этим и раньше, но сначала надо все проверить, а уж потом действовать дальше. А ответ прост.

Маг ушел.

Как ушел, куда ушел… слишком много вероятностей. Это ведь маг разума! Он что желает, то и творит. К примеру, позовет себе лося и поедет на звере верхом через лес. На это даже много силы не надо, такой всплеск могли и не засечь на общем фоне.

Мог просто уехать верхом, по дороге. Мог прибиться к кому-то.

Гадать можно до старости, все равно не угадаешь.

Остается допроверить деревеньки и отправляться домой. В

Храм.

* * *

– Море…

Айнара смотрела на него с двойственными чувствами.

Море было символом свободы, море унесло ее от ненавистного Тиртана, море разделило ее с трем Сирантом.

Море соединяло Тиртан и Риолон. Море могло вернуть ее обратно, в неволю.

Шем положил ей руку на плечо.

– Все хорошо, Нари. Все будет хорошо.

Айнара потерлась щекой о плечо Шема. Мужу она верила безоговорочно.

– Надо найти корабль?

Шем кивнул.

– Сейчас я устрою тебя на постоялом дворе поприличнее, и пойду разговаривать с капитанами. Нас ждет Раденор.

Айнара кивнула.

– А когда мы напишем Ташану?

– Можешь написать, пока я буду в порту, – согласился Шем.

Хороший телохранитель задницей опасность чует. Шем и чувствовал.

Он не знал, что именно, как, откуда… он ничего не знал, но в голове бил набат.

Бежать, бежать, бежать!!!

Незримые колокола отсчитывали последние секунды, и скоро будет уже поздно. Уже совсем скоро.

Шем не мог объяснить, почему так. Но предчувствию верил.

* * *

Айнара осталась в комнате, а он, даже не смыв дорожную пыль, отправился в порт.

Шум, гам, корабли, люди…

А вот и таверна.

«Фрахт».

Такие есть везде, в любом порту, и называются примерно одинаково. Она-то Шему и нужна.

Как можно найти корабль, чтобы куда-то уплыть?

Караваны поджидают на постоялых дворах, иногда на дорогах, а с кораблями чуть сложнее. Во-первых корабли стоят на

рейде, а не пришвартованы к причалу. Это же корабли.

Ладно еще разгрузиться – погрузиться, но постоянно стоять у берега?

Так не делают, это опасно. И волна бывает коварной, и люди, что хуже любой волны. Портовое отребье что хочешь сопрет, хоть и доски с обшивки поотдирает. Порода такая, крысявочья.

А как искать фрахт?

Ходить по городу и выспрашивать? Не надо ли вам корабля, господа?

Смешно.

И тем, кто хочет нанять корабль, тоже, не плавать ведь на лодке от одного судна к другому, выспрашивая вахтенного «куда идете, груз берете?».

Поэтому в каждом порту есть такие таверны.

Здесь можно посидеть, заказать поесть, подождать кого-то, но две вещи здесь запрещены.

Игры и шлюхи.

Хочешь?

Иди в другое место. А здесь можно просто подождать, пока тебя не найдет клиент. Или купец может прийти и поискать фрахт. Обычно здесь сидят капитаны, боцманы, могут штурмана отправить, а если матроса – то из пожилых, доверенного.

Так что буянов здесь нет. Ты нашумишь, а тебя потом собственный капитан за борт и выкинет. Или линьками. Или будешь весь рейс палубу драить. Вариантов масса.

В таверне тихо, спокойно, правда, накурено, но трубки здесь смолят почти все. Дело такое…

Шем вглядывался в лица сидящих. Обветренные, просоленные…

– Помощь требуется? – подбежал с поклоном слуга.

Шем бросил ему медяк.

– А и посоветуй, братец. Мне бы в Раденор.

– С грузом, господин, али без груза?

Шем не обиделся на расспросы. Справедливо, суда-то разные, кому скорость нужна, кому комфорт, кому трюм побольше.

– Два человека. Без груза.

– А срочно ли?

– Средне, – махнул рукой Шем.

Срочно, и еще как. Но не скажешь ведь правду!

– Тогда вам может «Летящая» подойти. Или «Буревестник». Уж как сговоритесь.

– А больше в Раденор никто не идет?

– Идут, а то как же, – хмыкнул парень. – Аж четыре корабля, только они еще трюм не набили. А «Летящая» – курьерский

кораблик, письма перевозит, ему еще дня два, пока письма подвезут надо. Может людей взять, если без особых удобств. «Буревестник» наоборот, последние деньки добирает, может, завтра с отливом уже и отчалит. Груз готов, это уж он так, мало ли что подвернется.

Это стало решающим аргументом.

Шем подошел к столику, за которым в одиночестве дремал мужчина лет сорока пяти, чем-то похожий на гриб-боровик. Крепенький, приземистый, даже плотный, но не полный, а именно уплотненный мышцами. Не жиром, нет.

Такие и в семьдесят лет будут выглядеть боровичками. И в самом почтенном возрасте уложат более молодого противника на лопатки.

– Пассажиров берете?

Мужчина неторопливо вытянул трубку изо рта. Осмотрел Шема.

– Можем взять. Сколько вас?

– Двое…

Слуга, давший добрый совет, потихоньку выскользнул из таверны.

Ему срочно надо было послать весточку. И дождаться ответа, пока тиртанец не уйдет, а то и проследить за ним.

Одними добрыми советами много не заработаешь, надо бы и еще что-то к ним прибавить. А знания всегда ценились.

* * *

Мих смотрел в ночное небо.

Шани – нет. Нигде нет.

А если уж признаваться самому себе – дураком был. Сам виноват. Или – не виноват.

Бывает ведь такое! Живешь себе, радуешься, и жена будущая тебе не противна, так что б и не порадовать друг друга? Ничего страшного, если ребята окажутся на сеновале до свадьбы. Ни Риана, ни он отказываться от своего слова не собирались.

Но бывает и нечто…

Как удар молнии.

Шани.

Когда рыжая девушка поворачивается к тебе, и солнце превращает шикарные волосы в поток живого огня, когда карие глаза смотрят серьезно и вдумчиво, а она улыбается, и сердце так проваливается…

Как-то сразу понимаешь – она.

Единственная. Которую и на руках носить всю жизнь, и оберегать, и любить…

Знал бы он, что Шани встретит, к Риане б и клещами кузнечными не притронулся. И это не наведенная любовь, он-то знает. Проверяли ж храмовники.

Шани его просто любит. И он ее любит.

А вот что делать дальше? Где ее искать?

Мих сосредоточенно думал.

Куда бы пошел он сам? Куда бы он попробовал удрать?

Если Шани жива, а он уверен, он всем сердцем чувствует, что она жива, куда она может податься? Что говорил ее отец? Куда он собирался отправить Шани?

К тетке.

В столицу, кажется?

Мих задумчиво почесал голову.

Ну, что ж, пусть будет столица? Что он – не доберется?

Обязательно доберется, и Шанну будет искать! Он любимую не бросит.

Руки есть, немного денег есть, заработать он может, а то и попросить? Может, приближенный чем посодействует? Ежели насчет столицы?

Мих еще немного подумал, и решил, что надо. Пусть будет столица.

Шани, где ты, любимая?

* * *

Утро встретило меня жуткой головной болью.

Перестаралась вчера. Виски так ломило, словно в черепе обосновался крупный еж и пытался выбраться наружу, прогрызя мне голову изнутри. А попутно еще и иголками кололся, скотина такая!

Ыыыыыыы!

Корс сопел рядом, уткнувшись мне в плечо. Я осторожно переложила его на подушку, которую он тут же и обнял, а сама пошла одеваться.

Черное платье, черная вуаль, на платье – единственное дозволенное украшение – медальон с локоном любимого супруга.

Посмотрела, подумала… ну уж – нет! Гадость!

Или все-таки вернуть обратно? Люди привыкли к этому образу, его и надо воспроизводить. Спускаюсь вниз.

Там начинает налаживаться жизнь. Люди пришли в себя, обнаружили, что смерть откладывается лет на…дцать, а раз так –

надо бы и завтраком озаботиться. И печи растопить, и воды принести, и…

Не вспомнили только про графиню. Это и понятно, кому она там сдалась?

Так что мое появление произвело фурор. Слуги цепенели, глядя на меня, а хозяин постоялого двора, сидящий в кресле, поспешно подскочил, поклонился и затараторил:

– Ваше сиятельство, вы живы? Какое счастье!

– Вы и не надеялись, любезнейший.

Кажется, мне удалось сделать голос похожим на голос Шайны. Тусклым, ровным и безразличным. Во всяком случае эмоции остались ровными, да и тревожный лиловый фон вокруг мужчины не всколыхнулся. А и то…

Кругом кошмар и ужас, какая уж тут графиня? Не до ее недовольства. Выжили, слава Светлому!

– Ваше сиятельство я завсегда…

– Я хочу уехать. И поскорее.

Одно дело – кланяться, второе – уехать. Тут же обнаружилось, что до завтра ничего не получится. Люди все измотаны (с чего бы? Сутки проспали!), лошади некормлены (тоже вранье, мы с Корсом лично им воды приносили), да и вы, ваше сиятельство, отдохнули бы.

Ага.

До завтра.

Когда всего через дорогу куча народа, знающего в лицо некую Айшет Ланат. Ладно, Шанну Каран, это неважно. А потому я прищурилась.

– Любезнейший, в ваших интересах не затягивать мой отъезд. Я не болела, я была отравлена собственной служанкой, и я знаю, кто мог ее нанять. Мерзавка сбежала, но может и вернуться… у вас хватит людей, чтобы отбить нападение?

Хозяин тут же понял, что не хватит. И не надо.

И вообще – как скажете, госпожа графиня. а только как же с карантином? Вроде как установить должны?

Ответ: «не вашего ума дело, любезнейший» оказался весьма доходчивым. Хозяин поклонился, и зашебуршал, приказывая то здесь, то там.

И не такой я изверг, чтобы заставлять ехать куда-то больных людей. Я на лакеев лично поглядела, они вполне здоровые.

Аура окрашена в светлые тона, желтых пятен нет, красных тоже, воспаление отсутствует, болей нет… Нормально!

Ехать смогут!

Как я без служанки?

Совершенно не ваши проблемы.

А Корса я в карету как-то да протащу. Справимся.

* * *

И мы справились.

Я пробила несколько дырок в дорожном сундуке, и Корс спрятался в нем. Как раз хватило времени, пока запрягали, собирали продукты в дорогу, сами собирались…

Я наблюдала из окна за «Зеленой пчелой».

Там было шумно, людно, мелькали во дворе знакомые лица, вот Галиксты, вот Рена, вот Ленер, жаль, Ораса не увидела.

Кажется, они что-то нашли?

Точно!

Из дверей вынесли носилки, накрытые белым покрывалом. Рыжая прядь мела землю.

Слов я отсюда не услышу, может, хоть цвета ауры поглядеть?

Так.

Ленер в тоске и грусти. Если б не поверил, был бы в тревоге, а так маг разума умер, больше Шанну никому не продашь.

Рена горюет, это видно. Вот подошла, прядь поправила.

Галикстам тоже не все равно. Карна что-то сказала рядом с телом, вытерла слезинку, отошла. Точно – поверили!

Поверили, что я умерла, и сейчас угрызаются совестью!

Ура!!!

Это самое лучшее, что может случиться.

В дверь поскреблись.

Корс мышью метнулся в сундук. В комнату вошел хозяин постоялого двора.

– Ваше сиятельство, все готово.

– Отлично. Я смотрю, болезнь никого не щадит?

– Что вы, ваше сиятельство, это истинное чудо!

– Чудо? – поощрила я мужчину посплетничать.

– Говорят, что в караване магичка была. Скрытая, то ли некромантка, то ли жизневка, то ли кто еще. Вот она-то порчу и сняла. Что у меня, что в том дворе, все уснули, а потом здоровенькими встали. Истинное чудо, ничего не скажешь. Я и сам, помню, больно было, а потом словно пеленой накрыло, и так спокойно стало, так хорошо, верно, она свою волшбу и сотворила в ту минуту. И слуги у меня, тоже, и жена с сыном… все уснули. Все выжили.

– Это хорошо. А магичка сама что же? Может, денег ей дать в благодарность?

– Не пригодятся ей деньги, ваше сиятельство.

– Почему? – разыгрывала я святое неведение.

– Так умерла она. Бывает такое с магом, если он всю силу выплескивает.

Я медленно кивнула.

– Бывает. Жаль…

– Всем жаль, ваше сиятельство.

Я подумала и достала из кошелька пару золотых.

– Это на похороны для девушки, любезнейший. Она и меня вылечила, похоже.

Хозяин поклонился.

– Всенепременно передам, ваше сиятельство.

И не лгал. Так и сделает.

Он был искренне огорчен «моей» смертью, этот кругленький невысокий человечек. Искренне считал, что обязан мне жизнью, а теперь и отблагодарить не сможет. Ничего, я уже поняла, что смерть – лучшая награда для героя.

Мертвого будут любить и награждать, живого постараются снова припахать. Так что сделал дело – удирай. Или умирай, как сейчас.

Вслух я ничего не сказала, только вздохнула.

– Жаль, конечно. Надеюсь, она хоть пожила…

– Нет, ваше сиятельство. Говорят, молодая совсем, пятнадцать лет.

– Ужас какой, – лицемерно вздохнула я. – И для родителей горе.

– И не говорите, ваше сиятельство.

– И не буду. Распорядитесь отнести мои вещи в карету, если все готово для отъезда.

Так трактирщик и поступил.

Пришли слуги, взвалили сундуки на плечи, и пошли к каретам. Нужный мне сундук поставили в мою карету, хоть и ворчали. Но мне было наплевать.

Стоило слугам отойти, как я тут же стукнула костяшками пальцев в бок сундука.

– Нормально?

– Держусь.

– Терпи пока, я выпущу, как можно будет.

Я удобно устроилась на подушках, приняла корзину со съестным, поставила рядом с собой, захлопнула дверцу и карета тронулась вперед. Из Астора.

В городе было шумно.

Мы выехали из ворот, и покатили по дороге. И только тогда Корс решил вылезти из сундука.

– Шань, победа?

– Не уверена. Уж точно не поражение.

Наш путь лежал в столицу.

* * *

Если бы Шани могла слышать один из разговоров, она не была бы так спокойна. И не надеялась, что все закончилось.

Ленера не обманули ее попытки. Да и много кого они не обманули.

Ораса, к примеру, ту же Рену…

Вот Галикстов точно провести удалось, им на все было плевать, кроме своих персон, а тех, кто хорошо знал девушку – уже нет.

Когда люди в «Зеленой пчеле» начали просыпаться, там воцарился бардак.

Они-то знали, что болели, а проснулись – и оказалось, что они здоровы. И как?

Как такое могло быть!?

Начали расспрашивать, вспоминать, тут-то и выплыло, про ведьму.

Те, кто присутствовал, клялись, что ведьма вышла к ним из своей комнаты, вся в языках огня, подняла руку, и чем-то таким от нее ударило…

Какая она была?

Да вроде как Шанна Каран. А вроде как и не она?

И у страха глаза велики, и алкоголь четкости восприятия не способствует…

Может, она ведьмой огня оказалась? Да и выжгла болезнь? Или ведьмой воды? Или вообще – жизни?

Кто ж ее знает…

Разбираться никто и не стал. Людям достаточно было, что все выздоровели, а остальное…

Ясно ж и так! Ведьма себя выплеснула, их вылечила, сама сгорела. Надо оплакать, да и похоронить. А земельку для надежности посолить, вдруг она – некромантка? И пару колышков хорошо бы вбить, осиновых…

Ленер не препятствовал, но был в тоске. Это и заметил Орас, и оттеснил друга-работодателя так ненавязчиво в дальний угол.

– Ты чего надулся, как хомяк на мак?

Ленер сверкнул глазами, но с Орасом они не только вместе работали, но и приятельствовали, почти дружили. А потому караванщик снизошел до ответа.

– Не Шанна это.

Орас едва не фыркнул.

– И что?

Теперь пришла пора удивляться Ленеру.

– Как – что? А она тогда где?

Орас улыбнулся. Весело и широко.

– Подозреваю, там, откуда это тело взялось.

– Надо же ее найти!

– Зачем? – въедливо уточнил Орас. – Тебе мало досталось?

Ленер сник.

Ну да. Ему запретили появляться в храме, разговаривать со служителями и холопами. И вообще рассказывать о Шанне. Но ведь…

– Маг разума. Орас, понимаешь – маг разума!

– Знаешь, если ты в это еще полезешь, я тебе не помощник, – припечатал старый друг. – Сумасшедшим быть надо, чтобы с ней бодаться. В следующий раз она тебе просто умереть прикажет, а может, еще и в муках.

Ленер скрипнул зубами.

– Но такая выгода!

– Зато живой. И от чумы вылечился.

Ленера это все равно не утешило. Столько денег. Нет, ну столько денег…

Может, все-таки попробовать разузнать обиняками, куда направилась Шанна Каран? Где она теперь?

Храму нельзя, но другим-то можно?

Говорить нельзя. А писать?

Надо попробовать. Надо хотя бы попробовать. Это ж такая выгода!

* * *

Как хорошо быть графиней.

Если ты чего-то желаешь – ты это делаешь. Остальное – капризы.

Я хочу этого мальчишку в услужение. Он едет со мной.

Как вы думаете, что мне сказали?

Разумеется – да, ваше сиятельство.

Признаться, я немного боялась слуг. Но нанятым кучерам до меня дела не было. Да и лакею тоже.

Если бы графиня вздумала раздеться догола и полезть на дерево – им и тогда было бы все равно. Главное, получить оплату.

Корс тихо-мирно сидел со мной в карете и наслаждался дорогой. К сожалению, недолго.

Нас остановили вскоре после обеда.

Видимо, градоправитель успел сообщить об эпидемии, и король приказал перекрыть дороги. Та, по которой мы ехали, была перегорожена рогатками, стояли солдаты, и вид у них был самый решительный.

– Стоять! Кто идет?

Не графское это дело с солдатней разговаривать, но никто другой меня не заменит. Так что я вышла из кареты.

– Графиня Истарская. По какому праву меня задерживают? Освободите дорогу!

Как же! Освободили!

Солдаты сдвинулись плотнее, а кое-кто поднял и арбалеты.

– Не приближайтесь, графиня. Откуда вы?

– Из Астора!

– Заворачивайте! В Асторе чума, никто вас не пропустит!

Я прищурилась.

Солнце было почти в зените и больно било по глазам. Мундир… ладно, попробуем.

– Капитан?

– Капитан Торк к вашим услугам. Чем могу служить, ваше сиятельство?

– Ни я, ни мои спутники не заболели. Я не хочу возвращаться в Астор с риском заболеть снова.

– Ваше сиятельство…

Капитан задумался. Я щурилась и отлично видела ореол вокруг него.

Фиолетовый – усталость, недовольство, зеленый – недоверие, желтые пятна страха. Последних – меньше всего.

– Ваше сиятельство, вы можете поклясться, что вы не больны? И ваши спутники?

Я кивнула.

Это я могла, по всем правилам.

– Корс? Нож есть?

Чтобы у моего братика ножа не было? Был, хороший, охотничий, с роговой рукояткой. Его он и подал по всем правилам, с поклоном. Здесь он мне не братик, а прислуга. Такая игра.

Я кольнула палец так, что капли крови упали на землю.

– Кровью рода клянусь, что я не болею. И ни один из моих спутников не болен. Если я нарушу клятву, пусть кровь отречется от меня.

Старая формулировка. Но очень популярная именно у военных и аристократов.

Капитан посмотрел с уважением, и медленно пошел ко мне. Я

видела, что ему страшно, но мужчина преодолевал свой страх. Мужественный человек, ничего не скажешь.

Наконец он оказался совсем рядом. Поклонился.

– Ваше сиятельство…

Я отбросила вуаль, обнажая уши, шею….

– Вы видите, капитан?

– Да, ваше сиятельство.

– Корс?

Брата тоже уговаривать не пришлось. Но уши он у меня сегодня вымоет, поросенок!

Так же были осмотрены остальные наши спутники, и расхрабрившийся капитан лично перетряхнул кареты. Конечно, никого не нашел, и вздохнул.

– Ваше сиятельство, я все равно не могу вас выпустить.

– Но?

– Могу написать моему командиру. Наш полковник, виконт Арес, наверное сможет дать вам разрешение.

– А долго письмо будет идти к нему?

– Эммм… сутки. Он тут неподалеку стоит.

Я вздохнула.

И выпустила наружу свою силу.

Пока еще легонько, щупальцами осьминога, только-только касаясь сознаний людей неподалеку, но этого достаточно. Меня охватывает знакомое ледяное безразличие, варианты высвечиваются один за другим.

Мы можем ждать. Долго. Убийцу или караван с Ленером. Не подходит.

Мы можем поехать к полковнику – без надежды на успех. Я не знаю, сколько там людей, не знаю, что за человек этот полковник, смогу ли я его убедить… и не стоит забывать про храм. Нет, не стоит. Если Ленер был там, если он прощупывал почву.

Времени у нас нет. А потому…

Плевать на последствия!

Я достаю из кареты шкатулку, из нее письмо. Не помню, что там сказано, кажется, это одно из первых писем мужа Шайны с признанием в любви. Все равно. Мне хватит.

Я встряхиваю его перед глазами капитана.

– Капитан Торк, вы видите этот приказ?

И добавить чуть-чуть силы.

Мне не надо ничего диктовать человеку. Его разум сам решит, что именно видит. Только подсказать. Только подтолкнуть.

И…

– Да, ваше сиятельство.

Здесь и сейчас капитан видит нечто с приказом вышестоящего начальства. Даже не полковника – генерала.

Пропустить ее сиятельство, графиню Истарскую.

Откуда взялся такой приказ? А, ему все равно. Главное, на нем никакой ответственности.

Капитан вытягивается во фрунт.

– Ваше сиятельство…

– Пропустите нас. Этого довольно.

– Но как же…

Какой-то частью разума он еще сопротивляется. И я испытываю к нему уважение.

Только вот нам с Корсом это ничем не поможет. Уважать противника надо, когда ты в безопасности. А когда вы сражаетесь – плевать мне на благородство! Я вообще дочь лесника!

И я чуть-чуть надавливаю силой. Совсем чуть.

Капитан медленно кивает. Глаза его стекленеют.

– Пропустить! Приказ генерала!

Солдаты переглядываются. Я чуть добавляю силы, и в моих руках они видят письмо от генерала. Я не усложняю, что видит один, пусть увидят и все остальные. Потом они в один голос будут твердить про клятву крови, про разрешение… может, даже крайними не останутся. Ну, или накажут их не сильно.

В стороны расходятся рогатки.

Свобода?

Я вскакиваю в карету, кучер трогает с места.

Это еще не победа, но время мы выигрываем.

* * *

Хоть и поговорил Ленер с Орасом, но…

Больно же! Уже рот разинул, уже облизнулся на вкусняшку, уже ее в желудке почувствовал – и тут пирог выдернули из-под носа, только что и осталось – зубами клацнуть. Еще и язык себе прикусил.

Кому ж такое понравится?

Ленер думал недолго.

Не то, чтобы он собирался в храм, но знания – самое ценное по нашему времени. Подумайте сами – если Шанна оставила вместо себя чужой труп, стало быть, она где?

На месте этого «трупа». Никто и не подозревает, что женщину подменили.

Или?

Ленер задумался.

Глупо как-то. Или… Шанна на самом деле рыжая?

Ленер всерьез задумался над этим вопросом. Вообще, бабам цвет волос поменять, что мужчине чихнуть. И красятся, и мажутся… могла?

Могла. А зачем?

Рыжие – приметные. Вот он сейчас пройдет по городу, да и поспрашивает о рыжухах, к примеру…

А что ему это даст?

Ленер подумал немного. Получалось так, что – ничего. Ну, узнает он, куда делась Шанна. А дальше-то что? Бодаться с магом разума?

Это магам жизни людей, говорят, убивать нельзя. И то… импотенция, к примеру, убийством не считается. Как и затяжной понос.

А у магов разума таких проблем нет. И не было никогда.

И убьют, и поиздеваются напоследок. Сказки про них до сих пор такие рассказывают… вспоминать страшно. Говорят, одного идиота маг разума на кол посадил.

Приказ отдал, вот обмороченный и трудился. Кол сам вытесал, вколотил посреди площади, а потом штаны снял, да и сел с размаху.

Тогда-то сообразил, что наделал, орать начал… а дальше-то что? Ори, не ори… разве что добить из жалости.

Сзади неприятно засвербело.

Может, и правда не связываться? Своя… гхм, спина дороже. Вдруг Шанна до сих пор в городе? И наблюдает?

Ленер передернулся. И пошел обратно, на постоялый двор.

Ну ее, в самом деле!

Караван он от всякой дряни почистил, а что с женой разобраться не получится… не все сразу. Зато и вредная баба вдовой не станет, все польза…

Ленер махнул рукой, да и плюнул.

Своя шкура, она завсегда ближе к телу. Лучше уж синицей по рукам получить, чем журавлем, да по всей морде. Иди ты, Шанна… на все четыре стороны! Целее буду!

* * *

– Шань, а что ты чувствуешь, когда магичишь?

Чем хороша карета – она удобная и быстрая.

Чем она плоха?

Младшим братцем, который может достать тебя своими расспросами.

– Сложно сказать.

– А ты попробуй, – поддел меня Корс.

Я задумалась. А и правда – что?

– Холод.

– Холод? – удивился братец.

– Да. Словно я оказалась в центре кристалла из льда. И там спокойно, оттуда все видно так ясно и четко, как никогда. Но как же там холодно…

– Странно… ты же не маг воды?

– Корс, – я сморщила нос, – я правда не знаю. Я совершенно не понимаю, что и как. Просто когда я пользуюсь этой силой… знаешь, разум – жуткая вещь.

– Почему?

– Потому что это голый холодный разум. Без чувств, без эмоций, без совести, жалости, сострадания, остается только понимание происходящего и просчет вероятностей. Выбор лучшего для себя, а что там будет с людьми – мне наплевать.

– Бррр, – поежился Корс.

– Я знаю, что капитан Торк, возможно, пострадал. Что у многих людей будут проблемы от моих действий. И мне это безразлично. Понимаешь, братик – мне на них плевать. Есть они, нет их, живы, умрут – все равно.

Корс подумал немного, а потом пересел ко мне и крепко обнял. Прижался, даря живое тепло, рассеивая этот кошмар.

– Шанька, бедная моя…

– Когда я там, в кристалле, мне не больно, не страшно, мне

даже хорошо. Не стоит меня жалеть, мне там даже нравится – в этот момент.

– А если часто пользоваться, ты там и останешься?

Я задумалась.

– Не хотелось бы. Но ведь маги воды не превращаются в воду, а маги огня не сгорают.

– Разве?

Действительно, пример неудачен. И тонут, и сгорают…

– Наверное, я могу там остаться. Но думаю, что для этого надо нечто большее. Желание, может быть.

– Но тебе ведь там нравится.

Я покачала головой и обняла брата в ответ. И покрепче.

– Нравится. Это чистый холодный разум, абсолютная отрешенность, мгновенный анализ ситуации – кому ж такое не понравится? Но остаться такой я никогда не захочу.

– Правда, Шань?

– Чистая правда. У меня есть ты, есть мама и папа, и я вас всех очень люблю.

И произнося эти слова, я поняла, что все так и есть.

Магия разума меня не пугает. Но быть только магом разума я не хочу. Меня вырастили не магом. Человеком.

Женщиной с любящим сердцем.

Хотя кто знает? Чтобы защитить брата, родителей, соглашусь я стать только магом разума?

Да.

И все равно не стану им до конца.

Маг разума доложен отрешиться от всего, кроме разума. А как отрешиться – если ты любишь? Солнышко мое…

И я крепко поцеловала брата прямо в макушку.

* * *

Приближенный Лоран Ариост посмотрел на слабого мага воды, который ехал с ним.

Да, именно так.

С магическими устройствами могут работать только маги. А уж как их контролировать – то дело Храма. С божьей помощью и не с таким справимся.

– Светлейший, – уважительно обратился к нему маг, – мне только что пришло известие…

– Вот как?

Всего два слова.

– Всплеск силы зафиксирован в районе гор.

Приближенный сдвинул брови.

– Горы?

– Всплеск зафиксировали в Дилайне. Но точнее ничего сказать не могут, там горы, а они сбивают направление.

– Карту.

Получив искомое, приближенный повел по ней пальцем.

В принципе…

Вот тракт, если двигаться по нему, то до Дилайны прямым ходом… да, так оно и будет. Если маг разума пошел отсюда пешком, или… с караваном? А ведь может быть, что и с караваном! Тогда по времени-скорости как раз будет. Приближенный подумал пару минут.

– Откуда ты это знаешь?

– Вода…

Приближенный кивнул.

Давным-давно были сделаны эти артефакты. Сейчас-то такие не создашь, выродились маги, вывелись. Чаша с водой стоит в храме. Из нее можно налить фиалы, вот что над чашей скажешь, то фиал и повторит.

Нашепчет, только вот не всякому. Маг воды услышит, а остальным лучше фиалы и в руки не брать. Обожжет.

Приближенный подумал пару минут.

Так что им делать?

Обратной связи-то нет, им что-то сказать могут, а они разве что голубя пошлют. Вот, это сделать и надо. Послать голубя, а самим…

Приближенный еще раз взглянул на карту.

Если предположить, что маг разума шел по тракту (глупо донельзя, никогда б не подумал), то куда он двинется дальше?

Три варианта.

Столица, портовый город Аршен или вглубь страны, к Ронсару?

Надо дать знать во все города. И ждать.

Магния разума – это как чума. Один раз заразишься – считай, никогда не остановишься. Рано или поздно маг проявит себя, и если его будут ждать, то и перехватить успеют.

Ак самому-то куда ехать?

В Аршен, наверное. Он ближе всего.

На побережье, на корабль – и вперед. Это приближенный и объявил своим людям. И неожиданно для себя…

– Светлейший, смилуйтесь!

Мих Лемерт в буквальном смысле упал в ноги приближенному Ариосту, разве что сапоги не облобызал.

– Чего тебе, чадо светлого?

– Умоляю! Возьмите с собой! Шани я так и не нашел, может, там чего узнаю?

Приближенный подумал пару минут.

Альтруизмом он не страдал. Слова-то такого не знал и не догадывался. С одной стороны – зачем нужен этот деревенский осел?

С другой – слуга и слуга. Девчонку свою ищет, платить ему не будем, а мало ли что? Вдруг все же девчонка?

Это соображение и заставило приближенного кивнуть.

– Хорошо, чадо. Мы берем тебя с собой.

Мих расцвел розовым кустом. Что ему скажет отец и сколько продлится путешествие – об этом он старался не думать. Как получится – так и получится. Главное Шани найти, а там хоть бы и трава не росла – наплевать!

* * *

– Ронсар.

– Ридон.

– Нурслат.

– Тарин.

Мы с братом играли в города.

Шел четвертый день нашего путешествия в графской карете. Я была довольна – сегодня мы доберемся до Дилайны. Надо будет навестить отцовского знакомого.

Раденор, говорите?

Родители двигаются туда, вот и мы с Корсом поедем. Только весточку им оставим на всякий случай. Думаю, нам подойдет столица Раденора, Алетар. В деревне затеряться сложно, а вот в столице – там много всего, там и магов много, говорят, чуть не на каждом шагу колдуют. Там меня точно никто не почувствует.

А родителям оставлю письмо, чтобы знали, где нас искать.

Почему-то мне казалось, что надо действовать быстрее, еще быстрее. Словно в спину кто-то смотрит.

И почему бы это?

Не знаю…

* * *

Айнара покачивалась в гамаке и в такт с ней покачивался потолок каюты. Крохотная комнатушка была обшита деревом и напоминала бочку. В ней и помешалось-то только два гамака и

сундук. Неудобно до ужаса, зато дешево и достаточно быстро.

Шел пятый день их путешествия на «Буревестнике».

Корабль был небольшим и достаточно чистым, капитан предупредительным, и все равно что-то было не так, решительно неправильно, нехорошо!

Случается такое. Вроде бы и слова сказаны верные, и движения сделаны нужные, но что-то кричит от ужаса внутри тебя, требуя бежать, спасаться, да хоть что-то сделать, а не идти на плаху беспомощной жертвой. Иногда это глупое паникерство, или обида, или упрямство, но случаются и предчувствия.

– Переживаешь?

Как и любой хороший воин, Шем чутко угадывал настроение собеседника. Сейчас он покачивался в соседнем гамаке, и потихоньку засыпал.

– Нервничаю – честно призналась Айнара. – Не знаю, почему, но мне здесь не нравится.

– Чем именно? Матросы? Капитан? Сам корабль? Погода?

Айнара задумалась.

Матросы? Да нет, команда, как команда, большая часть грубиянов, хамов и бабников, чего б удивительного? И смотрят они жадно, но это скорее по привычке. Понимают, что ничего не получат, вот и облизываются.

Капитан? Да, вот тут что-то царапает.

– Капитан как-то нехорошо смотрит, – призналась Нари. – Не по-доброму.

Корабль и погода нареканий не вызывали.

– Ты ничего прочитать не можешь?

Айнара покачала головой.

– Нет. Сам знаешь…

Шем знал. Не досталось его любимой полноценного дара, так, огрызки, зародыши…. А может, и она сама была в этом виновата. Когда дар развивается?

Когда его не боятся. А страх что хочешь придавит.

– Попробуй тогда предположить, – Шем задумался. – Как именно смотрит на нас капитан. Со злобой?

– Нет. Личных чувств у него нет ни к кому из нас.

– Хм-м… боится?

– Нет, это точно нет.

Шем подумал еще. А что может насторожить человека?

– Похоть? Желание?

– Нет, определенно нет. Даже наоборот, что-то вроде… брезгливости?

– Интересно. Нари, скажи, а что насчет «купеческого взгляда»?

Айнара честно задумалась.

Что такое «купеческий взгляд»? Взгляд в ожидании выгоды. Сколько можно получить с человека, за человека, от человека… когда тебя рассматривают не самого по себе, а в ожидании каких-то доходов.

– Знаешь, похоже.

Шем выдохнул сквозь зубы.

– Плохо. Очень плохо… как бы наш капитан не работорговлей промышлял.

– Тогда бы корабль пах. Ты сам понимаешь…

Шем кивнул. Вот это он понимал.

Первое – рабов перевозят на кораблях. И удобств у них нет, никаких, и выпускать их никуда не выпускают. Так что воняют корабли к концу рейса, как куча плавучего навоза.

И это не все, есть второе. Айнара Ланат, хоть и необученный, хоть и отвратительно слабый, но маг разума. А рабы… что может твориться в душе раба? Ой, не праздник жизни. Боль, тоска, безнадежность, отчаяние – и это далеко не полный список. И такие эмоции тоже пропитывают корабль. Айнара бы почувствовала. И физический запах, и метафизический.

Рабов тут не перевозили.

А что тогда?

Не угадаешь. И ведь не сбежишь никуда, это корабль, не шлюпка. Только быть настороже.

Но и это не сильно помогло Ланатам.

Когда за завтраком Шем почувствовал сонливость, он еще попытался встать из-за стола, что-то сделать, но – бесполезно. Снотворное оказалось крепким и качественным.

Утешало одно – они нужны живыми. А пока жив – есть возможность побороться.

* * *

Дилайна.

Симпатичный городок, уютный и оживленный. Чистые улицы, каменные мостовые, каменные домики с палисадниками.

Мне понравилось.

Но задерживаться в городе я не собиралась. Ни отдыхать, ни снимать комнату – ничего. Вместо этого я постучала в окошко.

Кучер послушно остановил коней, и заглянул к нам.

– Ваше сиятельство?

– Будьте любезны, узнайте где трактир некоего Ташана Аршасси.

Кучер поклонился, и скрылся из вида.

Корс почесал затылок.

– Шань, рискуем.

Я и сама это знала, но…

– Иначе родители могут нас не найти.

Выбора у нас не было. Надо прийти, оставить письмо для родителей – и быстро-быстро удрать. Пока Храм не заинтересовался.

Но авось не сразу они отреагируют? Не за две минуты?

Да и письма того было две строчки.

Шайна Элизабет Истарская.
Алетар. Раденор.

Имя и место. Умному достаточно, а дураком папа никогда не был.

С другой стороны, если и попадет письмо чужаку в руки… и что?

Мало ли кто и что записал? У меня и повод есть…

Трактир оказался просто очаровательным. Тяжелая позолоченная вывеска «Рука друга», двое мужчин, которые протянули друг другу руки, тяжелая же дверь – дела явно идут неплохо. Я махнула Корсу, чтобы шел за мной, и отправилась в трактир.

Внутри было тоже уютно. В тиртанском стиле.

Расшитые занавеси, тяжелые светильники на цепях, толстенные ковры на полу, никаких столов и лавок – подушки и маленькие столики, еду с которых можно было брать даже лежа.

Пришлось только разуться на пороге. Но это и понятно, не ходить же по коврам в обуви? И к нам тут же поспешил улыбающийся хозяин.

– Госпожа, для меня радость видеть вас под кровлей моего скромного дома. Как солнце, всходящее над горизонтом, озаряет землю своим сиянием, так и вы озаряете мою скромную обитель своим присутствием.

Дальше я не слушала, представив у себя над головой солнце.

Нет, неубедительно.

Наконец славословия закончились и пошло дело.

– Чем я могу быть полезен столь прекрасной даме?

– Вы готовите обеды в тиртанском стиле, не так ли? – чуть лениво протянула я.

– Да, госпожа.

– Хотелось бы заказать еду с собой. Мы путешествуем, и не имеем времени останавливаться.

– Госпожа, вы разбиваете мне сердце…

– Вы не можете выполнить мою просьбу?

– Сейчас все будет готово! Извольте обождать немного…

Я опустилась на подушки за указанным столиком. Корс завистливо хлюпнул носом, но встал сзади меня. Мы это заранее обговорили – слуги в присутствии хозяев не сидят. Я откинула вуаль с лица… и вот это я сделала зря.

Но так неудобно с этой тряпкой!

За соседним столом удобно расположилась компания из трех молодых дворян. Что они отмечали – неизвестно, может, просто так зашли покутить в тиртанском стиле. Я не читала их эмоции, мне было даже не слишком интересно. Вино очень сильно смазывает картину. А потом стало поздно.

Один из парней поднялся и подошел ко мне. Плюхнулся рядом, словно тут ему место специально оставили.

– Красотка, отчего ты так печальна? Хочешь, мы скрасим твое одиночество?

Я подняла брови вверх.

– Любезнейший, у вас принято навязываться вдовам? Это так благородно!

Парень скривился.

– Да ладно! Не похожа ты на вдову!

Ах, с каким удовольствием я бы одернула наглеца. Сообщила, что я – Шайна Элизабет Истарская, что я графиня… нельзя оставлять подобный след.

Я даже волосы утянула в косу, насколько могла. Под черным газом вуали они казались темно-каштановыми, но вот ведь…

Скотина пьяная!

– Я – вдова. Мой муж недавно умер. Будьте любезны оставить меня наедине с моим горем, – еще раз повторила я без особой надежды на успех. Пьяная скотина – такая особая категория мужчины. Он твердо уверен в своей привлекательности, а такие мелочи, как мнение дамы обычно сию скотину и в трезвом виде не волнуют.

– Да ладно! Не ломайся! У меня и золото есть, могу поделиться, если будешь хорошей девочкой, – вино разбирало все сильнее, лишая парня последних остатков здравого смысла.

Я честно терпела минуту, две… потом, когда рука пьяницы вовсе уж нагло поползла к моему колену, мое терпение рухнуло.

И я скользнула в состояние кристалла.

* * *

Фу!

И еще раз – ФУ!

Пьяницы – гадость! Гадость, гадость, гадость!!!

Такое ощущение, что вино им сейчас растворило половину ауры. Ни нормальных эмоций, ни чувств, вообще ничего! Остались прочерки алого – агрессивного, грязно-винного цвета, и желтый. И все.

Остальное словно приливом смыло.

Донести что-то до человека в таком состоянии?

Да как можно внушать мысли тому, у кого их просто нет!

А, гори оно пожаром!

– Спать, – тихо приказала я.

Для этого даже ничего не надо делать специально, все пьяницы рано или поздно засыпают. Я просто чуть ускорила процесс.

Мужчина свалился, где и сидел, некрасиво ткнулся носом в стол. Двое его друзей вскочили с места.

– Ты…!!!

– Ах ты…

– Спать, – приказала я уже не шепотом. Достаточно громко и отчетливо. – Вы хотите спать.

На пол осели еще два тела.

Я довольно улыбнулась. Из кухонной двери выглянул хозяин.

– Госпожа. Вы… они же… как я….

– Да все с ними в порядке! Мне хороший маг амулет заряжал, – отмахнулась я. – Готова моя еда?

– Да, госпожа.

– Сколько я должна?

– Две монеты серебром, госпожа.

Я выложила монеты на стол. Да уж, цены… понятно, почему тут всех клиентов – я да пьяницы. Но раз заведение не прогорает…

Я прищурилась на Ташана.

– Вы помните Ланатов? Шем, Айнара?

– Госпожа?

Я медленно поднялась из-за стола. Достала и протянула письмо.

– Вы отдадите это либо Шему Ланату, либо тому, кто скажет вам о его детях. Корс Ланат, Айшет Ланат… вы поняли?

Ташан закивал.

– Только Ланатам! Только тем, кто придет от Ланатов, – я говорила тихо-тихо, едва двигая губами, но каждое слово закрепляла силой. Плевать, все равно уже подставилась! Надо выполнить задуманное – и удирать.

Ташан медленно спрятал письмо на груди, глаза у него были совершенно стеклянные.

– Только Ланатам. Или тем, кто придет от Ланатов.

– А до той поры ты спрячешь это письмо и забудешь о нем. Не было никакого письма, не было…

– Не было, – послушно повторил трактирщик.

Письмо исчезло в его одеждах.

– Проводи нас. И короб с едой отнеси в карету.

Ташан послушался меня.

Я кивнула Корсу.

– Идем?

– Да, госпожа. Минуту…

Корс задержался, и я видела, как братец запускает руку в кошельки нахалов.

Больше он ничего не брал, только по нескольку монет из кошельков, а это – можно. Сами виноваты, сами нарвались.

Вот и карета.

Погрузиться, махнуть рукой кучеру – и прочь из города. Пока еще не закрыли ворота… нет, не закрыли. Ну и слава Светлому…

Успели.

* * *

– Пресветлый, маг в Дилайне!

– Дилайне?

– Да! Приборы засекли всплеск. Мага будут искать…

Приближенный Ариост покачал головой. Что-то ему не верилось, что маг разума там останется. Но мало ли? Пусть ищут.

А у него теперь задача точно определилась. К морю – и на корабль.

* * *

Мих чистил щеткой лошадь, довольно улыбаясь.

Море, корабль, столица…

Шани?

Он искренне надеялся найти любимую. Вдруг да повезет?

Нет, даже не так! Обязательно повезет!

Светлый не может разлучить их! Они обязательно встретятся. Пусть ему придется обойти все города и страны, пусть придется искать долго, пусть его родители проклянут….

Шани, девочка моя, любимая, где ты?

* * *

Айнара Ланат открыла глаза.

Тошнило, голова кружилась, ноги не держали…

Что происходит?

Она вспомнила странный привкус в еде, вспомнила свою сонливость, как ткнулся лицом в стол Шем… опоили?

Да.

Но зачем?

Она шевельнулась.

Оххх!

На щиколотке красовался тяжелый браслет, и цепь вела от него к кольцу в стене. Можно двигаться по каюте… да, это каюта, и она точно в море. Но что…?

Как?

Был лишь один способ выяснить.

Айнара собралась с силами и опрокинула медный таз, стоящий рядом на подставке. И тут же застонала от грохота. Больно… виски аж разламываются! Сволочи! Что они ей дали, хотела бы она знать?

Может, скоро и узнает?

Грохот не остался незамеченным. Вскоре скрипнула, повернулась ручка на двери.

Айнара приподнялась, стремясь увидеть входящего. А потом, разглядев, со стоном откинулась обратно на кровать.

Черно-желтые тона одежды, смуглое лицо…

Тиртан.

Трей Сирант.

Вошедший тиртанец улыбнулся.

– Господин будет доволен.

Айнара едва не застонала вслух. Но…

– Мой муж – жив?

– Да. Пока – да.

Выдох. Слава Светлому, Шем жив. Остальное – решим.

– Я хочу его видеть.

– У рабыни нет своих желаний, – напомнил тиртанец, глядя насмешливым взглядом. – Забывшуюся рабыню наказывают палками, чтобы впредь была умнее…

Айнара сверкнула глазами.

– Рискнешь?

– Трей разберется.

– Он жив?

– Трей Аршан Сирант жив и здоров.

Айнара перевела дух.

Не сам трей, его старший сын. А хотя… что еще лучше, что хуже? Кто ж его знает?

Светлый спасибо тебе! Хотя бы дети в безопасности! Хотя бы Шани и Корс…

Светлый, если ты есть… помоги им! Пожалуйста…

* * *

И вновь дорога, дорога, дорога…

Она вьется серой прихотливой лентой, ложится под копыта коней, постукивает камнями, взвивается облачками серой пыли. Она палит солнцем и льет дождем.

Она ведет нас к столице.

Все тихо и спокойно, но я точно знаю, что это лишь затишье перед бурей, которая скоро разразится. И мне надо уберечь брата и не попасться самой.

Страшновато.

А потому в дороге я не знаю покоя.

Я учусь.

Я раскидываю сеть, словно рыбак, я пытаюсь улавливать мысли людей, я пробую приказывать – тренируюсь на наших спутниках, на постояльцах, на хозяевах трактиров… я стараюсь обходиться капелькой, а не выплескивать ведро силы.

И постепенно, худо ли бедно, оно начинает получаться. Может, я и справлюсь с опасностями? Кто знает, что еще задумал дядюшка Шайны? Ему должны были донести, что я, то есть она – не умерла. Не хотелось бы умереть от яда или стали.

Когда впереди показываются серые стены, я облегченно выдыхаю.

Добрались.

Столица Риолона, Рилана, была перенесена в портовый город примерно лет триста назад. Кажется. Точнее я историю не знала. Что-то случилось, и в результате – король переехал. Выиграли от этого все. И король, и город, все стали богаче, но красивее Рилана не стала.

Серые скалы, серые дома, серое неприветливое море – или так просто кажется, потому что день пасмурный? Корсу нравится, он крутится с интересом, и в окно смотрит, с любопытством, а я вот, жду подвоха.

Но пока все спокойно.

Надолго ли?

Копыта коней стучат по серой мостовой. «Сеть» в ужасе съеживается, но я стараюсь держать ее. Цепляю чужие мысли и

сознания, выпускаю их обратно… в городе это сложнее, людей больше. Но я справляюсь.

– Куда править, госпожа? – в карету заглядывает кучер.

– Ближайшую приличную гостиницу знаешь?

- «Золотая лань», ваше сиятельство.

– Отлично, туда и правь.

* * *

Гостиница в первый момент ошеломляет.

«Золотая пчела», «Золотая лань» – у них конкурс на количество позолоты?

Да, наверное. Все вызолочено, все в лепнине, все роскошное донельзя, взгляд даже не сразу останавливается на раззолоченном человеке за стойкой. Золото одежды сливается с золотом стен.

Тот напоминает о себе сам, выходит, склоняется в поклоне.

– Госпожа…?

– Ее сиятельство Шайна Элизабет Истарская, – представляет меня Корс потихоньку. Мне самой не по рангу. Я разглядываю стены с видом аристократки, попавшей в бордель. С крайним неодобрением.

У меня траур, а тут золота больше, чем в королевских рудниках. Непорядок.

– Ваше сиятельство, – кланяется раззолоченный.

В моих пальцах мелькает золотой – надо же соответствовать?

– Вещи в номер, о конях и людях позаботиться. Мне подать ванную и обед.

Раззолоченный кланяется, ловя на лету монетку.

Все приходится считывать на ходу, из его памяти, и я сильно напоминаю себе осьминога.

Раскидываю щупальца, отслеживаю.

Кучера счастливы, что путешествие закончилось, им хочется выпить. Корс устал, ему хочется поесть и поспать.

Раззолоченный – это называется «коридорный», кланяется.

– Да, ваше сиятельство.

Я взмахиваю рукой.

– Пришлите мне служанку. Моя умерла в дороге.

– Ваше сиятельство, мои соболезнования.

Я гляжу чуть удивленно – соболезнования? Это же служанка? Ладно бы – любимая собачка умерла, а то служанка! Фи!

Коридорный тут же перестраивается.

– У вас есть какие-то требования, ваше сиятельство?

– Неболтливую.

– Ваше сиятельство, у нас вся прислуга не распускает языка, – кланяется коридорный.

Я постукиваю по полу ножкой, мужчина ловит намек на лету и провожает меня в номер, с поклоном вручая раззолоченный же ключ.

Корс пыхтит сзади.

– Мальчишка со мной, – поясняю я. – Дальний родственник. Паж.

Это коридорный понимает, и даже взглядывает с уважением. Дама с пажом – это в чем-то шикарно. Мода… она такая мода! Не хватает только крохотной собачки, размером с ладошку. Чтобы громко тявкала и гадила на каждом углу. Такие тоже сейчас в моде, для них пажей и заводят.

Номер…

Шесть комнат. Зачем мне столько – непонятно. Спальня, гардеробная, гостиная, будуар, кабинет, комната прислуги… кошмар! Это еще не считая туалетной комнаты, в которой стоит большая лохань и в углу притулилось поганое ведро.

В лохань быстро натаскивают горячей воды, средних лет молчаливая женщина помогает мне расшнуровать платье, потом приносит полный поднос еды, и мы остается вдвоем с Корсом.

Братец выходит из комнаты слуги.

– Ух ты, Шань! Это круто!

– Ешь, давай, – отмахиваюсь я. – Потом пойдем на разведку.

– Зачем?

– А как мы узнаем, где особняк Истарских? И кто там, и сколько…

– А здесь? Спроси этого золоченного?

Я качаю головой.

– Нет, братик. Мы здесь еще на день-другой, так что мою силу если и отпускаем всерьез – то подальше отсюда.

– А разве ты не…

– Это не то. Если я действую как сейчас – это осторожно, это как вышивание. А когда силой, всей силой, это как саблей по ткани полосовать. Понимаешь?

– Первое почти незаметно. А второе видно и слышно?

– Как-то так. Здесь я Истарская, и не стану стирать этого из памяти людей. Нашумим там, нашумим здесь…

Корс кивнул.

– Какие у нас планы?

– Расспрашиваем об Истарских, составляем план, ищем корабль, и перед самым отплытием… ты понял?

– Да. Шань, а мама с папой нас найдут… в Раденоре?

Я вздохнула.

– Должны, родной мой. Я в них верю…

– Мне страшно, Шани, – Корс ткнулся носом в мое плечо. – Мне так за них страшно…

Мне тоже было жутковато. Но…

– Мы сейчас можем сберечь себя. Свою свободу. Будем живы – и им поможем. А Храму попадемся – их за собой утянем, они ведь нас не бросят.

Корс вздохнул. Да, не для маленьких детей такие приключения. Но что тут поделаешь?

– Мы справимся, правда, Шани?

– Правда, родной мой. Я тебе обещаю.

Я – справлюсь.

* * *

На разведку мы отправились вечером.

Уже стемнело, когда мы выскользнули из гостиницы, и пошли вниз по улице. Я в простом темном платье, одном из самых неброских траурных, и Корс рядом со мной.

Истарские.

Вопрос – где находится особняк Истарских, я задала стражникам. А чего они просто так по улице ходят? Пусть меня проводят?

Тут и магией пользоваться не надо, достаточно просто доброжелательности. Как не помочь красивой девушке? Как не распустить хвост?

За время прогулки до особняка я узнала, что граф в столице живет малым не десять лет. Что известен он своими гулянками и кутежами. Что по бабам… простите, девушка, по дамам он ходит чуть не каждую ночь по разным, и даже восхитилась. По моим представлениям, на это был способен только боевой кролик.

И не устает ведь… в его-то возрасте?

Что дети его, сын и две дочери, тоже за папашей тянутся, но денег он им дает мало.

Что жена у него преставилась два года назад, и с тех пор он вообще всякий стыд потерял, так-то хоть чуток, но сдерживался.

Что слуг у него видимо-невидимо…

Задача усложнялась.

Или?

Ходит по бабам, говорите?

Она резко упростилась. Просто надо отловить графа одного, а там… к себе он любовниц приводит?

Да, приводит. Раньше, при жене, как-то стеснялся, а сейчас и дочерей ему не жалко.

Ну что ж. Такого даже не жалко, поделом подонку будут женские слезы. Я надеюсь, он еще все не прогулял?

* * *

Могла бы не надеяться. Судя по веселью в особняке Истарских – не прогулял, но очень старался. Я даже задумалась ненадолго, не стоит ли пожаловать в особняк. Но потом решила иначе.

Подождем пару дней.

А пока – в порт.

Стражники послушно сопроводили нас с Корсом.

Потом я почищу им память. Они будут уверены, что провожали домой брата и сестру, которые заблудились в столице. Провинциалы, что поделаешь?

А вот куда провожали, забудут. Или возьму какую-нибудь таверну… да хоть и эту.

«Лось и луна».

И кто называет эти заведения? Вот просто – зачем лосю луна на рогах? Чтобы было?

А вот и порт.

Таверна, в которой нанимают корабли. «Фрахт».

Вот и отлично. Я набрасываю на голову капюшон плаща и прохожу внутрь. И – распускаю «щупальца». Это не опасно, это практически и не магия. Я не воздействую, я слушаю. Я просто слышу не то, что говорят, а то, что думают.

Ко мне подлетает молодой парень. Слуга.

Кланяется, а в голове щелкают костяшки счетов.

Благородная… судя по одежде, мальчишка – слуга, молодая… надо расспросить, чего ей понадобилось.

– Мне нужен корабль, – просто произношу я. – Кто идет в Раденор?

Раденор? Хм… надо доложить, куда следует. Что могло понадобиться аристократке – в Раденоре? Не государственное ли тут дело?

Это мысли, только мысли. Я усмехаюсь под капюшоном.

Никуда ты, голубчик, не донесешь и не доложишь. Ненавижу доносчиков…

Или все же оставить его в живых? Другие на таких местах и не работают, не этот, так другой появится.

– Вам, госпожа, груз перевезти? Или самой поехать куда?

– Ты мне корабли перечисли, а я уж сама разберусь, – усмехаюсь я.

Интересно…

– Есть «Чайка» – перевозит и грузы, и людей. Есть «Золотая всадница» – эти по людям. Есть «Чародей» – этот только по грузам, пассажиров не берет. Есть «Ветка сирени».

– Кто из них – раденорский?

- «Чародей», госпожа.

Следует кивок в сторону стола, за которым сидит человек лет тридцати. Сидит, покуривает трубку, а глаза у него острые, ясные, яркие…

Моряк, определенно, но не из простых матросов. Даже не боцман, штурман.

Я пригляделась внимательнее. Э, нет… капитан.

И не обманет меня простая одежда, грубые ботинки, штаны и куртка из серой парусины. Ладно. Меня – не обманет. Потому что капитан «Чародея» сидит здесь не просто так. Он тоже собирает информацию.

Мне это сделать легче, ему сложнее, но мужчина не отчаивается. Шпион? Что ж, дело житейское.

Ему нужен груз и информация, мне нужно уплыть из Риолона вместе с братом.

Капитану не нужны пассажиры, мне не нужна известность и огласка.

Совпадает лишь одно – нам нужно в Раденор. И капитан может взять нас с собой. А что я могу дать ему взамен?

Информацию.

Я чуть надавила на разум слуги.

– Устройте меня за столиком в углу, я посижу, подумаю…

Так парень и сделал. Ничего удивительного, люди и так поступали. Посидеть, поговорить с одним, с другим, подумать, прикинуть… что странного?

Я заказала кувшин с грушевым взваром и пирог с мясом, который тут же оценил Корс. Брат жевал, я вслушивалась…

А ведь интересно, очень интересно.

Сейчас я напоминала себе осьминога с сотней щупалец, или ядовитую медузу, как и она, я раскидывала сеть, и в ней то там, то тут поблескивали рыбки чужих мыслей. Обрывки сведений, то интересные, то бесполезные, мелькают там и здесь…

Сначала я проглядываю обрывки мыслей капитанов, потом уже всех остальных.

Капитан «Тигра» везет контрабанду – фарфор, серебро…

Капитан «Чайки» время от времени перевозит рабов.

Капитан «Голодного волка» – тиртанец, просто рожден от

рабыни и внешность у него потому не тиртанская, он светловолосый и сероглазый, вовсе не смуглый. И рабами он тоже торгует.

И… кому-то завидует? Кто-то сорвал большой куш?

Как интересно… а за что?

Щупальце становится толще, присасывается к мыслям капитана вплотную.

Завидует. Пару дней назад он пришел в порт с контрабандой – кошениль, большой груз. Но до того в море встретился с другим кораблем.

«Голодный волк» шел из Тиртана, а «Синий ливень» – в Тиртан. И капитаны были знакомы…. Нет, дальше непонятно.

Я касаюсь плеча Корса.

– Сиди здесь. Жди.

А сама встаю и подсаживаюсь к капитану «Голодного волка».

– Вы позволите, господин?

– Разумеется, госпожа.

А мысли далеки от любезностей.

Благородная, молодая… интересно, красивая? Девочка? Можно ли ее продать?

Работорговец, но не постоянно, а по случаю. Когда повезет, когда получится подхватить выгодный груз, когда будет возможность. Свое урвет и чужое не упустит. Интересно, скольких он продал в гаремы? В рабы?

Я не откидываю назад капюшон, я просто чуть сильнее воздействую на разум мужчины. Чуть сильнее раскрепощаю его…

– Куда вы идете, капитан?

– В Тиртан.

Я мечтательно вздыхаю.

– Красивая страна, правда?

И еще чуть усиливаю воздействие. Здесь и сейчас я не откидываю капюшон, но капитану я кажусь красавицей. Его взгляд замасливается.

– Красивая страна для красивой женщины, да…

– Страна, в которой красивая женщина может принести много денег? Не так ли?

В мыслях капитана мелькает несколько «выгодных» фрахтов. Я вижу испуганную блондинку, рыженькую девушку с тоскливыми глазами, еще одну блондинку… погоди ты у меня, дрянь!

– О, да.

– А что еще может принести деньги в Тиртане?

Я улыбаюсь, чуть играю голосом – и капитан раскалывается.

– Многое, очень многое, госпожа. Вот, к примеру, поиск

преступников.

– Что вы говорите? Настоящих?

Я несла какие-то глупости, а сама уже беззастенчиво копалась в разуме тиртанского капитана. Так проще, когда человек думает об интересующем тебя деле…

Как оказалось – иногда из Тиртана бегут нужные кому-то люди. И треи назначают за них награду.

Вот, к примеру, трей Сирант хорошо заплатит за двоих беглецов.

Трей. Сирант.

Я принялась копаться еще сильнее, но больше мужчина ничего не знал. Разве что, большой куш этот отвалится капитану «Буревестника».

Куда пошел «Буревестник»?

В Раденор. Передал пленников – и пошел.

Что там как… капитан не уточнял, справедливо полагая, что меньше знаешь, лучше спишь.

Я бы уточнила, но…

Сильно, неприятными толчками, билось сердце. Я сообщила капитану, что в Тиртан мне в ближайшие пятьдесят лет не надо, простите, и пересела обратно к Корсу.

– Шань, что-то интересное?

– Нет, солнышко. Нет.

– А чего тогда…?

– Он тиртанец. Хотела разузнать, как там дела, в Тиртане.

– А-а… – понимающе протянул Корс, и опять занялся пирогом.

Я же вновь раскинула сеть. Правда, далось мне это сложнее.

Не мама ли с папой? А вдруг? А если…?

Я решительно выкинула из головы все плохие мысли.

Нет, нет, и еще раз – нет! Точка. С родителями все в порядке. А если и нет… мне надо в Раденор, и побыстрее. Это первое.

Мне надо найти там корабль с названием «Буревестник» и как следует расспросить капитана. Это второе.

Третье? А третьего пока нет, решать будем по обстоятельствам. Так-то. И Корсу я ничего не скажу, пусть мелкий пока не переживает. Я старшая, я должна быть умнее и сильнее… получится ли?

На миг я почувствовала себя странно.

Раньше за моей спиной, как стена, стояли родители. И их руки защищали меня от падения. Я знала, случись что – и меня поддержат и защитят, укроют и простят. А сейчас?

Если с ними что-то не так?

За моей спиной – никого? Я одна, над пропастью?

И такая жуть накатила… я бы наверное, закричала, выбежала хоть куда, сделала что-то плохое, выплеснула силу – спас Корс.

Поднял голову, поглядел мамиными зелеными глазами, а сам – копия отца.

За моей спиной никого нет. Но за его спиной – есть Я. И пока я живу на этой земле, его мир не рухнет, как мой. Я сказала!

Я раскидываю щупальца шире, я ищу… и достаточно быстро нахожу нужное.

О чем думает человек, сидя в таверне?

Да обо всем. Если ждет фрахт, то думает о нем, что получил, что получит, что сможет принять на борт, чего не надо и даром, куда пойдет, чем займется по дороге… а капитан «Розовой кошки», оказывается, пират?

Кошка, наверное, от стыда за капитана – розовая. Покраснела.

Вот и думают то одни, то другие, а я прислушиваюсь к их мыслям. Жду…

Пару раз пришлось подсаживаться за столы к капитанам, прежде, чем я села за стол к тому, кто меня интересовал.

– Капитан?

– Госпожа?

Ни отрицания, ни вопроса – только интонация. Мы встречались, госпожа?

– Шайна Истарская.

– Очень приятно, госпожа Истарская. Капитан Сорен. Джано Сорен, к вашим услугам.

На долгие любезности я разменяться не стала.

- «Чародей» идет в Раденор. Что вы хотите, чтобы взять меня и моего кузена на борт?

Интерес в глазах капитана угас. Вообще.

– Ничего. Я не беру пассажиров.

– Мы неприхотливы. Сойдет любое место, где можно выспаться, не опасаясь насилия. Любая еда, любые условия.

– Я не беру пассажиров, госпожа.

– Даже если я заплачу золотом?

– Если только золотом по весу.

Я хмыкаю. И ведь не врет. Не хочет связываться с бабой, усложнять себе жизнь…

– А если тем, что ценнее золота? Знаниями?

Взгляд капитана становится острым.

– Какими именно?

– Капитан «Голодного волка» из Тиртана. Интересует?

– Нет.

– А капитан «Рыжей бестии» идет в Тиртан, но не совсем. По

дороге, в море, он встретится с капитаном «Изумрудного», и передаст ему груз. Важный.

Вот теперь я завладела вниманием капитана.

Легко ли встретиться в море?

Для опытного моряка уж всяко не сложнее, чем за углом, где-нибудь в столице. А отследить такую встречу куда как труднее, свидетелей-то нет. Никаких.

И если что-то передать в открытом море, перегрузить… разные случаи бывают.

– У него груз «черных кристаллов» для «Изумрудного». Их надо доставить в Раденор.

– Откуда вы это знаете?

– Я маг воздуха, – коротко сообщила я. – Слабенький, паршивый, даже ветер не нагоню в паруса. Но шепот его я услышу. Понимаете?

– А кузен?

– Бесталанен.

– Угу… потому и хотите в Раденор?

– Храму пригодится даже слабый маг. А мне не хочется быть племенной кобылой, – сухо говорю я. И глядя в серые глаза капитана понимаю – победа! Он возьмет меня с собой, обязательно.

– Где состоится встреча. Вы знаете?

– Знаю. Через четыре дня, на траверзе мыса Арсис. Я только не знаю, что это такое.

В серых глазах капитана играют веселые искорки.

– Хватит того, госпожа, что это знаю я.

– И знаете, что я не вру. Откуда?

Капитан хмыкает.

– А вы это откуда знаете?

Действительно. Вот дура же я! Сама подставилась! Но не воздействовать же на него?

– Чую у вас какую-то магию. Верить мне вы не обязаны, но верите, это я тоже чую… так что?

– Амулет. Некромантский. И не просите, госпожа, не покажу.

А жаль. Я бы попросила, учитывая, что капитан не врет.

– Разве некроманты могут воздействовать на разум?

– Не могут. Воздействовать не могут. Вы ничего не знаете о магии, госпожа?

– Капитан, а что бы вы знали о магии, живи вы в Риолоне, в глуши? Под опекой Храма?

Капитан понимающе кивает. Имен мы не называем, ни к чему ими звенеть лишний раз в кабаке. Представились – и хватит.

– Мало. Магия… стихии в чем-то взаимопроникают, госпожа.

Например, маги воды могут еще и лечить, маги воздуха, вот, как вы, слышать чужие разговоры, а маги смерти иногда могут чуять ложь. Смерть – это окончательная правда.

Я кивнула.

– Я вам где-то солгала?

– Амулет молчит. А больше ничего интересного вы не знаете?

– Смотря что вас интересует. Что «Ветка сирени» повезет контрабандой партию дурман-травы? У них тайник в трюме, но как его найти я пока не скажу.

Капитан хмыкнул.

– А еще?

- «Золотая всадница». Шпионы – дело житейское, не так ли?

– Так. И кто из них – шпион?

Недаром я подсаживалась к капитанам, боцманам и шкиперам, недаром прощупывала чужие мысли. Я качаю головой.

– Должна я что-то оставить для себя? Правда, капитан?

Серые глаза Джано Сорена блестят в полумраке.

– Госпожа, вы уже окупили свое пребывание на борту. Хотя на пропитание я с вас все равно возьму – из принципа.

– А на борт?

– Тоже.

Он не врет, ни на минуту, и я выдыхаю с облегчением.

– Когда?

– Отплываем завтра, с вечерним отливом. Придете?

Приду ли я?

Еще как приду!

Но выслеживание графа теперь точно не состоится. Прости, «дядюшка», я не хотела.

Вру.

Хотела, и хочу расплатиться с тобой за настоящую Шайну. Ненавижу таких мразей, которые ради денег на все готовы. Продадут, предадут, убьют, и самое подлое – даже не ради своих денег. Ради чужих. Не повезло девочке, но и тебе, паскуда, не повезет. Главное будет вовремя удрать, а потому Корса я с собой не возьму. Он останется на корабле, а я…

Прости, Шайна, но твоим именем в Риолоне, наверное, детей пугать будут. Потому что придумать нечто изящное у меня нет времени, а значит…

Кто не спрятался? Сами виноваты!

* * *

– Ты с ума сошла, Шанька!

– А есть выбор?

Корс почесал затылок.

– Есть. Мы можем ничего не делать.

Я покачала головой.

– Не можем.

– Почему? Деньги у нас есть, нам хватит…

– Не в деньгах дело.

Корс смотрел на меня упрямо, серьезно, совсем по-взрослому.

– Либо объясни, либо я с тобой пойду.

А как тут объяснить? Что тут сказать, чтобы брат понял меня правильно? Мыслями проще, словами намного сложнее.

– Я… я помню то, что помнила и Шайна. И в ее жизни было мало счастья, Корс, очень мало. Деду было безразлично, дядя спихнул ее в монастырь. Счастьем в ее жизни стал муж. А дядя отнял у нее и мужа, и саму жизнь – потом.

– Ты этого знать не можешь.

– Узнаю, – недобро улыбнулась я. – От него самого и узнаю, никуда не денется, тварь такая. Я пользовалась именем Шайны, и собираюсь поступать так впредь, я заняла ее место, и должна сделать то, что хотела бы она. Раздать долги.

– Мы не сможем удрать незамеченными.

– Не мы, а я. Ты будешь на корабле, а я пойду в дом Истарских. И там…

– Попадешься.

Я пожала плечами.

– Посмотрим. Там, на заставе, я знала, что могу держать под контролем всех, и солдат, и командира. Это два десятка человек.

– А у графа может быть больше.

– Может. Нот это необходимость, братик…

* * *

Спорили мы долго, упорно, с криками, с шумом, слезами, шантажом… брат упирался, как мог. Но в итоге послушался меня.

Получил сумку с остатками наших денег, получил несколько наскоро нацарапанных строчек для капитана, оплату проезда до Раденора. И я лично отвела его на корабль.

– Отлив через четыре часа, не опоздай, – только и сказал мне капитан.

– Последите за братом, – попросила я в ответ. – Сейчас прикуплю кое-чего, да и прибегу. Совсем забыла…

И я ушла с корабля.

Быстро шла по темным улицам, поглядывая на небо.

Время, время, самое главное сейчас – время.

И – месть.

Серые камни послушно ложатся под ноги, кажется, кто-то затаился в темных переулках – жаль, что никто не попадается мне на пути. Может, самой поймать кого-нибудь?

Нет. Это долго, муторно, неудобно, и еще кого там поймаешь, да и контролировать постоянно – неохота.

Вот и ограда особняка.

Привратник смотрит на меня презрительно – секунды три, а потом взгляд его становится тупым, рассеянным, он открывает мне ворота и отворачивается в сторону. Как только я прохожу ворота, он прикрывает их, но засов не опускает, и ложится спать. Крепко и сладко. И ему приснится что-нибудь хорошее.

Правда, проснется он только с первыми лучами солнца. Зато выспится.

И что приятно – граф сегодня здесь. Сегодня у него прием…

Я улыбаюсь.

Когда вы видели свою племянницу, неуважаемый граф? Давно?

Будем знакомы…

* * *

Это был небольшой прием для самых близких, всего-то человек двадцать разной знати. Ну и слуги, конечно, разная челядь… я прищуриваюсь, раскидываю сеть и оцениваю количество людей и свои силы.

Да, нашуметь придется. И выкладываться до донышка нельзя, иначе до корабля не доберусь.

И времени не так много, часа два с половиной на все. Значит здесь – час, а потом бегом на корабль.

Я медленно поднимаюсь по мраморной лестнице. Шайна ее никогда не видела, она не бывала в столице. А этот…

Мрамор совсем не скользит под подошвами туфелек. Повезло – у нас с Шайной одинаковые ноги, ее чуть побольше, но это не страшно. Я поднимаюсь, и оказываюсь перед двумя раззолоченными лакеями.

– Вы… – открывает рот один из них.

Движение «щупальца» заставляет его замолчать. А через минуту оба лакея разворачиваются – и убегают.

Приказать – самое простое. Сейчас им очень надо купить копченого осьминога. Почему – его?

А, просто так. Потому что ничего лучше я не придумала.

Пусть побегают до рыбного рынка, а потом обратно.

Туда же, к копченому осьминогу отправляются все встреченные мной слуги и служанки. Мало ли, что понадобилось? А вдруг…

Красивые залы, картины, которые я бы с удовольствием рассмотрела поближе, скульптуры, паркет, роспись стен…

Вот и нужный мне зал.

Большая столовая, в которой сейчас и проходит званый ужин.

Все правильно, этот обычай от века не меняется и в знатных домах, и в хижине лесоруба. Собрал гостей?

Корми!

Граф старается. Блестит золото приборов, блестят свечи, блестят драгоценности на дамах и кавалерах, блестит все…

Я недобро улыбаюсь, стоя в дверях пятном мрака. А вот и тот, кто мне нужен.

Дядюшшшшшка.

* * *

А он даже красив.

Высокий, статный, лет сорока – сорока пяти, моложавый, с темно-рыжими, почти каштановыми волосами, с точеными чертами благородного лица и рассеянной, чуть снисходительной улыбкой.

Фигура тоже на уровне, широкие плечи, узкие бедра, кому-то он мог бы и понравиться.

Я же слышу его мысли.

И омерзение он вызывает, как гнида. Видишь такое, и сразу раздавить хочется.

Выгода, выгода, золото…

С другой стороны – много ли людей думают о боге на званом ужине? А вот и на меня обратили внимание. Я мило улыбаюсь, проходя в зал.

– Прием? А почему не пригласили хозяйку? Я возмущена вашей наглостью, господа.

В зале повисает тишина.

У одной дамы из руки падает вилка, звенит по полу, лакей машинально наклоняется за ней, и в шоке кладет обратно на стол. Хотя так не делают.

Я перебрасываю через плечо толстую рыжую косу.

– Позвольте представиться, господа. Ее сиятельство Шайна Элизабет. Истарская. Законная хозяйка этого дома.

И на миг мне кажется, что сзади встала тень Шайны,

положила мне руку на плечо – и улыбнулась.

Она одобряет происходящее.

Дядюшка медленно поднимается из-за стола.

– Это неправда!

Голос его дрожит, срывается. Я скалюсь, словно дикая рысь.

– Почему же, дядюшка? Вы так надеялись, что я мертва? Вы подослали убийц к моему мужу, вы подослали убийц ко мне. Вы полагали, что я умерла? Есть одно обстоятельство, о котором вы не знали.

Я смотрю в красивое лицо, и понимаю, что все – правда.

Я обвиняю, а в разуме человека вспыхивают картинки.

Он нанял убийц для Ленера, мужа Шайны.

Он подкупил Мерту.

И снова нанял убийц… упорный. Сегодня ночью они должны прийти в гостиницу, в которой я остановилась. Ему ведь доложили, что я в городе.

Даже не жалко, мразь такую.

– И все это ради денег, дядюшка. Ради каких-то медяков…

Медяков?! Да там…!!!

В разуме дядюшки вспыхивает картинка.

Не доверяя никому, он хранит свое достояние в драгоценных камнях.

Тайник, ловушки, но достать можно быстро – мало ли? И есть документы, и есть некоторая сумма на расходы, в золоте…

Прочитать это легко.

Кто-то из гостей пытается встать. Пожалуй, пора заканчивать с этим.

– За ваши преступления, дядюшшшшка, я приговариваю вас к смерти. Возьмите нож.

И в последнее слово я вкладываю силу. Ту, которой наделена от рождения.

Эрон Рангор Истарский медленно, против воли поднимает со стола золотой нож. С закругленным кончиком, мягкий. Это – столовый прибор, не оружие.

- Перережьте себе горло.

– Да что ты…!!!

– Молчать. Всем.

Слова падают приказом, силы тают.

А рука дядюшки Шайны медленно, словно рывками, поднимается к горлу. Вот он приставляет нож к сонной артерии, вот нажимает на нее… сколько же ненависти в его глазах. Сколько ужаса, сколько ярости – убил бы. Сам бы свернул мне шею.

Ничего.

Шайне тоже было больно и страшно. И ее мужу тоже.

Я вижу, как прорывается кожа под нажимом тупого лезвия, еще несколько судорожных движений – и наружу начинает бить струя крови. Яркой, алой…

Смерть наступает не сразу.

Даже если бить в сердце, смерть может наступить далеко не сразу. И я жду.

Жду, когда погаснет последняя искра жизни в дядюшкином теле.

Ждут и все гости.

Никто не решается что-то сделать, они уже все поняли. Дураков связываться с магом разума – нет.

Я медленно прохожу через столовую.

Останавливаюсь рядом с дядюшкиным телом, поднимаю за волосы его голову. И спокойно смотрю в мертвые глаза.

Забавно, но мертвые глаза человека – ничем не отличаются от собачьих. Жизни нет и там, и здесь. Просто мы люди, вот нам и кажется страшнее…

– Я удовлетворена.

– ОТЕЦ!!!

Крик раздается так внезапно, что я разжимаю пальцы.

Сползает на пол тяжелое тело, а на меня бежит сопляк лет двадцати. Ровесник Шайны, примерно так. И в руке у него кинжал.

Что нашел – то и схватил. Парень спросонок, камзол заляпан какой-то дрянью, волосы взъерошены, глаза безумные.

Судя по фамильному сходству, это брат Шайны. Двоюродный. Я вглядываюсь в его мысли.

Да, именно так. Проспался и прибежал. Жалко его?

Нет. Он знал о делах своего отца.

Я вытягиваю руку вперед.

– Стоять!

И сила опять заливает комнату.

- Перережь себе горло.

И все повторяется снова.

Ненавидящие глаза, поток крови… разве что здесь кинжал острее, а сил тратится больше, он же спьяну, его контролировать тяжелее. Голова откидывается назад, шея перерезана почти полностью.

Я поворачиваюсь к гостям.

– Господа, не смею вас задерживать. Если кто-то захочет меня увидеть – согласуйте время встречи, а сегодня… вечер не удался.

И я отпускаю всех присутствующих.

С какой скоростью они удирают!

Будь я магом ветра – и то не догнала бы.

Но мне сейчас и не ветер нужен. Я пожимаю плечами, разворачиваюсь и поднимаюсь в дядины покои. Тайник в кабинете послушно открывает мне свои секреты.

Десять минут – и у меня в руках кожаный мешок, в котором увесисто позвякивают монеты, острыми углами царапается шкатулка.

Обвожу кабинет взглядом.

– Если твоя душа это видит, Шайна, они мертвы. Покойся с миром, за тебя отомстили.

А теперь подойти к стене и открыть себе потайной ход.

Дядюшка был предусмотрителен. Вдруг – бежать придется? Как же о себе не позаботиться.

И – на корабль. Скорее на корабль, времени осталось в обрез.

Я опять бегу по ночным улицам. В крови весело поет азарт. Мне… понравилось?

Да. Мне понравился риск.

Только теперь я убийца.

И что?

Я и была убийцей, я убила троих человек там, в деревне. Убила двоих здесь. Мне надо себя оправдывать или обвинять?

Я не стану делать ни первого, ни второго.

Я – Айшет Ланат. Я – маг разума. Я защищаюсь и мщу.

Если меня спросят, за что я убила этих людей – я отвечу за свои поступки.

* * *

На корабль я успела в последнюю минуту.

Буквально за пять минут до отплытия, капитан только меня и ждал… во всяком случае, не прошло и нескольких минут, а трап был втащен на борт, и корабль начал разворачиваться.

Сумку в моих руках капитан проводил выразительным взглядом. Но промолчал.

Мало ли?

Я действительно могла что-то купить, бока у сумки круглились, а мой встрепанный вид – побегайте по ночному городу. Будь ты трижды маг, а от ножа в бок еще ни одна магия не защищала. Всякое бывало.

Корс дотронулся до моей руки.

– Шани.

Я развернулась и сгребла мелкого в охапку.

– Шани, пойдем в каюту.

Я кивнула. И медленно выпрямилась. Дикое напряжение начало отходить, заныли виски, застучали зубы…

– Корс, возьми для меня на камбузе чего-нибудь горячего, а? Скажи – испугалась сильно…

Братик кивнул и сбежал. Я потерла лоб, и направилась в каюту. Никто на меня внимания не обращал, и это хорошо. Успеть бы…

Я искренне надеялась, что пока в городе поднимется тревога, пока люди разберутся, куда бежать и за что хвататься, мы успеем отплыть. А в море перехватить нас – это и всему флоту не под силу. Остается еще порт в Раденоре, но и тут я что-нибудь придумаю. Я же маг разума, правда?

Каюта была не просторнее собачьей будки, да и пусть. Я уселась в гамак, положила рядом с собой сумку, потом подумала – ми открыла.

Надо же рассмотреть добычу?

Пока все заняты, пока никому до меня дела нет…

Добыча оказалась знатная. Дядюшка Шайны воровал и вдоль, и поперек. Круглятся кошельки, и во всех – золото. Только в одном серебро и медь, видимо, на всякий случай, чтобы не менять.

В шкатулке острыми гранями отблескивают драгоценные камни.

Сапфиры, изумруды, рубины, последняя, самая простая нитка с невзрачными черными камушками.

Черные алмазы – приходит на помощь память Шайны. – Родовое сокровище, стоит безумных денег.

Из Истарских остались только дядюшкины дочки. Вопрос, отдавать ли им камни, не стоит, Шайна этого не хотела бы. Никогда.

Значит…

Я наматываю нить на запястье. Так тому и быть.

Закрываю все, убираю, и выхожу на палубу. Ноги еще подкашиваются, но…

Бесценная нить скользит с моей руки за борт, падает в морские волны. Я знаю, что Шайна хотела бы именно этого. Истарских больше нет. Настоящих, по крови и роду – нет.

А значит…

Не умеешь сберечь – недостоин владеть.

Я смотрю на волны, потом корабль ныряет носом, зарывается в них, как в подушку – и у меня желудок подкатывает к горлу. Я сплевываю слюну, но это не помогает. Горькая желчь рвется наружу, меня начинает выворачивать, и опять-таки я не удостаиваюсь ничьего внимания. Главное, что борт

подветренный. А так – дело житейское, тошнит девчонку, ну так это и бывает. В море прорва народа рыбок кормит, это на суше все гордые орлы, а на фальшборте повисают общипанными курицами.

Там меня и находит Корс.

– Шани…

– Извини. Кажется, мне плохо.

У брата в руках металлическая кружка, закрытая металлической же крышкой. Правильно, не разобьется, если что, и не прольется.

– Ты за борт не вывалишься? Давай я тебя привяжу…

И прежде, чем я успела цыкнуть на балбеса, он полез под мой плащ, привязывать меня к борту. Замер, вздрогнул.

– Шань, у тебя кровь на платье.

– Цыц. Это не моя.

Брат выдохнул.

– А чья тогда?

– Нашел место обсуждать.

Корс понял и заткнулся.

Я наверное, запачкалась, когда дядя Шайны перерезал себе горло. Что ж, бывает.

– Шань… пойдем в каюту?

Я прислушалась к своему желудку.

Он был не против вылезти наружу, но горло было тесновато, а содержимого в нем не осталось. Так что желудок противно ворочался и пел боевые песни. Ладно, попробуем.

Корс подхватил кружку, я оперлась на него, и мы прошли в каюту.

Там ничего не изменилось, никого не было, никто не заходил, и даже мой рыжий волосок на сумке остался в том же положении.

Я уселась в гамак и улыбнулась брату.

– Все нормально. Жить буду.

– На, попей.

В кружке оказалось горячее вино с пряностями. Этакий глинтвейн на скорую руку. Я сделала глоток и прикрыла глаза от удовольствия.

– Корс, спасибо! Ты чудо.

– Шань, кого ты убила?

– Дядю Шайны. И ее двоюродного брата.

От Корса я ничего скрывать не стану.

Брат побледнел, подумал пару минут…

– Тебя поэтому рвало?

– Да, Корс. Это было… гадко.

– Ты их заколола? Ножом, да?

Ножом и я, и Корс владели. Дети лесника ж, в лесу живем. Освежевать зверя, а то и убить, было для меня делом привычным. И подранков добивать приходилось, из тех, кого не вылечить…

– Ты уверен, что хочешь это знать?

Братец не отвел глаз.

– Не хочу. Но это надо тебе. Рассказать – и отпустить.

– Наверное… я же маг разума, Корс. Я приказала им зарезаться самим, и они это выполнили.

– Ты так мстила?

Я покачала головой, и отпила еще глоток. А крепкое, зараза!

– Нет. Я не мстила, я же тебе рассказывала. Это кристалл льда, в нем нет никаких чувств. Злость, страх, ярость, жажда мести – все снаружи, а ты внутри. И ты все воспринимаешь абсолютно спокойно.

– Тогда почему ты не приказала им просто умереть?

– Как?

Корс зачесал затылок. Я фыркнула.

– Я не маг жизни. Говорят, те могли остановить сердце, или заставить лопнуть сосуд, а я так не могу. Давай я тебе отдам приказ – возьми.

– Что – возьми? – не понял братец.

– А как – умри?

– А-аа…

– Именно. Приказы должны быть максимально четкими. Я замещаю волю человека своей, я приказываю, а самоубийство для человека вообще-то нехарактерно. Если я приказываю умереть, я должна сказать – как. Иначе мне смогут сопротивляться. К примеру, я скажу – убей себя шпагой. А человек возьмет шпагу, убьет меня, а потом себя. Понимаешь?

Корс кивнул головой.

– А нет возможности сопротивляться твоим приказам?

– Не сопротивляться. Обойти.

– Хм-м…

– Магия разума, как и договора с демонами. Ты четко представляешь все действия, ты проговариваешь все, до последнего слова. Иначе получится совсем не то.

– Ты получил не то, что хотел, но ты и просил не то, что желал, – припомнил Корс цитату из старой книги.

– Да.

– А что у тебя за сумка? С собой?

– Я не просто так ушла из того дома. Я забрала деньги, которые дядюшка украл у Шайны.

Корс улыбнулся. Впервые с начала разговора.

– То есть мы богаты?

– Более чем. И сможем спокойно дождаться родителей.

– Покажешь?

– Завтра.

– А ты расскажешь, как это было?

– Как я убивала? Пришла, увидела, приказала. Народ перепугался до соплей и слез.

– Там кто-то был еще?

– У дядюшки была званая вечеринка, или как это называется? Прием? Там было полно народа, пришлось убивать его прямо при всех.

– И все поняли, кто ты?

– Я даже представилась. Шайна Элизабет Истарская. А что?

Корс хихикнул.

– У дяди есть еще дети?

– Да.

– Вот представь. Ты похожа на Шайну. Сейчас ее начнут искать, а заодно трясти всю ее родню на магию разума. Храм теперь с них, с живых, не слезет.

Я фыркнула.

– Да мне наплевать! Они Шайну не пожалели, почему я должна пожалеть – их?

– Н-ну…

Корс задумался, а потом махнул рукой.

– Наверное, в чем-то ты права. А в чем-то нет. Не знаю. Я еще маленький, чтобы в этом разбираться.

Я рассмеялась от души. Напряжение уходило, отступало с каждым глотком вина.

– Поверь, я тоже не хочу в этом разбираться. Все просто. Я взяла жизнь за жизнь. Жаль, не могу уничтожить ту служанку, которая заразила Шайну, но поплатился заказчик, а не исполнитель, это справедливо. Он приговорил племянницу ради выгоды, я приговорила его. А деньги… – я вспомнила, как алмазы соскользнули с ладони, оцарапав на прощание кожу, и уверенно закончила фразу. – Деньги – это просто побочное. Ради них он преступил себя, будет забавно, что убийца заберет деньги.

Корс явно не видел ничего забавного.

– А его сын…

– Он пытался убить меня. Я защищалась. Если бы у меня было оружие, я бы защищалась оружием. У меня его не было, я защищалась, чем могла. Вот и все.

Глинтвейн кончился.

Корс поглядел на кружку, на меня…

– Шань, ляг, полежи, а? Ты ведь устала…

Я не стала спорить. Улеглась в гамак и прикрыла глаза.

Интересно, что сейчас творится на берегу?

* * *

Приближенный Орас подскочил, словно его ткнули шилом в седалище. Весьма объемное, к слову сказать. Да тут и шила не надо, достаточно двух слов.

– Магия разума!!!

Если что-то запрещено, надо найти способ его отслеживать. В Храме этот способ нашли достаточно давно, и легко могли установить, какая магия применяется. А иногда – где и кем.

Магия бывает сильная и слабая. Если сопливый маг воды себе дождик устроит вместо душа, или там, маг огня костер разожжет в дождливый день, это никого не заинтересует. Таких-то мелочевок по глухомани ведро набрать можно. Только силы у них – пшик. А чтобы получить нечто серьезное, надо с ними века возиться.

Века.

И без особой надежды, что силы проявятся в потомстве.

Другое дело – самородки. Этих ищут, вылавливают, устраивают при храмах…

Додумывал приближенный Орас эту мысль, уже влетая в главный зал. Семь кристаллов. Красный – огня, желтый – воздуха, синий – воды, зеленый – земли, черный – некромантии, белый – магии жизни. Но сейчас переливался последний кристалл.

Прозрачный бриллиант размером с кулак.

Переливался, играл всеми цветами, искрил, вспыхивал искрами граней…

Магия разума.

Здесь, в столице Риолона, рядом, близко, громадная, сильная… у приближенного руки затряслись.

– Где…?

– Устанавливаем. Примерно район аристократии.

Приближенный даже не удивился. Часто магические таланты и растут в аристократических семьях. Развиваются, передают умения и знания, стоит лишь вспомнить печально известный род Андаго.

– Поспешите.

И помчался сам. В лабораторию.

Маги разума управляют человеческими сознаниями, и взять такого мага очень сложно. Все же, в храме могут решить любую задачу. Вот, к примеру, «змейка». Создание мага земли, из простой конопляной веревки. Разума у нее нет, а веревочка

повинуется приказам управляющего. Положишь руки на кристалл, скажешь – замри, она и замрет. Скажешь – сожмись, она и сожмется. Будь ты хоть трижды маг разума, а без воздуха не поколдуешь.

Конечно, со временем он все узнает, и разберется, но так на то другие амулеты есть. И методы убеждения, истинно светлые, и способы… не принуждения, нет. А просто – человек должен тебя выслушать, задуматься, а там и принять твою точку зрения, кто знает? И храмовники все сделают, чтобы их выслушали.

Не ко всякой же грешной душе так пробьешься, иным и по несколько раз повторять приходится…

К тому моменту, как Орас вернулся в главный зал, кристалл уже стих. И вспышек, считай, не было. Так, пробегают мелкие блики…

– Раньше он не искрил?

Приставленный к кристаллам холоп замотал головой.

– Нет, не бывало.

– Только сегодня?

– Да, светлейший. Но…

– Но?

– Светлейший, – холоп трепетал, но говорил отчетливо, – нам писал приближенный Ариост. О маге разума…

Приближенный Орас замер на месте.

– Ариост… благодарю.

Развернулся и вышел.

Холоп перевел дух.

Пусть приближенные сами между собой разбираются. А он попробует найти мага разума, пока его никто не отвлекает, не стоит над душой, и не требует совершить чудо.

* * *

Приближенный Орас проглядывал почту.

Да, вот оно, письмо о маге разума. Вспышка магии в глухих лесах… приближенный Ариост отправился проверять. И второе.

Вспышка магии неподалеку от Дилайны. В Асторе. Небольшой такой шахтерский городок, ничем не примечательный и никому не интересный.

Две вспышки.

Сначала одна – некромантии. Приближенный был в курсе, что там спустили с поводка чуму. Предпринимать что-то по этому поводу?

Вот еще не хватало! Изолировать местность, чтобы оттуда

зараза не выбралась, и ждать. Магов воды мало, магов жизни в Храме вообще нет, и пока туда еще доберешься…

Пусть быдло само или выживет – или вымрет. Новых шахтеров найти не проблема.

А теперь посмотрим на карту.

Леса – Астор – столица.

Маг разума целенаправленно ехал в столицу. И что-то подсказывало приближенному, что это один и тот же маг. Не несколько разных…

Итак?

Надо вызвать и допросить приближенного Ариоста.

Надо послать гонцов в Астор.

Надо проверить, кто приехал в город за последние несколько дней.

Надо…

Размышления приближенного Ораса Эвара были оборванны самым грубым образом. В дверь его покоев поскреблись.

– Пресветлый, важные вести.

– Какие? – рявкнул Орас.

– О маге разума.

Приближенный вылетел за дверь, едва не сбив с ног холопа.

– Что? Нашли?!

– Пока нет. К вам приехал маркиз Эшлорс, он умоляет вас принять его и говорить, что на его глазах маг разума убил человека.

Приближенный решительно двинулся вниз по коридору.

Холоп схватил его за локоть.

– Пресветлый!

– Шшшшшто? – по-змеиному прошипел приближенный.

– Од-деньтесь?

Приближенный окинул себя взглядом. М-да… по храму верный слуга Светлого Святого метался, как проснулся, в одной ночной рубашке с кружавчиками, даже халат не накинул. Свои-то все поняли правильно, и не заостряли внимание на таких мелочах, а вот чужие…

Благодарить он не стал, но кивнул и вернулся в покои. Действительно… непорядок.

* * *

Маркиз Эшлорс ждал внизу, нетерпеливо расхаживая по молельне, а увидев приближенного чуть не кинулся к нему на шею.

– Благословите, пресветлый!

– Да пребудет над тобой рука Его, чадо.

Маркиз выдохнул, словно ждал этого момента сутки.

– Я… пресветлый, могу ли я найти убежище в храме?

– Разумеется, всякий может получить Его защиту, стоит только попросить. Что случилось, чадо Светлого?

– На моих глазах маг разума… убил человека. Людей.

Приближенный кивнул на кресла, стоящие в уголке для бесед. Были там и столик, и кувшин с вином, и чья-то предусмотрительная рука оставила два кубка.

– Присядь же, чадо, и поговорим. Кто это были?

– М-мой друг. Эрон Рангор Истарский. И его сын.

Про Эрона Истарского приближенный отлично знал. И не удивился. Раньше надо было прирезать дрянцо, раньше.

Именно дрянцо.

Мелкий пакостник, развратник, мот, кутила и прожигатель жизни, выгнанный отцом после особо гадкой истории, женившийся на такой же отверженной обществом девке, нарожавшей ему детей, Эрон не вызывал уважения ни у кого.

Особенно после смерти его старшего брата, а там и отца.

Людям свойственно интересное заблуждение, что деньги привлекут к ним друзей. Да ни разу. Деньги привлекают тех, у кого их нет. Кто не в силах заработать свои, предпочитает пользоваться чужими. Вот такая шелупонь и закрутилась вокруг внезапно разбогатевшего Эрона.

Маркиз к ним не относился, но тоже был той еще паршивой овцой в своем семействе.

– Ты видел мага разума, чадо?

– Ее все видели.

– Ее?

– Это Шайна Элизабет Истарская, она сама сказала.

Приближенный Орас открыл рот, затем закрыл…

– Шайна Элизабет?

– Дочь старшего брата Эрона. Он ее в монастырь на воспитание отправил, потом девчонка сбежала оттуда… я точно не знаю, он говорил, что сопля за свои выходки лишена и приданого и наследства.

Ага, про выходки заговорил мужчина, который как-то раз, на спор драл шлюху прямо на главной площади. Правда, умудрился отстреляться и сбежать до появления городской стражи.

– Это точно была она?

– Да. Мы все ее видели, она очень с Эроном похожа. Тоже рыжая, как и все в этой семье, красивая… фигуристая такая…

Руки маркиза обрисовали на себе увесистые выпуклости.

Что ж, интересно.

– И что она сказала?

– Что Эрон убил ее мужа, пытался убить ее, и она его приговаривает к смерти. А потом приказала ему перерезать себе горло. Столовым ножом…

Маркиз аж передернулся.

Приближенный быстро прикидывал варианты.

Могла графиня ехать в столицу?

Запросто!

Могла она быть магом разума?

Могла.

Мог ее дядюшка покушаться на убийство?

Надо ознакомиться с завещанием старого Истарского, но вот лично приближенный ни капельки не удивился бы. За деньги Эрон и десяток племянниц убил бы. Лично голыми руками удавил.

Большого благородства человек…

Маркиз тем временем рассказывал, как Шайна убивала кузена, как попросила их откланяться, как они удрали, сломя голову, а он, вот, примчался в Храм ибо нигде себя спокойно не почувствует, пока по столице бегает эта тварь.

– Почему? – удивился приближенный.

– Ну…

Выяснились новые интересные подробности. Оказывается, маркиз собирался войти в семью Истарских и сделать предложение одной из дочек Эрона. Старшей. Разумеется, в расчете на приданое.

Сейчас?

Считайте, что помолвка разорвана еще до ее оглашения. Ему такое в доме и даром не надо, и с доплатой не надо, и с ножом к горлу – не возьмет! Лучше сразу режьте! Не дай Светлый, выплывет в детях кровь магов разума, это что ж дома-то будет?

Не-ет… не надо такого.

Приближенный успокоил маркиза, попросил прислужников устроить его при храме и пообещал, что злого мага, то есть магичку, обязательно поймают. А то как же!

Вы только списочек напишите, или перечислите, кто там еще с вами был, мы еще и к ним с вопросами зайдем. Дело Храма!

Маркиз расслабился и пошел отсыпаться, а приближенный подлетел на месте.

– В дом Истарских!

Ясное дело, мага разума он там найти не ожидал. Но вдруг к ней следочек найдется? Шайна Элизабет Истарская, говорите?

Учтем, запомним, поищем.

* * *

Чуда, конечно, не случилось. Магам разума вообще слабоумие не свойственно, и дожидаться служителей храма неизвестная магичка не стала.

К моменту появления приближенного в доме Истарских царило безумие. Вольготно расположилось в залитой кровью столовой, и уходить никуда не собиралось.

Смирно и тихо лежали только тела Эрона и его сына. Им было уже все равно.

Причитали над отцом и братом дочери Эрона – две высокие и костлявые огненно-рыжие девицы. Приближенный только вздохнул, понимая нерешительность маркиза. Такое – и приданое не вдруг компенсирует. Судите сами – костлявость удачно дополняется отсутствием каких-либо выпуклостей, а грязно-рыжий цвет волос – веснушками по лицу, шее, плечам и, видимо, ниже. Отбеливай, не отбеливай – не поможет. Симпатичные там лица, или нет – неясно. И под веснушками не разберешь, и от горя так опухли, что аж жутко становится.

Слуги по мере сил имитировали бурную деятельность, и приближенный не удивился бы, если часть из них уже вынесла что поценнее, да полегче. Ясно же – кот издох, мышам раздолье.

Он вежливо кашлянул.

Девицы, сначала старшая, потом младшая, подняли головы – и кинулись на шею к приближенному Орасу с воплями и слезами. Едва успел переправить их подручным.

А дальше началась тяжелая и необходимая работа.

Допросы, расспросы, дознания…

Картина выяснилась к утру.

Шайна Элизабет Истарская просто пришла в дом, поздоровалась, и приказала дядюшке убить себя. Потом на нее напал мальчишка, и оказался второй жертвой.

Гостей она отпустила.

Слуги?

Часть слуг вернулась только сейчас. Все купили копченых осьминогов. Зачем?

А им так приказали.

Кто?

А… э… и дальше по алфавиту.

Девчонка просто отправила из дома всех слуг, которые встретились ей на пути, а остальные, поняв, что в столовой происходит что-то страшное, храбро кинулись прятаться где

поглубже. В результате у приближенного было на руках описание Шайны Элизабет, и с этим описанием люди пошли по столице.

Постоялый двор, в котором остановилась юная виконтесса, нашли достаточно быстро. Там же нашли кареты, слуг…

Сама Шайна Элизабет туда не вернулась, что вполне логично.

А еще пропал ее паж. Мальчишка лет десяти от роду… сын? Нет, не сын. Было б ему года два, тогда бы прошло, максимум пять, но не десять, это уж точно.

Приближенный не поленился составить и второй портрет.

Нет, в доме Истарских девушка была без пажа. Надо тоже найти… приближенный распорядился получить описание и расклеить по столице. А заодно закрыть ворота…

Корабли?

Тут уж ничего не поделаешь. Но вряд ли маг разума уплыл так быстро? Если она действительно Истарская, а похоже, весьма похоже… и по миниатюре, кстати, тоже.

Последний портрет Шайны Элизабет, найденный у графа в кабинете, был нарисован примерно десять лет назад. На нем щурилась десятилетняя девочка с рыжими волосами, симпатичная и с гордо вздернутым носиком. Миниатюру показали всем, кто был в доме ночью и мог видеть девушку.

Сказали – похожа. Вроде бы она, но просто постарше…

Приближенный кивнул, и принялся ждать ответов по запросам.

Первым пришел ответ из Астора.

Да, у них была проездом Шайна Элизабет Истарская. Останавливалась в «Золотой пчеле», почувствовала себя плохо, потом выздоровела и уехала.

Потом из Дилайны.

Если кто не знает, при проезде через ворота стражники обычно отмечают караваны, пошлины – для отчетности, ну и карету Истарской отметили. Потому что благородная.

Проезжала, было.

Кстати – да. В то время и был всплеск маги и разума в Дилайне. Вы знаете, совпало.

Приближенный Орас задумался. Пока камушки в мозаике укладывались ровно.

К примеру, жила себе Шайна Элизабет, и неплохо жила… до десяти лет. А потом оказалась в монастыре. Там ее сила не проснулась.

Почему?

А у магов разума она просыпается позже, когда маг созреет. Полностью.

Вот и проснулась, видимо, когда убили ее мужа. Или когда

Шайна Элизабет что-то узнала о его смерти. Нечто, заставившее ее бросить все и отправиться в столицу, на поиски справедливости. Она проехала через Астор, и что там случилось?

В Асторе она была со служанкой.

В Дилайне одна.

В Рилане с пажом. То есть мальчишку она подобрала где-то по дороге… ну, бывает. Магу разума легко подчинить детское сознание, заставить что-то сделать, приказать… Шайна так и поступила. Вполне возможно.

В Асторе она заболела.

Вот в это приближенный не верил ни минуты. Скорее уж, имело место покушение. Наведенная порча, которую сбросил с себя маг разума, как раз и могла обернуться чумой. Некромантские игрища – они такие, не разбирают, кого косят. Возможно, служанка порчу и навела?

Бред!

Как можно быть рядом с магом разума – и ничего не выдать? Ни мысли, ни чувства?

Быть такого не может.

С другой стороны, если служанка была нанята только на эту поездку, и…

Некромантия.

Некроманты – единственные, кто неподвластны воздействию магов разума. И нет, не потому, что тупые и злобные. И мозги у них есть.

Просто Темный – ревнивый и жестокий господин, и своего не отдает. Никому. Магию разума можно поставить на службу Свету, а вот некромантию – никогда.

Мог ли некромант не только навести порчу, но и закрыть мысли служанки?

А зачем такие сложности?

Просто дать дурре денег, или продать какую-нибудь побрякушку, чтобы та находилась рядом с ее госпожой, и этого хватит. А уж потом и неважно будет… ищем некроманта?

Приближенный потер руки. Улов разрастался.

Итак, маг разума проехал через Дилайну… использовал он там свою силу?

Да.

Как оказалось, в таверне к одинокой женщине пристали несколько наглецов. И маг разума успокоила их, как смогла. Это мага разума найти сложно, а по следу Истарской пройти оказалось куда как проще, так что к полудню приближенный уже знал об этом инциденте. И не мог не отметить – действовала женщина очень умеренно.

Просто усыпила молодых идиотов. Очень гуманно. И поехала дальше.

Что ж, это плюс, значит, она не склонна убивать просто так, с ней можно договориться.

К вечеру нашлась та самая служанка ее сиятельства графини Истарской.

Мерта Карш.

Нашлась она в Асторе, где жила у одного из рудокопов на положении подстилки, обстирывая и обслуживая своего хозяина. И была допрошена храмовниками Астора со всем пристрастием. Впрочем, запираться она не стала.

Все так, ее наняли на одну поездку. Да у госпожи, считай, все слуги были такие, бедна была, что храмовная крыса… ой, простите, господа. Но все одно – нищета, только и того, что благородная.

Муж у нее умер. Мужа она любила безмерно, себя с ним похоронила, брошь с его волосами не снимала.

Когда наняли Мерту?

Так подошел к ней господин, уже в Корлоне, предложил денег, сказал, что влюблен в госпожу. Спросил о следующем месте отдыха… Астор?

Отлично. А в Асторе еще раз нашел Мерту и дал ей подарок для госпожи. Сказал передать не разворачивая.

Та и передала.

Почему госпожа слегла в горячке, Мерта и сама не знала. А только сбежала, что есть мочи. Испугалась заразы… правда, ей повезло. Ее не зацепило.

Оказалась на улице, помогла Сишану, да с ним и жить осталась.

Приближенный Орас задумался над вопросом, почему порчей не зацепило служанку. Хотя… а чего тут удивляться?

Если порча была направлена на Шайну Элизабет, если та умудрилась ее сбросить на людей, которые оказались ближе всего к эпицентру… а ведь и точно! Служанку спас побег. Была б она рядом, тоже б померла, без сомнения. А так краем зацепило, дешево отделалась дура. Тут все понятно.

Господин?

Описание служанка предоставила, но толку с него? Волосы черные, глаза черные, кожа смуглая. Нет, не тиртанец, просто такой тип.

Откуда взялся, куда уехал… приближенный Орас распорядился прислать списки всех, кто был в то время в Асторе. Найдем, допросим. Некроманты разум затуманивать не умеют, не дано им это.

Мерту тоже распорядился прислать.

Все приближенные равны, кто бы спорил, но одни равнее других. Например те, кто в столице – или те, кто в захолустном городке. Приближенные, но до известного предела вторые подчиняются первым. Здесь все было ясно, маг разума покинул Астор, маг разума покинул Дилайну.

Маг разума может пока быть в столице, здесь его и надо ловить. Помощь в поимке зачтется.

Вот и старались приближенные, вот и слали голубей, писали, обещали прислать людей… маг разума – это конечно, не маг жизни, но в чем-то – не хуже. Главное, чтобы работал на благо Храма. А там…

Там можно и слишком спесивых аристократов попросить о помощи, и свое положение в Риолоне упрочить, а то слишком часто его величество Дарий поглядывает в сторону Раденора, и… да много чего можно.

Кстати – и некоторые болезни вылечить тоже можно. Известно же, что разум наш властен над телом. Ну, отрубленную руку так не прирастишь, и инфаркт не вылечишь, а тот же паралич, к примеру? Маг разума может принести очень много благ Храму.

Вот и искали, вот и рыли носом землю по столице.

Покинула графиня столицу – или нет?

Истарских, тех, кто остался от семьи, забрали в храм, но все пробы, которые провели маги, все говорили об одном и том же. Поразительно бесталанные девицы.

Впрочем, это еще ничего не значило. К примеру, магия могла быть по крови от матери Шайны, а не от ее отца. Или просто не проявилась. Все равно девиц Истарских из лапок Храма не выпустят. И приближенный Орас уже просил аудиенции у его величества, чтобы поговорить о важном.

Каковую аудиенцию он и получил в тот же день.

Да, магия в Риолоне под запретом.

Конечно, у короля нет своих магов.

Кто-то хочет с этим поспорить?

Приближенный Орас точно не хотел.

Вместо этого он поклонился, и выложил его величеству Дарию правду-матку в глаза. По столице ходит маг разума. Им может оказаться Шайна Элизабет Истарская, во всяком случае вот такие совпадения иммеются. Хорошо бы ее найти. Вот описание…

Описание, кстати, сверяли по словам всех, кто видел Шайну. Мерты, трактирщика в Дилайне, свидетелей убийств. И все говорили одно и то же.

Рыжая, кареглазая, фигуристая, невысокая, вся в черном.

Одним словом – ОНА.

Его величество подумал пару минут. И прищурился.

– А с чего это ты, приближенный, решил такими знаниями поделиться? Понимаешь ведь все…

Понимал. И что корона будет претендовать, и если король найдет мага разума первым, то на его величество уж точно потом никак не воздействуешь…

Правила игры такие. Если б его величеству не сказали бы, он бы сам спросил. И было бы это куда как болезненнее.

А потому приближенный поклонился и принялся рассказывать. Он уже знал о завещании деда Шайны, о справедливости ее дяди…

Король задумался.

– А это точно Истарская?

– Ваше величество, если бы корона содействовала, мы бы установили все и быстрее, и точнее…

Король тоже перевел на человеческий.

Все равно ведь делиться заставит, так пусть помогает сейчас, а не потом. И выложил на стол свои карты.

– Шайна Элизабет Истарская жила с мужем в баронстве Ристальском. Это неподалеку от графства Истарских. Первая вспышка силы отмечена – здесь, – король показал на карте. – Это земли барона Райдоша. До них тут месяц ехать. Что там делала графиня Истарская?

– Эммм?

На этот вопрос ответа у приближенного не было.

– Передо мной список родословной Истарских, – его величество коснулся рукой пергамента, и приближенный порадовался лишний раз, что ничего не стал скрывать. Раз уж король сам узнал, надо выкладывать карты на стол. – Ни единой веточки магии. Ни одной за последние триста лет.

– А они ни с кем не роднились? Из… таких линий? Ваше величество?

– В том-то и дело, что не роднились, тряхнул головой король.

– А…

– Отцы не всегда знают, да. Но внешность у Истарских очень характерная. Все рыжие, кареглазые, с веснушками или без…

– Эта была без веснушек, ваше величество..

– Описание совпадает, – задумался король. – но смущает этот всплеск силы.

– Ваше величество, там был приближенный Лоран Ариост. В настоящее время он едет сюда, в столицу.

– И скоро он должен быть?

– Полагаю, ваше величество, со дня на день.

– Я проглядел портовые ведомости. Истарских там нет. Но ее могли и не внести…

Это верно. Кто там уследит, если на корабль просто села девушка? Или прошла через ворота, без лишней пышности?

А могла. Маги разума и не то могут…

Но вспышек силы, вроде как не было. Оставалось ждать приближенного Ариоста, и послушать, что он скажет. С кораблято с ним не свяжешься, а разговаривать через воду – маг за десять минут с истощением на месяц свалится. Оставалось только ждать.

* * *

Но первым в руках Храма оказался не приближенный Ариост, а Ленер Райлен.

Получили из Астора список караванов, сверили, и оказалось, что был там в то время Райлен, вел людей в Дилайну, а потом в столицу… нет, ничего особенного в этом не наблюдается. Но был он там как раз во время эпидемии. Вдруг чего и заметил?

Приближенный распорядился вызвать Ленера в Храм, на беседу.

Нет, не надо его приводить со стражниками, не надо арестовывать, просто пусть придет, побеседует. Вот мы и письмецо напишем, а с храмовой стражей передадим.

Письмо принял Орас и отдал Ленеру.

Мужчина прочел – и сильно загрустил.

– Э-эх…

Орас, который присутствовал при этом, тоже проглядел письмо, и присвистнул.

– Попал ты, как кура в щи.

Ленер и не сомневался.

Шанна пряямо запретила ему говорить о ней в Храме. И кто знает, что там еще впечатано?

Он, может, и не обмолвится, что она маг разума, а помереть – все равно помрет. А не хочется…

А придется.

Делать-то что?

Орас посмотрел на друга, а потом махнул рукой.

– Они тебя одного приглашают?

– Да.

– Тогда шансы есть, отболтаться сможем…

Ленер поглядел на друга, сначала непонимающе, а потом – дошло.

– Орас, ты хочешь…

– Ага. Смотри, роста мы примерно одного, волосы темные, я помоложе, ну так седину мы быстро изобразим. Дашь мне свою одежду, документы, письмо – и я схожу. Врать не буду, только твоим именем назовусь. Но думаю, никто достоверно проверять не будет, и слуг с возчиками опрашивать тоже. И надо уносить из столицы ноги, да побыстрее.

Ленер благодарно поглядел на дщруга.

– Ты меня спасаешь!

– Себя я тоже спасаю, – отмахнулся Орас. – Ты что думаешь, если ты у храмовников загнешься на допросе, так нас из города выпустят? Никогда! Сгинем в подвалах…

Ленер и не сомневался.

– Ты сможешь договориться, чтобы нас из столицы выпустили?

– Попробую, – честно ответил Орас. – Не уверен, но все возможное сделаю.

Впервые Ленер испытывал такое острое чувство благодарности.

– Спасибо, Орас. Я не забуду.

Друг молча хлопнул его по плечу.

– Пошли, волосы мне красить.

* * *

Орас и сам не знал, почему он согласился на эту авантюру.

Если узнают – головы им с Ленером не сносить. Обоим.

С другой стороны…

Шанна.

Это не любовь, не симпатия – какая может быть симпатия к магу разума? Это просто благодарность. За спасение жизни, за помощь, за выловленных подлецов – есть за что. Определенно.

Не такое уж девочка и зло. И не заслуживает попасть в лапы Храма.

Врать Орас не станет – почти. А вот выгородить и себя, и девчонку постарается.

С этими мыслями он и явился на прием к приближенному Орасу. И был позабавлен таким совпадением имен.

Но поклонился честь по чести, руку поцеловал.

– Благословите, пресветлый.

– Да пребудет над тобой рука Его, чадо. Присаживайся, выпей вина…

Караванщик поблагодарил, плеснул себе вина в чашу и уставился на приближенного преданными глазами большой

собаки. Тот оценил.

– Расскажи мне, чадо, о вашем путешествии?

Ага, расскажи ему. Но ведь приближенный не просил – рассказать все? Вот и…

– Шли мы, как обычно, дорога нахоженная, спокойная… пресветлый, вас ведь Астор интересует? И то, что там произошло во время эпидемии?

– Меня все интересует, чадо, – приближенный мягко улыбнулся, напоминая, как жестко будет потом спать. – Есть ли у тебя списки путешественников?

Орас на минуту замялся.

Списки – дело такое… кого-то в них вносят, кого-то нет, налоги, дороги, пошлины… кому надо – тот всегда свою выгоду найдет. Шанну, кстати, и не вносили. Как и прочих детей.

– Есть, пресветлый, как не быть. Прошу вас…

Тишина в комнате стояла больше получаса, пока приближенный вчитывался в списки. Потом отдал снять копию, и поинтересовался:

– Так что ты хотел мне про Астор рассказать, чадо Светлого?

– Мы там с магом столкнулись, – Орас состроил страшные глаза.

– Разума? – подался вперед приближенный.

– Вроде как воздуха.

– Как так?

Два мага? На одной территории? Им что – тот Астор медом обмазали?

Приближенный был в растерянности, а Орас принялся рассказывать, щедро мешая правду с ложью.

– Я-то и не знал, что она маг. Попросили, ну и подвез девчушку с братом.

– С братом?

– Ага. Она – Шанна Каран, он – Корт Каран.

– А я в списке таких и не помню?

– Так дети ж. Несовершеннолетние оба…

Приближенный кивнул.

Тогда – да. Можно было не вносить их в списки, за малышню до пятнадцати лет пошлины не брали, да и налоги тоже.

Ленер чуток и схитрил. Мало ли, что там у Шанны отросло? Нет ей еще пятнадцати, пока – нет! И платить за нее не надо.

Орас тем временем рассказал о встрече на дороге.

– Что она маг, я потом начал подозревать. И что маг воздуха – тоже.

– Почему, чадо?

– Да слышала она, что при ней говорили. Ей ветер шептал,

понимаете, пресветлый?

– А может, она мысли читала?

– Я бы такое не пропустил, – истово возмутился поддельный ведущий каравана. – Как можно? Да она и сама говорила, что дар у нее есть, но слабенький. Услышать сможет, а приказать уже не получится… может, и лгала, конечно!

Приближенный потер подбородок.

Бывало такое у магов воздуха, Храм знает много разных примеров. Допустим.

– А у ее брата не было никакого дара?

– Обычный сопляк, – фыркнул Орас. – Разве что драли его мало, может, больше бы стоило.

Приближенный хмыкнул. Ну, избалованных сопляков и без всякого дара хватает, Светлый видит. Это не новости.

– А больше так-таки и ничего?

– Ничего.

И был совершенно честен. За Корсом-то и правда ничего такого не отмечалось.

– А родители их кто?

– Руш Каран. А мать не знаю.

– Ага…

– На дороге караван остановили, ну и попросил принять ребят, довести до Дилайны. Родственник у него там, вроде как…

– Какой родственник?

Орас развел руками. А он и правда не знал. Ему-то никто имени не сообщал, тут хоть каленым железом пытай – ответа не будет.

– Ребята знали, а мне и ни к чему оно. За работу, заплатили, чего еще надо?

По мнению приближенного – много чего. Но и караванщика понять можно, у него своя работа, и магов отлавливать в его обязанности не входит. Может, и не узнал бы ничего… кстати?

– Имен они не называли?

– Нет.

– А где ты, чадо, узнал, что она маг?

– Так в Асторе же. Нас там эпидемия застигла, ну и… получилось так. У Шанны сила выплеснулась. Мы думали – помирать, напились, а пьяные мужики, сами понимаете, пресветлый… бабского общества захотелось. Девчонка дверь открыла, встала на пороге, а потом я и не помню. Сказали, что мы сутки проспали. Она силу выплеснула, да сама и погибла, мы ее там, в Асторе и похоронили честь по чести. Хоть маг, а людей-то сколько спасла…

Приближенный потер подбородок и принялся расспрашивать.

Оказывалось так, что на постоялых дворах случились одновременно две магички. Одна разума, вторая воздуха. И вторая-то всех и исцелила. Силу выплеснула, а сама и погибла.

Так вроде бы не маг жизни?

С другой стороны, кто его знает? Предсмертный выплеск – он такой… что хочешь может получиться. Не угадаешь.

– А что с ее братом?

– Там же, в Асторе и сбежал, – пожал плечами караванщик. – Испугался, видимо, дурачок…

– Вы его не искали?

– Поискали, а потом и рукой махнули. Может, спрятался, может, уехал с кем.

– Хм-м… а как выглядела эта Шанна?

– Ну… такая, в теле. Молоденькая, но уже все при всем, темноволосая…

– Не рыжая?

– Нет, пресветлый. Темненькая, почти черная. И брат у нее такой. И такие… формы…

Приближенный оценил показанное.

Судя по размеру, покушать магичка любила – ни одним ураганом бы не сдвинуло. И вроде как на Истарскую непохожа, но кто тех баб знает?

– Значит, похоронили…

– Ага, там же, в Асторе.

– А больше ничего не слышали о ней, не видели…

– Да как же покойницу увидеть можно, пресветлый?

Приближенный пытал бедолагу больше часа, но лже-Ленер четко стоял на своем.

Девушка-маг была.

Девушка умерла. Какая именно девушка? А тут приближенный не уточнял, вот и нечего самым умным быть.

Девушку похоронили. Сам видел! Сам свидетель!

С тем приближенный его и отпустил. И проглядел еще список. Ради интереса… кого бы вызвать еще? Кто тут в столице остался? Некто Галикст?

Отлично, пригласим его на беседу.

* * *

– Как все прошло?

Ленер нервничал, и его можно было понять. Орас ухмыльнулся.

– Все отлично. Денег не дадут, но и задерживать нас не будут.

Я все рассказал, претензий к нам нет, уходить можем хоть завтра.

Райлен перевел дух.

– Спасибо, Орас. Я твой должник.

– Вот и отлично, повысишь мне зарплату.

– По миру меня пустишь, разоритель!

Друзья переглянулись – и рассмеялись.

Было – и прошло. Сгинуло – и не надо больше даже вспоминать об этом случае. Ленер испытания деньгами не прошел, Орас прошел, знать они об этом будут, ну и хватит. Деньги и не таких ломали.

Лучше уж забыть, как страшный сон – и в дорогу. Завтра же в дорогу.

На том и порешили.

* * *

– Вы, пресветлый, меня правильно позвали, – с таких слов и начал Ирш Галикст свой рассказ о Шанне Каран и ее брате. – Все я знаю. Мы, Галиксты, еще с давних времен, от того самого герцога Галика, который еще с Александром Проклятым схватился, да повергнут был, не иначе как волей Темного. Но дети у него остались, вот от одного из них мой род и пошел, жаль, что наследства мы не получили, но благородство крови нашей искупает в полной мере все беды, кои мы с тех пор претерпеваем…

Приближенный понял, что это надолго, и кашлянул. Ирш посмотрел удивленно – что не так?

– Ты мне, чадо, про Шанну расскажи?

– Шанна? Ну да, путешествовала с нами. Явно девчонка из простонародья, разве что сопли подолом не вытирала, а так ни образования, ни воспитания, не то, что в нашем роду. Мы, Галиксты, себя стараемся не ронять, абы с кем не родниться, наш род древний, и кровь портить нам невместно. Ты вот свяжешься с разным отребьем, и дети потом пойдут плохие, а в нашем роду…

Приближенного хватило еще на три минуты, потом он пристукнул ладонью по столу, обрывая словесный понос.

– Шанна рыжей была?

– Темной. Сразу видно – неблагородная кровь, – то, что сам Галикст с носом-картошкой и широким приплюснутым лицом ничуть не был похож на благородного, его не смущало. – Глупая и наглая. Вы представляете, светлейший, я ей говорю, наш род от тех самых Галиков, а она даже не знает кто это такие. А ведь мы не простонародье какое, предку моему просто не повезло, но

остался б он жив, всенепременно моего прадеда и признал бы, и усыновил, прадед об этом говорил, и в наследство ввел, кстати, мастер я хороший, по дереву, хотите для Храма что-то да сделаю. Тяжела сейчас участь благородного человека древнего рода, руками работать приходится, но и тут изделия мои по всему Риолону славятся, хоть сейчас во дворец…

– МОЛЧАТЬ!!!

Галикст аж рот открыл от изумления. Ну ладно…

– Дар к магии у Шанны был?

– У этого быдла?! Магия?! Да что вы, светлейший, откуда там чему взяться, вот, у нас, Галикстов…

Приближенный застонал.

Кое-как, обрывая на каждом слове рассказ про тех самых Галикстов, выяснил, что ничего особенного в Шанне не было, что девка глупая, некрасивая и невоспитанная, темноволосая и толстая, магии за ней не замечено…

И выгнал посетителя взашей.

Полежал минут двадцать, приходя в себя.

И окончательно уверился, что Шанна Каран – не была магом разума. Были у него такие подозрения, что Шанна, может быть… мало ли что? Мало ли кто?

Но сейчас…

Если она путешествовала на одной телеге с этим типом – она не маг разума. Она маг терпения, смирения и мученической жизни. Другая давно б этого Галикста убила.

Интересно, не за то ли Александр Проклятый их предка приложил?

Вот ведь… и некроманты полезны бывают, когда такое давят.

Определенно, Шанна Каран и Шайна Элизабет Истарская внешне не имели ничего общего. Оставалось дождаться приближенного Ариоста и проверить свои догадки окончательно.

А как оно могло быть?

Зачем Шайна Элизабет заехала в ту глушь, в которой и была зарегистрирована вспышка магии разума? Что ей там понадобилось?

Приближенный серьезно задумался. На этот вопрос пока ответа не было, а двух магов разума верилось слабо.

* * *

Загадку помог разрешить приближенный Лоран Ариост, прибывший в столицу еще через десять дней. Осень, море неспокойно, вот быстрее и не получилось.

Приближенному дали отдохнуть денек с дороги, а потом позвали на беседу к королю.

Своими выводами поделился приближенный Орас. Что на дороге встретились магичка разума – и магичка воздуха. И вторая умерла. Вы уверены, что в той глуши был всплеск магии разума?

В этом приближенный Ариост был уверен.

А еще он рассказал про Айшет Ланат.

Рыжая, красивая, кареглазая, по описанию больше всего напоминающая Истарскую девушка лет пятнадцати.

Его величество задумался.

Получалось уже три девушки?

Та-ак…

Приближенного Ариоста принялись подробно расспрашивать про семью лесника. Оказалось, что жили те замкнуто, что девчонку в селе видели считанные разы, и что магом разума она быть не может. Никак.

Были ситуации, в которых сила бы обязательно проявилась, а у нее – ничего. Пустота. Ни на кого она не воздействовала, никаких признаков нет.

Что же получается?

Объявился в глухомани маг разума, а потом уехал?

Имеет ли Шанна Каран какое-то отношение к Айшет Ланат?

Чисто гипотетически – непонятно.

Что есть? Есть две рыжих девушки, дочь лесника и Шайна Элизабет Истарская.

Есть две вспышки – магии разума в лесу, и магии разума потом, у Истарской. Может ли быть так, что Айшет Ланат заняла место графини?

Бред!

Быдло из леса – и графиня?

Дочь тиртанского беженца – и риолонская аристократка?

И чтобы никто не заметил, не разоблачил, не… мага разума?

Могли и не разоблачить.

И все равно – бред. Не вяжется, никак не вяжется…

Расспросили всех трех кучеров, которые везли Шайну и ее вещи. Те клялись и божились, что какая госпожа их нанимала, ту они и привезли. А кто ж еще?

Мальчишку она подобрала где-то, так все нормально, служанка сбежала, кто-то ж должен прислуживать благородной даме?

Подменили госпожу? Да что вы! Светлым сияющим клянемся, та самая госпожа, что и была…

Версия подмены графини Истарской отпала окончательно. Да и к чему было девчонке из глухомани лезть к Истарским, мстить

за кого-то… нет, это точно Шайна Элизабет.

А вот что могло ее привести в глухомань?

Самое интересное пришло в голову приближенному Ариосту…

Когда уехала из дома Шайна Элизабет? И когда она появилась в Асторе?

Принялись смотреть по карте, размышлять, думать – и тут на руку Айшет сыграло скупердяйство родственников Шайны и ее бедность.

Кареты – одна новая, дорогая, две старых. Наемных, требующих ремонта.

Кони тоже не свои, кучера… кто ж будет изматывать коня ради нанимателя? Купи – и требуй скорости, а то ведь за павшую или запаленную лошадь втрое заплатить придется.

Получилось так, что ехала Шайна чуть не в два раза дольше, чем могла бы. Расспросили Мерту, расспросили найденных кучеров, подумали, еще раз прикинули расстояния…

А как умер муж Шайны Истарской?

Принялись копать по могилам. Оказалось, что ехал Ленер Истарский (он взял фамилию жены в знак большой любви) по своим делам, и напали на него разбойники. Убили, ограбили…

Как убили?

Интересно. Одним выстрелом в спину. Хотя сначала грабители предлагают добровольно отдать все нажитое, а уж потом стреляют… а тут вот сразу выстрелили. Как интересно-то…

Так что же Шайне Истарской понадобилось в глухомани?

Приближенный Ариост подумал еще немного, и принялся трясти Миха Лемерта, что медведь грушу. Не зря он взял с собой мальчишку, ох не зря! Вот и оправдалось, вот и отлилось…

Оказалось, что Шем Ланат прекрасно стрелял из лука. Вообще замечательно. Словно рукой стрелу вкладывал, куда пожелал.

А жила семья лесника небедно. Хоть бедный лесник и вообще не случается, но чтобы книги покупать, или шелковый платок жене, такое все же редко бывает. А тут – Мих припомнил, что особенно семья Айшет не экономила. И задумался приближенный Ариост – не подрабатывал ли лесник Шем Ланат на стороне? Охотой на двуногую дичь?

Мог?

Спокойно мог. Если у его дочери дар магии ветра, если у него было нечто подобное – он и взялся работать наемным убийцей.

Допустим, именно Шем Ланат убил мужа Шайны Истарской. Только допустим. Могла Шайна Элизабет об этом узнать? Могла она помчаться выпытывать правду у лесника?

Могла.

Могла она узнать ее и сорваться? Выплеснуть силу или просто войти в силу? Узнать все о дядюшке… да спокойно! Непонятно другое – почему не убила?

А может, и убила? Только не того? Караванщика-то спрашивали, он сказал, что детей привел отец.

Допустим, кого-то Шайна все же убила, может, даже случайно… пропавшая дочь мельника? А эта-то каким боком сюда приткнулась?

А может, и никаким. Просто оказалась рядом во время выплеска силы, и приняла на себя все то, что предназначалось леснику. Шайна ужаснулась, и больше никого убивать не стала. Вернулась к своим людям и поехала тихо-мирно в столицу?

А лесник отправил детей в Дилайну?

Чтобы они пересеклись с Шайной в Асторе и все кончилось достаточно трагично. Могла Шайна взять с собой брата Айшет? Из чувства вины? Или из чувства благодарности за исцеление? Допустим, порчу наводили на Шайну Элизабет, а Айшет Ланат оказалась рядом – и умерла, пытаясь с ней справиться? Если в ней проснулась магия воздуха?

Явно притянуто за уши, но все же правдоподобнее, чем проснувшаяся в крестьянке графская кровь и дворянское достоинство. Это уж и вовсе бред.

Могла Шайна Элизабет оставить ненадолго своих слуг и уехать одна? А по возвращении приказать им все забыть? Как маг разума, она на многое способна.

Странно, конечно, но пока это самая лучшая версия из всех возможных. Все остальное уж и вовсе на голову не натянешь.

Теперь надо найти Шайну Истарскую.

* * *

Нашли.

Достаточно быстро нашлась не Шайна, а ее след. Она ведь не пряталась, и когда Храм посуллил награду за все сведения, постепенно выяснилось, что она заходила в порту, в таверну с говорящим названием.

«Фрахт».

А там беседовала с капитаном корабля из Раденора.

Пообещали награду портовым «крысам». И узнали, что вроде как баба в ту ночь поднималась на корабль. Раденорский «Чародей», капитан – Джано Сорен.

Вроде как перед самым отплытием поднялась на корабль

какая-то девка, с сумкой на плече. А рыжая ли? Кто ж ее в темноте разберет? Девка была, вот и все.

Получалось, что Шайна Элизабет Истарская покинула Риолон.

Обидно, господа. И что же делать? Ехать в Раденор и требовать выдачи подданной обратно? Или просто послать «охотников за головами»?

Привезти живьем мага разума? Убить, честно говоря, проще.

Выход подсказал приближенный Орас. Он предложил послать гонца в Раденор, чтобы выяснить все достоверно.

Кто прибыл на «Чародее», зачем, куда, к кому…

А уж потом решать, что делать.

То ли убить, то ли ввести в наследство и предложить поработать на благо Риолона, то ли вообще выдать замуж? Подобрать подходящего мужчину, подвести его аккуратно к девушке, и пусть влюбляется, замуж выходит – влюбленная женщина изначально существо глупое и управляемое.

Идея была признана стоящей внимания. Теперь оставалось ждать.

Храм был… доволен наполовину. Дочек Истарского храмовники пригребли под шумок, а вот на имущество король лапку наложить не дал. Сказал, что пока графство Истарское побудет под королевским протекторатом. А уж когда все выяснится, там и видно будет, чье добро и кто управляет.

Оставалось ждать. Только ждать.

* * *

С капитаном Джано Сореном я разочлась в первый же день плавания, представив ему все сведения, почерпнутые мной из голов людей в таверне.

Честно рассказала, сама записала, сама отдала листки.

Джано пробежал их глазами и поблагодарил. А потом отправился в каюту.

Был у него там какой-то артефакт. Определенно.

Магию я чувствовать научилась, у меня словно ладони чуть покалывало, когда рядом творилось какое-то колдовство. Джано что-то делал, но что именно?

Потом, когда он вышел из каюты, я не удержалась, попробовала прочитать его мысли. Оказалось, что я права. Он передавал сведения.

Есть две пригодные для этого стихии – вода и воздух. И та, и другая имеют силу переносить слова. Джано пользовался

артефактом воздуха. Он шептал кристаллу горного хрусталя, и ему отзывался другой такой же кристалл. Как я поняла, они были сделаны из одного куска, резонировали в такт, и передавали сведения.

Что ж, в Раденоре я внимания не привлеку со своей магией. Это радует.

А так плавание проходило спокойно.

Корс облазил корабль вдоль и поперек, из «вороньего гнезда» на верхушке мачты его снимали по два-три раза на дню, братишка научился вязать морские узлы, ругаться, и собирался стать матросом.

Капитан не возражал, а боцман согласился, что можно бы и взять мальчишку юнгой.

Я честно сообщила, что только через их трупы, Корс обиделся, но потом признал, что надо бы сначала поговорить с родителями. Вот если разрешат…

Мама. Папа.

Я давила в себе эти мысли, но маг разума, который умеет управлять чужими мыслями, со своими справиться не мог. Вообще. Никак.

Родители представлялись то в плену у тиртанцев, то мертвыми…

Не думать ни о чем. Просто – не думать.

Я должна добраться до Раденора, выяснить, что именно произошло на борту «Буревестника», а там уж решать, как поступить дальше.

Если родители в Тиртане, я их вытащу. Даже если мне придется отказаться от своей человечности. Если придется залить Тиртан кровью и натравить всех тиртанцев друг на друга.

Я их там не оставлю.

Лишь бы живы были.

Это единственное, что меня тревожило. А в остальном – погода была чудесная, море не штормило, плавание выдалось поистине замечательным. Так что я наслаждалась.

Тишина, спокойствие, мысли простых людей о простой работе…

Что еще надо для счастья магу разума? Да ничего. Родителей бы рядом – и пусть весь мир подождет.

* * *

Айнара Ланат лежала на койке в каюте.

Вот уже третий день она ничего не ела, только пила воду.

Делала вид, что ест, а сама, стоило рабам выйти, бросалась к поганому ведру – и выблевывала все съеденное.

Не просто так.

У Айшет все получалось легко, словно дыхание.

Айнара была на что-то способна в момент стресса, и сейчас она себя целенаправленно в него загоняла. Пила по паре глотков воды в день, и только.

Ей надо было почувствовать мужа.

Шем.

Что с ним, как он… хоть поговорить.

Первые дни за ней пристально следили, и приходилось изображать измученную и сломленную. Когда тиртанцы уверились, что она будет им во всем покорна, Айнара постепенно получила некоторые послабления. Она могла вставать, ходить по каюте, к ней даже спиной рисковали поворачиваться.

Откуда-то они знали, что Айнара не слишком опасна. Приходили по двое, по трое, а может, и веду что-то добавляли…

Айнара расслабилась.

Вспомнить, как учила ее Айшет. Вдохнуть, выдохнуть, медленно отделить свое сознание от тела… сколько ж лет она этим не занималась.

Представить, что тело и сознание – это как собака и человек. Между ними прочный поводок, но собака пролезет туда, куда не пролезет человек.

Тело остается лежать на койке, а Айнара скользит по кораблю.

Тиртанцы, тиртанцы…

Ей надо в трюм.

Туда, где рабы, где весла, туда, где она чует родного, близкого, любимого человека.

Шем!

Пот льет ручьем с женщины, но она упрямо держится и движется вперед. На одной воле, на стиснутых зубах.

Ничего, в Тиртане больнее будет. Держись, Нари!

Мысль обжигаает, словно плеть, дает силы, которых хватает, чтобы добраться до камеры мужа.

Шем сидит, прикованный к стене. Перед ним кувшин с водой, миска с каким-то варевом… живой! Боги, спасибо вам все, ЖИВОЙ!!!

– Шем…

Это не шепот, это нечто другое. Но муж слышит, он вскидывает голову.

– Нари?!

– Я здесь, Шем…

Глупостей муж не спрашивает. Он отлично понимает, что жена жива, что она смогла воспользоваться своим даром, что ж тут удивительного? И что времени у них мало.

– Куда нас везут, Нари? Что ты знаешь?

– Трей Аршан Сирант. Сын того трея. Шем… я могу умереть.

Айнара долго думала над этим.

Что лучше? Самой оборвать нить своей жизни, или стать крючком, на который могут поймать ее детей? Оба варианта были одинаково плохи, да и не хотела она распоряжаться своей жизнью, не поговорив с Шемом. Он тоже имел право. И знать, и решать…

Если бы его убили, Айнара ни минуты не колебалась бы. Просто умерла. К чему тут сомнения, колебания, да хоть что-то? Ни к чему.

Шем жив. Это хорошо.

Их могут шантажировать друг другом. Это плохо.

– Я думал об этом, – отозвался Шем. – Я тоже могу умереть. Но пока не стоит, Нари. Мы должны попробовать выжить и вернуться к детям.

– А если их приманят на нас?

– Тогда мне будет жаль Тиртан. Я знаю, на что способна Шани.

Айнара не могла испытывать никаких эмоций в этом состоянии, поэтому улыбаться не стала.

– Весь Тиртан она не перебьет.

– Но попробует. Нари, не смей убивать себя. Обещай что хочешь, торгуйся, но живи. Я поступлю так же. Рано или поздно найдется возможность для побега. Обещай мне…

– Клянусь, любимый. Прости… надо уйти.

– Люблю тебя. Держись, Нари! Я найду выход!

Айнара еще успела шепнуть в ответ: «Люблю», а потом ее резко рвануло назад. С такой силой, что стало плохо, она подскочила на кровати, закашлялась… нет, закашлялась она от воды.

Кто-то вошел в комнату, и увидев ее в трансе, надо полагать, не сильно отличающуюся от покойницы, окатил водой. И по щекам отхлестал.

Правда, из транса так и не вывел.

– Что здесь происходит?! – рявкнул капитан, врываясь в каюту.

Жалобно залепетал раб.

С его слов, женщина не дышала. Он ее тряс, водой обливал, вот…

Капитан прищурился на Айнару.

– Умереть решила, сука?

Айнара хмыкнула. Слабо, но отчетливо.

– Оставить мужа на пытку?

Капитан прищурился.

– А что тогда?

– Не знаю. Чем вы меня поите? Плохо мне от ваших трав…

Айнара попала в «яблочко». Капитан дернулся, словно его иголкой ткнули.

– Откуда…

– Догадалась. Не просто ж так я тут подыхаю, – не стала ждать вопроса Айнара. – Учтите, мне и правда плохо было. Подохну – с вас трей Сирант шкуру спустит.

Капитан скрипнул зубами и вылетел из каюты. Видимо, антимагических ошейников у него не было, а травы, которые отбирают силу у мага, были. И правда – вредные. Вот и сказалось.

Хотя Айнара, кстати, преувеличила. Что у нее там того дара? Крохи, искорки. Шани бы тяжелее пришлось и намного. Хотя Шани с детства в блокираторе, могла даже и не заметить…

Дети, как вы там?

Дочка моя родная, сынок мой обожаемый… дети, берегите себя. А мы с отцом обязательно к вам вернемся. Я жива, Шем жив, значит, мы обязаны со всем справиться. Сами вляпались по глупости, сами и выбираться будем. Один раз справились, и второй не оплошаем. Глядишь, еще кто на Тиртан нападет?

* * *

Алетар!

Белый город у синего моря.

Я смотрела с корабля, и – влюблялась. Джано Сорен кашлянул рядом, хотя я и так знала, что он подошел сзади и стоит молча.

– Вам нравится город, Шайна?

– Да.

– Алетар славен тем, что никогда не бывал в руках врага. Никогда враг не садился на трон первого из Раденоров.

– Никогда?

– Никогда. Алетар Раденор, который основал город и назвал страну своим именем, наложил заклятье на королевский трон. Если кто-то чужой крови сядет на него – тут же сгорит.

– И горели?

– Бывало пару раз. Давно уж, лет пятьсот тому, а то и раньше.

– И не враги? – не поняла я. – кто-то для развлечения уселся,

что ли?

Капитан фыркнул.

– Да нет. Королевы погуляли.

Теперь настала моя очередь фыркать. Понятно, бывает. Дело житейское.

– Неужели не знали?

– Может, и знали, да не поверили. Или сами не знали, от кого дитя – кто ж разберет? – И без перехода, почти в лоб. – Шайна, а что дальше-то у вас в планах?

Я пожала плечами.

– Домик сниму, жить будем. На первое время деньги найдутся, а там заработаю.

Джано кивнул.

– Помощь вам нужна? Я с вами могу в Желтый город сходить, показать, что есть в семье мужчина, что я ваш родственник. Все меньше привязываться будут?

– В Желтый город?

– Алетар разросся… в нем есть Белый город – там дворянство живет, Зеленый город – там и дворяне, кто победнее, и купцы, и мастера, и Желтый город. В нем всех принимают.

Я кивнула.

– Да… Желтый город нам подойдет. И я буду признательна, капитан, если вы сходите с нами.

Мысли капитана я видела. Ничего он плохого не думал, просто хотел помочь. Искренне и от всей души. Добром за добро.

– Маги, конечно, в Белом городе живут, но вы пока не маг, да и не ученица. Захотите к кому в ученики податься, клятву берите.

– Клятву?

– Маг вам дает клятву учить и защищать. Вы ему – учиться и добром отплатить. Там условия есть, но если учитель и ученик связаны магической клятвой, для ученика так безопаснее.

– Я об этом пока не думала. Да и не знала.

– Так в Риолоне-то магию задушили. А у нас в Раденоре все живо. И Храм, опять же, магию поддерживает.

– Никогда не думала, что так можно, – я подкидывала реплики, а сама копалась в разуме Джано Сорена. Осторожно, считывая только те мысли, которые лежали на поверхности. К капитану я относилась хорошо, человек он порядочный, неглупый, не стоит уж вовсе в глубину его разума лезть.

– Можно-можно. Говорят, его величество и школу для магиков открыть хочет. Чтобы выучились, потом Короне отслужили, да и жили себе в Раденоре. А что? Польза-то с них большая, когда сами захотят.

– А королю не опасно будет?

– А чего опасного? У нас уж какое поколение королей – некроманты? Почитай, лет триста, с Александра Обращенного.

– Какого? – удивилась я. Вот не слышала, разве что Проклятым его называли.

– А, так получилось. Он вторым браком женился на графине Андаго, кстати, из Риолона.

– В Риолоне нет графов Андаго?

– Графиня свои земли в приданое принесла, теперь они в составе Раденора, – отмахнулся капитан, как о давно известном и не интересном. – Там и графы живут, кстати, королевская родня. Но дело не в том. В день свадьбы на графиню покушались, король ее собой закрыл, да заклинание было очень гадким.

– И что хотели сделать с графиней? – мне и правда было интересно.

– Все бабы – дуры. Изуродовать ее хотели. Король заклятье на себя принял, ну и стал… не красавцем. На демона похож.

– Жуть какая. Вот стервы!

– Ага. С тех пор он и Александр Обращенный. В демона, значит…

– Но демоном-то он не стал?

– Нет, конечно. Если тебе хвост отрастить, ты ж волком не завоешь? Но и Храму не докажешь…

Я кивнула. Вот уж верно – не докажешь. Из шкуры вылезешь, но с Храмом рядиться – себя не жалеть. Король, наверное, и доказывать не стал.

– Я была бы вам очень признательна за помощь, капитан.

– Помогу, конечно. Шайна, а чем вы на жизнь зарабатывать собираетесь?

Я подумала пару минут.

А что я умею-то?

Вести хозяйство. Это все бабы умеют, можно и в служанки кому наняться. Но тут можно наняться, а можно и нарваться. Так вот полезет мне кто под юбку, а я отшибу и руки и мозги… нет, нехорошо выйдет. Шить что-то? Или вышивать?

И тут меня осенило.

– Я с кожей хорошо работаю, с мехом. Шить умею, расшивать…

Капитан поглядел с интересом.

– А что шьете?

– Да все, – пожала я плечами. – Шапки, рукавицы, шубы любые, накидки, плащи… у меня рука на кожу и мех – легкая. Что хотите, то и сошью, разве что обувь не стачаю.

Это было чистой правдой. Лесник – да не при мехах?

Такое редко бывает, а у отца рука была легкая. К тому же, мы

с Корсом росли, а зимнюю одежду справить надо? Надо.

И для деревенских я шила.

Мама мерки снимала, заказы брала, а шили мы вместе, ну, я-то больше. Мне это легче давалось.

– В Раденоре, конечно, мастера есть, но если у вас и правда рука легкая, знаю я, где вас поселить.

Я хмыкнула и достала из кармана кошелек.

– Посмотрите, капитан.

Кошелек я шила и расшивала сама, и получился он хорошо. Кожаный мешочек, с тремя отделениями, для золота, серебра и меди, с крохотным кармашком – мало ли что еще положить придется, расшитый зелеными и желтыми листьями по мягкой коричневой коже…

– Шайна, это вы шили?

– Я.

– Да вы талант! Я вам нечто подобное закажу.

– Только кожу, наверное, надо будет черную, да и вышивку другую, – прикинула я. – Облака, море, птицы летят, молнии сверкают… если золотую канитель найдете – обязательно сделаю.

Джано улыбнулся.

– Обязательно достану, Шайна. Считайте, что один клиент у вас есть.

– Тогда вам, как первому клиенту – скидка, – улыбнулась я в ответ. – Нитки для работы купите, а больше я с вас ничего не возьму.

– Шайна!

– Джано, дайте мне вам подарок сделать? В благодарность за помощь?

Капитан задумался.

– Ладно. С меня причитается.

– Рассказом отдаритесь. Обо мне перед друзьями. Кошелек покажете, о мастерице расскажете…

– По рукам.

На том мы и порешили.

Алетар приближался, сияя белым сахаром домов. Наплывал, врастал в сердце.

Я смотрела и понимала, что не хочу отсюда уплывать.

Город звал, шептал, пел…

И я, как маг разума, понимала главное.

Алетар Раденор строил его не просто так. Он отдал этому городу – все. Жизнь, смерть, душу, разум, посмертие… он оживил его – собой. Своей душой.

Этот город живой и разумный, он принимает или отторгает людей, он прихотлив и разборчив в выборе своих обитателей. От

него можно отгородиться, но это не жизнь. А если раскрыться ему навстречу?

Я обязательно это попробую – потом. Но своей магией, уже сейчас я знаю главное.

Мне будет хорошо в этом городе. Здесь мне и камни помогут. Здесь я могу обрести свой дом.

Я чуть-чуть приоткрываюсь, только для города, чтобы он увидел меня, а я почувствовала его еще острее, сильнее, искреннее. Вот такого – гордого, красивого, немного жестокого, в чем-то коварного и очень притягательного. И тихо шепчу.

– Здравствуй, Алетар Раденор…

* * *

Вот и таможня.

– Кто такие? Откуда?

– Шайна Истарская. Мой кузен Корт Истар. Из Риолона.

– Цель прибытия?

– Жить, – просто ответила я.

Таможенник прищурился. Он был вовсе непрост, этот дядечка с умными глазами, и не стоило обманываться пивным брюшком, красным носом и обвислыми щеками любителя пивка. Нет, вовсе не стоило.

Я видела, что он неглуп и въедлив.

Магия?

Вот он – первый минус Алетара. Здесь магия не под запретом, стоит выпустить свою силу, как ее тут же почувствуют. А там и придут с ласковым вопросом, не желаю ли я поработать на благо государства. Или – не государства, неважно.

Джано рассказывал.

Поэтому я не воздействую, я просто смотрю, отслеживаю эмоции. Фиолетовый, с проблесками желтого – мне не доверяют, но спокойны, знают, что я не могу причинить вреда.

– А чего ж в Риолоне не жилось?

Я развожу руками.

– Да жилось-то неплохо, но – не повезло. Родители… в общем, наследство досталось дяде, а я ему как раз была без надобности. И Корс тоже. Пришлось уезжать.

– Неужто такое большое наследство?

– Да нет. Просто на одного делить всяко проще, чем на двоих.

– А вот слышал я о графстве Истарском?

– И кто о нем не слышал? Вот, со мной в караване ехал некто Галикст, говорит, родня тем самым Галикам… не знаю, признали

б они ту родню, не признали, – развожу я руками.

Прожилок желтого становится меньше.

– А Корс, говорите, кузен?

– Троюродный. Дяде он без надобности, а мне родной, я его с младенчества знаю. Не бросать же ребенка на произвол судьбы.

Корс скорчил рожу, намекая, что за ребенка я еще отвечу. Кажется, это окончательно убедило таможенника, и тот кивнул.

– Я вам выпишу бумаги на пребывание на территории Раденора. Деньги-то есть, бродяжить не придется?

– Я по коже хорошо работаю, – похвасталась я, показывая перчатки. А что? Сама расшивала. – Найду работу, не пропаду.

Руки у меня были не аристократические, вполне рабочие, с мозолями, со следами от ожогов, порезов, с коротко обрезанными ногтями – я с ними ничего сделать не успела, пока была графиней. Да и не хотела.

Шайна могла сидеть и вышивать шелком по шелку. А я и воду носила, и за скотиной ходила, да и по коже шить – это не шелками, пару раз я себе так иголку в руку засаживала, до сих пор вспомнить страшно.

Таможенник оценил мои руки, окончательно убрал желтую окраску из ауры и кивнул.

– Добро пожаловать в Алетар, госпожа Истарская.

– Благодарю.

С тем мы и вышли из небольшого домика.

– Куда теперь? – спросил Корс.

Братик крепко держал меня за руку. Ох, я бы и сама вцепилась в кого-то, спряталась за широкую спину, словно за несокрушимую стену, и переложила ответственность. А нельзя.

И не на кого, и не стоит так делать. Иначе в один прекрасный день поймешь, что ты не за каменной стеной, а в темнице. И кандалами побрякиваешь.

– Джано написал нам адрес. Идем?

– Нам бы проводника найти, – засомневался Корс.

– Не в порту же?

Логично.

– Нет, не в порту. Пошли, нам нужно во-он туда, к выходу, – я махнула рукой в сторону от моря, и мы пошли. Медленно, осторожно, огрызаясь на портовых мальчишек и нищих, которые что-то просили, придерживая вещи…

Сегодня нам надо найти ночлег, а завтра уже искать жилье. Основательно, устраиваться на новом месте – и ждать. Ждать «Буревестника», ждать известий от родителей, ждать неизвестно чего.

Или просто – жить?

Мы попробуем.

* * *

За территорией порта на нас накинулись извозчики.

– Госпожа, вас подвезти?

– Госпожа, куда изволите?

– Госпожа, домчим с ветерком…

«Госпожа» покачала головой, не вдаваясь в разговоры, и направилась прямо по улице. Медленно, никуда не спеша, вглядываясь в людей. Доверять этим выжигам? Даже магом разума быть не надо, чтобы их стороной обойти, просто головой подумать. Так и хлещут во все стороны щупальца алчности и жадности. Фу.

Я не выпускаю свою силу наружу, это не так и сложно, но и блокиратор я не надела. И приглядываюсь, пока не натыкаюсь взглядом на небольшой четырехместный открытый экипаж, который стоит у тротуара. Подхожу, смотрю в глаза вознице.

Ему лет шестьдесят на вид, коляска старенькая, лошаденка ухоженная, но тоже не первой молодости, сам мужчина не бедствует, но и не богат. Одежда хорошая, добротная, но кое-где заштопана умелой рукой. Да и сапоги нуждаются в починке.

– Дня доброго, господин?

– И вам того же, госпожа. Молодой господин… чего изволите?

– Поговорить, а там и покататься, – озвучиваю я. В пальцах блестит серебряная монетка, и извозчик не возражает, когда мы забираемся в ландо.

– О чем говорить будем, госпожа?

У него хорошая душа. Чистые тона. Серебристо-серый – усталости, голубой, зеленоватый, немного красного. А вот грязи нет почти вообще. Такое тоже бывает.

Честный человек, честно делает свою работу, живет ради семьи, детей, жены. И не предает свою совесть ни в большом, ни в малом. Можно ли ему верить?

Не знаю.

Иногда люди забывают, что есть вещи, которые даже ради своей семьи не стоит совершать. Если не придет край… только вот для кого-то край – это когда в тарелке края видно. А для кого-то, когда в эту тарелку положить нечего.

Доверять я не собираюсь, и отслеживать его реакцию буду. Но почему бы не поговорить?

Вот с Джано я связываться все же не хотела. Я его найду, если

что, а он пусть и не ищет. Адрес я у него взяла, мало ли что, но с корабля мы с Корсом ушли, пока капитан был занят разгрузкой и не смог навязаться нам. А хотел.

Маги в Раденоре ценность… нет, ни к чему. Я и фамилию урежу.

– Мы только что приехали в Алетар, господин…

– Дан Аруш, госпожа.

– Шайна Истар, – господин Аруш. И мой брат – Корс.

– Приятно познакомиться. А то, что вы, господа, только что в Алетар прибыли, за перестрел видать.

– Почему? – удивилась я.

– А у нас так никто не ходит. Плащи надевают из парусины, на подкладке. Город-то портовый, море рядом, то сырость, то ветер, а у вас, сразу видно, одежда неподходящая.

Верно, Корс был в брюках и короткой курточке, я в платье и шали.

– А скоро к нам еще родители приедут. Хотелось бы домик снять. Где-то в Желтом городе, поближе к Зеленому.

Господин Аруш задумался.

Я следила за ним, сосредоточенно, серьезно, вдумчиво… нет, не врет. И ничего плохого не замышляет, цвета поменялись бы, стали другими. Это заметно.

– Я даже так и не знаю… хотите – покатаю вас по улицам, поговорим с людьми?

Я молча положила рядом с ним серебрушку. Подумала, добавила вторую.

– Хочу. Если будет мало – скажете.

– Уже слишком много, госпожа.

– Господин Аруш, я ведь не только за провоз плачу, а еще и за добрый совет.

Может, я и маг разума, но я не всесильна и не всемогуща. Я думаю о своих поступках – и прихожу в ужас. Сколько ж я всего сделала, чего не надо было делать! Сколько ж дров наломала…

А можно бы сделать проще, и обойтись меньшей кровью… нет, я не всесильный маг разума. Я обычная сопля, которой досталась слишком большая сила. А сила – уму могила.

Я в это верю?

Нет.

Не страшно. Главное, повторять себе это почаще, а там и поверится, и жить будешь в соответствии с этой мудростью. Глядишь, и впредь умнее буду.

Я честно постараюсь. Ради себя, брата и родителей.

* * *

Мне нравился Алетар.

Белый город – холодный, строгий, точеный, с устремленными вверх зданиями, весь удивительно элегантный, чуточку отстраненный – аристократ, да и только. И сам отлично это знает. Он словно кристалл алмаза – острый и сияющий всеми гранями.

Зеленый город – уютный и теплый, чем-то похожий на дородного купца, приглаживающего усы кустов. Этакий здоровущий детина, с размахом, ухарь и удалец. И гулять от всей души, и работать от рассвета до заката.

Желтый город.

Здесь сложнее всего. Желтый город вызывал у меня лишь одну ассоциацию – работяга. Усталый, измотанный, трудящийся с утра до ночи, но не вырывающийся из нищеты. Или из честной бедности.

А чего хочу я?

Кто – я?

Я не могу жить в Белом городе – это не мое. Я не доросла до него, я смотрю на него снизу вверх. Зеленый город – мне будет там сложно, равно как и в Желтом. Но не спрашивать же, где селятся маги? И не хочется ехать за город. Алетар мне нравится, просто я пока не могу найти свое место…

Мы наворачивали круги по улицам, господин Аруш останавливался то там, то здесь, расспрашивал людей, разговаривал с ними…

Я старалась помалкивать.

С его слов выходило так, что приехали племянники, скоро и их родители приедут. Надо бы домик снять, может, кто что знает?

И три домика мы уже осмотрели.

Не подошли все три.

Первый был слишком маленьким – всего две комнаты и кухня, нам не хватит. Нам-то с Корсом хватило бы, но родители приедут, и куда? Опять искать жилье?

Второй домик стоял совсем рядом с трактиром, и был забракован однозначно. Это все равно, что повесить себе мишень на грудь.

Трактир, пьянки, драки, гулянки – и совсем рядом живут девушка и мальчик? Красивая девушка, кстати говоря.

Нет, на такое я не пойду. Мне жить охота, а не пьяниц метлой гонять. А то еще силу выплеснешь, если отбиться не сумеешь… нет, не надо. Ни к чему.

В третьем домике была жуткая хозяйка. Я поглядела на ауру, сплошь состоящую из грязно-желтого, грязно-красного и грязно-коричневого, не нашла ни одного чистого цвета, и решила, что здесь не останусь. Это ж надо?

Склочница, сплетница, выжига и ханжа – все в одном флаконе.

Кому нравится – сами оставайтесь, а я поехала. К большому разочарованию тетки, которая уже предвкушала, как запустит лапы в чужую жизнь, а потом языком размажет ее остатки по всей улице.

Следующие четыре дома нам тоже не подошли, то одно, то другое – только восьмой дом оказался в самый раз, и понравился Корсу и мне.

А получилось так.

Мы колесили по улицам на стыке Зеленого и Желтого городов. Четкой границы у них не было, можно было повернуть за угол – и ты сразу осознавал изменения. Другие дома, другой вид, другое ощущение… для меня. Как для остальных – не знаю, но я это чувствовала очень четко.

Нужный нам дом оказался на Лилейной улице. Название дано было не просто так – лилии росли здесь в каждом саду, в каждом палисаднике. Строгие белые, словно усыпанные веснушками, нахальные толстенькие рыжие, чем-то похожие на меня, задумчивые розовые, пушистенькие фиолетовые, царственные алые…

Красиво.

Запах сбивал бы с ног, но это же Алетар…

Город у моря был построен так, что сквозняк уносил запах вдаль. Он чувствовался, но не сводил с ума, не давил, скорее напоминал о чем-то хорошем. Мы ехали медленно, приглядывались, и быстро увидели женщину, которая пропалывала садик.

– День добрый, госпожа, – позвал Дан Аруш.

– Добрый, – согласилась женщина, распрямляясь. Она была не слишком молода, лет сорока – сорока пяти, в каштановых волосах пробилась седина, но лицо было хорошим. И аура тоже – голубой, с вкраплениями розового и сиреневого.

– Смотрю, лилии у вас знатные.

– Раз улица Лилейная, то и лилии должны быть достойные, – согласилась женщина.

– А никто у вас на улице домика не сдает? А то племяшка, вот, приехала из Риолона, поселить бы надо.

– С сыном? – прищурилась женщина.

Она не оскорбляла, она просто плохо видела вдаль.

– С братом, – отозвалась я. – И родители приехать должны, вот и ищем.

Брови госпожи поползли вверх.

– Что ж родители вас отправили, одних-то?

– А, там продать кое-что надо было, – отмахнулась я. – Вот уладят дела, да и приедут.

Женщина задумалась.

– Домик…. Разве что Магошу спросить? Она хотела к сыну поехать на пару месяцев… тут дело такое. Она уж месяца три как на сундуках сидит, сорвалась бы в любой момент, но на кого ты домик оставишь? У нас хоть народу и полно, а все ж в доме кто-то жить должен. Мало ли кто. Мало ли что.

С этим я была согласна полностью. Дом должен быть под присмотром постоянно. Но всего пара месяцев?

– Так нам-то побольше надо. Хотя… Надо смотреть.

Я вдруг подумала, что пара месяцев – тоже неплохо. Осмотримся, оглядимся, а там и придумаем что получше? Я же не знаю пока, что с родителями, как обстоят дела, что мне придется делать. Может уехать надо будет.

Сойдет домик на пару месяцев, а там глядишь, и что другое присмотрим.

Не покупать же? И деньги показывать не хочется, и правда, не знаешь пока ничего о своей жизни. Нет, так я рисковать не готова. За пару месяцев я и о родителях узнаю, и с Алетаром определюсь, и…

– А пойдемте, она у себя должна быть.

Женщина решительно зашагала к небольшому домику на противоположной стороне улицы. Из тесаного серого камня, в два этажа, с маленьким чердачком, он был очень уютным. Красная черепица, фиолетовые и белые лилии в палисаднике, аккуратное крылечко с резными балясинами – уют и спокойствие. Так я это ощущала.

Наша новая знакомая потянула за шнур – и где-то во дворе дома зазвонил колокольчик. Пришлось ждать несколько минут, а потом дверь открылась, и на крыльцо вышла женщина лет шестидесяти. Я прищурилась на нее.

Ну… сложно сказать. Вроде бы аура чистая, но любовь к сплетням тут точно есть. И любопытство, и желание лезть в чужие дела. С другой стороны – и что? Если она уедет, то в мои дела лезть точно не будет, так что ее любопытство – не мои проблемы.

– Магоша, день добрый.

– Добрый, Лана. Что случилось?

– Ты говорила, к сыну хочешь съездить, да не на кого дом оставить?

– Да.

– Вот, девушка с братом, домик ищут под съем, может, ты их пустишь на пару месяцев, а сама и съездишь?

Магоша посмотрела на нас.

– Вы, что ли, ищете, госпожа?

– Мы ищем, – отозвался Корс. – Госпожа, если что – вы не сомневайтесь, я за Шани пригляжу. Она у меня и так девушка приличная, но я ее научу за лилиями ухаживать.

Рассмеялись все.

И я, и извозчик, и обе тетки. И нас пригласили войти.

* * *

Через два часа мы обо всем договорились. Сегодня я могу переночевать у Ланы, то есть у госпожи Аланы Райс, а завтра Магоша – Маго Лиен, поедет к сыну.

Она действительно давно собиралась, и не для красного словца. И подарки были готовы, и сумки стояли. Просто с домом что-то надо было решить, а кому его доверить, она и не знала. А так мы поживем, соседи приглядят, чтобы я из дома шалман не устроила, а деньги за съем в дороге будут не лишние. Сын-то живет аж в Андаго, считай, окраина. Пока туда доедешь, пока обратно, пока погостишь… тут не два, а все три месяца пройдет.

Нам с Корсом это подходило. Правда, за лилиями я ухаживать не умела, но тетя Лана, которая просила называть ее именно так, обещала все показать и научить. Что ж, надо так надо, авось, не сложнее, чем за капустой или морковкой. Был же у нас огород, хоть и небольшой?

Вот! Научусь.

* * *

Спать в чужом доме неуютно и неудобно.

Подушка противная, одеяло кусачее, простыня шершавая… вот так. И ничего с этим не поделаешь.

Корс спал, а я ворочалась с боку на бок, потом плюнула на все, и вышла на улицу. Накинула теплый плащ прямо на ночную рубашку, и уселась на скамейку в палисаднике.

Ночь.

Алетар спит, спят лилии, спят люди…

Я смотрю на звезды. Последний раз я так смотрела на них еще в нашем лесном доме, сидя на крылечке с папой и мамой. Мы были рядом, вместе, мы были счастливы, а я этого не понимала.

Глупая Шани.

Родители.

Что с ними? Где они сейчас, как мне узнать правду?

Нет ответа.

Ночной ветер мягко касается моей щеки. Щекочет ее, ласкает, забирает боль. Мне плохо, а он старается облегчить мои страдания. Ветер шепчет что-то уютное, обволакивает меня запахом лилий, словно одеялом, забирает с собой мою боль. Не всю, но это лучше, чем ничего. Я сползаю со скамейки на землю, прижимаюсь щекой к отполированному дереву, обхватываю руками колени.

Алетар…

И раскрываюсь уже по-настоящему.

Я не использую свою силу, не пью чужую. Почувствовать меня не должны. Я просто открываюсь ночному городу, и он входит в меня.

Входит запахом соли и рыбы, лилий и травы, ветром с моря и шепотом песка, шелестом листвы и далекими криками гуляк. Входит стройными шпилями домов Белого города и огнями порта, входит спокойствием Зеленого города и ночной суетой Желтого. Входит, чтобы навсегда забрать частичку моего сердца и дать вместо него – что?

Камешек мостовой?

Частичку ветра?

Или каплю крови сердца Алетара?

Я чувствую его ритм. Где-то под городом, глубоко в темноте, алой кровью светится сердце города. Та самая причина, по которой Алетар никогда не захватывали – не получится.

Поймай ветер?

Завоюй Алетар. Это равноценные понятия – и недостижимые.

Ты можешь овладеть домами и мостовыми, но не душами и разумами. Их не сломать. Пока бьется сердце Алетара, живущие здесь будут… чуточку другими.

Какие они – некроманты? А ведь именно некромантом был тот, кто отдал свое сердце, другие маги на такое не способны. Только некроманты достаточно хорошо знают смерть, и только они могут договориться с ней, пусть на ее условиях, но к своей выгоде.

Многоликие.

У смерти много граней, и маги смерти становятся такими же. Алмазно твердыми, но сыпучими, словно песок.

Жестокими и безжалостными с врагами и жертвами, но робкими и даже нежными с теми, кого признают своими. Частью себя.

Надменными – и отринувшими гордость, подлыми – и благородными, лживыми до боли и правдивыми до слез… я не могу разобрать все, этого так много, что на миг я теряю себя – и

вновь осознаю, но уже другой, совсем другой…

Алетар мягко принимает мою душу, касается ее своими загрубевшими от ветра ладонями, ласкает – и возвращает мне. И кажется, добавляет частичку своей.

Я не хочу уезжать из этого города. Мне здесь хорошо…

Мое дыхание смешивается с запахом лилий.

Рассвет я встречаю на той же скамейке, и спать мне совершенно не хочется. Я бодра и полна сил. Мне хорошо и спокойно, я знаю, что бы меня ни ждало в Алетаре, я справлюсь. Я ведь дома. А дома и стены помогают.

* * *

Хорошо, что у нас почти нет вещей.

Пара сумок у меня, пара сумок у Корса. Перенести – дело минуты. Сумки хоть и немаленькие, но я тоже девушка нехрупкая. Кто ведра с водой от колодца не таскал, не поймет, а это треть моего веса, между прочим.

Магоша уже собралась.

Я выложила на стол десять золотых монет, заранее отложенных из общей шкатулки в карман, она сгребла их, и принялась водить нас по дому.

Продукты, запасы, лилии, уборка, комнаты…

Когда через два часа приехал господин Аруш, мы были все измотаны до предела. Но это надо, это важно. Домик был для нас в самый раз.

Кухня, комната и гостиная на первом этаже. Еще три комнаты на втором этаже. Строилось-то под семью, под большую, а теперь муж умер, сын уехал на заработки, да там и остался, женился, второй сын тоже осел в другом городе, вот и получается, что доживает женщина одна, и грустит.

Я решила, что жить мы будем на втором этаже, а в комнате внизу мы сделаем мастерскую.

Тетушка Магоша тоже времени не теряла.

Все вещи, которые ей были нужны, она собрала и убрала в кладовку, ключ от которой нам не оставляли. Я и не настаивала – зачем? Ее вещи, ее дом, ее дело. Мне в них копаться уж точно незачем.

Еще три часа нам рассказывали, что и где, а потом все-таки уехали.

Я вздохнула и упала в кресло в гостиной.

– Корс, я думала, с ума сойду.

– Шань, а ты хоть что-то из этого запомнила? – уточнил брат.

Я покачала головой.

– Нет. Но я всегда могу вспомнить.

– Удобно.

– Ну, и у моей силы должны быть свои плюсы, – пожала я плечами. – С чего начнем?

– С уборки?

Брат был практичен, как и всегда. Я минуту подумала, и кивнула.

– Что ж. Пойдем отмывать дом.

* * *

Уборка, стирка, готовка, глажка…

Первые два дня я больше ничем и не занималась, только осваивалась на новом месте. Здесь все было непривычно.

И колодец в конце улицы, к которому надо было ходить, и канавки вдоль улицы, в которые надо было сливать грязную воду, и лилии, с которыми было больше всего хлопот, и…

Город. И больше тут ничего не добавишь. Все новое, все другое… ничего. Справимся. Мы же вместе с братом! Еще бы родителей дождаться.

А потом к нам во двор заглянула тетушка Лана.

– День добрый, Шани, Корс. Освоились?

– Добрый, – отозвалась я. – Осваиваемся. Я тут пирожков напекла, и взвар есть. Посидите с нами?

– Что ж не посидеть, – не отказалась женщина.

Слово за слово, разговор у нас зашел и о том, как мы жить будем.

Я могла бы просто жить. Того, что я забрала из тайника у дядюшки Шайны хватило бы мне, Корсу, нашим детям и еще немного осталось бы внукам. Но жить не работая?

Фактически, подписать себе приговор.

Рано или поздно кто-то да заинтересуется происхождением моих денег. Не власть, так бандиты. И спросят.

Я, конечно, отобьюсь, но из Алетара придется удирать, а этого я не хочу. Мне здесь нравится, именно этот город я назвала родителям, если те появятся в Дилайне. Надо зарабатывать.

И я приступила к расспросам.

Алетар – это город у моря. Что это означает?

Во-первых, красиво. Во-вторых, постоянные ветры с моря, сырость, зябкость… то есть – алетарцы носят плащи. Кто подешевле – из парусины. Кто побогаче – предпочитают другие материалы, в том числе и кожу. Кожаный плащ удобен, потому

что не продувается, да и если дождь – не промокает. Накинул капюшон на голову, и идешь себе. Холодновато, конечно, ну так подкладка разная бывает. Вот чего в Алетаре не любят, это меха. Плохо он переносит соседство с морем.

А кожу уважают.

Сапоги, сумки, перчатки, шляпы, пояса, плащи, жилеты, даже брюки, юбки и передники – всего не перечислить. Удобно. Можно красить кожу в разные цвета, выделывать по-разному, а можно и расшивать, как я это сделала. Но расшивают тут почему-то мало.

Почему?

Кто ж знает, так исторически сложилось.

Я намерена расшивать кожаные изделия, это хорошо. Но как именно я буду работать?

Возможно два пути. Первый – я заключаю договор с владельцем лавки. Беру у него кожаные изделия, расшиваю, возвращаю. Ну и под заказ работаю. Он мне отдает процент с продажи.

Могу сама искать клиентов. Повесить вывеску, открыть мастерскую.

Проблема в том, что меня никто не знает. Вряд ли ко мне пойдет много народа, так что первый путь лучше. Если сил хватит – можно не с одной лавкой поработать, а с двумя-тремя.

Я подумала пару минут.

– Тетушка Лана, вы ведь не просто так говорите? Есть у вас кто-то на примете?

Угадала.

Женщина чуть смутилась, но в грязные тона не окрасилась, значит, не хотела обмануть. А взаимная выгода – разве это плохо?

– Тут неподалеку купец есть, у него лавка. Вот он кожаными изделиями торгует.

– Купец? Не портной, не скорняк, не кожевник?

– Нет, Шани. У нас ведь в городе скота нет, поэтому организовано все немного иначе. Едет человек, закупает шкуры, потом отдает их в работу, их выделывают, раскраивают… ты же понимаешь, никто шкуру на плащ не купит.

Я фыркнула.

Да уж, вряд ли кто-то придет на пастбище, чтобы полюбоваться на животное, с которого снимут кожу ради его интересов.

– Но ведь готовые изделия могут не подойти?

– А они не до конца готовы. Те же плащи – ты их видела?

Видела.

Удобные, кстати. Без рукавов, с прорезями, чтобы вытащить руку, и карманами, сделанные «куполом», с капюшонами,

одинаково подходящие и для мужчины, и для женщины.

– Кому-то нужно покороче, поуже, пошире… понимаешь? Можно всегда чуток да подправить.

С этим я была согласна, для хорошего портного таких проблем нет, а если уж вовсе туго, можно и на заказ пошить.

– Ага. А я могу расшивать на заказ, к примеру.

– А еще остаются обрезки кожи. Их хорошо бы на пояса, кошельки, сумки – и вот тут я могу поговорить со своим знакомым купцом.

Проблески желтого в ауре были. Но не лживые, а в сочетании с коричневым. Этаким теплым, не грязным.

Ну, тут понятно. Она и себе кусочек выгоды оговорит. Скидки, к примеру. Процент какой… это я потом разберусь, если что. Я и сама могу пойти, и меня не обманут, хотела б я на это посмотреть – обмануть мага разума, но к чему раскрываться? Не стоит проявлять слишком много самостоятельности.

– Когда мы можем сходить к вашему знакомому, тетушка Лана?

– Да хоть завтра.

Так и порешили. Завтра с утра пойдем.

* * *

– Шани, а что мы будем делать?

Я удивленно поглядела на Корса.

– А что мы можем сделать? Жить, ждать родителей, кстати – не лезть никуда. Ага?

– Просто работать? Ты будешь тряпки расшивать, я буду… а что буду делать я?

Я задумалась.

А ведь и верно – в лесу мы постоянно были при деле. Корса отец таскал с собой через два дня на третий, а если братец оставался дома, так занятие ему тут же находилось, в хорошем хозяйстве праздных рук не бывает. Огород прополоть, за козами приглядеть, починить что-нибудь…

А здесь как?

Огорода здесь нет, палисадник – с гулькин нос, домашней живности не водится, мыши не в счет… и что в результате?

Я буду работать, а брат будет гонять по улице? Э, нет, так дело не пойдет. Я, конечно, не гений, но чем это заканчивается, я отлично знаю. Если родители не рвутся воспитывать своих детей, им мгновенно найдется замена. По закону жизни – самая гадкая и подлая из возможных. Зло – оно ведь очень притягательно, такая

у него особенность. А не маскировалось бы оно под повидло, давно бы закопали. Тем более – город, неизвестно какая компания, какие соблазны…

Я подумала пару минут.

– Знаешь, мы поговорим с нашей соседкой. Чем-то же дети и в городе занимаются? А там, глядишь, и в ученики тебя пристроим к кому-нибудь? Ты чем заниматься хочешь?

Настала очередь брата задуматься.

– Шань, не знаю. Я думал, как отец, лесником.

– А сейчас? – подковырнула я болячку, уловив неуверенность в голосе.

– Не знаю. Лес – он чудесный, он самое замечательное место на свете, но столько всего хочется посмотреть, повидать…

– Может, тебе караваны водить захочется?

– Не знаю. Шань, я правда пока не знаю.

– Значит, будем определяться.

* * *

На следующий день я побеседовала об этом с соседкой. Тетушка Лана подумала минут двадцать – и изрекла:

– Почему бы вашего брата и в школу не отдать?

– Куда? – искренне удивилась я.

– В школу.

– А это – как?

Тетушка Лана принялась рассказывать.

Оказывается, идея с занятостью детей, пришла первой не мне в голову. И даже не нынешнему королю Раденора. Примерно – позапрошлому.

Лет так сто назад король подумал, что править необразованным быдлом – ниже его достоинства, и организовал школы. Правда, сделал он это своеобразно.

Что такое школа?

Туда приходят дети в возрасте от пяти до десяти лет. Можно и старше, конечно, мало ли у кого какие обстоятельства. Их учат письму, чтению и счету – в обязательном порядке. Не нравится – не учись, топай, гуляй на улицу.

Никого не уговаривают, не заставляют, не упрашивают, просто у грамотных-то в жизни шансов больше. И не обманут, и не обсчитают, так что учителей уважают, а профессия достаточно почетная. И оплачивается неплохо.

Далее идет разброс.

Дело в том, что склонности у детей разные. Кому-то

интересно кожевником быть, кто-то стекла лить хочет, кто-то посуду делать…

В школу приходят мастера.

Приглашают детей к себе, тех, кому это интересно, показывают свое дело, а там, постепенно и подмастерьев себе выбирают. Но это только после того, как дети обучатся основам.

В итоге, ребенок из школы уходит, но по улице без дела все равно не болтается – переходит в обучение к мастеру. Заключается договор, вот так, постепенно все и улаживается.

– А туда могут все дети прийти?

Тетушка Лана покачала головой.

– Могут все. А приходят далеко не все. К примеру, хочется человеку быть рыбаком, как его отец и дед, и прадед… ну и что ему та школа? Он с малолетства науку у моря осваивает. Или землю пахать… или те же травники – им вообще школа не нужна, они из леса и поля не вылезают, почитай, постоянно на промысле. И учеников с собой таскают.

Я кивнула.

Что ж, это справедливо. Хочешь узнавать нечто новое – учись. Нет? Твое право, кто ж за уши к хорошему-то тянет? Чай, не кролики.

– А школа – она одна?

– Да ты что, детка. Их штук шесть по Алетару, по три в городе. В Зеленом и в Желтом, аристократы-то своим детям учителей нанимают на дому.

Я поглядела на Корса.

– Сходишь?

Взрослый и самостоятельный мужчина подумал и кивнул.

– Пожалуй, что и схожу. Посмотрю, чему там учат.

– Это надо идти со взрослым, – предупредила тетушка Лана. – Можем по дороге и зайти…

– Давайте тогда по дороге от купца, – предложила я. – Там-то проще, а в школе мы не знаем, сколько провозимся. А если кто хочет дальше учиться, сам учителем стать?

– Пусть идет подмастерьем к учителю, – пожала плечами тетушка Лана. – Шанс будет, а там уж как сам пожелает.

Мне стало интересно. Но сначала – купец.

* * *

Лавка располагалась в Зеленом городе, несколькими улицами повыше. Основательная такая, с вывеской: *«Кожи и изделия»*.

Внутри было тихо и приятно пахло выделанной кожей.

Навстречу гостям поднялся мальчишка лет четырнадцати – явно приказчик в лавке.

– Добрый день, господа. Чем я могу быть вам полезен?

– А господин Варох у себя?

– У себя.

– Позови. Скажи, госпожа Алана Райс пришла.

– Слушаюсь, госпожа.

Паренек ненадолго скрылся в глубине лавки, чтобы появиться вновь, в сопровождении осанистого мужчины лет пятидесяти. Невысокого, коренастого, с окладистой бородой и волосами, уложенными «скобкой». Одет он был очень просто – белая рубаха, кожаный жилет и кожаные же штаны. Я подумала, что жилет хорошо бы расшить дубовыми листьями, а может, и на спине что-то такое вышить. Душевно бы смотрелось.

При виде нашей компании мужчина расплылся в улыбке.

– Лана, день добрый.

Я посмотрела на розовые тона, окрасившие их ауры, и подумала, что когда-то у них были не только дружеские отношения. Но не все ли равно?

– Вар, рада тебя видеть. Знакомься, это и есть моя мастерица. Шайна Истар.

– Рад знакомству, – прогудел мужчина. – Варош Элдот, к вашим услугам.

– Шайна Истар, рада знакомству, – вежливо ответила Шайна. Про услуги, правда, не добавила, девице не подобает такими словами раскидываться.

– Лана мне показала кошелек. Неуж правда вы сами расшили?

Шайна пожала плечами, и выложила на прилавок свои изделия.

Перчатки с отворотами, расшитыми сложным геометрическим рисунком. Кошелек с осенними мотивами. Пояс Корса – тоже она расшивала волками.

– Больше у меня с собой нет, но могу и что-то большое расшить.

– Хм-м…

Варош внимательно осмотрел все вещи. Расшито было хорошо, качественно, чувствовалась любящая рука. С душой вышивалось.

Это-то да, но одно дело для своих, а другое – на поток. Для всех подряд.

С другой стороны, а что он теряет?

– Материал мой, заказы мои, ваши двадцать процентов.

– Сколько? – вознегодовала я. – Шестьдесят, и ни процентом

меньше!

И с кем собирался торговаться этот тип? С магом разума?

Сорок пять процентов я выгрызла буквально зубами. Больше он мне не дал бы никогда, да и нитки мои, но эта цена была справедливой. Мне спину гнуть, мне глаза портить и пальцы колоть – и двадцать процентов?

Заелись вы, господин купец.

Мы подписали договор в присутствии нескольких независимых свидетелей (позвали для такого дела пару человек с улицы) и я ушла из лавки с первым заказом.

Кожаная куртка.

Выделка замечательная, но – не повезло. При перевозке товара деранули ее по груди, а кому ее продашь с ошкрябками? Товар дорогой, за копейки спихивать не хочется, а вот если чего вышить на том месте…

Что ж. Можем и вышить.

А теперь – в школу.

* * *

Школа мне понравилась.

Большое здание из белого тесаного камня приветливо распахивало миру свои окна. Кстати – застекленные. По меркам Риолона – безумная роскошь, там обходились бычьими пузырями, или рыбьими, кто жил поближе к морю. А здесь – стекла. Видно, что не слишком хорошие, явно брак, но стекло. Несколько больших кабинетов, внутри столы и лавки, на столах грифельные доски. Отдельно столы для учителей. Учителя занимают какой-то определенный кабинет, а ученики переходят из класса в класс.

Чтение, письмо, счет. Это обязательные предметы для всех. Мастера, которые заинтересованы в подмастерьях, приходят в назначенное время. Интересно тебе – оставайся, нет – уходи.

Дети были разными. Добрыми и злыми, любопытными и безразличными, умными и глупыми. Кто-то думал об учебе, кто-то о том, как удрать на рыбалку, кто-то…

Я привычно блокировала волну мыслей.

Уже – привычно.

Практика, тренировка, раньше у меня это отнимало куда как больше сил и времени. А сейчас я иду и улыбаюсь, словно держать щит для меня так же привычно, как дышать. Теперь я понимаю родителей. И понимаю, чего они боялись.

Почему держали меня в глуши и в блокираторах.

Когда у тебя в руках такая сила, такие возможности, кто

избегнет искушений? Точно не я. Не удержалась бы. Хоть там, хоть здесь, повлиять по мелочи, подтолкнуть – нет, не удержалась бы. Кто-то понял бы в чем дело, сложил два и два, и не было бы у нас этих спокойных и счастливых лет.

– Добрый день. Вы привели к нам нового ученика?

Это заговорил с нами мужчина лет сорока – сорока пяти. Высокий, немного нескладный, словно портновский метр, с взъерошенными волосами цвета соли с перцем и с обаятельной улыбкой. Красивый, наверное. Для других, не для меня, потому что я-то вижу и некрасивые пятна в его ауре, и вспыхивающую грязно-красными искрами похоть.

Этот человек хочет меня, как женщину? Фу!

Но внешне все выглядит более, чем прилично.

– Директор этой школы, Кьен Иленей, к вашим услугам, милые дамы.

Тетушка Лана краснеет. В ауре мужчины – довольные серебристые искры, ему это нравится. Как женщину, он ее не рассматривает, вспышек интереса я не наблюдаю, но приятно, когда твои чары действуют, не так ли?

– Алана Райс. Это мои племянники, Шайна и Корс Истар. Корс хотел бы учиться в вашей школе.

Корс закивал.

Директор с улыбкой поглядел на него.

– Хм-м… Корс Истар? Шайна Истар? – более пристальный взгляд на меня. И опять красные искры – фу. – Рад знакомству. Желаете у нас учиться, господин Истар?

– Да, господин Иленей.

– Можно – господин директор, – кивнул мужчина. – Пока не вижу никаких особых препятствий к исполнению вашего желания.

Корс расплылся в довольной улыбке. Ему здесь было интересно – после леса, после нашего захолустья. Что-то новое, что-то полезное, люди, знания, умения – как тут не загореться? Все лучше, чем целыми днями по улице слоняться.

– Вы вообще ничего не умеете, Корс? Из того, чему учат в школе? Буквы знаете?

– Читать, писать, считать – умею, – Корс улыбается. А я почему-то настороже. Наверное, из-за этих искр. Мне они неприятны. Да, я видела их у мужчин, Но достаточно смотреть в сторону, или как-то еще дать понять, что меня это не интересует, и они затухают. А тут – нет. Продолжают вспыхивать…

Почему мне это неприятно?

Наверное потому, что я знаю, какой может быть любовь. Как у того же Миха. Она греет, а эти искры лишь обжигают. Огонь может гореть вечно, а искры – может быть, ты и раздуешь из них

пламя, а может, и нет. Только шрамы заработаешь.

– Это хорошо. Я вас посажу в один из классов, что-то они уже прошли, но я думаю, ваша сестра поможет вам наверстать пропущенное? Если будет, что наверстывать?

– Спасибо.

– Хотя я уверен, что вы будете в числе первых учеников.

Вежливые слова, улыбка, договор. В договоре все просто. Корс учится до конца года, потом сдает выпускной экзамен и получает на руки свидетельство школы. Бумажку о том, что он прослушал в ней курс наук. В Алетаре без нее иногда и подмастерьем не возьмут. На корабль – можно, если ты в матросы метишь. А вот если выше – учись. За обучение брата я плачу один серебряный в месяц. Это не особенно дешево.

Есть те, кто учится бесплатно, но это дети из нищих семей, те, у кого нет родителей или только один родитель, дети из многодетных семей, дети с физическими недостатками… я не хочу причислять к ним Корса. Это не делает их хуже или лучше, но если я могу заплатить – зачем лезть в глаза и требовать стипендию?

Директор не слишком этому рад, кажется, он рассчитывал, что я буду ходить, просить, но деньги есть. Наследство Шайны. Что ж, пусть они пойдут на обучение Корса.

Можно ли как-то сгладить эти искры похоти в ауре директора?

Не знаю. И пробовать не хочу, ни к чему. Ну его… проще не иметь с ним никаких дел, и само заглохнет.

* * *

Корс заводит разговор со мной, когда мы уже пришли и хлопочем по дому.

– Шань, тебе не кажется, что все хорошо складывается? Даже слишком?

– В чем?

– Сначала мы Шайну встретили. И удачно доехали до столицы. Потом корабль удачно нашли, потом… да даже здесь, в Алетаре?

Я пожала плечами.

– Для Шайны, к примеру, все не так хорошо сложилось.

– А для нас – хорошо.

– Это только благодаря моему дару. И тому, что я им пользовалась. Мы с тобой до сих пор не знаем, как именно все сложилось, братик. Сам подумай – мы набросали камней в воду. А вот что они породят? Круги, которые заглохнут в тине…

– Или водяного, который выглянет из воды с шишкой на лбу?

– Или ураган, который сметет нас с тобой, – вздохнула я. Безумное везение, но чем оно закончится? Мы ушли из Риолона, мы теперь в Раденоре – хватит ли этого? Надо подать документы на Раденорское подданство, но сначала надо узнать, как это делается. Мало ли? Попадусь так на глаза магу – и все, выбора у нас с братом не останется.

– Шань, а ты пользуешься всегда осмысленно? Или нет?

Я замотала головой.

– Не понимаю?

– Ну, хвост собакой вертит – или собака хвостом? Не может твой дар тебя подталкивать? Или воздействовать незаметно для тебя?

– Нет. Это часть меня, как рука или нога, я его контролирую. А с чего ты решил так?

– Я читал такую теорию… чтобы развиваться, дар ставит своего хозяина в неблагоприятные условия… как-то…

– Поняла, – я вспомнила, о чем говорил Корс. – Каждый талант хочет развиваться, а когда речь идет о магии, она начинает подталкивать своего носителя. Под влиянием своей силы человек совершает поступки, последствия которых может разобрать только с применением магии – уже осознанно. Таким образом дар растет. Так?

– Да… где-то я читал.

– В сказках, братик. В сказках. До первого проявления, до

инициации, магия не активна, а потом, когда человек узнает о ней, конечно, он начинает пользоваться, даже втихаря, и развивать свою силу. Или давить. Но просто так она не остается, это не панталоны, которые можно забыть на полке.

– Все равно, как-то оно очень хорошо складывается для нас.

– Потому хорошо и складывается, что я осознанно, стараясь предусмотреть все последствия, пользовалась своей магией. И заметь – складывалось оно только для нас. Дядюшка Шайны с тобой не согласился бы, сама Шайна, те военные, которые нас пропустили, тот же Ленер…

Корс кивнул. Явно начал соображать.

– И как-то быстро мы дом нашли. В Алетаре, в столице, и пустить нас легко согласились…

– Разве? Мне кажется, мы его достаточно долго искали, весь день.

– А тетушка Лана говорит, что найти хороший дом в столице сложно.

Я пожала плечами.

– Тут, скорее, совпадение. И тетушке Маго надо было уехать, и мы с тобой прилично выглядим, все же девушка с братом – не толпа пьяных студиозусов, и не сказать, чтобы она так уж мало просила за дом – не всякому по карману.

Корс кивнул.

– А ты на нее точно не воздействовала?

– Поклясться?

Корс вздохнул.

– Знаешь… я испугался.

– Меня?

Сердце екнуло, сжалось. Если уж брат меня боится, боится того, что я могу сделать, получив силу… что я могу изменить его… я – чудовище?

– Ага. Ты сейчас будешь вот так травить силу, а тебя почуют и придут. И заберут.

Я медленно выдохнула, возвращаясь к жизни. Не меня. ЗА меня. Но…

– А что я могу на тебя подействовать? Не боялся?

– Шань, ты дура?

Никогда я не была так рада этому вопросу.

* * *

Айнара Ланат не запомнила момент прибытия в Тиртан. Ее опоили.

Вечером она, как обычно, поела плов, а потом ее резко и сильно заклонило в сон. Маги разума, увы, очистить свой организм не могут, так что сопротивляться и не получилось. Оставалось лишь надеяться, что это не яд, а снотворное, так оно и вышло.

Очнулась она уже на твердой земле.

Не было качки, к которой она привыкла за это время, не было плеска волн, крика чаек… Шем? Что с ее мужем?

И где она сама?

Хотя тут-то вопрос ясен. Она в доме богатого тиртанца, это сразу видно. Тут тебе и круглые окна с разноцветными стеклами, и занавеси в виде полос шелка, и расцветка стен – в Тиртане любят красные и желтые тона, а также все их оттенки, тут и пушистый ковер, в котором ноги тонут по щиколотку, и громадная кровать, так же круглой формы, и легкий балдахин – не от холодов, от ночных насекомых.

Тиртан, безусловно.

Но… Сирант?

Долго Айнаре пребывать в размышлениях не дали. Дверь открылась, и женщина резко выдохнула воздух.

Сирант.

* * *

Он был очень похож на своего отца. Почти точная копия.

Те же черные глаза, черные волосы, те же белые зубы и хищный ястребиный нос. Даже клыки так же заострены, из-за чего ухмылка кажется вовсе уж волчьей. Она отлично помнила эту ухмылку.

Чуть ниже лоб, чуть шире скулы, а так их можно спутать с отцом. Но…. Маг ли он?

Айнара прислушалась к себе.

Нет, ничего нет. Пустота.

Трей Аршан Сирант довольно улыбнулся.

– Айнара…

Мягко, словно пробуя ее имя на вкус раздвоенным языком. Как гюрза, которая греется на солнце, такая же омерзительная.

Айнара молчала. Пусть выскажется, потом она ответит. Не стоит поддаваться на провокации.

– А ты стала еще красивее. Роды пошли тебе на пользу.

Опять молчание. Ее ведь не спросили, вот и говорить не о чем.

– Где моя сестра?

Айнара пожала плечами.

– Не знаю.

Черные глаза сощурились. Зло, надменно, взгляд вонзился парой кинжалов.

– Не лги мне!

– Я не лгу. Я действительно не знаю, где сейчас моя дочь. Нас было двое, с мужем.

– С похитителем чужого имущества, – мягко поправил Аршан.

– С мужем, – покачала головой Айнара. – В Риолоне нет рабства.

– Но там признают наши законы.

– А в Раденоре – нет.

– А до Раденора вы не доплыли. И вы не подданные раденорской короны.

Такой вот выверт.

Там, где нет рабства, Айнара свободна, и может сама распоряжаться собой. Там, где есть рабство, она по-прежнему собственность трея Сиранта, неважно, нового или старого, и распоряжаться ей может трей. А Шем становится ее похитителем и автоматически приговаривается к казни.

И что им стоило сразу сбежать в Раденор?

Испугались. И за Шани, и за себя… испугались и спрятались. Только сейчас уже бояться поздно, самое худшее уже случилось.

– Шем – мой муж, – спокойно сказала Айнара. – И он меня не похищал.

– Не знаю, не знаю. Посмотрим, что он запоет под пытками.

Угроза была страшной, но Айнара едва не улыбнулась. Это ведь уже – счастье.

Шем жив! Он тоже у трея Сиранта. И убивать его не собираются, только пытать. Это ли не плюсы? А остальное в их руках.

Айнара покачала головой.

– Ты не хочешь его убивать, Аршан. И пытать его ни к чему, ты же понимаешь, что он тоже не в курсе, где моя дочь.

– Но может ее найти.

– И я могу.

– И найдешь, чтобы я с него шкуру не спустил полосочками.

Айнара пожала плечами.

Найти Шани? Вполне вероятно, но тут уж бабка надвое сказала, как сложатся обстоятельства. Силу своей дочери она знала, как бы Аршану не пришлось кричать, что его не отпускают. Поймать-то мало, надо еще воспользоваться.

– Что я за это получу?

– Жизнь.

Айнара покачала головой.

– Неубедительно. Убивай.

Трей Аршан Сирант ухмыльнулся, показывая клыки.

– И тебя, и твоего мужа. Сначала его – на твоих глазах…

– А потом меня? Не получится. Я слабый маг, но уж себя-то убить я смогу. Любой маг сможет.

Это верно. Просто маги предпочитали жить, но умереть они могли даже под блокировкой. Ходили слухи, что маги жизни могли это предотвратить, или маги смерти, те просто договаривались со Смертью – и та не принимала их клиентов.

Трей кивнул. С этим он был согласен.

– Если ты будешь под блокировкой…

– Ну, буду. А в какой-то момент она слетит, от последнего усилия. И останется на месте твоего дома воронка.

– Такой силы у тебя нет.

– Другая есть. Останется, к примеру, дом, но все живущие в нем сойдут с ума. И ты персонально, я ведь тебя видела и запомнила.

Аршан невольно поежился.

У него кровь была не активна, а вот Айнара, хоть и слабый, но маг. И про последнее заклинание действительно легенды ходили. Страшноватые.

– В крайнем случае, – сила у Айнары была блокирована, но маг разума и так многое может, – Ты получишь два трупа. А хочется-то другого?

И с этим было сложно спорить.

– Что ты хочешь получить от меня, Аршан? На что согласишься, в качестве выкупа?

Вот это уже был разговор.

– Смотря, что ты можешь мне предложить. К примеру, твою дочь – мою сестру. Это первое.

– И второе?

– Ребенка от меня. Выносишь мне еще двоих – и я отпущу вас с мужем.

Айнара задумалась.

Решение было хорошим, а главное, давало ей отсрочку. Ей, Шему – они будут живы и здоровы все это время. Уже неплохо.

Кому принадлежит время – тому принадлежит мир. А теперь торгуемся, иначе здесь и нельзя. Согласишься сразу – решат, что ты не желаешь выполнять свои обязательства. Хотя это чистая правда.

– Я хочу видеть мужа – не каждый день, но хотя бы раз в три дня. Это первое. И второе – гарантии.

– Какие у тебя могут быть гарантии?

– К примеру, приезжает моя дочь, и ты отпускаешь Шема. Я рожаю тебе ребенка и уезжаю сама.

– Детей, – напомнил трей.

Айнара покачала головой.

– Ребенка. Одного.

– Двоих. За тебя и за твоего похитителя.

– Мужа.

– Хорошо, за твоего мужа.

– Одного. Ты получаешь мою дочь, а она может нарожать много детей.

– Но не от меня. У нас общая кровь.

– Не сомневаюсь, в роду Сирант кто-то да найдется – достаточно дальний, двоюродный или троюродный, – Айнара была спокойна внешне, но кто бы знал, как сжималось у нее все внутри? – Моя дочь вместо меня, ребенок за моего мужа. Я все равно не пригожусь, я уже слишком стара, чтобы рожать много. Есть вероятность, что я умру родами вместе с ребенком. И ты опять в проигрыше. Одного я еще смогу родить, но больше – придется долго восстанавливаться, ты же знаешь, ребенок берет ту же магию из тела матери, а я уже не так молода. Пока восстановлюсь, пока то-сё…

– Хм-м…

Аршан задумался. Доводы были разумными, обещания неплохими, род оставался в выигрыше.

А эта рыжуха…

Аршан отлично помнил ее. Помнил и ее сестру.

Мужчины на женскую половину, конечно, не допускаются, но куда только не пролезет мальчишка, который начинает интересоваться тем самым?

Видел он их обеих в бассейне, и отцу завидовал. Айнара даже сейчас была хороша, а уж в юности – глаз не отвести.

Вот, положа руку на сердце, поступил бы он, как отец? Стал бы разорять их родителей, чтобы получить дочерей в свой гарем?

Стал бы. Магией пренебрегать не стоит.

Но наказывать за побег Айнару Ланат?

Она была в своем праве, уж он-то знал. И отца знал, и на что он способен. Одобрял, не без того, на Аршан был не внутри ситуации, а как бы над ней, потому и мог оценивать все происходящее здраво. Отец специально все подстроил, чтобы получить девочек, и когда одна умерла, был в ярости. Потом вторая сбежала, нося под сердцем дитя господина. Аршан и так искал бы ее, это вопрос принципа, но раз уж у него есть сестра…

– Как ее зовут?

– Айшет, – не стала изображать непонимание Айнара. –

Айшет Ланат.

– Ты назвала дочь в честь мертвой сестры?

В Тиртане это было плохой приметой. Вот мужчин можно было так называть, в честь отцов и дедов, а женщин – не стоило.

Айнара пожала плечами.

– Моя дочь – мое право.

Трей хмыкнул.

– Ладно. Айшет Ланат приезжает сюда. Я отпускаю твоего мужа. Ты рожаешь мне еще одного ребенка и уезжаешь.

Айнара кивнула.

– По рукам.

Просить снять блокиратор она не стала. К чему позориться. Но мягко намекнула.

– Я надеюсь, мой дар будет блокироваться только механически? Для ребенка снадобья могут оказаться вредны.

Аршан кивнул.

– Только механически.

В ошейник женщины был встроен тот самый блокиратор дара, который был и у Шани.

– Я пришлю слуг. Напиши дочери, пусть приезжает. А послезавтра ты придешь в мою постель.

– Могу я повидать моего мужа?

– Сначала ты пишешь, потом вы видитесь, потом ты приходишь ко мне.

Айнара кивнула.

Это были хорошие условия. Что ж, игра началась, а уж она постарается выиграть.

* * *

Письмо она написала быстро.

Милая моя дочурка!

Мы с отцом сейчас в Тиртане. За нас требуют выкуп, поэтому пожалуйста, привези сюда двести золотых. Или привези драгоценности, которые я тебе дала, столько-то они стоят.

Тиртан, Илшон, дом трея Сиранта.

Спросишь трея Аршана Сиранта, и он обговорит с тобой вопросы выкупа.

Люблю тебя, целую.

Мама.

Ничего крамольного в письме не нашлось, и Аршан разрешил

отправить его в Дилайну, по указанному адресу, чтобы письмо передали Айшет Ланат. А Айнару приказал проводить в подземелье.

Шем содержался во вполне приличных условиях.

Сухая камера с небольшим, размером с пару ладоней окошком под самым потолком, чистая солома на полу, тюфяк, одеяло. Цепь была, но прикован Шем был за лодыжку, а длина цепи позволяла передвигаться по всей камере безболезненно. Да и на теле Шема не было никаких повреждений. Его не били, он не выглядел больным, его не морили голодом и не издевались. Это было видно. И зрачки нормальные – ничего дурманного ему не давали. Это хорошо.

Просто мужчине не давали возможности ни убежать, ни убить себя.

– Шем!!!

Айнара повисла у мужа на шее, даже не дожидаясь, пока за тюремщиками закроется дверь.

– Нари!

– Шем!!!

И слезы хлынули потоком.

Прошло не меньше десяти минут, прежде, чем Айнара смогла говорить. Она рассказала, что они в Тиртане, у трея Сиранта – сына прежнего трея, что ценой за их свободу станет жизнь Айшет, что она написала дочери, и будет приходить видеться с мужем, что все будет хорошо…

Шем сказал, что его не обижают. И умолял беречь себя.

Им дали наговориться. И ровно через два дня пришли за Айнарой.

Пришла ее очередь выполнять соглашение – на ложе у трея Аршана.

* * *

И потянулись дни.

Тихие, спокойные, мирные. Один за одним…

Куртку я спасла, вышила на месте кошачьих царапок львиную морду, а царапки как раз послужили усами. Добавила такой же шеврон на рукав и на карман, и куртка ушла влет. Я получила свои проценты и первые заказы. Так что скучать было некогда – с утра, пока свет яркий, вышивка, после обеда – хозяйство.

Корс с утра уходил в школу, потом возвращался домой, учил уроки – им задавали на дом то почитать, то посчитать, гулял на улице, завел себе новых друзей…

Я его не контролировала, но тетушка Лана, которая плотно взяла нас под свою опеку, рассказывала, что ребята все приличные и из хороших семей.

Шалить – шалят, а кто в детстве не был грешен? Но в меру, исключительно в меру. Выкрасить ворота в черный цвет – запросто, пугало раздеть, или там колокольчик на крышу нацепить – это спокойно, а вот украсть чего, или над животными издеваться, так, к примеру – этого нет. Нормальные дети.

Тем неожиданней оказался вызов из школы. Меня желал видеть директор, по очень серьезному вопросу.

Что ж, придется идти.

* * *

Директор ждет меня в кабинете. Сидит за столом, перебирает бумаги, лицо самое что ни на есть печальное и озабоченное.

– Госпожа Истар…

– Я вас слушаю, господин Иленей. Что случилось, почему вы меня вызывали?

– Госпожа Истар, к сожалению, у нас проблемы.

– У нас?

Учитывая, что «нас» просто нет, звучит странновато.

– Мне неприятно об этом говорить…

Я вглядываюсь в облако, окружающее господина Кьена Иленея. Хм-м… а ведь его правда что-то тревожит. Аура щедро разбавлена желтыми всполохами. Даже красные искры притухли.

– Раз я здесь, господин Иленей, значит, другого выхода вы не видите, – максимально спокойно произношу я. – я вас слушаю.

– В последнее время, госпожа Истар, кто-то начал воровать в школе.

Я даже не сразу поняла, о чем речь.

Воровать?

И что? Мы-то тут при чем?

Только когда директор, потупив очи, сообщил постным тоном:

– Раньше такого не случалось, а из новеньких у нас только ваш брат, – я что-то сообразила. И искренне рассмеялась.

– Корс? Вы серьезно?

Такой реакции Кьен Иленей не ожидал. Во всяком случае, в его ауре замелькали оранжевые вспышки тревоги и растерянности.

– Простите, госпожа Истар, но…

Я махнула рукой.

– Господин Иленей, объясните, зачем Корсу нужно воровать? Вы можете позвать его сюда?

– Да, конечно.

Кьен Иленей тряхнул колокольчиком, и когда вошел помощник, попросил его привести Корса Истара. А я тем временем разглядывала его ауру.

В том-то и дело.

Он действительно подозревал Корса. Но готов был закрыть глаза на воровство, если я и он… Ну, знаете – это явный перебор.

– Я легко вам докажу, что Корс не воровал. Вы же видите, когда ребенок врет?

– С моим опытом начинаешь подмечать многое, госпожа Истар.

– Вот и поглядите на моего брата. И учтите, если что – я просто пойду к магам воды и потребую чтобы его спросили.

– Вы серьезно уверены в вашем брате.

– Корс шкода и вредина, но не вор. Ему это просто ни к чему, господин Иленей.

Корса долго ждать не пришлось. Минут через десять он явился пред светлые директорские очи.

– Здравствуйте, господин Иленей. Вызывали?

– Да.

– Шани?

– Корс, будь человеком, просто ответь на вопросы? – попросила я, понимая, что если мы сейчас будем вдаваться в объяснения, это затянется надолго.

– Зачем?

– Корс, – чуть рыкнула я.

– Ну… ладно.

– А я тебе потом все дома объясню. Отвечай, ладно?

– Хорошо, Шань, – скорчил рожицу братец. – Задавай свои вопросы.

– Корс, где у нас хранятся деньги на расходы?

– В шкатулке, в буфете, – пожал плечами Корс. Не та информация, чтобы ее скрывать.

– Сколько там лежит?

– Около десяти серебрушек мелочью. Когда как, чуть больше, чуть меньше, а что?

– Да ничего. Ты можешь брать оттуда деньги?

– Ты сама сказала – бери, если надо. А что?

– Ты брал оттуда деньги?

– Пару раз, друзей угостить.

Корс не лгал, ни минуты не лгал. И господин Иленей тоже это понял. Оранжевые всполохи сменились искрами недоумения.

Этот – не вор. Но кто же тогда?

– Я у тебя спрашивала до этого раза про деньги? Требовала отчета?

– Нет… а что случилось-то?

– Спасибо, братик. Ничего страшного. Иди на уроки, ладно?

Корс кивнул.

– Шань, мы дома поговорим?

– Обещаю, – кивнула я.

Корс вышел, а я поглядела на директора.

– Господин Иленей, вы сами слышали. У Корса свободный доступ к деньгам в любую минуту. Я с него отчета не спрашиваю, ему просто нет нужды воровать. Много пропало-то?

– Меньше, чем у вас на расходы хранится, – вздохнул директор. Растрепал волосы, грустно вздохнул. – Шайна, вы простите. Я был уверен, что это Корс…

– Ему просто незачем. Уж вранье-то любой маг почует, если до этого дойдет, но вы и сами видите, что он не лжет. С вашим-то опытом.

Кьен воспринял это как комплимент и расцвел.

– Да. Я их много навидался. Ваш брат не врет, но кто же тогда ворует, хотел бы я знать…

Ты бы хотел, а я бы и смогла узнать. Но стоит ли этот случай – раскрытия моего дара? Или попробовать как-то это иначе организовать?

Не знаю, надо подумать. И расспросить подробнее о случаях кражи.

Что я и делаю.

И получаются детские какие-то кражи.

У одного учителя кошелек утащили – там и двух серебрушек не было, у второй серебряную цепочку, у третьего даже кошелек брать не стали, вытащили просто один серебряный из кошелька, а сам кошелек оставили. И зачем это Корсу, который в любой момент может взять втрое больше, даже не говоря мне об этом?

Детские кражи… вот именно.

Я вздыхаю.

– Может, я пойду, к Корсу загляну? Объясню ему, что к чему, попрошу понаблюдать?

Директор потирает лоб. Ему не слишком нравится эта идея, но и выбора другого нет. Я же не стану ему объяснять, что смотреть будет не Корс, а я. И не когда-то потом, а здесь и сейчас.

Никуда воришка от меня не уйдет – если попадется мне на глаза.

* * *

Корс сразу же вешается мне на шею.

– Это твоя сеструха? – тянет один из ребят. – А ничего так себе…

Я улыбаюсь.

– Корс, мне надо с тобой пару минут поговорить, потом опять пойдешь к друзьям, хорошо?

– Хорошо, Шань. А о чем говорить будем?

– Да уж найдется о чем. Это вся ваша группа?

– Ну да.

Я сажусь в уголке, притягиваю Корса к себе поближе, чтобы никто меня не слышал.

– Прикрой меня, мне надо послушать твоих одногруппников.

Брат повинуется, не задавая вопросов. Не питаю иллюзий – потом он из меня все вытащит, уже этим вечером. А сейчас молча поможет.

Я медленно открываюсь миру.

И в меня хлещет куча информации.

Детей много, людей в здании еще больше, а про город я вообще молчу. Этот как цунами, торнадо, ураган, который сносит меня в свою воронку.

Оххх…

На корабле народу было на порядок меньше. И вообще…

Выныриваю я с трудом. Кажется, я даже на секунду сознание потеряла?

Из носа капает кровь. Интересно, а почему в доме Истарских такого не было?

А, все просто. Я не открывалась, я воздействовала. Одно дело – принимать удары, другое бить самой. Сразу, на поражение.

А сейчас я чувствую себя, как колодец, который одновременно подключили к озеру, реке и морю. Вт и переполнилось.

– Шань, ты в порядке?

– Не совсем, – качаю я головой. – проводи меня до калитки?

Корс кивает и провожает. А я иду, и думаю, что щелчок по носу вышел качественный. До кровавых соплей.

Не думай, что тебе все позволено в этом мире, маг разума. Тебя могут задавить числом, взять силой… сейчас ты сама себя чуть не угробила.

Балда ты, Шани. И не лечишься.

* * *

Я медленно иду домой. Продолжаю ругаться, да…

И Корсу не помогла, и себя чуть не выдала, и воришку не нашла.

– Купи ракушку?

Мальчишка. Из тех беспризорников, которых полно по городу.

Я смотрю удивленно.

– Зачем?

– А тут жемчужина.

В ракушке с чем-то неаппетитным действительно лежит жемчужина. Да и мальчишка не врет, ему хочется продать эту ракушку… ну да. Пока старшие не увидели и деньги не отобрали.

– Сколько?

– Пять медяков.

Сую ему монетки и забираю раковину.

Моллюск уже сдох. Жемчужина образовалась не в нем, а на границе с раковиной, поэтому у нее полусферическая форма. И отколупывать ее приходится, присев на бордюр удачно подвернувшегося фонтана. Минус два ногтя, потом поддеваю монеткой с заостренным краем, которая случайно оказалась в кошельке, и жемчужина у меня в руках.

Катаю ее в пальцах, чувствуя…

Оххх…

А что я чувствую?

Я могу ответить.

Покой, умиротворение, сила постепенно успокаивается. Я… прихожу в норму?

Да.

А вот жемчужинки больше нет. И с моих пальцев сыплется на мостовую белый пепел.*

*** – жемчуг – органическое вещество, которое «умирая» дает роговое вещество и порошок извести. Прим. авт.**

* * *

Дома я серьезно обдумываю этот вопрос.

Получается, что жемчуг, к примеру, восстанавливает мои силы. Надо купить завтра, проверить. Жемчуг в Алетаре вообще дешев. А что могут другие камни?

У нас ведь ничего такого не было…

Надо смотреть и пробовать.

Приняв такое решение, я укутываю платком горшок с кашей для Корса, оставляю ему записку и опять отправляюсь в город. Мне нужна лавка с украшениями или мастерская ювелира.

Лавка находится быстрее.

Это не слишком дорогая лавочка, из тех мелких, которые торгуют всем и вся, а такие жемчужины, как та, что я купила у мальчишки, висят здесь снизками. Правда, стоят подороже.

Я медленно прохожу внутрь, ненавязчиво пробегая пальцами по связкам бус.

– Я могу вам чем-то помочь? – обращается ко мне продавец.

Явно наемный работник. Ему лет двадцать, может, даже меньше, весь вихрастый, растрепанный, какой-то нескладный. И одежда не слишком дорогая, вот, и штопка на рубашке.

– Да… покажите мне вот этот жемчуг?

Я намеренно выбираю бусы похуже, пострашнее. Жемчужины кривые, неправильные, все какие-то уродливые – такое не надевают. Но мне-то все равно! Силы восстановить я смогу, а какой там размер и форма – неважно.

Касаюсь их пальцами.

Да, то же самое ощущение. Просто когда жемчужина одна… я мгновенно вытянула из нее всю силу, а вот если их несколько – они могут поддерживать меня намного дольше.

– Дорого?

– Серебряный.

Я сморщиваю нос.

– А если подумать? Не стоят они столько.

– Подумайте, госпожа. Я цены не назначаю….

И врет.

Не назначает, все так. Но к цене мальчишка прибавляет и свой процент. По паре медяков с вещи, и получается вполне прилично.

Я качаю головой.

– Я пока еще посмотрю, хорошо?

– Конечно, госпожа.

Я прогуливаюсь по лавке. Касаюсь пальцами то одних бус, то вторых.

Вот браслет с бирюзой. Она прохладная, спокойная, и она тоже воздействует. Я это ощущаю так. Бирюза… раскрывает. Она способствует откровенности, что ли… снимает какие-то ограничения.

Плохой для меня камень.

А если наоборот? Если я помогу камню своей силой? Или попробую направить силу на человека – через камень? Он раскроется? Человек, не камень? Станет более откровенным? Интересно же…

А это что – кошачий глаз?

Провожу пальцами по бусам, которые действительно похожи

на зеленые кошачьи глаза с вертикальным зрачком. А ведь…

Щит становится держать чуть полегче. Словно кошачий глаз меня закрывает? А ведь и верно. Он экранирует от эмоций со стороны продавца, тому явно не нравится, что я смотрю, но ничего не покупаю.

Ну и пусть. Но кошачий глаз меня прикрывает. Это хорошо.

А если поискать хрусталь? Кристаллы хрусталя находятся быстро, они просто свалены в шкатулке. Я прохожу пальцами по камням, стирая пыль. Хрусталь отлично резонирует с моей силой. Словно поет на один голос со мной, усиливая мои слова.

Интересно…

Ухожу я через два часа, получив нитку недорогого жемчуга, два кристалла кварца и один кошачий глаз – за один серебряный. Можно бы и дешевле все сторговать, но ладно уж.

И только на обратном пути вспоминаю, что у меня есть драгоценности Истарских.

Ой ду-у-ура!

Или я просто не воспринимаю их своими?

Наверное, так. Я хоть и отомстила за Шайну, но носить все это…

Ладно. Помнишь, Шани, жемчужинку, которую убила своей силой? А если так с дури по сапфиру грохнешь? Или по бриллианту?

Жалко…

Так что тренируйся на недорогих камнях, их ты можешь много купить.

Жемчуг, кстати, обмотан вокруг запястья, рядом с ним намотана нитка кошачьего глаза, и мне становится чуть легче. Спокойнее как-то…

* * *

Корсу я все рассказываю вечером, и брат серьезно озадачивается. То есть сначала он злится на директора, но недолго. Понимает, что дело такое, житейское.

– Шань, глупо как-то.

– Я пробовала прочитать твоих друзей, но не получилось.

– А, это как раз когда тебе плохо стало?

– Да, переоценила я себя.

– Впредь умнее будешь, – звучало это так по-отцовски, что я едва не прослезилась, но взяла себя в руки. А Корс тем временем продолжал. – Шань, а что нам теперь делать?

– Тебя директор больше не подозревает, там кражи мелкие,

медяшные. А у нас два варианта. Либо мы ничего не делаем, либо находим этого неизвестного воришку.

– Ага, – сообразил Корс. – если мы ничего не делаем…

– Рано или поздно ситуация может разрешиться сама, но не лучшим образом.

– Это как?

– К примеру, тебя подставят. Найдут у тебя монетки в кармане, или что-то другое сопрут, булавку там, заколку, и на тебя спишут. Подбросят в сумку, ты же с ней расстаешься хоть иногда.

– Да… За что? Шань, за что меня подставлять?

Корс выглядел так возмущенно, что я едва сдержала хмык. Ребенок, какой же братишка еще ребенок. Мой брат, моя ответственность, не стоит об этом забывать.

– А ни за что. Просто потому, что ты новичок, тебя никто не знает, мы пока чужие в Алетаре…

Мне самой не нравятся эти слова, но тем не менее. Мы родные городу, но чужие людям. О нас никто ничего не знает, и это хорошо. А то маг разума – зверушка ценная и полезная в хозяйстве. Нет уж, лучше помолчать.

– Шани, а может так и не быть?

– Может быть и не так. Но ты же понимаешь, готовиться надо к худшему.

Этот принцип родители в нас вбили свято. Они и готовились, и беда действительно пришла, хоть и в моем лице.

Корс кивнул. Он это отлично понимал.

– Второй вариант – мы находим воришку?

– Это как раз несложно. Но при условии, что я смогу читать мысли. А вот как потом это предъявить?

Корс ухмыльнулся.

Потер нос. И я по шальному блеску в глазах увидела, что он что-то задумал.

– Шань, а почему ты не смогла никого прочитать?

– Потому что их слишком много. С переизбытком.

– А если по одному запускать?

Я улыбнулась.

– Корс, ну кто так будет делать? И как мы это все преподнесем?

Братик прищурился.

– А если представить тебя гадалкой?

– Чушь чушеватая, – отмахнулась я. – Гадалкой… еще магом скажи, чтоб меня точно схватили.

– Но надо же тебе посмотреть… Шани, я придумал!

– Что именно?

Корс озвучил.

Я подумала пару минут.

– У меня нет столько времени. И возможности. И хозяйством я тогда заниматься не смогу, вышивать-то придется, как и прежде. И вышивать только по вечерам, а это вредно. И…

– В общем, ты согласна?

Я была согласна. А что еще мне оставалось?

* * *

Я ненавижу мыть посуду.

НЕНАВИЖУ!!!

Будь я магом огня, давно бы испепелила ее к растакому Темному. Увы, магия разума на тарелки не действует. Им плевать, чихать и даже… оно самое.

А как я еще могла попасть в школу?

Самая простая должность, которая не требует даже одобрения директора, только завхоза и главной кухарки, здоровущей бабищи, в которую четырех меня уложить можно, и еще место останется.

Посудомойка.

Долго на такой работе не задерживаются, и я понимаю, почему. Хорошо хоть самой за посудой бегать не надо, ее составляют на большой стол. А я собираю ее со стола, отношу на кухню и мою, мою, мою…

А заодно копаюсь в мыслях окружающих.

В чем-то это замечательная практика. Корс оказался прав.

Я учусь выставлять более прочные щиты. И представлять себя осьминогом в раковине. Есть такие.*

*** – моллюска зовут аргонавт – Argonautaargo, и есть очень интересные гравюры с его изображением. Прим. авт.**

Словно осьминог, я прячусь в раковине, но выпускаю наружу гибкие длинные щупальца. И иногда в них попадает жирная рыбка.

Я уже знаю, кто, как и сколько ворует в столовой. Не слишком много, правосудие в Раденоре короткое и жестокое, но ворует. Недовешивает, недокладывает, к примеру, я знаю, что мясо уваривается, но не в четыре раза. При желании я могла бы сообщить в стражу или директору, но к чему? Это не мое дело. Да и работать после такого мне не дадут.

Меня больше интересуют ученики. И я ловлю их мысли, протянув щупальца наружу.

Дело в том, что столовая состоит из двух отделений. Есть

бесплатное – там кормят всех, хотя и не очень роскошно. Суп, с мясом, которое надо долго разыскивать, каша, компот с булочкой.

Есть платное. Там можно купить кое-что повкуснее, но не у всех есть деньги. Или воришка не тратит их в школе, что тоже разумно.

Повариха косится на меня, но не замечает. Я осьминог в раковине. Пока я не создам конфликтную ситуацию, меня словно бы и нет, и волны людских взглядов огибают меня. Правда, посуду мыть все равно приходится.

Тереть грязные тарелки жесткой щеткой из свиной щетины, потом споласкивать, опять тереть… объясните мне, как можно загадить тарелку со всех сторон? Выдающиеся личности.

Корс забегает, подмигивает мне и удирает. Я тут уже шесть дней.

И я ненавижу посуду.

Дома ее теперь моет исключительно братец. Рабочий день длится с десяти утра и до трех – четырех часов дня, это единственное, что с ним примиряет. В десять столовая открывается, я прихожу и оттираю кастрюли и сковородки. Потом начинаю мыть посуду. Потом столовая закрывается, и я оттираю оставшиеся плошки. И иду домой.

Руки неловкие от воды, пальцы болят… долго я тут не выдержу.

Но тренировка замечательная. Я могу теперь идти по городу, как осьминог-ракушечник, и никто меня не замечает. А я выхватываю кусочки человеческих мыслей.

Это как блики солнца на стекле.

Красивые, яркие, часто ненужные, но завлекательные. Я знаю, что я маг разума, а другие этого не знают. Вообще… смешно.

Корс уже дома.

– Шань, ничего?

– Пока тишина, малыш.

– Я не малыш.

– А все равно пока тишина.

Корс вздыхает.

– Может, бросить это дело? Вроде воришка больше не вылезает, может, испугался?

Бросить? Да я бы с удовольствием, но ворье не останавливается – до поимки.

– Давай до конца месяца я потерплю, а если ничего не найду, тогда брошу.

– Хорошо…

До конца месяца воришка терпеть не соглашается, уже через три дня новая кража.

* * *

Аппетит приходит во время еды. В этот раз воришка берет три серебряные монеты и немного мелочи. Жертвой оказывается приглашенный мастер – лекарь из королевской лечебницы. Деньги в кошельке, кошелек в плаще, плащ висит на стуле в кабинете, а лекарь то и дело от него отвлекается. Мало того, все бегают по классу. Непреодолимое искушение для мелкого воришки. Вот три серебряных и пропало.

Лекарь искренне расстроился, а вслед за ним расстроился и директор.

Главное, нигде больше деньги пропасть не могли, только тут. Чего лекарь их проверять полез?

Да он не специально полез, решил просто перед уходом перекусить, купить плюшку с малиной, которые у местной поварихи выше всяких похвал, полез в кошелек, ну и – результат.

В столовой скандал и разразился.

Мастер Терсан Лиртель не орал, но директору пообещал совершенно искренне, что если воришку не найдут, то лечить и директора и всех его родных отныне будут только клизмами. И был так убедителен, что я ему поверила.

Директор тоже впечатлился, и приказал собрать в столовой всех, кто присутствовал на занятии. Благо, больше никто не входил в кабинет. Выходили, да, ни не входили. Значит, уже не вся школа, а всего около пятидесяти человек. Это хорошо. Плащ у лекаря был с собой, висел на спинке стула, просто мужчина не сидел на одном месте. Он ходил по кабинету, он отпускал детей на перемену, они друг на друге учились накладывать повязки…

Любой мог незаметно вытащить кошелек, взять из него пару монет и вернуть остальное на место. Любой из сорока семи человек.

Корс в этот список тоже попал.

Молодняк таскали к лекарю в принудительном порядке. Дети ведь! Бегают, прыгают, набивают синяки и шишки, получают раны, ломают руки и ноги. Всякое случается. А так они хоть будут знать, как оказать помощь себе и другим. Худо ли бедно, до настоящего лекаря дотерпят.

Раньше такого не было, это герцогиня Моринар ввела, в обязательном порядке. Люди поворчали, но потом оценили нововведение.

Вот Корс и попался под раздачу.

В столовой он постарался устроиться поближе к моей стойке с грязной посудой. Увидел меня и расслабился.

Сестра здесь, она не даст его в обиду.

И не дам.

Даже если мне придется раскрыться – не дам. Это мой брат! И я его люблю! Повариха, кстати, на меня даже не цыкнула. Поняла, что разворачивается нечто интересное, и сама пристроилась за стойкой. А подавальщицы – рядом со мной, поближе к месту действия.

Директор вышел вперед.

– Ученики, сегодня в нашей школе произошел печальный случай воровства. Я жду пять минут. Потом обыскиваем всех присутствующих. Тот, у кого я найду деньги, отправится в тюрьму. Если я не найду вора – выгоню вас всех и сообщу по другим школам.

– А если найдете? – полюбопытствовал кто-то из толпы.

– Вора выгоню, остальные останутся. Время пошло.

И директор перевернул клепсидру с подкрашенной водой. Медленно закапали темно-синие капли.

* * *

Я приглядывалась к ребятам.

Нет, вины здесь нет. И здесь. И…

А вот тут интересная аура?

Грязно-коричневые пятна перемежаются с ядовито-зелеными всполохами гаденькой радости. Чистая радость была бы светло-зеленой, а тут… гаденькая. Словно человек кому-то сделал пакость, и радуется.

Или…

Я бегло проглядела остальных ребят. Спокойны. Еще как спокойны.

А теперь осторожно, выпустить щупальце, коснуться лба мальчишки, который мне не понравился – кстати, не очень симпатичного мальчика. Рыжего, веснушчатого, какого-то облезлого…

Ага. Есть.

Поверхностных мыслей мне вполне хватило. Но я сама ничего озвучить не смогу, увы…

Я поглядела на Корса. Внимательно.

Он мой брат, мы родные по крови, может и получиться. Раньше я так не делала, но я же маг разума? Что мне стоит попробовать? Я протянула к нему мысленное щупальце, и попробовала коснуться разума. Только в этот раз не читала, а впечатывала в его сознание картинки. На миг глаза брата расфокусировались, он пошатнулся, но тут же выпрямился и

опять поднял руку.

– Да?

– Господин директор, а если вор успел спрятать награбленное? Или подкинуть кому-то?

– Хм-м…

Такая версия тоже была возможна. И директор ее учитывал.

Лекарь посмотрел на моего брата.

– Тебя как зовут, мальчик?

– Корс Истар.

– Тебе бы в королевские защитники пойти. В судейские…

Корс покачал головой.

– Не справлюсь. Простите, господин Лиртель.

– Почему не справишься?

– Скучно, – просто ответил Корс. – Воришку легко найти. Вот, к примеру, Инек Арнес крутился возле вашего плаща. И я подозреваю, что он воровал, а потом спрятал деньги в кабинете. Но доказать этого не смогу.

– Врун! – взвизгнул рыжик. – Врешь ты все! Это ты спер те деньги, ты!

– Я не крал.

– Да я тебя сейчас… можете меня обыскать! Вот!

А в мыслях паника, да и играет парень не слишком убедительно. И это вижу не только я, но и лекарь, и сам директор. Десять лет – еще не тот возраст, чтобы со взрослыми тягаться. Вот и переигрывает сопляк.

– Молчать, Арнес, – припечатал директор. – Истар, отвечай, почему ты так подозреваешь?

Директор расспрашивал от безнадеги.

Да, можно выгнать всех, но следующей ступенькой станет потеря теплого местечка. Вопросы даже предвидеть можно.

Это первый случай кражи? Ах, не первый? А что было раньше? Почему вы не провели расследования? Почему умолчали? Чем вы вообще тут занимаетесь? Давайте поинтересуемся… к примеру – счетными книгами и отчетностью.

И все.

Комиссии – вещь такая, не найдут виноватого, так назначат. И прощай, школа.

– Что ж, тогда начнем с обыска. Но ты понимаешь, Истар, что ты тоже теперь под подозрением?

Корс пожал плечами.

– Пусть так. Я невиновен и могу это подтвердить у мага. Или поклясться на крови.

– Вот как?

Теперь директор заинтересовался.

Клятвой на крови не шутят, это не игрушки, тут все по-взрослому. Меня уже соседки просветили.

Этот обычай появился около десять лет назад, и был еще не слишком привычным. В храмах Алетара поставили алтари из какого-то черного камня.

Режешь руку над камнем, приносишь клятву, камень вспыхивает, кровь исчезает.

Если ты преступаешь клятву – умираешь в течение года. Или не умираешь, но лучше уж сразу помереть, чем такая жизнь. Кого парализовало, кого еще что…

– Я могу спокойно поклясться, что не воровал в школе.

– А в других местах? – подначил лекарь.

– Воровал. Варенье из буфета, – честно признался Корс. – И орехи, и яблоки тоже таскал.

По рядам учеников пронесся смешок. Ну да, страшное преступление, хоть раз, но каждый из присутствующих грешен, в том числе и я сама. Но клясться-то надо за все и сразу. А если соврал – извини. Плохо будет.

В школе Корс не крал, этого достаточно.

– Арнес, а ты на алтаре поклянешься?

Мальчишка побледнел. Подумал пару минут, но потом медленно кивнул, глядя на Корса с ненавистью.

– Ладно. Думаю, начнем мы с простого, – сжалился директор. – Идите сюда оба…

Мальчишки вышли в круг.

– Раздевайтесь. Сейчас вас обыщут…

Корс, недолго думая, сбросил одежду, и остался в одной повязке на худеньких мальчишеских бедрах. Директор лично осмотрел все его вещи, перетряхнул, и кивнул.

– Чисто.

– Повязку снимать?

– Не надо, Истар. И так все видно… Теперь ты, Арнес.

Арнесу это понравилось меньше, но выбора ему не давали. У него в одежде тоже ничего не обнаружили.

Директор кивнул двум учителям, имен которых я не знала.

– Обыщите кабинет. Если найдете деньги – не берите в руки, пусть маг потом посмотрит.

– Не поможет, – отмахнулся лекарь. – Это же деньги.

– И?

– Прочитать их прошлое невозможно. Какой-то странный закон.

– Но тогда…

– Зато можно прочитать прошлое самих ребят. У нас в лечебнице есть маги, кстати, сама герцогиня Моринар к нам

приходит. Ну что – будем продолжать эту комедию, или скажешь, где деньги? – Лиртель уверенно глядел на рыжего, давая понять, что поздно ломать комедию. Уже никто в нее не верит.

Арнес злобно огляделся по сторонам, сильно напоминая затравленную рыжую крысу. Увы, бежать было некуда, а «кошек» за ним наблюдало больше пятидесяти. Не покрутишься. Поздно уже, непоправимо поздно.

– Под подоконником. В щели.

И уставился в пол.

Мальчишку мне было немного жалко, но не сильно. Так, слегка. Хуже нет, когда из-за одного паршивого барана все стадо страдает. Один заведется, а все мучаются.

Корса подозревали, и будь он чуть более беззащитен…

Арнес получит за дело – и туда ему дорога.

– Вот и отлично. Остальное на ваше усмотрение, господин директор, но я бы его и выпорол и выгнал.

Деньги там и оказались, где Арнес сказал. Я бы тоже могла сказать, где они, но – не стоит. Я даже Корсу не сказала. Не смогла передать информацию.

Впечатала кое-как три картинки – Арнес, деньги, кабинет. Хорошо хоть братишка все понял правильно, и смог подсказать директору. Тяжело, когда никого не подозреваешь, а когда точно знаешь, кто и что – уже намного легче.

Лекарь удаляется, а ученики остаются. В столовой повисает молчание.

Директор вздыхает.

– В комнату для наказаний этого негодяя. И послать за родителями. Никто не расходится, все остаются здесь же. Госпожа Килег! Госпожа Килег?

– Да? – со второго раза откликается ошалевшая от поворота событий повариха.

– Покормите всех, что ли? Как раз и время пройдет.

– Но…

– Я приказываю. Истар, иди со мной.

– Сестру позвать?

– Зачем?

– Вы меня выгонять собрались?

Никакого пиетета Корс к преподавателям и директору не испытывал – вот и спрашивал, не боясь.

– Нет. А вот расспросить тебя хочется.

– Да я и тут отвечу, мне от ребят скрывать нечего, – умничка, братик. Так его.

Директор вздохнул, потом посмотрел на горящие любопытством глаза, и решил, что дешевле спросить сейчас, чем

бороться со сплетнями потом.

– Откуда ты узнал про воришку, Истар?

– Про Арнеса? А я его просто увидел, – махнул рукой Корс. – Понимаете, господин директор, крыса, если повадилась таскать из кладовки – не остановится.

В зале послышались смешки, Арнес действительно был похож на большую рыжую крысу.

– И все?

– Свои все в курсе, деньги без присмотра не оставляют. Значит, надо следить, когда будет кто-то приглашен. Арнес только думал, что его никто не видит.

– Ах, вот оно что…

– Я надеялся, что вы как-то разберетесь, но потом понял, что сейчас начнется кошмар – и решил помочь.

Директор облегченно выдохнул.

– Арнес был один?

Корс утвердительно кивнул.

– Воровал он один. А один ли он был… господи директор, я ведь не маг, откуда мне знать?

– Тоже верно. Ладно, иди, поешь…

* * *

Больше всего в этой истории меня радует расставание с грязной посудой.

И конечно, мои новые навыки. Я учусь и прогрессирую. Скоро я не потеряю самообладания даже на главной площади столицы.

Арнеса в назидание всем прилюдно выпороли – несильно, просто отвесили десять раз розгой по голой заднице, унижения тут больше, чем боли.

При всех объяснили родителям, что их сын опустился до воровства, и посоветовали отправить его в деревню. Или куда еще…

Корс сказал, что это не поможет. Там такие родители… отец – пьяница, мать – дура и клушка, так что никуда его не отправят.

Да и пусть его.

Сам виноват, сам пусть задницу и лечит. С тем я и забываю про Инека Арнеса.

* * *

Приближенный Ариост и приближенный Орас держали совет.

Условный. С одной стороны, оба приближенные, то есть по рангу они равны, с другой Ариост – из сельской местности, а Орас из столицы, это считается местечком повыше. Да и возможностей в столице больше, включая доступ к королю.

Мог приближенный Орас приказать приближенному Ариосту? Да, но не все приказы тот выполнил бы. Потому и надо было двигаться осторожно, не торопясь, чтобы найти компромисс.

Приближенные уже обсудили погоду, природу и жизнь, и остался главный вопрос.

Кто едет в Алетар?

Не хотелось ни первому, ни второму, честно говоря. Не то место, где уважают Храм. Даже наоборот – Раденоры и не такие головы с плеч сносили. В Алетаре придется быть втройне осторожными, а окупится это, не окупится – кто ж его знает?

Первым коснулся опасной темы Орас.

– Лоран, скажите, поездка в Раденор сильно нарушит ваши планы?

– Да, сильно, – кивнул Лоран Ариост.

– Что я могу вам предложить, чтобы компенсировать эти неудобства? Чтио может предложить Храм?

Я тебе, конечно, денег подкину, если попросишь, только не забывай, у меня ничего своего нет. Только храмовное.

Ариост об этом не забывал. И собирался запросить ровно столько, сколько ему могут дать. Тут главное не пережать, а то решат, что проще другого найти, чем этого оплатить.

– Брать деньги с Храма? – Приближенный Орас, до такого я не унижусь. Дела храма для меня превыше всего. А мои планы… может быть, вы мне чуть-чуть поможете? С прошением к королю?

– Что за прошение? – деловито уточнил приближенный Орас.

– Я все равно собирался в столицу, с прошением к его величеству. Возможно, он рассмотрит его чуть пораньше?

Обойдусь без храмовных денег, сам наворую сколько надо. А вот связи…

– Разумеется. Я буду обговаривать все детали ситуации с его величеством, вы ведь не в одиночестве поедете, а с посольством, поэтому, надеюсь, прошение у вас с собой?

– Разумеется, – приближенный Ариост позволил себе легкую улыбку. И получил такую же в ответ.

Цель встречи была ясна заранее, цена вопроса тоже. Чего б и не приготовиться?

Но подать прошение его величеству для Ораса и замолвить пару слов за храмовника было намного проще, чем выделить энную сумму из храмовной казны. На всех не напасешься.

Приближенный пробежал глазами свиток, нахмурился и

кивнул.

– Хорошо.

Приближенный Ариост позволил себе чуть расслабиться.

– Надеюсь вопрос решится в ближайшее время.

Без задатка не поеду, и не надейся.

– Завтра же я буду у его величества.

На и подавись!

Но вслух все мило, учтиво, исключительно красиво и благолепно. Никаких лишних телодвижений и некорректных выражений.

* * *

Его величество Дарий принял приближенного Ораса на следующий же день.

– Приближенный?

– Ваше величество, да продлит Светлый ваши годы…

– Ближе к теме, – отмахнулся Дарий. Аудиенция была насквозь неформальной, в кабинете, а потому его величество мог позволить себе определенные вольности в общении. К примеру, кивок приближенному на уютное кресло.

– Садись, приближенный. И вина себе налей.

– Благодарю, ваше величество. Я к вам по делу Истарских.

Орас поклонился и воспользовался разрешением.

– И что же стало известно нового? – заинтересовался король.

– Ваше величество, вы отправляете на днях посольство в Раденор?

– Да. Я подозреваю, что Шайна Элизабет Истарская скрывается на их территории. Они обязаны выдать мне преступницу.

Ага, обязаны.

Потомки ПрОклятого короля эти обязательства в нужник спустят без особого душевного трепета, вместе с посольством. Но эти мысли не отразились на лице приближенного.

И правильно, потому что его величество толкнул к нему лист бумаги.

– Состав посольства.

– Ваше величество?

– Ознакомься.

Приближенный прочитал – и довольно кивнул.

Граф Райхен – известный красавчик и волокита. Ишван Райхен знаменит тем, что из-за него однажды подрались шесть придворных красоток. И хорош собой, как сам Темный.

Роскошные черные волосы, глубокие синие глаза, рост, фигура… хорош, подлец. Любого мужчину зависть пробирает.

Тут и более искушенные устоять не могли.

А если Шайна Элизабет устоит… а вот тут еще несколько имен. Уже не таких знатных.

Дворянин Эрвен Шатло, дворянин Эдгар Шатло…

Братья – охотнички. Личные королевские исполнители для особо деликатных поручений. Известны тем, что любят охотиться на людей, не вульгарно, с арбалетом из-за угла или ножом, как портовое быдло. Нет. Но если кто-то из дворян нарушает закон, за ним придут именно братья Шатло.

– Ваше величество, я бы добавил приближенного Лорана Ариоста с небольшой свитой.

– Насколько небольшой?

– Четыре человека, ваше величество.

– Кто?

– Сам приближенный Ариост, ваше величество, двое его доверенных слуг и один крестьянин.

– Крестьянин?

Искреннее удивление в голосе приближенного было сложно подделать.

– Некто Мих Лемерт, ваше величество.

– Это еще кто?

– Он знает дочку лесника, ту самую, чья дорога пересеклась с дорогой Шайны Элизабет Истарской.

– Вы подозреваете…

Король не договорил, предоставляя приближенному догадываться самому, что он там подозревает. Хороший подданный королевскую мысль с полуслова понимает, не так ли?

– Нет, ваше величество. Это уж вовсе невероятное развитие событий. Деревенская девка – и графиня? Такого не бывает.

– Но?

– Возможно, маг разума сможет как-то прочесть его воспоминания, и они подействуют… он знал дочку лесника, любил ее…

– Что ж. Пусть едет, как личный слуга приближенного Ариоста.

– Благодарю, ваше величество. И, пользуясь случаем, прошу вас снизойти к скромной просьбе…

Его величество развернул свиток и вчитался в скромную просьбу.

– Даровать Лорану Агнесу титул барона? Хм-м…

Титул даровать было не жалко, титулы вообще королям обходятся дешевле всего, равно как и ордена, но с чего вдруг?

– Лоран Агнес – второй сын барона Агнеса, барон недавно умер, причиной его смерти стала разгульная жизнь его старшего сына. Но лишить негодяя титула в обход вашего величества нельзя.

– Пусть явится в столицу. Побеседую и приму решение.

Его величество черканул несколько строчек на прошении.

Приближенный Орас поклонился и рассыпался в благодарностях. И скрыл в поклоне ехидную ухмылку.

Подоплеку он отлично знал. Знал, что Лоран Ариост является отцом второго сына баронессы, а заодно и ее дочери, знал, что других детей у него нет, что Лоран Ариост хлопочет за своих отпрысков. И даже знал, с чего начал беситься старший сын барона, не самый плохой изначально-то человек. Но когда мать в открытую живет с приближенным, отец спивается, глядя на это, а младший брат ухмыляется чуть ли не в лицо, понимая, что все ему достанется…

Тут либо сопьешься, либо озвереешь. Пока наследник баронства выбирал первый вариант.

– Теперь о деталях. Отплытие через пять дней, особого комфорта на корабле не будет, это почтовый корабль, он заточен на скорость, но мои люди к этому готовы.

– Ваше величество, не сомневайтесь, приближенный Ариост тоже жаловаться не будет. А его людям это и вовсе не по чину.

Его величество кивнул.

Еще бы попробовал кто-то пожаловаться на королевское решение! Наглость какая! Скажите спасибо, что вплавь до Алетара не запускают.

* * *

Мих как раз спал, когда за ним пришли. Так, с соломой в волосах и запахом конюшни он и предстал перед приближенным Ариостом.

Последние несколько дней он провел, помогая в Храме на конюшне.

Кормили его на кухне, с остальными храмовниками, одежду дали, денег, правда, не давали, но оборотистый человек всегда заработать может. Мих себя особо расторопным не считал, но как приперло – мигом нашелся.

Серебра у него в карманах не было, но медяки не скучали.

Приближенный смерил своего слугу задумчивым взглядом.

– Лемерт, дело Храма требует, чтобы ты поехал в Раденор.

Мих только глаза открыл. И рот вместе с ними. Ну, надо так

надо, а зачем? Приближенный решил объяснить. Человек лучше работает, когда свою выгоду чует, так-то.

– Мы подозреваем, что твоя девушка – или та, кто выдает себя за нее, уехала в Раденор.

– Шани? В Раденор? Там же сплошь безбожники!

Приближенный расплылся в довольной ухмылке. А недаром, недаром он промывал мальчишке мозги (или то, чем думал этот грязный смерд) во время путешествия.

Он допускал, что маг разума – это кто-то из семьи лесника, а значит надо иметь там своего агента влияния. Вот этого сопляка, который смотрит сейчас с бараньим выражением.

Миха оказалось легко обработать. Если человек изначально безграмотен, он вообще потрясающе легко поддается на чужие убеждения, своих-то у него нет.

Ни мнения, ни мыслей, что скажут – то и повторять будет.

Чистый лист.

И что в нем мог найти маг разума? Да и любая ведьма, если на то пошло?

На этот вопрос могла бы ответить Айшет Ланат.

Мало мыслей, много любви, идеальная среда для мага разума. Тихо, спокойно, уютно, и думать не надо. Как теплый уютный кокон.

Устроило бы ее это сейчас?

Ой, не факт. Но тогда она не знала ничего другого, и ей было хорошо рядом с Михом. Может, и дальше было бы, не вмешайся ревнивая дура Риана Респен, не выплеснись наружу сила Айшет, необратимо меняя девушку. Но теперь уж что сделано, то сделано. Не воротишь.

Приближенный этого не знал. он видел мощного парня, не отягощенного интеллектом и образованием, и относился к нему соответственно.

– Я прикажу выдать тебе одежду, и вообще, привести тебя в порядок. Ты едешь, как мой слуга. Я за тебя поручился перед королем, так что не подведи меня.

– Благодарю вас, приближенный. Только я… это… не слишком умею. Послужать.

– Прислуживать, – поправил Ариост.

– Ну да, прислуживать.

– Ничего. Я тебя сейчас отправлю в подручные к своим слугам, пусть хоть что-то тебе расскажут. Не всему, но научишься. Не сложнее, чем землю пахать.

– Да, господин.

– Запомни главное – мои приказы исполнять всегда. О приказах других людей сначала говоришь мне. Понял?

– Да, господин.

– Отлично. Подожди в приемной, я сейчас прикажу позвать Лураша, пусть он начнет тебя учить…

Мих попробовал прикрыть дверь тихо. Ручка жалобно крякнула и беспомощно повисла на гвозде.

Приближенный подумал, что это будет очень долгое плавание. А ведь король пока еще не подписал прошение…

На что только не пойдешь ради своего ребенка!

* * *

Корс шел домой из школы. И грустно думал о том, что надо заканчивать с учебой.

Да, такая вот засада. Знаний ему мама дала не меньше, чем дают в школе. А чем он хочет заниматься – да Темный его разберет! Он сам пока ничего не знает, а раз не знает, то нечего и время терять.

И силы, и нервы…

Дети.

Они всегда, везде такие дети. Читай – жестокие, непримиримые и вообще – стайные твари. Не нравится?

Зато – факт.

Дети очень жестоки, и если возьмутся кого-то травить…

Корса не травили. Но и не привечали, такая вот засада.

Вора он нашел, косые взгляды прекратились, но остались неприязненные. Арнес ведь не просто так штаны просиживал, у него друзья были, знакомые, приятели, девчонок он не обходил… кто-то был Корсу благодарен за избавление от рыжего гада. А кто-то – нет.

И вторая часть выражала свое недовольство доступным детям способом.

Корсу уже пришлось два раза драться на пустыре за школой, и оба раза он вышел победителем. Отпинал противников, а сам даже разбитого носа не получил. Ну так отец учил…

Шани, конечно, знала.

Сестренка уже несколько раз предлагала Корсу перевести его в другую школу, но сплетни ходят быстрее людей. Так-то.

Вора они разоблачили, а спокойствие потеряли. Хотя это патовая ситуация.

Все равно бы покоя никому не было, а если бы Арнес свалил все на Корса, к примеру, подкинул ему деньги, кончилось бы все гораздо хуже. Так что…

Или потерпеть еще немного, посмотреть, что будет. Или

уходить.

– Смотри-ка, кто пожаловал?

Голос был знаком. Ну конечно, Инек Арнес собственной персоной. Конечно, не один. Конечно, с тремя приятелями, одного из которых Корс знал по школе. Вот, кто и навел.

– А тебя из дома выгнали, ты под забором живешь? – Корс уже понял, что драться придется, ну а раз так – чего скромничать.

– Чего?

– Раз я к тебе пожаловал, а тут ничего, кроме заборов.

– Щас ты под забором ляжешь! – взорвался Арнес.

– Угу. А троих дружков ты с собой со страху привел. Козел! Зассал, да?

– Да я тебя и один уделаю! – заорал Инек, и бросился вперед.

Корс встретил его прямым ударом в нос, пот ом добавил еще по ногам, и тут на него набросились остальные трое.

Какое-то время мальчишка еще отбивался, но потом кто-то стукнул его по ногам, и последним, что он увидел, стал ботинок Инека, летящий ему в голову.

* * *

Некоторое время Корса еще пинали. А потом поняли, что…

– Инек, кажись, он того…

Инек Арнес был дрянным мальчишкой, но не полным дураком, и что делать в такой ситуации, сообразил быстро.

– Сваливаем!!!

И только пыль столбом взвилась по улице.

* * *

Корсу повезло. Его не убили, хотя к этому было близко. А еще вскоре открылась калитка, и…

– Мам, смотри, что тут!

Детский голос разорвал тишину улицы.

Не было в Желтом городе принято вмешиваться. Но…

– Что? Ой ты божечки!

Вышедшая женщина схватилась за щеки, и было от чего. К ней опасливо прижимался мальчишка, чуть помладше Корса. Вид окровавленного едва дышащего ребенка привел ее… не то, чтобы в ужас, тут и не такого насмотришься. Но… мальчик чистенький, ухоженный, явно домашний, и почти, как ее сын – разве можно пройти мимо и не помочь? Жалко ведь, сердце-то не каменное.

– Дэни, сбегай-ка за тачкой.

– Зачем, мам?

– До лечебницы его довезем.

– Мам, ты чего? А батя ругаться будет, он придет скоро…

Крепкий подзатыльник оборвал дискуссию в самом начале.

– Я кому…?

Одна затрещина привычно заменила два часа воспитательной беседы. Тачка была мигом притащена к забору. Женщина вздохнула, подхватила на руки легкое мальчишеское тело и осторожно, насколько могла, переложила его в тележку. Э-эх…

Ладно, вроде бы дышит, а там – лекари справятся.

* * *

Корс задерживался.

Я занервничала уже на первом часу, а к концу третьего плюнула на все – и собралась его искать. Но каким путем этот поросенок пойдет из школы?

Ну, только найдись живым! Уши оборву!

Но где его искать?

Обычно Корс приходил, обедал, а потом уходил гулять. Но сейчас-то что?

Мысли метались в голове, словно вспугнутые ласточки.

Сила?

Ага, поможет она тут! Три раза! Это как соломинку в стоге сена искать – раньше с ума сойдешь. Я выгорю быстрее, чем найду Корса, а заметят меня еще быстрее. Но что же делать? Что делать?

Первая идея оказалась и самой выгодной. Я постучалась к тетушке Лане.

Ты была дома, и услышав меня, всплеснула руками.

– Шани, детка, в стражу надо бежать…

Действительно, как я сама не подумала? Наверное, потому что волновалась. А тетушка Лана уже накидывала выходной платок.

– Мы сейчас с тобой так сделаем. Ты побежишь в школу, а я в стражу, там десятник – мой давний знакомый. И ты туда подбегай потом, к стражникам. Если твой братик ушел уже, скажешь им, чтобы точно.

– А потом?

– А потом будем обегать лечебницы. Сходим к воротам, на рынок, людей расспросим… У тебя медь и серебро есть?

Я хлопнула себя по карманам, и обнаружила, что не взяла денег.

– Оххх…

– Беги за деньгами. На всякий случай.

И я побежала.

Хорошо, когда кто-то знает, что делать.

Поймите правильно, в лесу я бы не растерялась, ну так то – лес. Там все просто, понятно и привычно. А здесь-то город.

Я никогда не жила в городе, и ничья память этого не компенсирует. Я просто не знаю, что тут делать. Куда бежать, за что хвататься…

Я – маг разума, но как же мне иногда не хватает ума и опыта! До слез не хватает.

* * *

В школу влетела ураганом, но кроме сторожа там никого не обнаружила. Все дети разошлись еще часа три назад, даже больше. Корс тоже ушел вместе со всеми, сторож его даже помнил.

Чистенький такой мальчик, брюки черные, рубашка зеленая…

Дала медяк, попросила, если что-то станет известно, послать записочку, и убежала в казармы.

Стражники…

Казармы стражи расположены примерно через две сотни домой каждая. Стражники меняются десятками, присматривают за своими участками, соответственно, знают и жильцов, и тех, кто жилье просто снимает. Тех, от кого стоит ждать беспорядков, и тех, кто склонен выпить. Хозяев трактиров и притонов…

Но где же Корс?

Тетушка Лана уже была там.

– Шани?

Я помотала головой, чувствуя, как все туже сжимается пружина безнадежности. Как рвется из-под контроля моя сила… маг в истерике – это плохо, очень плохо. Не время, нет… держись, Шани. Держись.

* * *

– Шани, знакомься. Господин Лейш Рест, мой давний знакомый.

– Очень приятно, – механически отозвалась я. А сама буквально впитывала облик стражника.

Немолодой, лет за сорок, каштановые кудрявые волосы и

такая же бородка подернулись сединой, карие глаза теплого орехового оттенка смотрят спокойно и уверенно. На его веку это не первая подобная ситуация.

– Шайна, вы не переживайте. Все будет хорошо, найдем мы вашего брата.

Я стиснула пальцы рук. Ледяные…

– Он у вас в порт не ходит?

Я покачала головой.

– Нет. Корс точно знает, что сначала надо прийти домой, потом сказать мне, куда он идет… мы с ним одни в Алетаре.

Голос сорвался, треснул, словно разбитое стекло.

Господин Рест положил мне руку на плечо.

– Ну-ка тихо, девочка. Сядь сюда. Если будешь реветь, братцу не поможешь. Нарисовать его не сможешь?

– Нет. Не умею.

Аура у него была теплой, с нотками ореха и уютной травянистой зелени, она обволакивала и успокаивала. Господин Рест был уверен, что справится. Или хотя бы верил в это.

– Как он выглядит?

Я честно описала Корса. Как могла – темные волосы, зеленые глаза, даже пару веснушек на носу. Стражник кивнул.

– А одет?

– Обычно. Здесь так многие ходят, парусиновые штаны, куртка вроде матросской, рубашка – зеленая, под цвет глаз. Сапожки. Сумка с книгами.

– Понятно.

Господин Рест быстро записал мои слова на клочке бумаги, отдал его кому-то… зачем?

– По каким улицам он идет домой? Обычно? Ты знаешь?

– Знаю.

Я послушно перечислила несколько улиц. Но это же Корс! Мальчишки прямо ходить не умеют, они умеют следовать за тем, что им интересно!

– Посиди пять минут.

Я послушно сидела, а господин Рест отдавал какие-то распоряжения, что-то приказывал. Потом вздохнул.

– Шайна, тебе самое сложное.

– Что именно?

– Вы с Ланни сейчас отправитесь по лечебницам.

– Зачем?

– Представь себе, что твой брат упал на улице, сломал, к примеру, ногу…

Я представила, и кивнула.

– Всякое может быть. Вы думаете…

– Я почти уверен, что он в лечебнице. Но в какой – и в каком состоянии? К порту он не подходил, а работорговцы… с тех пор, как мы тиртанцев шуганули, по улицам ходить более-менее безопасно. Эти шакалы не скоро еще оправятся. Я подозреваю, что произошел несчастный случай, но мы сейчас его еще поищем, а вы бегите по лечебницам. Вы-то брата узнаете в любом состоянии.

Я кивнула.

Узнаю. Корс, братик, где ты? Что с тобой?

Тетушка Лана крепко взяла меня за руку.

– Спасибо, Рест. Мы тогда пойдем, если никого в лечебницах не найдем, то придем к тебе. Хорошо?

– Конечно, Ланни.

И мы вышли под синее небо Алетара.

* * *

– Куда мы сейчас?

– Разумеется, в лечебницу.

– В какую?

– Хм-м… а что у нас ближе всего? С нее и начнем, – пожала плечами тетушка Лана. – Есть лечебница для бедных ближе к порту, есть ближе к Зеленому городу. Мы сейчас ближе к той, что к порту. Идем?

– Да, конечно. А вы…

– Я с тобой схожу, конечно. Не бросать же тебя одну в таком состоянии.

И она ведь не врала. Ни оттенка любопытства, никакого желания покопаться в чужой беде. Просто теплые охристые оттенки. Ей меня – жалко?

Да. Не как мага разума, а просто, вот, перед ней обычная девчонка, у которой пропал брат. Ну как ей не помочь? Как не поддержать?

– Спасибо вам. Я этого не забуду.

– Все мы люди, – улыбнулась тетушка. – Пошли?

И мы пошли в лечебницу.

* * *

Раньше это здание принадлежало какому-то богачу.

Там был и парк, и роскошный дом, и хозяйственные постройки, и крепкая ограда, которая отделяла всю эту роскошь от простонародья.

Потом в доме сделали лечебницу, и многое изменилось.

Ограду снесли.

Парк стал менее ухоженным, и в нем работали несколько явно выздоравливающих людей.

А простонародье шло сюда потоком. Болеть люди никогда не перестанут. Я невольно не удержалась.

– Тетушка Лана, а почему те, кто выздоравливают, здесь работают? Вроде бы при болезни лежать надо? Странно как-то.

– Так ведь двигаться – первое дело от любой болезни. Когда выздоравливаешь, обязательно трудиться надо, чтобы тело сильным стало, а не в кисель размякло, – тетушка Лана пояснила весьма охотно. – Вот и трудятся. Обычно так и часть платы за лечение снимают.

Хорошо придумано.

– А лечиться дорого?

– Не то, чтобы очень. Лечение бесплатное, но кто может, тот деньги приносит, или что-то жертвует, ткань для перевязок, травы можно прикупить, это всегда нужно. Ну и просто поработать. Да хоть бы и полы помыть.

А в Риолоне такого обычая нет. Совсем. Там идешь не в лечебницу, а к лекарю, и платишь, сколько он запросит. А тут…

– Корона все оплачивает, – поняла мое недоумение тетушка Лана. – И здесь, и в других городах, хотя бы по одной лечебнице для бедных, но есть.

– Я и не знала.

– Это не так давно началось, кстати, с Алетара и пошло.

– Мудрый у вас король.

– Это верно. Но у нас, в Алетаре, лучше всего, сюда и из других городов едут.

– Потому что столица?

– Потому что в Алетаре есть герцогиня Моринар. Наша Веточка.

– Кто?

Какая еще веточка?

– Ветана Тойни Моринар, герцогиня Моринар. Она маг жизни. Она, двое ее детей… представляешь?

Я покачала головой.

– В Риолоне никогда бы мага не увидели. Тем более в лечебнице для бедных. А уж герцогиню…

– Так то в Риолоне. Сама понимаешь, у вас все иначе. А у нас магам приволье, а они людям взамен охотно помогают. Что ж не помочь-то?

Спорить было сложно. Но сомнения у меня были.

– Маг жизни, это ведь… она на разрыв должна быть. Разве

нет?

– Так Моринар же.

Мне это ни о чем не говорило.

– Ее муж – Рамон Моринар, Белесый Палач, – прозвище тетушка Лана почти прошептала, оглядываясь по сторонам. – Так что надоедать особенно не решаются. Сначала идут к обычным лекарям, а уж потом, если надежды вовсе нет, или случай особо трудный, решаются и ее побеспокоить. Она сама в лечебнице работает, представляешь?

– Герцогиня – работает?

Мир рушился, раскалывался на части, и я с интересом наблюдала за осколками. Судя по тому, что я узнала из памяти Шайны, работать ее светлость Истарская не собиралась. Никогда.

Разве что шелками вышивать рубашки для супруга. Ну, дом вести и на балах блистать. Но работать в лечебнице?

– А что она, не человек, что ли? – искренне удивилась тетушка Лана.

– Герцогиня. Маг. И – работать?

– Так вот именно, что маг. Дар требует, вот она и работает.

– А если дар не использовать?

– У нас, в Раденоре, таких дурачков нет. У нас-то все знают, если дар не использовать, он либо съест себя и мага, либо потом вырвется, и от мага следа не останется.

Но у меня-то не так?

Сколько я его давила, а ведь целы пока? И я, и мой дар. Кстати…

– А магов разума в Алетаре нет? А то некроманты есть, маги жизни есть, а магов разума? Нет?

– Нет. Они редкие, – с сожалением призналась тетушка Лана. – А полезные, наверняка…

Что я полезная, я слышала впервые. Я понимаю, что мне может быть польза от моего дара, и то – кому? Уж не мне точно. Была бы я обычной девчонкой… лежала бы на дне реки. А Мих женился на дочке Респенов. Так что мне – да, мне мой дар полезен. А людям?

– А чем такой дар может быть полезен?

– Так ведь это не маг, а идеальный судья. Ему не соврешь, не отговоришься, он сразу будет видеть, кто прав, кто виноват, кого оговорили, кто на себя вину взял под принуждением…

– Никогда об этом не думала.

– А зачем тебе? Это уж так, языками почесать…

Я кивнула. А ведь интересно здесь все устроено, в лечебницах Алетара.

От наглой и беззастенчивой эксплуатации герцогиню

Моринар защищает титул и репутация супруга. Если человек решился обратиться к ней, наплевав на все, значит, дело и впрямь серьезное. И опять же, практика. Не всю ведь жизнь простуду лечить?

А жители Алетара получают сразу трех магов жизни. А потом, может, и больше, кто ж знает?

И не только Алетара, кстати. Если твой родной и близкий человек болен, тут хоть куда помчишься, теряя тапки.

– Хорошо здесь все устроено.

– А, у нас просто король мудрый. И сын у него замечательный, и внук будет умничкой. Жаль, его величество Эрик скоро отрекаться будет.

– Отрекаться?

– Он же некромант, жить будет куда как дольше обычных людей. А потому больше пятидесяти лет править не собирается. Отречется в пользу сына, тот, еще лет через пятьдесят – его высочество Александр тоже некромант, в пользу своего сына…

Я подумала, что Раденор в чем-то хорошее государство. Стабильное. Тетушке Лане даже в голову не приходит, что может быть как-то иначе. И, наверное, это хорошо.

Так, за разговорами, мы и дошли до самой лечебницы, где тетушка Лана атаковала дежурного лекаря. И в три минуты узнала, что мальчиков сегодня не привозили. Вообще.

Мы развернулись, и направились в ту лечебницу, которая была дальше от порта. А меня не оставлял один вопрос.

А правда – что бывает, если долго сдерживать дар? Почему я не сожгла сама себя? Знала ли об этом мама? Отец? И так рисковали? Или… не рисковали?

Непонятно.

Когда родители приедут, обязательно у них спрошу. Но могли и не знать – откуда? В других странах такой свободы для магов, как в Раденоре – нет. И знаний намного меньше.

Мне нравилось в Раденоре. И я обязательно попрошу раденорское гражданство для себя и для Корса, надо только дом купить. А уж отработать…

Отработаю.

* * *

Больно.

Болит голова, болит туловище, огнем печет в середине живота…

Потом на голову ложится мягкая ладонь.

– Что ты видишь, сынок?

– Разрыв селезенки?

– Верно.

– И с печенью проблема, и с кишечником…

– Во-от, умничка, Томми. Давай лечить.

– Мам, у меня сил не хватит.

– А я помогу, ты же знаешь.

Маленькие ладошки ложатся на тело Корса, и от них исходит блаженная прохлада. Мальчик невольно тянется к ним.

Покой, уют, и боль утихает там, где его тела касаются эти руки. Кто это?

– Что с головой?

– Сотрясение мозга. Лечим?

– Давай.

Маленькие ладони ложатся на виски.

– Мам, а тут еще трещина.

– Да уж, досталось мальчику.

– Мы же здесь. Значит, все будет хорошо.

И столько уверенности в этом мальчишеском голосе, что Корс тоже ей проникается. Женщина смеется.

– Обязательно будет. На то мы и маги. А что это у нас молодой человек не спит? Ну-ка, не мешать лекарям.

И Корс проваливается в теплое уютное облако забвения.

* * *

Вторая лечебница была не менее ухоженной. Большой дом из белого камня, мощеные дорожки…

Вот и приемная.

– Мальчик? Да, был такой.

– Что с ним? – шевельнула губами я.

Почему – был?

Неужели…

– Им сейчас герцогиня занимается. С сыном. Повезло вам, что вовремя попал мальчика, а то б до беды дошло.

– До беды?

– Его избили. Ногами били, может, какой-то палкой, я точнее не знаю.

Я почти ничего не соображала, отпустив на волю свою силу. И видела сейчас глазами лекаря. Окровавленного мальчишку в тележке, с сильной кровопотерей, с внутренними повреждениями, с…

И черноволосую молодую женщину, рядом с которой стоит

подросток лет пятнадцати, серьезный и сосредоточенный.

- Что ты видишь?

- Мам, его срочно штопать надо. А то все…

- Идем?

- Идем…

Они заходят в одну из палат, и служитель несет за ними Корса. Вот туда…

Я медленно подошла к двери палаты, прислушалась. Не к словам, к мыслям.

Сознание Корса. Теплое, родное, сонное. Братик спит. Я точно знаю, он спит, не умирает, ему не больно, его просто усыпили. И снится ему что-то хорошее.

Второе сознание. Детское, сосредоточенное. Это явно маг жизни, и он работает. Ему сложно, но мальчик старается и лечит.

Третье сознание.

Женщина, взрослый маг жизни.

Лекари думают каким-то своим языком, мне их не понять. Я могу уловить другое – Корсу ничего не угрожает, помощь оказана вовремя. Этого достаточно.

Я медленно опускаюсь прямо на пол, возле палаты, обхватываю руками колени.

Я подвела тебя, братишка. Из-за меня ты оказался в опасности. Из-за меня ты здесь.

Что ж, я разберусь с этим. Вот только услышу, что с тобой все будет в порядке…

Тетушка Лана садится рядом, касается моей руки.

– Он там, да?

Я киваю.

– Тогда я пошлю записочку Ресту, чтобы не искал. И чтобы прислал кого…

– Зачем?

– Надо же узнать, кто его так…

Я и без стражи узнаю. И без стражи разберусь. Но говорить об этом нельзя, а потому я согласно киваю.

– Вы правы, тетушка Лана. У меня тут медяки есть, вот, возьмите. Пошлете кого?

Тетушка Лана кивает и выходит. А я остаюсь ждать.

* * *

Они выходят из палаты через час, может, чуть меньше. Невысокая черноволосая женщина с серыми глазами, и ее сын, так похожий на мать. Я поднимаюсь с пола.

– Ваша светлость. Ваша светлость…

Два поклона. Один герцогине, второй ее сыну. Искренние, до земли…

Женщина прищуривается.

– Вы…

– Сестра, – просто говорю я.

Эта женщина – маг. Сильный, умелый, и я не рискую выпускать свою силу из-под контроля рядом с ней. Заметит.

– Понятно. С мальчиком все будет хорошо. Его сильно избили, но сейчас опасности уже нет. Полежит здесь дней пять, потом заберете.

– Спасибо вам, – тихо говорю я. – Спасибо.

Других слов у меня нет. Да и не надо, меня и так понимают. Теплая рука касается моего плеча.

– С ним все будет хорошо. Обещаю.

– А я обещаю, что отплачу вам добром за добро, – тихо отвечаю я. – Я обязана вам жизнью близкого человека, я этого не забуду.

Герцогиня улыбается краешками губ.

– Что ж. Мы не знаем предначертанного, а кто знает с нами не делится. Идите к брату, ему вы нужнее…

Я киваю, еще раз кланяюсь, и иду в палату к Корсу. Это действительно он, братик тихо спит, ему хорошо и уютно. Я сажусь рядом с ним, касаюсь маленькой ладошки, сжимаю ее в своих руках.

И жду.

Когда Корс очнется, он мне все расскажет. И кто напал, и сколько их было, и кто его привез сюда. А до той поры я его не трону. Не стоит лезть в чужие сны, там и заблудиться можно. Не надо. Ни к чему.

* * *

– Мам?

– Да, Томми?

– Ма-ам… мне кажется, или тот мальчик – тоже немного маг?

Ветана пожала плечами.

– Вполне возможно. Надо будет еще раз его навестить. Ты запомнил, как его зовут?

Виконт Томас Моринар кивнул. Перед уходом он поинтересовался личностью спасенного.

– Да. Некто Корс Истар.

– Мы будем в лечебнице дня через два. И как раз навестим

мальчика.

– И посмотрим. Здорово, правда? Новый маг…

Ветана кивнула.

Маги – это всегда хорошо. Особенно если они правильно воспитаны.

* * *

Ночь я провела в палате рядом с Корсом. Тетушка Лана договорилась, служительница принесла мне тюфяк, который я расстелила прямо на полу, и отлично устроилась. И тетушка же Лана принесла мне из дома сменное платье и теплый плащ, расческу и домашние войлочные тапочки. Не ходить же по палате в уличных сапожках?

Она же принесла мне бутыль с малиновым взваром и кучу пирожков. И ушла, не слушая моих горячих благодарностей.

Ночь тянулась медленно, минуты капали большими каплями в водяной клепсидре на тумбочке, Корс спал, я сидела рядом. Мне спать не хотелось.

Вообще.

Когда в палату заглянула одна из служительниц, я даже обрадовалась. Хоть что-то новое в этой ночной монотонности.

– Спишь?

– Нет.

– Я Исана. А ты Шайна, да?

– Да. Шайна Истар.

– Слушай, пока твой брат спит, ты не поможешь нам немного? Тут несколько раненых образовалось, рук не хватает на перевязке.

Отказывать в помощи я не стала. А чего?

Раненых действительно было много, аж четырнадцать человек. Они четко делились на две группы, в одной шесть человек, в другой восемь, сверкали друг на друга глазами, ругались, но не дрались. Пока – не дрались.

Выглядели они точь-в-точь, как отбросы городского дна. Я даже шаг назад сделала.

– Не робей, – подтолкнула меня служительница. – Это две банды чего-то не поделили.

– А… они здесь делить не начнут?

– Нет. Лечебница – нейтральная территория. Герцог Моринар пообещал того, кто нарушит это правило, подвесить за уши на маяке, а он свое слово держит.

Хорошо, если так.

– Вот, смотри, здесь подушечки из корпии, здесь повязки. Умеешь бинтовать?

– У меня младший брат есть.

– Понятно, умеешь.

Умею. Кто бы не научился. И подранков мы выхаживали, как по мне – так разница и невелика.

– Я буду обрабатывать и промывать раны, а ты перевязывай.

– А лекарь?

– Лекарь сейчас в операционной, одного-таки «удачно» ножом пырнули. Может и кровью истечь. С ним и Лаоса, а я вот, с этими героями…

– Молчи, баба, – проворчал один из «героев», но как-то лениво, словно нехотя. Не желая ни терять лицо, ни развивать конфликт.

Исана уперла руки в бока и фыркнула.

– Моя бы воля, я бы вам, мужчинам, клизмы назначала. Для профилактики.

Идея одобрения ни у кого не вызвала, так что мы еще раз вымыли руки и принялись за работу. Промыть рану, обработать, приложить подушечку из корпии, перевязать…

И ничем эти люди не отличаются от волчонка, со сломанной лапой. Или от рысенка, у которого из бока был вырван здоровущий кусок мяса. Даже лучше, зверям-то сложнее объяснить, что от них требуется. Хотя меня они слушались, может я им что-то диктовала сама того не понимая?

Магия, магия…

Хоть бы учебники какие писали! А то поди, разберись просто так!

За своим делом я невольно прислушивалась к обрывкам слов.

– …крысятите…

– …доляну урвали, а поделиться не желаете….

– …всех подставите…

Обрывки слов, обрывки мыслей. И простая, как мычание, картина. Две банды давно поделили сферы влияния, но с некоторых пор одна из них начала недосчитываться денег. Почему?

А из-за второй. Те полезли на их территорию, потом пропал человек, потом кто-то деньги украл, назначили встречу, а на встрече еще и в главаря выстрелили.

Слово за слово, разговор пошел на повышенных тонах, никто из бандитов не доверял друг другу, завязалась драка, и тут кто-то продырявил главаря одной из банд стрелой.

А после этого все сцепились, как бешеные коты. Да и пусть их.

Я прислушивалась к мыслям, я сейчас могла бы назвать того, кто заварил эту кашу, но как при этом не выдать себя?

– Руки! – злобно рявкнула Исана.

– Не сердись, – поднял руки провинившийся бандит. – Просто сами тянутся…

– Отрежу. Вместе с тянулкой, – пообещала служительница.

Прозвучало весомо, и раненый успокоился. А я поняла, что лечебница – нейтральная территория. На водопое все звери равны. Может, попробовать тут поработать?

Чтобы получить раденорское гражданство, нужно две вещи. Первое – собственное жилье в Раденоре. Законно купленное. Второе – пять лет отработать на благо государства.

Что я могу? Да вот, хоть бы и лечебница.

Обдумать вопрос я не успела, дискуссия между разбойниками разгорелась с новой силой.

– Ты…!

– Это все вы…!!!

Исана побледнела. Взгляд девушки заметался по углам, она явно хотела сбежать, но куда? Как?

Я поняла, что если сейчас не вмешаться, драка может вспыхнуть с новой силой, и тогда… десяток даже больше, мужиков, которые знают, как убивать. Даже не драться, а убивать противника. Подло, грязно… нас с Исаной тоже не помилуют.

Дар чуть шевельнулся. Шаг вперед.

– Молчать, недоумки!

Чуточка магии, добавленной в голос, делает мои слова неотразимыми. Все замирают, двое спорщиков поворачиваются ко мне, у одного из них в руке поблескивает лезвие ножа… да, еще бы чуть промедлить – и все. Магния разума не действует там, где нет разума. А в горячке боя…

Там только жажда смерти. Но не разум.

– Их стравили, как две шайки псов, а они и рады погрызться. Лучше б настоящего виновника нашли, да наказали, чтоб неповадно было.

Я видела краем глаза, как метнулась в сторону выхода Исана. Кажется, она собиралась кого-то звать на помощь, это хорошо.

– И кто же нас стравил? – осведомился один из мужчин постарше. У него и ран было поменьше, чем у остальных, и достаточно легкие. Умный, значит.

Я развела руками.

– А вы подумайте, кому выгодно. Кто может обе банды под себя подмять, кто и там и здесь свой, только такой человек все подгадать и мог. Если у вас такой есть…

Был. И глаза всех обращались в сторону одного из

спорщиков, того, кто до сих пор стоял с ножом. Более молодого. Одному из главарей он был племянником. На сестре другого – женат. Неофициально, но спали и жили вместе.

И во взглядах появлялось подозрение.

Я не могла такого знать. Но…

– Что за шум? Кому тут голову оторвать и к заднице приставить?

Никогда я так не радовалась страже.

* * *

– Я уж думала – все, – Исана поила меня свежим взваром, а пирожки мы поедали совместно, с лекарем по имени Шерен Аллес и Лаосой.

– Я тоже так думала, – призналась я. И небезосновательно думала. Еще бы пара минут, еще бы слово – и все. Карусель закрутилась бы. – Часто у вас такое?

– Редко, но случается, – вздохнул Шерен Аллес. – Их бы потом повесили, но эти твари – они ж как псы, если кровь почуют, все, ни себя ни помнят, ни людей не видят.

– Брррррр, – Исана поежилась от воспоминаний. – Я до выхода добежать не смогу, перехватят, а Шайна так спокойно вышла на середину, и как начала на них ругаться…

– Вы поживите с младшим братом, – я чувствовала себя неловко. – Еще и не тому научитесь.

– Как только не испугалась?

– А чего было бояться? Все равно помирать, если что, – буркнула я.

– Да, ты девушка отчаянная.

Шерен разглядывал меня с явным интересом. Кстати, и сам он был неплох. Лет двадцати пяти, светлые волосы, карие глаза… чем-то он напоминал мне Миха. Только был интереснее. И я ему нравилась, как девушка, он сейчас как раз думал меня пригласить погулять. Сходить на свидание?

Почему бы нет.

Вот Корс выздоровеет, и я подумаю.

* * *

Братик пришел в себя только к вечеру следующего дня.

– Шани?

Я ткнулась лицом в его подушку. Хвала Светлому! Живой…

– Братик…

– Шань, а что со мной случилось?

– Вот мне бы тоже хотелось это знать. Не поделишься?

Корс потупился.

– Я… это… Арнес.

– Просто подумай об этом, ладно? А я посмотрю.

– У меня так голова болит, что думать страшно, – проворчал братик.

– А я думала, что кость не болит, – огрызнулась я. – Балбес.

– Шанька…

– А то нет? Ты здесь уже больше суток лежишь. Если б к магу жизни не попал, вообще бы пропал.

– Магу жизни?

Корс засопел. Кажется, он подозревал, что я вру или преувеличиваю. А я еще и преуменьшала. Пришлось братику рассказать про алетарских магов жизни. Корс мне все равно не поверил, но и спорить не стал.

– Я попробую вспомнить, что и как, а ты смотри.

Так я и сделала.

И скрипнула зубами от злости.

Всех этих детей я знала, все они попадались мне на глаза в школе, а Арнес… крыса пакостливая! Значит, как воровать – так ты не виноват, а виноват тот, кто тебя на свет вытащил? Ну, ты у меня поплатишься! И попляшешь!

* * *

Тетушка Лана меня горячо одобрила. И уже на следующее утро я сидела в тех же казармах городской стражи. Писала прошение о расследовании дела.

Да, здесь и такое есть.

Вот где мой дар был бы востребован, только беда – сразу же раскроюсь. Или это как-то можно совместить?

Тут ведь какая проблема, хочешь раденорское гражданство – изволь отработать на благо Раденора. А вышивать по коже, это не совсем то. Не будет считаться. Государству-то с того ни прибыли, ни радости, разве что с купца налоги.

А вот если дела расследовать…

Я подумала пару минут, и принялась расспрашивать.

– Господин Рест, вот, я написала бумагу. А что с ней дальше будет?

– Дальше будем вести допрос. Ходить к людям, которых вы назвали, Шайна, расспрашивать их, искать доказательства вашим

или их словам…

– Как интересно! Просто потрясающе!

– Интересно? – достаточно было легкого толчка, чтобы стражник аж подскочил от возмущения. – Шайна, а вы знаете, сколько люди врут?

Я? Я-то знаю, а вот ты, наивный человек, и о сотой части теперь не подозреваешь.

– Примерно представляю.

– Даже примерно не представляете, Шайна. У нас есть служба расследователей, так там люди просто не держатся.

– Расследователей?

– Шайна, вы же понимаете, нам и улицы патрулировать, и порядок охранять, и еще это? Мы так не сможем… есть у нас отдельное подразделение. Там, в основном, писцы работают, правда, но вопросы задавать они могут, записывать тоже. А уж читать начальство будет. И дела в суд передавать.

– Потрясающе интересно! Скажите, а что за дела они передают?

Господин Рест вздохнул, но принялся рассказывать. А я слушала. И ушами, и своим даром, получая ту информацию, которой он делиться вряд ли захотел бы.

Что требуется от стражника?

Умение работать кулаками, мечом, копьем, поддерживать порядок на улице.

Что требуется от расследователя?

Длинные ноги и хорошо подвешенный язык, чтобы задавать вопросы, причем нужна еще и сообразительность. Дела-то каждый раз разные, вот и вопросы будут разные. А еще нужен хороший почерк и грамотность.

Они расспрашивают всех причастных к делу, а потом собирают эти записи в папки, и дело отдается в суд.

Понятно, если подрались две соседки, такое мало кого интересует. А вот если поджог. Или воровство, да серьезное. Или убийство…

Мало ли случаев, когда требуется грамотный расследователь.

Женщины?

Да ты что, Шайна! Такого никогда не бывает, чтобы женщина. Это ж грязное дело, подлое, общаться надо не с лучшими людьми…

Самое забавное, что меня бы это не остановило. Мне ведь достаточно просто говорить с человеком, а где он врет, чего он хочет, и даже чего опасаться и ждать, я пойму сразу же. В Алетаре-то меня особо ловить не будут, здесь и так много магов. Штукой больше, штукой меньше…

– Скажите, господин Рест, а я могу походить вместе с расследователем к тем, кого назвал мой брат?

Мужчина пожал плечами.

– Почему нет? Конечно, так не делается, но я могу поговорить со стариной Шереном. Пусть возьмет тебя с собой, как помощницу, к примеру.

Я захлопала в ладоши.

Не так уж сложно чуть-чуть подтолкнуть человека к осуществлению своей воли. Господин Рест и так хочет помочь мне. А я его чуть-чуть поворачиваю в нужную сторону. Я его не ломаю, я ничего не внушаю, я просто подталкиваю сделать следующий шаг. Но делает его он сам и с охотой.

В чем разница?

Принуждение – это приказ. Иди туда, и точка. Я же мягко прошу. Может быть, ты соизволишь помочь мне? И господин Рест помогает.

Вот, как сейчас.

– Шерен!

В комнату к стражникам вошел мужчина лет тридцати пяти. Невысокий, этакий колобок, круглое туловище, круглые ручки-ножки, круглое лицо, круглые голубые глаза – вид наивный и невинный. Ага, пока к ауре не приглядишься. Тот еще хитрец и плут, это сразу видно. Любит поесть, посмеяться, женщин тоже любит… это некстати. Вот, и меня окинул довольным взглядом.

– Лейш! Рад тебя видеть, дружище. А что это за огненноволосая красотка рядом с тобой?

– Шайна Истар. Сестра пострадавшего мальчика.

– А, ты про тот случай? Когда четверо мальчишек якобы избили своего сверстника?

– Про тот. Кстати, пришло письмо от герцогини Моринар, – я насторожилась, но последующие слова меня успокоили. – Герцогиня приказала разобраться в этом деле. Пишет, что мальчика чудом не убили, и такое никак нельзя оставить безнаказанным.

– Она такая…

– А это часто случается? – похлопала я ресницами. – Чтобы герцогиня писала, да стражникам?

Господин Рест потер затылок.

– Шайна, тут такое дело. Лечимся-то мы тоже в лечебницах. И родные наши туда идут. А герцогиня – она занимается самыми сложными случаями, вот такими, как твой брат. Повезло мальчику к ней попасть. И иногда она пишет, чтобы разобрались. К примеру, если женщина избита до беспамятства, если к детям жестокость проявляется… она ж не всегда герцогиней была. И в

Желтом городе пожить доводилось.

– Это как?

Вот тут я искренне удивилась. Бывают же чудеса в мире?

– А это тебе Шерен расскажет. Шер, будь другом, пригласи девушку с собой?

– Куда?

– Ты сейчас пойдешь опрашивать тех, кого ее брат назвал. Вот и возьми ее…

– Да ты что! Кто ж со мной там заговорит?

– А вы меня не представляйте, господин Шерен. Скажите, ваша помощница.

– С такой… хм… гривой?

Я подумала пару минут, а потом сняла с плеч шаль, накинула на голову, убрав выбившиеся локоны, сколола под подбородком… так здесь тоже ходили. Не все, те, кому мода шла. Или те, у кого уши болели. Приморский же город, ветер, сырость – не всем от этого хорошо.

– Так лучше?

– Хм-м…

– Господин Шерен, ну пожалуйста. Я вас очень прошу! Это же мой брат! Я словечка не скажу, я рядом постою и все-все запишу…

– Ну… ладно, – со вздохом сдался мужчина. – Моя вечная беда, не могу отказать красивым девушкам. Но учти – ни слова, ни звука. А почерк у тебя хорош?

– А… – я огляделась в поисках хоть чего.

– Держи.

На дощечке был прикреплен лист дешевой бумаги, к нему крепился тонкий угольный стерженек в дешевой медной оболочке, чтобы не пачкал пальцы. Я на миг задумалась, а потом решила не показывать всех талантов.

Мама писать умела, в нескольких стилях, и нас с Корсом учила. Мне это давалось легче. Письмо, рисование, Корсу больше в лесу нравится.

Так что благодарность была написана в минуту, на весу, без особых завитушек, но максимально разборчиво.

– Ну-ка… однако!

Господин Шерен, благодарю вас за ваше любезное согласие. Обещаю, я не дам вам повода пожалеть о вашей любезности.

- Ну… ладно. Почерк хороший, пишешь ты быстро… я говорю вопрос. Ты его записываешь, и пишешь ответ. Если чего не успеешь, скажи, я повторюсь. Поняла?

– Да, господин Шерен.

– А к тебе как обращаться? Не по фамилии же?

– Я даже не знаю, как лучше…

– Буду звать помощницей. Если что – на какое имя ты точно откликнешься?

– На мамино. Айнара.

– Вот и отлично. Если что – так и позову, поняла?

– Да, господин Шерен.

– Тогда пошли. Надеюсь, я об этом не пожалею.

* * *

Четыре дома, четыре адреса, четыре семьи.

Предсказуемо, мы начали с семейства Арнес, и нас там встретила вполне предсказуемая картина.

Нищета.

Гольная, неприкрытая, гадкая в своей откровенности нищета. Это единственное, что пришло мне в голову, при виде убогой хижины на окраине желтого города. Покосившийся дом, протекающая, сразу видно, крыша, две комнаты, в одной из которых и готовят пищу, и спят родители, а дети ютятся в клетушке, размером со свинарник. При этом родители все же в лучших условиях – у них хоть окно в комнате есть. У детей и того нет.

Мне даже жутко стало. У нас в семье было принято заботиться о детях, а эти… скоты. Жрать, спать, детей делать – все чуть ли не на полу, там же и ночной горшок в углу стоит, там же… бррр!

Пробрало даже Шерена.

Мужчина гадливо поежился, и принялся расспрашивать родителей Инека. Подробно, тщательно, о нападении на Корса.

Мать Инека, бабища лет сорока (наверняка, ей меньше, но выглядела она намного старше, да и не украшает женщину ни отсутствие зубов, ни присутствие огромного брюха) присюсюкивала, масляно улыбалась, а в голосе сквозили истерические нотки. А что самое интересное, она верила во все, что говорила. Мозгов у нее было меньше, чем у черепахи.

Сама скажет, сама придумает, сама поверит. И ни один маг разума подвоха не распознает.

А ведь Шерен не маг разума, он самый обычный человек, но сколько ж у него терпения? Сколько невозмутимости? Я бы ей давно мозг вынесла – в буквальном смысле слова.

Где был ваш сын?

Не знаю. Где-то.

Было совершено нападение на Корса Истара. Это сделал ваш сын?

Что вы! Инек такой замечательный мальчик, он так хорошо ходит в храм, он вообще замечательный ребенок, и за сестрами приглядывает, и по хозяйству помогает, и…

Побеседовать с отцом Инека мы не смогли. Он был пьян в зюзю, и уже не первый день.

Вот и ответ. Отец – пьяница, мать идиотка, а сын…. Сын предсказуемо получился дрянью. Кстати, а где сам-то Инек?

На ловца и зверь бежит. То ли Инека не предупредили, то ли ему что-то понадобилось, но гаденыш появился во дворе, и Шерен тут же взял его в оборот.

– Ну-ка, подойдите сюда, молодой человек.

Инек огляделся вокруг, действительно напоминая гадкую рыжую крысу, куда сбежать – не нашел, или понял, что все равно догонят, и подошел.

– Я… это… чего надо?

– Вы, молодой человек, зачем Корса Истара избили? – взял быка за рога господин Шерен.

– Я не…

Вранье было видно даже воробьям на ветке.

– Ай-яй-яй. Вы знаете, что бывает за обман королевского расследователя?

Инек качнул головой.

– Не вру я! Вот вам знак!

– И богохульство.

– Все одно не я! Оговорили меня!

– Оговорили его! – поддержала «мамочка». – А он вообще дома был.

– Когда? – уточнил господин Шерен.

Баба даже не смутилась.

– Ну… все время.

Господин Шерен прищурился.

– Это вашего сына нельзя пока отправить на каторгу, он еще мал. А вот трудовые работы ему вполне по плечу. А вас – можно. За лжесвидетельство я вас к ответу притяну быстрее, чем вы «А» скажете.

– А…

Мамаша захлопнула рот, и заполошно огляделась по сторонам.

Я мрачно подумала, что таких убивать надо. Сношаются в грязи, плодят нищету, а что детей еще вырастить надо, воспитать… им это в голову не приходит. Затот сколько криков от

таких слышно.

Я ж мать!

У меня ж дети!

Да какая ты, к Темному, мать? Ты утроба на ножках! А от человеческого у тебя и души-то нет, разума – так точно нету.

Господин Шерен грустно развел руками, глядя на Инека.

– Видели вас. И вас, и вашу компанию, и сам Истар вас описал, и имена назвал. Да, предупреждая ваши вопросы, он жив. Чудом остался в живых, а потому… положение у вас весьма тяжелое.

– Да вы что! – обомлела мать Инека. – мой сын не мог! Он бы никого и пальцем не тронул! И ни за что…

– Мог. И молитесь за герцогиню Моринар, только ее усилиями ваш сын виновен просто в драке, не в убийстве.

Мысли в голове у госпожи Арнес оказались… достойными сыночка. Или это Инек достоин матери?

Она думала, хорошо, если бы Корс умер. Тогда ее сын оказался бы чистеньким.

Ах ты ж… стерва!

Убила бы. Но… для таких смерть – избавление.

Нет, смертью у меня местные обитатели не отделаются, это слишком легко и просто.

И я послушно записывала вопросы и ответы за господином Шереном, насаждаясь работой мастера.

Я – могу читать мысли. Он не может, а результат ничуть не хуже! Ведь и часа не прошло, а он семейку Арнесов буквально вытряхнул наизнанку.

И я собиралась сегодня же ночью закрепить воздействие.

Корс не умер, и это единственное, что их спасло. Если бы моему брату было сейчас плохо, я бы… Респены еще легко отделались. А этим я бы устроила что-то похлеще, к примеру, показательное самосожжение. Или самоповешение при полном осознании происходящего. Да мало ли можно придумать хороших вариантов?

Корс жив. Убивать никого не надо. А вот остальное…

Я улыбнулась.

За время допроса я вскрыла гнилые душонки и госпожи Арнес, и ее сына, и даже мужа, словно орехи. И собиралась безжалостно в них покопаться, дайте лишь срок.

* * *

Отойдя от лачуги Арнесов, расследователь протянул руку за

листком бумаги. Проглядел, довольно улыбнулся.

– Что ж. Если ты справишься не хуже, когда мы будем допрашивать трех остальных сопляков, так и быть, я поговорю о тебе с начальством. Помощники нам и впрямь нужны.

– А не помешает, что я девушка? – решила я спросить сразу. Мало ли какие вопросы потом возникнут? Я-то знала о своих способностях, знала, что мне ничего не помешает, но Шерен об этом и не догадывался.

– Ты ж не морды бить будешь, а ходить и задавать вопросы.

– Что иногда еще опаснее.

– Я поговорю, а решать тебе, – просто ответил расследователь. – Согласна?

Еще бы я не была согласна. Если я буду работать на благо государства, я смогу подать прошение на гражданство. Только вот дом надо прикупить, но это дело будущего. Не сразу ж деньги показывать, да и домик я пока себе подходящий не нашла. Вот, заодно и поглядывать буду.

Три года у меня есть, а там много воды утечет, еще и родители приедут… дом побольше понадобится. И каменный, и обязательно с видом на море.

Как же я люблю рассвет над морем…

– Как вы думаете, Арнесы не сбегут?

Расследователь покачал головой.

– Поверь моему опыту, такие не бегают. Никогда.

– Боятся?

– Нет. Ленятся. – Расследователя явно тянуло поговорить. – Вот ты смотри, живут почти в хлеву, хороший хозяин скотину в таком держать не станет, сами в грязи, дети в грязи… думаешь, работает?

– Не-а, – покачала я головой.

В своем ответе я была уверена. Арнесы-старшие не работали. Мамаша иногда помогала по хозяйству соседкам, ну и мыла полы в трактире. Ее муж только пил и делал детей. Извлечь это из их памяти было несложно, у таких людей разум устроен примитивно, как у клопа или таракана. Не мозг – набор реакций на внешние раздражения.

Кстати, я заметила, что чем сложнее человек, тем труднее читать его мысли. А вот такие Арнесы… чего там читать-то? Не мысли, а набор инстинктов, и то, иные звери о своих детенышах лучше заботятся, уж гнезда точно получше делают, чем эта хибара.

– Во-от… и не работают, и не станут. Лень им на шею села и ножки свесила, а уж как это обозвать – дело десятое. Либо болезнь им работать не позволяет, либо праздники какие, либо

сложные обстоятельства… ведь бабища эта, Арнес, почти не работает, так, попрыгает с часок, чтобы с голоду не протянуть, и ходит, шляется. Либо спит, либо гуляет, сплетни собирает, знаешь. Я сколько таких видел? В дерьме жить будут, дерьмо жрать, но чтобы что-то изменить… да никогда! Они себе еще сорок оправданий придумают! И не любят их, и не понимают, и сглазили, и Темный в кашу наплевал, и Светлый отвернулся…

– Кругом враги, – ядовито фыркнула я.

– Сами себе такие люди худшие враги! Потому что не могут свои хотелки поставить под терпелки.

– Зато сколько от них шума, криков, пафоса… она мать! Она детей любит, она о них заботится, она за сына… в грудь себя кулаком бить будет и голосить на площади. Рядом с ишачьим загоном, ага.

– Ага, любить они могут, а грязь из углов вымести рука не поднимается. Тряпки свои постирать – тоже. Воды натаскать и отмыть все от и до – никак нельзя, святотатство! Нет уж! Для таких Арнесов самое лучшее средство – воспитательные оплеухи.

И почему-то я с ним была полностью согласна. Ладно, подождите только до вечера. Я вам и оплеухи обеспечу, и их производителя.

* * *

Три других дома лучшего впечатления не произвели. Разве что были чуть почище, да получше. А люди, которые в них живут – гадкие. Отвратительные, словно кротовые сверчки.* Ни жук, ни крот, не пойми чего, но противное до сведенных челюстей.

*** – медведка, прим. авт.**

Каков командир, таков и отряд. Инек Арнес был дрянью, и дружков он подбирал себе таких же. Пакостных, хотя и по разным причинам.

И в то же время…

Я хотела возненавидеть этих сопляков хотела отомстить за Корса, но мне их было жалко. Я понимала, что они… они виноваты, но они и жертвы обстоятельств.

В одной семье умерла мать, и детей «воспитывала» мачеха. Как – воспитывала, разве что из дома не гнала и кормила раз в день. Остальное ее не слишком волновало. Даже если ребенок свяжется с плохой компанией… да и пес с ним, одним ртом меньше будет, ее детям больше достанется.

В другой семье отец пил, а мать работала. И действительно работала, это было видно. Дом был более-менее благополучным,

а вот детей она упустила. И было жалко женщину.

Выгнать негодного мужика она не хотела, все же и отец, и любила она его, и надеялась на чудо светлое… ладно, будет тебе чудо. А пока его не свершилось, детей кормить надо. И одевать-обувать, и учить, вот и носилась, как сумасшедшая весь день. Вечером падала, а когда воспитывать?

Некогда.

В третьей семье таких сложностей не было. Просто родители работали с утра до ночи, а каждый медяк откладывали, чтобы детей в обучение пристроить. Вот и не уследили за одним из ребят. Тот и связался с Инеком.

Вот такое соплячье.

Злое? Дурное?

Даже не так. Не те это слова, и мысли у них не те. Им что до зла, что до дури – расти ее и расти. Вот Арнес – тот да, тот послужил коноводом, да ведь и у него мозгов хватало на один шаг, не больше. Здесь и сейчас бы напакостить, а куда потом?

Неважно. Живи этой секундой. Один день, один шаг, одна мысль, а на большее ни ума не хватает, ни желания. Что с тобой завтра будет – это слишком сложные вопросы. Тяжелые…

Даже убивать их уже не хотелось.

Господин Шерен принял у меня листы с записями, проглядел и кивнул.

– Отлично. Так что? Говорить с начальством?

– Я буду вам очень благодарна, господин.

– Благодарность принимаю в жидком виде, – отмахнулся расследователь. – И с первой зарплаты, ясно?

Я кивнула.

Мне нравился этот мужчина. Неглупый, въедливый, хороший работник, и кстати – без единой непристойной мысли относительно меня. Как женщина, я его совсем не интересовала, и это радовало. Вот бы и впредь так оставалось.

* * *

Поздно вечером я выскользнула из дома.

Не вышла, а именно выскользнула, постаравшись не привлечь ничьего внимания. Мой путь лежал на окраину Желтого города, туда, куда мы ходили сегодня вместе с расследователем.

Я не знаю, что решит суд. Но я назначу этим людям свое наказание, и выбора у них не будет. Хорошо ли это, плохо ли – мне неважно. Мысли текут спокойно и размерено, словно лучи света льются через кристалл.

Пройти той же дорогой, которой ходила уже один раз? Это несложно для мага разума.

Бояться я ничего не боялась, вот еще не хватало. Пусть меня боятся. Пусть как следует боятся, потому что я никого жалеть не собираюсь. Горе тем, кто встанет на моем пути.

Вот и лачуга Арнесов. И – приятная неожиданность, глава семейства храпит у стены, на воздухе. Я подхожу к нему, стелю предусмотрительно захваченную из дома рогожку (потом выкину) и опускаюсь рядом. В нос шибает непередаваемое зловоние немытого тела, дешевого вина, мочи… он и испражняется, где лежит? Вполне возможно. К чему такая роскошь – штаны снимать?

Я кладу руки ему на виски.

Хорошо, что перчатки мне не мешают. Но я и их потом выброшу. Гадливость просто перехлестывает через все пределы. Омерзение, отвращение…

Люди?

Твари.

Не стоит бродить в разуме такого существа, ни к чему. Но вот поставить ему некоторые рамки, пока он пьян, пока он себя не контролирует, так даже лучше. Крепче впечатается. И никто этих запретов не снимет.

Я – маг разума, а у этого существа все же есть разум. Полугнилой, пропитой и мерзкий, но есть. А раз так – я с ним справлюсь. Никуда не денется.

– Здесь и сейчас ты слышишь меня. Мой голос станет для тебя приказом.

Мужчина дергается, но не просыпается. Я добавляю в свои слова толику силы.

– Ты больше не будешь пить. Никогда. При первом же глотке тебя будет выворачивать наизнанку, и будет рвать ровно час. И так будет каждый раз, когда ты решишь выпить. От вкуса вина, запаха вина тебя будет рвать, жестоко и безжалостно. Каждый раз по часу. Когда ты проснешься, ты пойдешь домой и как следует отлупишь жену. Потом устроишься работать. И будешь работать каждый день. А если твоя жена будет плохо вести дом, ты будешь ее лупить. И если твои дети не будут слушаться, ты будешь их лупить. Если они не будут учиться, не будут работать, если свяжутся с плохими компаниями. И все заработанные деньги ты будешь приносить домой, не тратя ни медяка на сторону. А еще – поправишь дом. Сейчас ты запомнишь мои слова, а когда я щелкну пальцами, ты проснешься, и пойдешь наводить порядок. Итак, один, два, три…

Щелчок пальцев вышел резкий и злой.

Мужчина проснулся не сразу, и у меня было время спрятаться за углом дома. Я с удовольствием пронаблюдала, как папаша-Арнес встал, сначала на четвереньки, доказывая свое сходство со свиньями, потом очумело потряс головой, а потом медленно, но уверенно направился внутрь дома, на ходу вытаскивая из штанов поддерживающую их веревку.

Не для разврата, для воспитательной беседы.

И беседа таки состоялась.

Честно говоря, я могла бы уйти сразу, но из принципа дослушала до конца.

Арнес-отец лупил жену и орал, что дом засран, дети как нищие, сама жена тоже… кажется, это было для них обычным развлечением. А вот последующее…

Не знаю, как заканчивались ссоры в этом семействе, но эта меня порадовала своими последствиями. Папаша принес ведро воды, потом еще одно, и еще, а потом послышался звук затрещины, и мамаша принялась отмывать стены. Там и до полов доберется, и до вещей…

Никуда не денется, получит по заслугам.

Недаром же я старалась впечатывать в сознание пьянчуги картинки нормальной жизни.

Чистый дом, опрятная жена, вкусный обед, ухоженные дети… жестоко?

Так ведь не постоянно ж он будет ее лупить, а только пока будет грязно, неуютно и неухожено. И сам зарабатывать начнет, пить бросит…

Не надо мне о жестокости. Пусть скажут спасибо, что не убила. У меня было время покопаться в этих головах, и решение принято самое оптимальное. Господин Арнес – просто лентяй, который женился на дуре, наплодил нищету, а потом понял, что не вытянет и спрятался в вино от происходящего. А его жена мало того, что дура, так еще и лентяйка. Сейчас же ему придется работать, а ей – либо терпеть оплеухи, либо тоже начать трудиться.

Оплеухи не наш метод?

Вот не скажите…

Иногда кроме них ничего другого и не поможет.

* * *

По второму адресу я таким же образом поговорила с мачехой. Сложно ли войти в дом?

Не для меня. И позвать, и приказать, чтобы мне открыли

дверь, и заставить об этом забыть – не первый раз люди во сне ходят. Ох, не первый.

Мачехе я внушила, что все дети отныне для нее равны. Любовь не внушить, а вот ответственность… Лучше всего человек поддается на то, что в нем уже есть. Я и нашептала, что свои дети, это понятно, но мало ли кто каким вырастет. Надо бы и приемных не обделять, вдруг от них добра больше будет? Ведь не угадаешь, ты в них всю душу вложишь, а они вырастут неблагодарными тварями… учитывая, что сама дамочка была точь-в-точь такой же, она мигом и поверила.

Думаю, назавтра ее пасынков ждет большой сюрприз. Любящая мать называется.

Ладно, полюбить я не могу заставить, но подумать – запросто.

Казалось бы – действительно, ты ж не знаешь, что и из какого ребенка вырастет, вот и относись ко всем одинаково. Вырастут – все тебе припомнят, и хорошее, и плохое, и не только тебе, а еще и твоим детям. А ты своих холишь, а чужих гнобишь, врагов плодишь. Так исправь проблему сейчас, не тяни ее в будущее.

По третьему адресу я так же запретила мужу пить. Только никого бить не приказывала, там и так жена старается. Только вот Арнес был просто лентяй, а этот агрессивный. Я подумала, и для стравливания агрессии заложила ему бойцовых петухов разводить. А что?

Все дело, все в дом…

К четвертому сопляку я и приходить не стала. Его и так проработают с песочком.

Странное решение?

Но другого я принять и не могла. А еще…

Я – маг разума, и я могу что-то изменить внутри человека. Вот и посмотрим, к добру ли такое решение, к худу ли, как оно сложится… мне не жалко этих людей.

Если бы они не были такими, их дети были бы присмотрены, воспитаны и не напали на Корса.

Они – напали.

Так чего вы хотите от меня? Чтобы я думала об их благополучии? Я подумала. Хорошо ли, плохо, но я сделала то, чего не делали их родители. Были б умные, сами бы взяли свою жизнь в руки. Нет? Потребовалась помощь со стороны?

Поделом вам.

Я понимаю, что тот же Арнес может через пару лет повеситься с тоски. Пить-то нельзя, а куда еще денешься от такой жизни? Я понимаю, что может быть хуже. Но другого решения здесь и сейчас я не вижу. За свои грехи они должны ответить, и не

исправительными работами, а жизнью. Потому что чудом не убили человека.

Вообще, домой пора, а то на философию потянуло – не к добру. Завтра я высплюсь, схожу к Корсу, а вот послезавтра у меня встреча с господином Шереном и его начальством. Если я захочу стать расследователем – эта дорога откроется передо мной.

Дворец его величества Эрика.

– Дядя Эрик, в городе творится нечто интересное.

– Вот как? – заинтересовался его величество, приглашающе кивая на кресло.

Рамон Моринар с удобством уселся в него и вытянул длинные ноги.

– Да. Ты знаешь, что от Храма мы получили кучу разных интересных приспособлений…

Его величество тонко улыбнулся. Еще бы он не знал!

Устройства и расчеты, книги и приборы. Все было направлено на обнаружение магов. И ведь работало! И помогало!

Надо отдать должное Храму – благодаря им число магов в Раденоре сильно увеличилось. Храмовников это не радовало, но выбора им никто не предоставлял. Полудемон – это вам не коврик перед порогом, это милое, доброе, нежное и чувствительное существо, чье обаяние сложно не прочувствовать на своей шкуре. А для лучшей чувствительности шкуру и спустить можно.

Пары показательных уроков хватило, до остальных и на словах дошло.

– Они что-то показали?

– Да. Новый спектр.

– Маг разума? – его величеству не надо было угадывать. Стихии – явление частое, некромантией в Алетаре никого не удивишь, магия жизни тоже становится обыкновенной, и это неплохо. Чего уж там, во всем требуется равновесие. Где жизнь, там и смерть, где тень, там и свет. Засилье некромантов – не то, чтобы плохо, но создается определенный магический фон. А вот если уравновесить их магами жизни, получится оптимальный баланс. Это не на один год работа, но и его величество на краткость жизни не жаловался. Некромант с демонской кровью… он еще не один год проживет, и даже не десятилетие, хватит времени на результат полюбоваться.

– Всплески слабые, но есть.

– А направление?

Рамон развел руками.

– Ты же помнишь, сколько Вета скрывалась.

– Помню, – ответил улыбкой Эрик, – но маги жизни лечить обязаны. Для них это зов природы, они скорее в нужник не пойдут, чем в лечебницу. А вот маги разума… это дичь интереснее. Тут еще кто кому попадется.

Рамон понимающе кивнул.

Да, Ветана не могла причинить вреда людям. А вот маг разума…

Нет у него таких запретов. Чистый разум, и все. Он может что угодно, его волнует только целесообразность. Ну и самозащита.

– Будем ловить?

Его величество Эрик подумал, и покачал головой.

– Не стоит. Нет, не стоит.

– Но…

– Рано или поздно маг разума придет сам, – спокойно разъяснил его величество. – Присмотрится, почувствует себя в безопасности и придет.

Рамон не был в этом так уверен, но королю виднее.

– Как там Вета? Как дети?

Его светлость расплылся в широкой улыбке.

– Томми вовсю практикует, а близнецы… я подозреваю, что они разделили два дара. Анри явно маг огня, это даже сейчас видно, а Марта, похоже, тоже лекарь. Хотя в пять лет судить рано, всплесков у них пока еще не было. А как Рене?

– Жена недавно прислала весточку. Все в порядке, но без малыша им было бы намного сложнее. Может, скоро в город приедут.

– Это хорошо, Вета по сыну тоскует.

– Обещаю, Рамон. Положение у нас безвыходное, угораздило ж Алекса. А маг разума… у меня есть записи предков. Рамон, я тебя прошу – не навороти лишнего. Вообще никому и ничего не рассказывай про мага разума.

– Почему?

– Я надеюсь, у приборов сидят только проверенные люди?

– Дядя, ты зря в меня не веришь. Никто и ничего не скажет. Но все-таки…?

Рамон давно привык, что мысли в голове у королевской семьи идут каким-то сложным и заковыристым путем. Обычно он соглашался с вердиктом монарха, но в некоторых случаях позволял себе и спорить, и интересоваться. Мало ли что?

Мало ли как сложится?

– Это – маг разума. Он может в любой момент прочитать мысли любого человека в Алетаре. Твои, мои… да хоть чьи, – разъяснил Эрик. – Кто окажется рядом, тот и станет мишенью.

Пока о нем никто не знает, у мага разума остается свобода выбора. Либо к нам, либо от нас… ловить его насильно, это все равно, что воду решетом черпать.

– Ну, в сказке и эту проблему решили, ваше величество.

– И надолго такого решения хватило? – Ехидно уточнил его величество. – Нет, даже не думай. Маг разума здесь, рано или поздно он придет к нам сам. Чем меньше народа будут знать о нем, тем лучше. Для нас же лучше, и уж всяко безопаснее. Представь – он прочитает чьи-то мысли, и поймет, что за ним охотятся. Что он сделает?

– Сбежит – или нападет.

– Если первое, мы его потеряем. Если второе – можем потерять кого-то из нас. А мне и прошлого бунта хватило, хотелось бы такие радости не чаще, чем раз в пятьдесят лет повторять. Зачем провоцировать человека? Согласие – оно всегда лучше насилия.

Рамон кивнул. И не удержался от мечтательного:

– А как бы нам маг разума пригодился…

– Потерпишь, – ухмыльнулся его величество. – Не маленький, чтобы игрушки по первому требованию получать. Не волнуйся – будет тебе маг разума. Никуда он – или она – не денется.

– Как скажете, ваше величество.

– Вот, считай это официальным приказом.

Когда Рамон Моринар ушел, его величество Эрик потянулся всем телом, и приказал позвать к себе его высочество.

Была одна карта в рукаве, которую утаил король, была.

Маги разума не могут читать мысли тех, в ком течет демоническая кровь. Управлять – могут, подчинить – могут, а вот читать мысли не дано. Да и управление там весьма сомнительное, до поры, до времени.

С чем это связано?

С тем, что полудемон – это ярость. Это безумие, это раскаленная лава, если мысли обычного человека – это река, то у полудемона это река, но из лавы. Расплавленной.

В такое окунаться – себе дороже. Только с добровольного согласия демона, и с его непосредственной помощью, только так…

* * *

Его высочество Алекс ждать себя не заставил. А Эрик не собирался миндальничать.

– В Алетаре появился маг разума.

– Интересно… что требуется от меня?

– Не упустить. Маг разума нам весьма бы пригодился, сам понимаешь. Лучше решить нашу проблему с его помощью, чем с помощью палача.

Александр вздохнул и потупился. Еще ножкой бы шаркнул, гаденыш…

– Кто ж знал!

Эрик фыркнул. Получилось не по-королевски, но весьма выразительно.

– Думаю, рано или поздно, ты столкнешься с магом разума. Не упусти его.

– Почему я столкнусь?

– Может, я. Тогда я постараюсь не упустить. Ты меня понял?

Алекс кивнул.

Да, маг разума мог бы стать шикарным решением их проблемы. Или – добавить новых.

И дернули ж его демоны за… да, за то самое место.

– Я сделаю, отец.

Эрик довольно кивнул.

– Сделай. И если все решится положительно, я передам тебе престол. Да и поеду путешествовать. Ты править будешь, девчонок я замуж выдал, осталось только взять жену – и вперед. Всю жизнь мечтал о кругосветном плавании.

И так это вдохновенно прозвучало…

Алекс только вздохнул. Но спорить не стал. Отец больше пятидесяти лет правит этой страной, конечно, ему все надоело и хочется отдохнуть. Теперь его черед, а в свое время он уступит трон сыну.

Эх, вот бы все хорошо сложилось.

И если нужен маг разума…

Алекс даже не заметил, как по виску побежала тонкая полоска чешуи, а глаза сверкнули алым. Эрик погрозил сыну пальцем, но распекать не стал. Действительно, маг разума стал бы ответом на все их молитвы. Осталась самая мелочь – найти и убедить сотрудничать.

Но полудемоны и не такие задачи решали. Дайте только время.

* * *

Айнара Ланат смотрела в окно.

По щекам медленными крупными каплями текли слезы. Падали на покрывало, впитывались, оставляя за собой

некрасивые разводы на дорогом шелке.

Она беременна.

Вот так, просто и жестоко… где справедливость?

Нет ее на белом свете, и не было, и вообще…

Они с мужем вообще не береглись, считали, что семья должна быть большой, а получился один Корс, а тут… тут… ыыыы!

Айнара не очень много знала про магов и магию, а потому и не поняла простой истины.

Маги легче всего размножаются от других магов. А от обычных людей, хоть ты как их люби, магу забеременеть непросто, а уж мага родить и вовсе тяжко. В отношении мага-женщины, все еще не так страшно. Она может забеременеть, может родить… да, есть вероятность, что ребенок не станет магом, как, к примеру, Корс, но выносит она его достаточно спокойно.

А если наоборот, беременеет обычная женщина, да от мага, да ребенок тоже маг…

Тут может быть и самое неприятное. Вплоть до материнской смерти или бесплодия.

Айнара об этом не знала. Но магические способности у нее были, у трея Сиранта тоже, пусть неактивные, но предки-маги у него были, и несколько капель крови магов в его жилах текли. Этого хватило с лихвой.

Айнара была беременна.

И теперь все становилось только хуже. Вот как прикажете бежать с пузом?

А как муж потом отнесется к этому ребенку? Она ведь малыша – или малышку – не оставит, это ее ребенок, она не сможет его возненавидеть, что бы там ни было.

Пусть он даже зачат от насильника. Пусть хоть от кого!

Айнара от всей души ненавидела трея Сиранта, но вынуждена была признать, что к ней относились достаточно корректно. Ее не били, ни в чем не ущемляли, она жила жизнью обычной гаремной женщины, а любой, кто посмел бы ее обидеть – поплатился бы жизнью в тот же миг.

И даже в постели…

Она ненавидела трея, но… изнасилованием это назвать было нельзя. Не в полной мере.

Айнара знала, что такое настоящее насилие, когда тебя ломают, унижают, причиняют боль… к ней отнеслись достаточно бережно даже в постели. Ее не ломали.

Просто… выполняли заключенный договор, иначе это и не назовешь.

Гадко, унизительно, мерзко… исключительно морально. А

физически – вполне терпимо.

И все же – беременность.

А что с ее детьми?

И слезы хлынули еще сильнее.

* * *

В трактир «Рука друга» зашел ничем не примечательный мужчина.

Невысокий, темноволосый, он равным образом мог оказаться как раденорцем, так и тиртанцем, и риолонцем… да кем угодно.

Несмотря на раннее время, трактир был полон народа – после недавнего происшествия место стало модным. Люди валом валили попробовать тиратнскую кухню, готовил Ташан Аршасси очень вкусно, брал не слишком дорого, вот и процветал трактир.

Путешественник отдал должное всем блюдам, включая десерт, вытер лицо и руки горячими влажными полотенцами, а потом довольно улыбнулся.

– Вкусно. – Подавальщица расцвела улыбкой, а гость продолжил, – мне бы с хозяином перемолвиться словечком? Можно, али как?

Серебряная монетка блеснула и скользнула за корсаж девушки, одетой в тиртанском стиле, в лиф и шаровары. Наверное, это какое-то волшебство, но монетку девушка не выронила. Улыбнулась.

– Господин Аршасси занят, но я могу спросить…

– А ты спроси, спроси, милая, – за корсаж скользнула вторая монетка. – Скажи, от друзей весточку привез.

Подавальщица кивнула – и убежала.

Мужчина откинулся на подушки, попивая кофе.

Подождем, подождем, подождем…

Ждать пришлось не слишком долго, та же подавальщица возникла рядом и с поклоном попросила господина идти за ней. Господин не отказал, понятное дело.

– Добрый день?

Ташан Аршасси был не слишком любезен.

– Добрый день. Я привез вам привет от Ланатов. Это же ваши друзья? Шем и Айара Ланат… и их дочка, Айшет Ланат…

Такого результата посланец не ждал, но взгляд мужчины внезапно остекленел. В голове его звучали четкие ритмичные слова:

Вы отдадите это либо Шему Ланату, либо тому, кто скажет вам о его детях. Корс Ланат, Айшет Ланат… вы поняли?

– Вы от Ланатов?

– Шем Ланат. Айнара Ланат. Айшет Ланат…

Посланец уже понял – что-то не в порядке, но на всякий случай повторил имена еще раз.

Ташан закивал.

Только Ланатам! Только тем, кто придет от Ланатов.

Мало приказать, надо еще знать, как приказать правильно.

– У меня для вас письмо.

Послание, предназначенное для Ланатов, легло в руки тиртанца. Тот принял его с поклоном.

– Я передам Ланатам. Благодарю вас. А это передайте Айшет Ланат.

Взгляд Ташана опять сфокусировался.

– Хорошо.

– Благодарю вас, господин.

Мужчины обменялись поклонами и расстались.

Тиртанец, недолго думая, распечатал письмо.

Шайна Элизабет Истарская.
Алетар. Раденор.

Оп-па!

Это резко усложняло задачу.

Судя по всему, через указанную особу можно было связаться с Айшет Ланат. Либо… либо под этим именем она была известна в Раденоре.

Но в таком случае… бррр!

Тиртанец передернулся.

Раденор!

Место, где правит король-некромант, где очень не любят тиртанцев, где у них нет никакой агентуры… все плохо. Все очень плохо.

Надо срочно сообщить трею Сиранту.

Оставшись один, Ташан Аршасси распечатал письмо Айнары Ланат.

Милая моя дочурка!

Мы с отцом сейчас в Тиртане. За нас требуют выкуп, поэтому пожалуйста, привези сюда двести золотых. Или привези драгоценности, которые я тебе дала, столько-то они стоят.

Тиртан, Илшон, дом трея Сиранта.

Спросишь трея Аршана Сиранта, и он обговорит с тобой вопросы выкупа.

Люблю тебя, целую.

Мама.

Что ж, приближенный будет доволен.

Ташану даже в голову не пришло не отдать письмо, как-то спрятать его… зачем?

Надо отдать его приближенному и получить свою выгоду. Кстати – двойную, похоже, долг Ланатам отдавать не придется.

Не со зла, но своя рубашка ближе к телу. Жить очень хочется. И хорошо жить, так что… прости, Шем.

Ничего личного.

* * *

День выдался замечательным.

Проспала я малым не до полудня, и сразу же засобиралась к Корсу. Как-то там братишка?

Забежала тетушка Лана, принесла ему вишневого пирога. Я поблагодарила, тщательно уложила и пирог для брата, и печенье для служителей и лекарей, пусть будет, и отправилась в лечебницу.

В палате меня ждал неожиданный сюрприз.

Корс лежал на кровати, рядом с ним сидел паренек лет пятнадцати, и водил руками над животом братика. Между его пальцев вспыхивали золотистые искры.

А рядом стояла очень красивая женщина в простом сером платье, и смотрела на моего брата. Серые глаза ее были задумчивы.

– Вот так, сынок. Умничка.

– Мам, все отлично заживает. Еще денек полежит, и выписывать можно.

– Так и сделаем. А вы…?

Женщина обернулась в мою сторону, и я поняла, кто это.

По властности, по безумно дорогим серьгам и такому же перстню с рубинами, по манерам…

Герцогиня Моринар.

Реверанс получился непроизвольно.

– Ваша светлость. Шайна Истар, сестра Корса.

Герцогиня улыбнулась краешками губ.

– Рада знакомству, Шайна. Расследователи уже установили, что случилось с мальчиком?

Я непроизвольно сощурилась.

– О, да. И установили, и разберутся…

– Это хорошо. Пройдемте, побеседуем с вами? А Томми пока

закончит с вашим братом.

– Как прикажете, ваша светлость.

– Здесь я не герцогиня, а просто лекарка. Ветана. Я не приказываю, я прошу о том, что нужно и мне, и вам, и вашему брату.

Ну-ну. Не герцогиня она.

А кит – не рыба.*

*** – да. Он не рыба. Но в Раденоре Линнея не рождалось, о чем автор уже упоминала. Прим. авт.**

– Прошу вас, госпожа Ветана, – приняла я игру, придерживая дверь.

Герцогиня благодарно улыбнулась мне. Ее мысли я читать не рисковала. Маг ведь… почует еще?

Только спектр отслеживала, для этого хватало сощуриться. Сейчас герцогиня была чем-то встревожена, немного задумчива, но ко мне недоброжелательности у нее не было.

– Шайна, я и Том – мы многое сделали для вашего брата. А вам придется потрудиться еще примерно дней двадцать.

– Что нужно сделать, госпожа?

– Последить за его питанием. Он не должен есть острого, жареного, жирного, лучше отварное мясо…

Герцогиня говорила, я внимательно слушала и запоминала. Это вещи полезные, нужные, она не зря рассказывает. Мало вылечиться, надо потом не подсадить здоровье. И поклонилась я вполне искренне, когда герцогиня закончила.

– Благодарю вас, госпожа Ветана.

– Не за что. Не за что, Шайна. Дней через десять приведите брата на осмотр, будем ждать.

– Обещаю.

– А вот и Томми, – из палаты вышел ее сын. – Что ж, нам пора расставаться, Шайна.

– Спасибо вам, госпожа, – еще раз произнесла я.

Я знаю, что я для нее сделаю. Айшет Ланат еще никто не обвинял в неблагодарности, пусть даже у герцогини есть все, но дело не в деньгах. Я ее обязательно отблагодарю. И ее, и ее сына, за помощь моему брату.

И я отправилась к Корсу.

– Ты как, поросенок?

– Сама ты… – огрызнулся братик.

Жизнь явно налаживалась.

* * *

– Мам, я просмотрел этого мальчика.

– И?

– Он – не маг.

– Жалость какая. А его сестра?

– Я не смотрел, но вроде бы тоже – не? А ты не смотрела?

– Вот и мне кажется, что нет. Сам понимаешь, полностью проглядывать человека можно только во время лечения, а я ее не лечила. Но вроде бы она обычная девушка.

– Значит, надо расспросить этого мальчика. Может, он знает мага?

– Обязательно расспросим. Вот придут они дней через десять к нам, там и расспросим. И папу попросим навести справки, что это за Истары. Откуда они в Алетаре.

– Угу. Мам, а можно мне леденец с лакрицей?

– Томми, солнышко, а ты помнишь, что маги жизни тоже ходят с больными зубами?

– Помню. Можно, мам?

– Можно. И мне возьми, хорошо?

– А зубы?

– Укушу – узнаешь.

Мать и сын, смеясь, выходили из лечебницы. А в небе над Алетаром ласковыми лучами сияло мягкое осеннее солнышко.